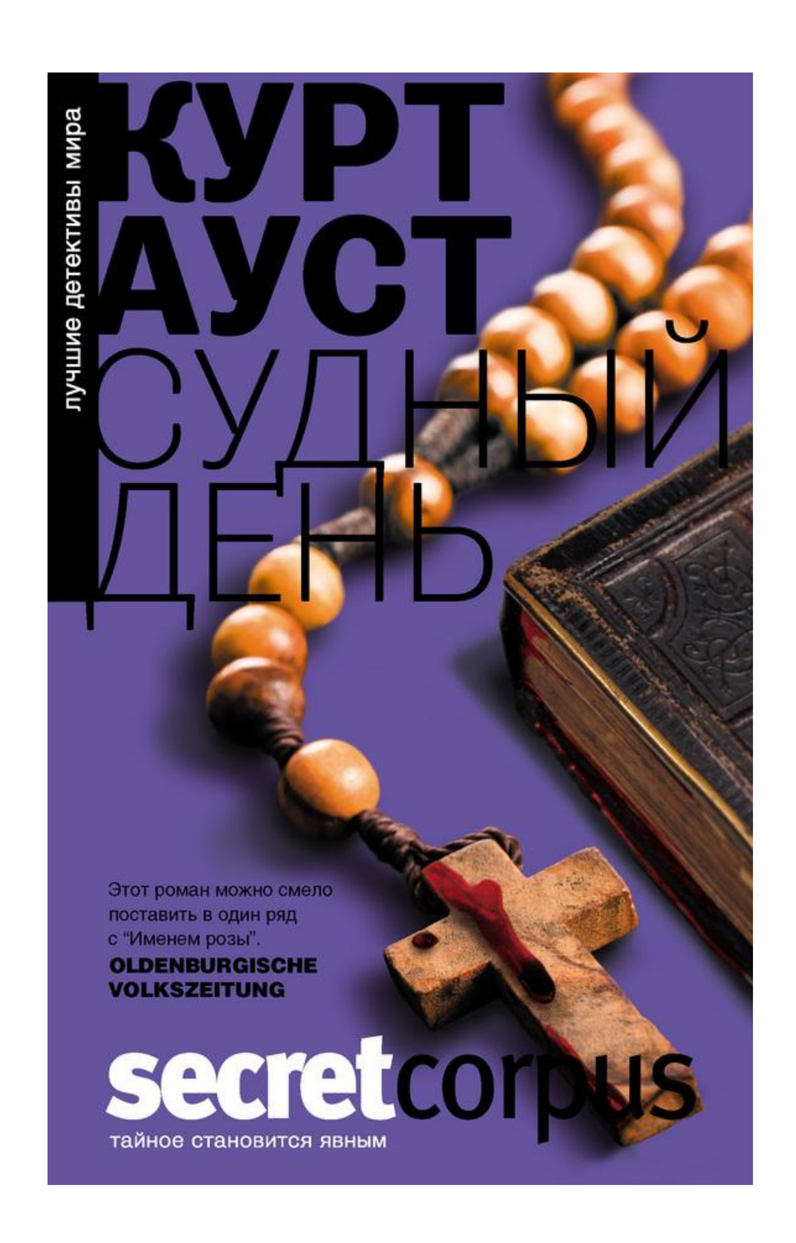
Ауст Курт

Судный день

К. Э. А.

Сельский учитель – он звонким напоминанием откликается в каждом из нас

Paa hin vredens dag, den svære
Ild alverden vil fortære,
Som Sybil og David lære.
Hvilken skjælven da sig hæver,
Naar den strenge dommer svæver
Ned og alt til regnskab kræver.

Lydt basunens sterke tone
Frem af grave i hver zone
Stevner alle for Guds trone.
Døden da forfærdes saare,
Naar de døde staar af baare
Og til dommen gaar med taare.
Bogen, hvori alt fortælles,
Skal frembæres, dom skal fældes
Efter alt, hvad i den meldes.

Dies iræ, dies illa, ca. 1250 – norsk v V. Vogt[1]

Гольштейн-Готторпское княжество. Карта Буре де Боо, 1635 год. Государственные границы соответствуют данным 1699 года.

Глава 1

“В начале было число, и Число было у Бога, и Число было Один. Единственный Бог”.

Я помню, как Томас Буберг произнес эти слова и взмахнул рукой, чтобы придать им значительности, его внушительная фигура нависла надо мной. Это будто произошло вчера – так хорошо мне все запомнилось. И в то же время у меня такое ощущение, словно целое столетие пронеслось с того дня, когда мы скакали бок о бок, продираясь сквозь пургу… А ведь не прошло и полувека.

Воспоминания сильнее тревожат разум, чем мечты и надежды, и это – один из верных признаков старости. Когда годы берут свое, неведение завтрашнего дня уже не щекочет нервы и ничто на свете не в силах раздуть искру в давно изношенном теле.

“Жизнь всегда наносит глубокие душевные раны”, – сказал как-то раз Томас Буберг. Порой профессор начинал рассуждать настолько рационально, что человеку незнакомому он вполне мог показаться циничным и бесчувственным. Его слова отпечатались у меня в памяти. Я ни на секунду не усомнился в их правдивости: первые раны, нанесенные мне еще в юности, проросли в мою старость, и по ночам они черной пеленой окутывают мой мозг. Об этих ранах я и напишу.

Я сижу в маленькой комнатке в доме князя Реджинальда, за много миль от родины, и пишу при зыбком пламени свечи. Старый, сгорбленный слуга принес таз горячей воды, благоухающей ароматическими маслами, и теперь мои изуродованные ревматизмом ступни нежатся в сероватой воде, пальцы ног похожи на маленьких рыбок, а приятное тепло поднимается вверх, добираясь до самого затылка, и проясняет мысли. Возле моей левой руки в кружке дымится крапивная вытяжка, помогающая при ревматизме, а около правой примостилась чернильница. Передо мной – нож, гусиные перья и промокашка. Все приготовлено, пора начинать рассказ.

О чем он будет, я решил уже давно, однако всё тяну время. Я оглядываю мою каморку – вижу кровать и груду сваленных в углу книг. А может, я пытаюсь разглядеть ответ в бликах свечи? Ответ на тот самый вопрос, какой я даже в мыслях едва отваживаюсь себе задать? На вопрос, который преследовал меня почти целую жизнь… неужели с того самого дня в прачечной? Возможно, это Томас посеял в моей душе сомнение? Или этот вопрос притаился среди выстиранного белья и настиг меня там? Я всегда отрицал это. Просто потому, что *не желаю* сомневаться. Даже сейчас, в старости, у меня не хватает смелости напрямую спросить. Пусть лучше он возникнет потом, по ходу рассказа. Потому что тогда не мне суждено задать его.

У меня каждый раз перехватывает дыхание, как в тот день, когда я впервые услышал этот вопрос, заданный напрямую, без обиняков. Произошло это сорок лет назад, в мире, заполненном слепящим белым цветом, пугающей белизной. Но нет, тогда белый не был цветом святости и целомудрия, чистоты и невинности.

Как нечто, столь чистое и незапятнанное, пропиталось вдруг злом и обманом? Неужели дьявол всему виной?

Я понимаю, что просто тяну время. Возможно, меня пугает лист чистой, белой бумаги передо мной? И я боюсь замарать его словами? Удастся ли мне по заслугам воздать профессору Бубергу? Когда просто рассказываешь о чем-нибудь вслух, то почти не чувствуешь никаких обязательств. А вот когда записываешь, ты пытаешься докопаться до истины, будто стремишься оставить свои слова в вечности.

Я поступил в услужение к блаженной памяти князю Вильгельму и стал сначала гувернером его сына, девятилетнего Реджинальда, а потом учил уже двух сыновей Реджинальда, пытаясь хоть каплю мудрости вложить в их буйные головы… Да простит им Господь мою раннюю седину. Когда Реджинальд вырос и возмужал, я понял, что труды мои

не прошли даром – надо сказать, я не смел и надеяться, что этот неугомонный германец так много усвоит.

На протяжении всех этих лет, обучая отца и его сыновей, я старался разжечь в них интерес к наукам и прибегал к одной удивительной уловке: объясняя и рассказывая, я на время вживался в роль профессора Томаса Буберга. Я говорил его голосом, излагал его мысли – упаси меня Господь обидеть профессора, – но ведь тот своим долгом считал менять суждения каждый день, – а все ради того, чтобы поддразнить меня. Я перенял его жесты и напускал на себя важность – точь-в-точь надутый гусь, но зато мальчишки слушали, открыв рот, и старались не пропустить ни слова, даже на самых сложных уроках арифметики.

За окном гуляет ветер, и до меня доносится тихий шорох – это старый дуб скребет по стеклу ветвями. Слабое дуновение проносится вдруг по комнате, так что тени на стене трепещут, и кажется, будто каморка приходит в движение. Может, это знак? Завтрашний день – что в нем толку? Нет ничего важнее моего рассказа. Надеюсь, что допишу его прежде, чем свеча моей жизни начнет угасать.

Я познакомился с Томасом Бубергом ненастным ноябрьским днем в год Господень 1697. Профессор приехал в Норвегию по поручению Датской Королевской Академии: ему нужно было проследить за строительством маяка на острове Фэдер и проверить доходность кое-каких предприятий, в которые университетский консорциум собирался вложить средства.

Мы с Нильсом сидели в Тронвике, что на острове Иелёй, и дожидались, когда из Фредрикстада доставят груз, который нам надо будет везти через фьорд до самого Тонсберга, – как вдруг перед нами появился одетый с иголочки господин. Он пожелал, чтобы его немедленно перевезли через фьорд, а уж он не поскупится. Незадолго до этого Нильс рассуждал, что зюйд-ост разыгрался не на шутку, и потому мы пробормотали: "может, чуток переждем". Однако господин сердито фыркнул и, по-датски выговаривая слова, заявил, что "небольшой ветерок" ему не помеха, после чего дал нам по шиллингу. Испугавшись, что господин передумает, мы спрятали монеты и принялись спускать лодку на воду. Груз из Фредрикстада может и подождать.

До Гуллхолмена мы еле дотянули – ветер дул такой, что тут уж мы сами были готовы передумать. О том, чтобы добраться до Хорттена, как вначале собирались, и речи быть не могло, поэтому мы взяли курс на небольшой островок к северу от Хорттена и, что было сил налегая на весла, вошли в залив возле острова Лёвёй. Вымокли мы до нитки, да и намучились порядочно. За всю дорогу господин не проронил ни слова, однако старался помочь – то вставал на парус, то брался за весла, а потом, когда мы подплыли наконец к каменистому берегу и начали швартоваться, молча уселся на заднюю банку С его бороды и одежды стекали ручейки соленой морской воды.

Украдкой поглядывая на нашего пассажира, я готов был поклясться моей бедной матушкой, что тот смотрит на бушующее море, а сам просто-напросто потешается над нами. На фоне серой воды четко вырисовывался его массивный черный силуэт – большая круглая голова на грузном теле, напоминая мне снеговиков, которых мы лепили в детстве.

Нильсу в компании незнакомцев всегда было не по себе, поэтому он сразу отправился в Хорттен за лошадью и повозкой.

Подхватив дорожную сумку и чемодан пассажира, я повел его наверх, к маленькой избушке, где земледелец из Брума хранил рыболовецкие сети и прочий хлам. Дверь оказалась на замке: этот скряга из Брума так боялся воров, что даже старые рыболовные снасти и те запер. Я обошел вокруг избушки и, пошарив под стрехой, вытащил железную скобу, а потом стал ковыряться ею в огромном висячем замке. Наклонившись, господин пристально наблюдал за мной, а потом, когда дверь в конце концов распахнулась, вдруг расхохотался, да так громко, что даже сквозь бурю было слышно.

Вообще-то я думал, что мы просто переждем внутри, пока Нильс не раздобудет повозку, однако господин повернул все на свой лад. Он вдруг споткнулся и разразился такими ругательствами, что мне, простому деревенскому пареньку, оставалось только покраснеть.

– Это еще что за чертовщина? Неужели печка? – донеслось до меня из темноты.

Я решил, что он, пожалуй, прав. Осторожно ступая, господин подошел к двери и принялся рыться в сумке.

– Поищи-ка дров, неплохо бы согреться, – скомандовал он, чиркнув огнивом. Потом послышался шорох, и мой попутчик сунул мне лист бумаги. Я нерешительно ощупал бумагу, страшась пускать на розжиг столь дорогостоящий товар, но, услышав нетерпеливый окрик "чего ждешь?", разжег огонь в проржавевшей печи, и вскоре завывание ветра уже казалось далеким и не таким грозным, как прежде. Мы растянули под потолком веревку и развесили на ней вымокшую одежду, а господин вытащил из чемодана, не промокшего при переправе, все сухое. Я натянул длинные белые шерстяные штаны, и спутник мой рассмеялся:

– Тебе, парень, неплохо бы нарастить мясца.

Штаны действительно оказались столь просторными, что таких, как я, в них с легкостью поместилось бы двое.

– Отчего господин сам их не наденет? – И я попытался было снять штаны.

– Ну что ты надулся, как старая дева? И зовут меня Томас Буберг. А тебе разрешаю звать меня Томасом. Вот так я и познакомился с профессором Томасом Бубергом, а та ночь в хижине положила начало отношениям, которые теперь, спустя много лет, я осмелюсь назвать дружбой.

Около полуночи явились Нильс и владелец хижины, и если бы не представительный господин из королевского Копенгагена, владелец непременно задал бы мне жару за сломанный замок и пожженные дрова. Однако Томас Буберг весьма лестно отозвался о нашей с Нильсом находчивости и даже обещал упомянуть в своем отчете и самого хуторянина из Хорттена, оказавшего нам неоценимую услугу.

К утру все окутал густой туман, так что путешествовать как по суше, так и по морю было опасно, и профессор решил переждать пару дней в Хорттене. Платил он щедро и охотно, поэтому хуторянин остался доволен.

И, как часто бывает, когда на хутор заезжали гости, на мою долю теперь выпало прислуживать профессору, показывать хутор и отвечать на вопросы. Самому хозяину было не до этого, хозяйка в присутствие незнакомых мужчин начинала краснеть и запинаться, а Нильс в такие минуты будто сквозь землю проваливался. Нет, я был не против – люди сюда заезжали из самых разных мест и рассказывали много интересного, хотя подобных профессору я еще ни разу не видал. Ему захотелось посмотреть солеварню, и по пути туда он успел дать хозяину несколько дельных советов. Он с интересом изучил большую шхуну, которую мы с Нильсом и хозяином еще не закончили строить, и поинтересовался, почему штевень такой изогнутый. А про хозяйство задал бесчисленное количество вопросов, желая узнать обо всем как можно подробнее – о величине угодий, о поголовье скота и о том, сколько возов сена умещается в сарае. Потом он уселся за стол и принялся делать какие-то пометки в небольшом блокноте, который всегда носил с собой. Отвечал я прилежно и со всем старанием, и да простит мне Господь эту похвальбу, но моя память и сообразительность необычайно понравились профессору. Однажды вечером, когда мы гуляли по берегу в поисках топляков, он, желая меня поддразнить, даже сказал, что если бы я не был неграмотным деревенщиной, то, возможно, стал бы когда-нибудь профессором. Эти слова навели меня на определенные размышления, и на следующий день я спросил у него, как люди учатся читать и писать. Профессор рассмеялся и ответил, что подобная наука занимает годы, много лет – и зародившаяся в моей душе надежда тотчас же увяла и засохла. Больше я с профессором об этом не заговаривал.

В Хорттене профессору понравилось – он прожил там почти две недели, а потом его подобрала одна из шхун купца Мадса Грегерсена, держащая курс из Тонсберга на Копенгаген.

Однако перед отъездом Томас Буберг успел преподнести мне лучший в жизни подарок, которому суждено было определить всю мою судьбу. Сначала он договорился с хозяином, что священник из церкви Нюкьерке научит меня писать и читать Священное Писание. И сам профессор начнет со мной переписываться – так он сможет следить за моими успехами. Затем они с хозяином решили, что если я окажусь способным, то по достижении семнадцатилетия отправлюсь в Копенгаген и поступлю в услужение к профессору, став его секретарем.

До сих пор я ежевечерне благодарю Господа за то, что судьба свела меня с Томасом Бубергом.

Спустя два года, вечером 25 августа 1699, я сошел на пристань в Копенгагене, столице государств-близнецов с единовластным королем Кристианом V.

Правда, тому оставалось править совсем недолго. Всего через несколько часов монарх скончался, а в окне королевского дворца появился престарелый господин в длинноволосом парике и выкрикнул, что король мертв, но должен здравствовать. Для деревенского паренька из Норвегии осознать такое оказалось непросто, но, к счастью, на дворцовой площади прямо возле меня стоял подмастерье башмачника – он и объяснил мне, что "здравствовать" будет наследный принц Фредерик, который отныне станет датским королем Фредериком IV.

О том, когда я приеду, Томас Буберг не знал, и мне пришлось самому добираться до его дома на улице Стуре Канникестрэде. Из-за кончины короля в городе поднялся переполох, поэтому, когда я отыскал наконец дом профессора, уже наступил вечер и столичные улицы озарились светом удивительных медных фонарей на высоких столбах.

Не стану углубляться в подробности первых месяцев моей жизни в доме Томаса и его семьи – не в этом смысл моего повествования, посвященного событиям более поздним, свершившимся на рубеже веков. Однако переезд в Копенгаген в корне изменил мою жизнь, до тех пор протекавшую на сельском хуторе, где из книг была всего одна – Священное Писание, да и его никто не мог прочесть, пока священник из Нюкьерке не приоткрыл передо мной завесу этой премудрости. Теперь же я очутился вдруг в доме, где даже восьмилетняя девочка – самая младшая из дочерей – по складам разбирала латинские тексты и где вдоль стен тянулись полки с книгами, в которых за кожаными переплетами таились знание и мудрость.

Здесь я получил такую возможность утолить свою жажду знаний, о какой и не мечтал, и долго бродил в каком-то счастливом оцепенении. Иногда вместо того, чтобы отвечать на один из моих многочисленных и диких вопросов, Томас Буберг брал с полки книгу и говорил:

"Прочти – и найдешь в ней ответ".

Случалось, что я действительно находил ответ, но порой ничего не понимал, а иногда в книге попадались ответы на такие вопросы, которые мне бы и в голову не пришли.

Тот период был временем великих перемен для меня, но не для Датско-Норвежского королевства. Прежний король умер, и на трон взошел двадцативосьмилетний наследный принц Фредерик. Несмотря на молодость, он оказался не самым юным из североевропейских правителей. В Швеции на престоле сидел самый настоящий мальчишка – Карлу XII было тогда лишь шестнадцать, к югу находилось герцогство Гольштейн-Готторпское, правитель которого, двадцативосьмилетний герцог Фредерик Кристиан, люто ненавидел Данию и, по мнению Томаса, отличался незрелостью ума.

Россией управлял царь Петр Великий, всего на год младше герцога, а в Польше властвовал курфюрст Саксонский и король Польский Август Сильный, которому исполнилось двадцать девять.

“Сосунки!” – так отозвался о них Томас, когда мы были наедине, а в другой раз заявил: “Когда молодые короли начинают спорить, кто из них сильнее, то доказывать силу на деле приходится старым солдатам”.

Герцог Гольштейн-Готторпский заключил брак с сестрой шведского короля, и если отношения между Данией и Швецией не клеились уже много лет, то эта женитьба стала верным признаком того, что и в последующие годы обстановка не улучшится. Породнившись с Фредериком Кристианом, Карл XII возвел герцога в ранг главнокомандующего всеми войсками в шведских провинциях в Передней Померании и Бремен-Вердене, а для южной датской границы это означало неизбежную угрозу За несколько лет до смерти, в мае 1697-го, прежний датский король, Кристиан У попытался подрезать воинственному герцогу крылья, вторгся в шведские владения в Южной Ютландии и сровнял с землей возведенные герцогом фортификационные укрепления возле Тоннингена. Однако, к изумлению старого короля, все союзники Дании тотчас же потребовали, чтобы тот держался подальше от готторпских земель, и датчанам пришлось отступить.

Позже Томас назвал это время *"juventute et perturbationibus regnatae*", то есть “эпохой правления запальчивых юнцов”, – тогда в Европе царили неопределенность и юношеское безрассудство. В кругу друзей Томаса часто обсуждалась опасность новой войны, Сконская война и большое морское сражение между Стевнсом и Фалстербо, к югу от бухты Кёге, в котором столкнулись датская и шведская флотилии. Не осталась без их внимания и предпринятая спустя семь лет попытка старого короля захватить территории, простирающиеся от Южной Ютландии до Эльбена, и его требование править городом Гамбургом. И все соглашались, что датский король и его советники неверно оценили обстановку, а в будущем подобное унижение для Дании недопустимо.

Большинство датчан желало мира и спокойствия. Несмотря на опасность, исходящую от собратьев по ту сторону пролива Зунд и их странноватого малолетнего короля, все до последнего сохраняли надежду, что войны удастся избежать. Однако и Томас, и его друзья давно уже отбросили всякие иллюзии на этот счет, – точно так гусь стряхивает с себя капли воды.

Пламя свечи вдруг встрепенулось, и на последних записанных мною словах заплясала тень от пера и пальцев. Дверь открылась, и в комнате появился Тобиас, старый слуга, – он пришел забрать остывшую уже воду, в которой мокли мои ноги. Он вытирает мне ступни, а я перечитываю написанное: пусть этот рассказ немного сбивчив, но я не отступлюсь и не стану углубляться в подробности моей жизни в Копенгагене. В те месяцы жизнь была насыщена событиями, и тогда я по-настоящему осознал волшебство слова, богатство словесных форм, стал причастным к удивительному миру цифр, однако все это лишь косвенно соотносится с темой моего повествования. Поэтому упомяну только, что мои навыки письма немного улучшились и, будучи секретарем профессора, я научился проявлять некоторое здравомыслие.

Не всему суждено остаться в вечности.

Тобиас помогает мне раздеться и лечь в постель, а затем кладет одну бутыль с горячей водой в ноги, а другую прикладывает к больной спине. Плотно подоткнув одеяло, он задувает свечу и удаляется.

В темноте тотчас же слышится шорох – это мыши пришли поживиться оставшимися от моей еды крошками. Я люблю этот шорох – каждый вечер он вдыхает жизнь в дрему,

смежающую мне глаза. Мыши будто изгоняют ночные страхи, рассеивают тьму. И безжизненность смерти уже не так тяготит меня. Порой мне даже удается убедить самого себя в том, что и после смерти жизнь продолжится. Томас высмеял бы меня за подобные мысли. А возможно, и нет…

В голову мне вдруг пришел один странный случай, о котором… ну да, за сорок семь лет я ни разу не вспоминал. Это произошло, когда мне было семнадцать – я как раз стоял во дворе, дожидаясь подводы до Тонсберга, а оттуда до Копенгагена. Мне не терпелось побыстрее отправиться в путь и увидеть мир, и именно тогда ко мне подошел старый карлик Сигварт из Брума. На его морщинистой физиономии застыло выражение тревоги – он отвел меня в сторону и сказал:

– Петтер, сегодня ночью мне приснился вещий сон.

Сны Сигварта меня ничуть не занимали, потому что я в них не верил. Деревенские лишь потешались над его россказнями о вещих снах. Я оглядел сумки: как бы чего не забыть. А тут еще и хозяйка вынесла мне съестного в дорогу, поэтому Сигварта я слушал вполуха, но он потянул меня за рукав и настойчиво проговорил:

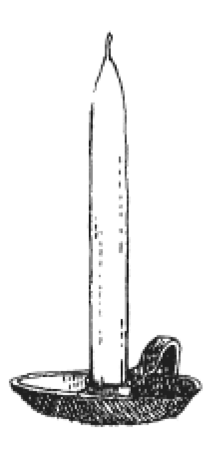
– Ты стоял на высокой крутой горе – знаешь, прямо как гора Веггефьель. И было темно. Ты кого-то боялся и подбежал к самому краю. Слышишь, Петтер? И ты кинулся наземь, ничком, возле самого обрыва, глядя вниз, прямо в глаза смерти. В темноту. И тот, кто гнался за тобой, вдруг отвернулся и бросился на кого-то другого, схватил его и бросил в бездну. Тот, другой, перелетел через тебя и с жутким криком исчез во тьме. – Вздрогнув, Сигварт посмотрел на меня и взял за руку. Глаза у него слезились. – Кто-то умрет. Близкий тебе человек. – Он сжал мою руку и прошептал: – Береги себя хорошенько, – и, развернувшись, ушел, а я смотрел ему вслед, но тут вышел хозяин с деньгами мне в дорогу, и вскоре повозка уже везла меня в Тонсберг, так что я и думать забыл про сон Сигварта.

Почему же я внезапно вспомнил об этом сейчас? Возможно, это предзнаменование? И в чем тогда оно заключается? Может, лучше упрятать это воспоминание обратно в глубины памяти, пока оно не станет уместным? То есть когда я в своем повествовании должен буду рассказать о ней – о смерти? Потому что сон Сигварта оказался пророческим – даже чересчур. Однако не стану забегать вперед.

Начну завтра – с самого начала. Расскажу о том, как для меня начал открываться мир, о том, как я осознал, что зло в крайнем его проявлении порождает жизнь, о том, что положило начало и конец моей юной жизни и… но нет – нельзя опережать события.

Лучше посплю.

ЧЕТВЕРГ, 28 ДЕКАБРЯ
ГОД ГОСПОДЕНЬ 1699

Глава 2

– В начале было число, и Число было у Бога, и Число было Один. Единственный Бог, – облачка пара вырывались у него изо рта и застывали в морозном воздухе. Томас плотнее закутался в плащ и продолжал: – Всё есть число! У всего есть число, место и отношение к другим числам. Всё можно возвести в числовую структуру, исчислить в алгебраической системе. И лишь потом возникают слова, более отвлеченные, которыми мы пользуемся в повседневных буднях. Вот тебе простой пример: нас двое. Мне тридцать девять. И слово для этого: старший. Тебе восемнадцать, следовательно, твое слово: младший. Сегодня четверг, и это понятие слишком расплывчатое. И за уточнением мы обращаемся к цифрам: двадцать восьмой день двенадцатого месяца одна тысяча шестьсот девяносто девятого года. Числа, – он довольно взглянул на меня и подскакал ближе, так что задел мою ногу, – и общеизвестно, что мир музыки тоже основан на взаимодействии цифр. Видишь ли, если струну вдвое укоротить, то получишь звук, ровно на октаву выше. И другие музыкальные интервалы тоже зависят от простых числовых отношений. Мы также познаем мир звезд, потому что при помощи чисел можем предсказать их небесное движение, – на миг умолкнув, Томас вгляделся в снежную мглу, а лошади упрямо несли нас вперед, – мой друг Оле Рёмер нашел числовое объяснение тому явлению, от которого зависит вся наша жизнь. Некоторые считают это явление самым весомым доказательством существования Господа и его заботы о нас, хотя само явление весомым не назовешь. Явление это – свет. Благодаря ему деревья тянутся к небесам, а цветок раскрывает лепестки. И Рёмер доказал, что свет возможно измерить. Теперь можно высчитать время, проходящее с того момента, когда какая-либо небесная звезда порождает свет, и до того, когда свет достигает нашей планеты. Мы способны высчитать путь, за который солнечные лучи достигают земной поверхности, которую затем согревают и на которой порождают жизнь.

Казалось, что даже воздух вокруг фигуры профессора наполнился воодушевлением и приобрел красноватый оттенок, однако его слова смутили меня, заставив содрогнуться. Мир стал вдруг чересчур большим, необозримым и неузнаваемым. Профессор рассуждал о совсем другом мире – непохожем на тот, что я знал.

Будто прочитав мои мысли, он вдруг посмотрел на меня и, возможно, чтобы меня успокоить, проговорил:

– Бог создал мир. Но прежде, чем назвать свое творение миром, он увидел число. Один. Первый. Один мир. И миром он стал называться лишь после того, как Бог придумал это слово. Существование в Его действиях всегда можно свести к числам. Мир чисел был первоначалом всего, всем в мире управляют их принципы.

Глубоко вдохнув, я почувствовал, как ледяной воздух обжигает легкие.

– Апостол Иоанн говорит, что все было у Бога и Бог был первым и что без Него правило бы великое Ничто. В начале было Слово. И слово было Бог, – выкрикнул я: мое собственное бессилие перед мудростью и высокомерием профессора злили меня.

Этих слов он от меня и ожидал. Но, тронутый моей искренностью, он решил немного поддержать меня:

– Естественно, "Бог" было первым словом. Даже до того, как Он создал людей, чтобы те произнесли это слово. Тем не менее, прежде чем Господь назвал себя Богом, существовала Единица. То есть Единственный Бог. Но Единица появилась раньше, – цокнув языком, Томас слегка подогнал лошадь и продолжал излагать свою теорию, – в Священном Писании говорится: "В начале Бог создал небо и землю". Но ведь наша земля – это камни, которые можно сосчитать и разделить на минералы…

Он говорил, а я посмотрел на серые тучи, сгущающиеся над лесной тропинкой, по которой мы скакали.

За день до этого, вечером, мы добрались до Хиндсгавла, переправились через залив и переночевали в Фэно в доме священника, давнего приятеля Томаса, с которым они вместе

учились. Утром священник позаботился о том, чтобы нас и наших трех лошадей с поклажей переправили через Лиллебэлтет до местечка Старое Олбу, а оттуда путь наш лежал через Ютландию до Рибе, куда на новогодние празднества нас пригласил ландграф Ханс Шак из Шакенборга. Граф живо интересовался звездами и их влиянием на нашу земную жизнь и пригласил Томаса выступить с докладом о его последней теории под названием "Курс движения небесных звезд в зависимости от расстояния и величины". Итак, ландграфу и его домочадцам хотелось послушать доклад профессора, который он сделает прямо в канун нового года, когда Земля и звезды медленно вступят в следующий год, новое десятилетие и даже новый век. По плану мы должны были прибыть в замок графа в Корсбрёдрегорден вечером следующего дня или – самое позднее – через день, то есть до начала празднеств.

Поужинали мы в небольшом деревенском трактирчике и потом весь вечер скакали, не встретив по пути ни души. Люди сидели по домам, но в такой мороз это и немудрено. Из туч на нас непрестанно сыпался снег, и лошади устало фыркали, завязая копытами в высоких сугробах.

Вновь посмотрев на небо, я машинально поднял воротник плаща. Небо было затянуто тучами – черными, как само зло, а разгуливающий по лесу ветер мешал двигаться вперед. Я обернулся и прервал рассуждения хозяина:

– Профессор, скоро начнется самая настоящая буря. Нам лучше побыстрее добраться до какого-нибудь жилья.

Томас Буберг недоуменно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на тучи. Сперва он казался рассеянным, но потом вздохнул и, очевидно, смирился с необходимостью уделить окружающему миру немного внимания. Он выпрямился в седле и огляделся вокруг.

– Доедем до опушки и непременно увидим жилье. Вскоре… – заявил он и, прикрывая глаза от ветра полями шляпы, добавил: – наверное.

Надо сказать, произошло это вовсе не "вскоре". В темноте долго кружили вокруг постоялого двора, пока наконец не обнаружили его. Ехали мы, съежившись и уткнувшись в лошадиную гриву, но потом моя лошадь вдруг громко заржала. Как раз в эту секунду ветер вдруг стих, и до нас донеслось ответное ржанье, из чего мы заключили, что совсем неподалеку – люди, жилье и уж точно лошади.

Сначала свернули влево, прямо в высокие сугробы, – лошади бешено косили глазами, а мы, в надежде быстрее обрести крышу над головой, гнали лошадей вперед, пока не уткнулись в высокую каменную стену. Томас что-то выкрикнул, но его голос потонул в вое ветра, тогда он указал вправо и поехал вдоль стены, так что лошадь оказалась по грудь в сугробе. Третья, вьючная, лошадь уткнулась мордой мне в ляжку и задрожала, а это означало, что скоро она упадет от усталости и больше не поднимется. Я свернул в сторону, подальше от стены, и вскоре потерял из виду и стену, и Томаса, зато вывел лошадей из сугроба.

Томас исчез. Прикрыв ладонью глаза от ледяного ветра, я вгляделся в снег возле стены. Лошадь моя идти больше не желала, и я изо всех сил ударил ее по крупу, но лишь расшиб пальцы, не причинив самой лошади особой боли. Кобыла не двинулась с места.

Я подумал было, что неплохо спешиться и повести обеих лошадей под уздцы, но понял, что это лишь ускорит мою погибель. Кобыла подо мной качалась от усталости, а из ее ноздрей вырывались клубы пара, тотчас же исчезавшие в ненасытных порывах ветра.

Мне даже показалось забавным – умереть вот так, верхом на лошади и, возможно, совсем рядом с постоялым двором, где путников дожидаются кров и еда. В эту секунду я разглядел во тьме фигуру Томаса. Увидев его внушительный силуэт, кобыла моя словно тоже ожила и, признав в грузном профессоре собрата по несчастью, очертя голову рванулась вперед, через сугробы, увлекая за собой и вьючную лошадь.

Следуя за Томасом, мы добрались до массивных деревянных ворот, у которых, правда, не было ручек. Подъехав поближе, профессор что было силы стукнул ногой по воротам, но его удар потонул в шуме ветра, и только налипший на ворота снег слегка осыпался.

Выражение его лица в ту секунду я истолковал как гримасу боли и страстной латинской молитвы, и еще от моего взгляда не ускользнула висевшая слева от ворот веревка. Дернув за нее, я прислушался, но слабый звон колокольчика, который я так надеялся услышать, видимо, тоже поглотила вьюга, поэтому оставалось лишь надеяться, что там, внутри, звон услышат.

В ожидании мы нетерпеливо поглядывали на ворота и пытались увернуться от ветра и жалящих лицо снежинок. Никто не откликался.

Я вновь несколько раз дернул за шнурок, – наконец за воротами послышался шум. Ворота приоткрылись, и в образовавшейся щели показались фонарь и голова в меховой шапке, из-под которой на нас недоверчиво смотрела пара черных глаз.

– Любезнейший, – Томас попытался перекричать бурю, – не пустите ли на ночлег?

Человек оглядел лошадей, которые валились с ног от усталости, и перевел взгляд с Томаса на меня, затем его рот, плотно обросший густой бородой, открылся, и до меня донеслось некое подобие слова "да". Он оказался на голову выше меня, а руки его напоминали лопаты, но даже ему пришлось изо всех сил надавить плечом на ворота, так чтобы мы с лошадьми смогли втиснуться в образовавшийся проем.

Сугробы во дворе намело по колено, и мы с трудом побрели по едва заметной тропинке к какому-то зданию – как позже выяснилось, конюшне. Неподалеку находилось еще одно строение, в окнах которого я сквозь метель разглядел свет.

Здесь вой ветра был не столь оглушающим, однако наш хозяин разговаривать, похоже, не желал. Отвернувшись, он начал отвязывать нашу поклажу с лошадиного крупа, а потом принялся протирать кобыл соломой, что-то ласково бормоча и успокаивая их, будто никто больше его не заботил. Почувствовав, как усталость ударила мне в голову, я опустился в стог сена и прикрыл глаза. Передо мной пронеслись картины недавно пережитого – черные деревья, грозно склоняющиеся над нами в порывах ветра, снежинки, колющие глаза и кожу, треск сломанных сучьев, боль, изнеможение, сугробы, покрытые ледяной коркой, жадными когтями впивающиеся в грудь и ноги лошадей и высасывающие из них силу. Но я был настолько измучен, что не мог открыть глаза и отогнать эти видения, и вот уже из лесной чащи на меня скалились огромные снежные чудовища с острыми зубами. А позади них показалась некая закутанная в черный плащ фигура – и это существо медленно приближалось ко мне, не оставляя на снегу никаких следов. Я пытался разглядеть лицо, прикрытое полями шляпы, но видел лишь черноту. И внезапно я понял! От ужаса я открыл глаза, и существо с остро наточенной косой исчезло. Я испуганно посмотрел на дверь, едва выдерживавшую порывы ветра. Буря будто вопила от ярости, оттого что в последний момент мы ускользнули от нее, и я в отчаянии зажал ладонями уши и съежился, стараясь припомнить слова молитвы "Господь, дай мне силу и укрепи веру". Лишь благодаря чуду Господню мы не остались там, в лесу, не окоченели от холода и не пролежали под снегом до самого Сретенья. Весной, когда просыпаются цветы и деревья, а солнце победило наконец снег, какая-нибудь голодная лиса откопала бы наши тела. Всё вокруг возрождалось бы к жизни. Кроме нас. Нам возродиться было бы не суждено. Мы превратились бы в прах, став пищей для ворон и муравьев. Меня охватила дрожь, такая сильная, что даже зубы застучали. Томас крепко приобнял меня, и я понемногу успокоился.

– Не волнуйся, Петтер, ну, будет. Всё уже позади. Мы справились. Ну хватит, довольно. Подумаешь – небольшая метель. Нас так просто не возьмешь! Теперь неплохо бы перекусить и выспаться. – Томас взглянул на громилу. – В дальнем углу конюшни оказалась печка, на

которой тот подогрел воду и напоил лошадей. Еще там была лежанка и деревянный ящик, а на нем стояли котел и тарелка.

– Пойдем-ка поищем трактир, пока этот парень не довел нас до голодной смерти!

С трудом встав на ноги, я поднял сумки. Бородач посмотрел на нас, и я заметил, что возле одного глаза у него алеет длинный рубец, похожий на какую-то дьявольскую отметину. Надо сказать, я порадовался, что не придется ночевать здесь, в конюшне, рядом с ним.

– Где тут у вас харчевня? – спросил Томас.

Коротко кивнув, очевидно, указывая направление, парень вновь вернулся к лошадям.

– Ну, хоть с лошадьми все будет в порядке, – усмехнулся Томас. Мы вышли во двор и двинулись к крыльцу трактира, при этом я старался ни на шаг не отставать от Томаса. Поднявшись по ступенькам, открыли дверь и шагнули в жарко натопленную комнату. От аромата еды я едва не заплакал. Томас стряхнул с сапог снег и крикнул:

– Принесите-ка нам поесть чего-нибудь горячего! И побыстрее! Пока дьявол не забрал нас к себе! – и грузно опустился за стол.

Сидевший за столом мужчина засмеялся и поднял пивную кружку:

– Видно, сегодня кто-то не на шутку рассердил Господа Бога – такой скверной погодки тут уж давненько не было.

– Некоторые не отличат Господа от самого Вельзевула, даже если один будет облачен в белое, а другой – в черное. И как после этого требовать от тех же самых людей, чтобы они различали творения рук их? Ведь не оставляет сомнений, что это – проделки Князя Тьмы! – сухо откликнулся сидевший позади меня старый священник с крючковатым носом. Он лишь мельком взглянул на нас и вернулся к трапезе.

– Тогда Господь слишком уж многое дозволяет этому самому князю… – пробормотал в ответ его собеседник, озабоченно посмотрев в окно и прихлебывая пиво.

Молодая девушка примерно моего возраста подошла к большому черному котлу, висевшему над очагом, и разлила по мискам суп. Поставив перед нами миски и положив хлеб, она принесла нам пива.

– Уж эта девчонка знает, что нужно человеку, – подал голос мужчина, а девушка покраснела и, бросив на него сердитый взгляд, отвернулась к котлу.

Мы старательно дули на суп, остужая его, и уже поднесли было ко рту ложку, когда задняя дверь вдруг с грохотом распахнулась и в трактире появился невысокий человечек с фонарем в руках.

– Мария, приведи Альберта! Быстрее! Граф там, на морозе, он совсем плох. Нужно срочно нести его в дом!

Мария выглянула в окно – выходить ей явно не хотелось. Ни мужчина с кружкой пива, ни священник не сдвинулись с места, даже голову не повернули.

Поднявшись, Томас взял наши плащи и шляпы, которые я развесил сушиться возле очага.

– Я врач. Мы поможем вам, – сказал Томас, и я с сожалением посмотрел на миску с супом. – Пошевеливайся, Петтер! – Судя по голосу, возражений профессор не допускал.

Низенький человечек облегченно кивнул и быстро направился к выходу, страшась, очевидно, как бы мы не передумали. Он решительно сбежал по небольшой лестнице вниз и вышел во двор. Метель утихла, но я не сразу это понял: сильный ветер по-прежнему взметал в воздух хлопья снега. Человечек – а он оказался хозяином трактира – поднял фонарь и свернул по тропинке влево, за угол.

– Я хотел укрыться от ветра и наступил на него! – прокричал трактирщик, остановившись, и показал на припорошенный снегом холмик справа от тропинки, откуда выглядывали рука и лицо мужчины. Он поднес фонарь ближе, и я увидел очертания тела.

Забрав у трактирщика фонарь, Томас опустился на колени возле лежащего человека, приложил руку к его шее, прощупал пульс и приподнял веко. Однако, как он позднее объяснил мне, проделал все это лишь для видимости, и не нужен был врач, чтобы понять, что перед нами не просто граф, а граф мертвый.

Трактирщик, в чьей душе еще теплилась надежда, что его гость просто потерял сознание, отчаянно ахнул и заломил руки, а потом вдруг развернулся и скрылся в доме.

Приподняв фонарь, Томас посветил на снег вокруг умершего – тело успело запорошить тонким слоем снега, а рядом виднелись следы. Потом он зашагал к дому, а оттуда к лестнице и принялся исследовать несколько не замеченных мною тропинок. Фигура профессора скрылась в метели. Затем, вернувшись, он отдал мне фонарь и, вновь склонившись над покойником, прокричал:

– Тропинки ведут к двум небольшим домикам.

Он смахнул снег с лица умершего и отодвинул заиндивевший парик. Внезапно профессор потянул меня за руку, так что фонарь оказался прямо возле лица графа – на его щеке, под левым глазом, я разглядел огромное иссиня-черное пятно.

В эту секунду за моей спиной раздался пронзительный крик, заглушивший даже вой ветра, – от страха я выронил фонарь и повалился на покойника. В ужасе я обернулся и увидел женщину. Глаза ее закатились, и она осела в снег рядом со мной.

– Вставай! Помоги мне! – рявкнул Томас, приподнимая женщину за плечи. – Надо отнести ее в тепло, а то закоченеет.

Из дома выскочил трактирщик. Мы с Томасом потащили женщину к крыльцу, а трактирщик, схватив ее за руку, похлопывал по щеке и что-то отчаянно выкрикивал. Наконец мы внесли ее внутрь, хотя вертевшийся под ногами хозяин изрядно нам мешал. Женщина была довольно хрупкой, но тело ее обмякло, поэтому нам пришлось тяжеловато.

– Сюда! Несите ее сюда! – И показал куда-то в сторону от лестницы. Он толкнул плечом дверь, и мы очутились в гостиной, откуда прошли в спальню. Осторожно стащив с несчастной пальто, мы уложили ее на кровать.

– Это моя жена… она… – Запнувшись, трактирщик беспомощно посмотрел на нас. Его набухший от снега парик перекосился и съехал на один глаз, и если бы не серьезность происходящего, то человечек мог бы показаться смешным.

– Я присмотрю за ней, – успокоил его Томас, – принесите стакан воды и позовите служанку – расшнуровать вашей супруге корсет.

Трактирщик скрылся за дверью, а Томас притянул меня к себе и тихо проговорил:

– Когда войдешь в трактир, посмотри на ноги священника и того, другого, – что пьет пиво.

Я растерянно уставился на Томаса, ожидая пояснений, но он отвернулся и положил руку на лоб так и не пришедшей в сознание женщины. Вскоре прибежал запыхавшийся трактирщик со стаканом воды, и на пороге показалась служанка, Мария, – она удивленно стала разглядывать безжизненное тело хозяйки. Томас попросил Марию снять с хозяйки лишнюю одежду и укрыть одеялом, а нас с трактирщиком провел через гостиную к выходу.

– А сейчас идите, и пусть священник и другой гость помогут вам отнести тело бедного графа куда-нибудь в укрытие, подальше от ветра и непогоды. – Подтолкнув нас к двери, Томас отвернулся и, когда мы вышли, добавил: – Хотя ему уже ничто не повредит.

Глава 3

Гости неохотно покидали теплый трактир, но все же помогли нам перенести покойного графа в каретный сарай. Его тело окоченело, и мы еле отодрали примерзшую к земле одежду. Пышный парик-аллонж совсем сполз с его головы и остался лежать в снегу. Граф оказался крупным – в нем было фунтов двести, но его застывшее, как бревно, тело нести оказалось легко, намного легче, чем вялое, бесчувственное тело трактирщицы, хотя та и весила в два раза меньше. Фалды его плаща заледенели и торчали в стороны, словно надутые ветром паруса.

Трактирщик вновь вертелся у нас под ногами и больше мешал, чем помогал, так что даже священник в конце концов прикрикнул на него и велел лучше пойти и придержать ворота сарая, чтобы ветер не обрушил их прямо нам на голову.

Положив графа на ближайшую телегу и прикрыв мешками из-под муки, мы собрались было уходить, однако священник попросил ненадолго оставить его наедине с покойным. Трактирщик неохотно кивнул и, повесив на ворота фонарь, достал с полки в углу висячий замок.

Второй гость поспешил вернуться в трактир, и мне очень хотелось пойти следом, но любопытство победило, и я остался с трактирщиком – тот перекладывал замок из одной руки в другую, но потом, видимо, испугавшись, что железо примерзнет к коже, сунул замок в карман.

Вскоре из сарая вышел священник, коротко кивнул нам и направился в дом.

Трактирщик закрыл ворота, повесил замок и, вытащив из кармана ключ, запер замок. Высоко подняв фонарь, он пошел сквозь метель к крыльцу, а я поплелся следом, удивляясь, зачем ему вздумалось запирать покойника. Вряд ли тот решился бы сбежать.

На тропинке я поднял графский парик и спрятал под плащ.

Воздух в трактире был спертый, пахло мокрой одеждой, а Томас со священником, усевшись за столик в углу, ели суп с хлебом. Повесив плащ и шляпу у очага, я положил парик возле наших сумок. Суп мой остыл, и я уныло мешал его ложкой, когда кто-то ласково похлопал меня по плечу.

– Вот тебе добавка. – Мария с улыбкой поставила передо мной вторую миску с горячим супом, а старую отнесла на кухню. Я посмотрел ей вслед, и щеки мои запылали – но это наверняка от горячего пара, валившего от супа.

Вскоре миска опустела, но Мария заботливо подлила мне еще. Не забыла она и про Томаса со священником, которые получили по своей порции. Последний гость сидел, повернувшись к очагу спиной, и дремал, разинув рот, так что видны были остатки почерневших зубов, похожих на сгнившие пеньки. Время от времени он просыпался, причмокивал, отхлебывал пива и вновь задремывал. Доев суп и допив пиво, я и сам почувствовал усталость и надеялся лишь, что Томас скоро отпустит меня спать. Однако тот, похоже, увлекся беседой со священником и, казалось, ничуть не устал после тяжелого дня.

Еще немного погодя он заказал нам по рюмке водки и сладкий десерт со сливками. Я наблюдал, как Мария крошит сухари и взбивает сливки. Работала Мария ловко и умело, а когда прядь белокурых волос падала ей на глаза, она быстро сдувала ее. От кухонного жара ее щеки раскраснелись. Внезапно она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Я быстро отвел глаза и, уставившись в стену, стал рассматривать вырезанные на ней узоры. Рядом со мной на стене висел какой-то странный механизм, к которому снизу была приделана болтавшаяся из стороны в сторону палочка. Вскоре Мария принесла водку и сладкое. Она провела рукой по моим волосам, и я почувствовал, как ее бедро на миг прижалось к моему плечу.

– Господин чего-нибудь еще желает? – спросила она Томаса, но тот поднялся и покачал головой.

Я уже доедал, когда вошел трактирщик, и Томас попросил его проводить нас в комнату. Подхватив сумки, я поднялся вслед за ними по лестнице. Наша комната оказалась в самом начале коридора, на втором этаже возле лестницы, прямо над хозяйскими комнатами. Там была кровать для Томаса и кушетка для меня, а возле небольшого оконца стоял маленький письменный столик с масляной лампой на нем. Хозяин сказал, что комната обогревается теплом от очага, горевшего внизу, но если мы немного доплатим за дрова, то можно будет затопить камин прямо в комнате.

Томас отказался. И очень зря: было так холодно, что изо рта у него шел пар.

Зато он попросил заменить сальную свечку (у нас в деревне их называли жировками) хорошей восковой свечой. Они с хозяином сговорились, во сколько нам обойдется ночлег, и трактирщик уже собрался уходить, когда Томас проговорил:

– Мне бы хотелось еще раз взглянуть на умершего. К жизни его уже не воскресить, но нам, врачам, всегда любопытно узнать причину смерти.

Хозяин как-то странно посмотрел на профессора:

– Чего ж тут непонятного? Старый граф насмерть замерз – это и ребенку ясно. И, по-моему, вам лучше не тревожить усопшего. – Трактирщик говорил по-датски, немного пришепетывая, а когда сердился, то шепелявил еще сильнее.

– Но почему вы так уверены, что он умер от переохлаждения? Откуда нашему доброму хозяину это известно? – поинтересовался Томас.

На бледных щеках трактирщика проступили алые пятна, а глаза превратились в узенькие щелочки. Поджав губы, он ответил:

– Возможно, вы ученый господин, любезнейший доктор, и привыкли делать с усопшими все, что вам заблагорассудится. Но в этом доме мне решать, и я подобного не допущу. Я нахожу такие поступки в высшей степени непристойными. Нет никаких сомнений, что граф поскользнулся, ударился, потерял сознание и насмерть закоченел. Доброй ночи, господин доктор. – И, резко кивнув, трактирщик прикрыл за собой дверь. Я услышал, как он затопал вниз по лестнице, а немного погодя хлопнул дверью в хозяйские комнаты.

Изумленно посмотрев на дверь, Томас собрался с мыслями и взглянул на меня.

– Любопытно, – решил он.

Усевшись на кушетку, я стащил сапоги для верховой езды, которые не снимал целый день. Пальцы на ногах у меня совсем онемели, а комнату наполнил резкий отвратительный запах.

– Да мы же задохнемся! Обуйся немедленно! – приказал Томас, открывая сумку с книгами. Он всегда возил с собой множество самых любимых книг. Вот и сейчас, по очереди выкладывая их на стол, он бормотал себе под нос названия:

– Николаус Стено, *"De solido intra solidum naturaliter contento*[2]… Нет, не то… А вот эта, возможно, позже и пригодится… *"Prooemium demonstrationum anatomicamm"*[3]. Августин, *"De doctrina christiania*[4], нет, не пойдет. Ага, вот она! *"Regulae ad directionem ingenii"*[5]. – Профессор любовно оглядел книгу и принялся перелистывать страницы, пояснив: – Ее написал Рене Декарт – французский ученый, много лет живший в Голландии, которого эти несносные шведы… – в голосе профессора зазвучала злоба, и я удивленно поднял взгляд, – естественно, убили. Высосали из его тела всю его мудрость, а взамен не дали ему даже теплого угла, так что умер он от воспаления легких. – Пытаясь успокоиться, Томас углубился в чтение. Я и прежде замечал, что шведов профессор не жалует. Возможно, виной этой ненависти стали войны, разгоревшиеся за последние десятилетия, и Томас был далеко не единственным датчанином, кого раздражало одно упоминание о шведах.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Томас, и на пороге появилась Мария. Заменив убогую сальную свечку толстой белой свечой, она выскользнула из комнаты, не глядя на нас и не проронив ни слова.

– Итак, рассказывай, что ты видел, – сказал вдруг профессор, когда девушка удалилась.

– Что-что? – переспросил я.

– Я просил тебя осмотреть ноги священника и плотника. Так что ты увидел?

Я задумался.

– На священнике были башмаки… Черные. А на другом… Кстати, почему вы решили, что он плотник?.. Ну, он был обут в сапоги… Из такой грубой кожи… – Я вопросительно посмотрел на Томаса, но тот лишь наградил меня сердитым взглядом.

– А что еще?

– Еще?..

– Именно! – Профессор был неумолим.

Я вздохнул и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

– Кажется, на обоих были голубые носки. Но я не уверен – там темно было, – оправдывался я. Выслушав, профессор не проронил ни звука, поэтому я продолжил: – Обувь – и ботинки, и сапоги – довольно старая, поношенная. А у плотника с сапог натекла лужа. Помню, я еще подумал, что сапоги у него наверняка насквозь промокли.

– А у священника?

– Но на нем же были ботинки. В такой снег…

– Я не об этом. С его обуви натекла лужа?

Я задумался. И ответил, что нет. Может, несколько капель, но не больше.

– Хорошо! – И Томас довольно вздохнул.

В то время профессор во многом оставался для меня тайной, и порой, когда он начинал изъясняться загадками, мне никак не удавалось понять, говорит ли он о перемещении звезд по небу или же о любимой болонке госпожи профессорши. Но в этот раз я понимал еще меньше, чем обычно, поэтому решил набраться терпения и дождаться, когда все разъяснится само собой.

Погруженный в собственные размышления, Томас Буберг смотрел в окно, в кромешную тьму, и теребил пуговицу на жилете, как часто делал, о чем-то про себя рассуждая. От такого обращения верхняя пуговица часто отрывалась, и мне приходилось ее пришивать.

– Что именно убило графа, мне неясно, – промолвил наконец профессор, – может статься, наш обидчивый хозяин прав и граф умер от переохлаждения. Но тогда почему он так долго пролежал в снегу? Зачем дожидаться, пока до смерти не закоченеешь?

– Возможно, он ударился головой и потерял сознание? – предположил я.

– Вполне возможно. Именно поэтому мне хочется осмотреть тело – может, на затылке у него есть шишка или рана. И еще отметина на щеке – возможно, его ударили? И не от этого ли наш граф потерял сознание?

– Тогда потребуйте, чтобы вам разрешили осмотреть покойного.

– Пойми, я же не врач, хотя трактирщик думает иначе. Но я лучше разбираюсь в анатомии и строении внутренних органов, чем те шарлатаны, что довели старого короля до смерти. – И Томас сердито фыркнул.

Мне было известно, что осенью он вел горячий спор с двумя докторами, пытавшимися излечить короля Кристиана *V* от его последней болезни. Томас полагал, что такие методы врачевания, как кровопускание, пиявки и рвотное, совершенно устарели. Как-то профессор,

злобно усмехнувшись, упомянул про девиз одного из этих врачей: *"Certe aeger mortuus est, atqui tarnen febris eum reliqm",* который я, приложив немалые усилия, перевел так: "Истина в том, что он умер, но зато и от лихорадки навсегда избавился".

В этом споре Томас ссылался на результаты новых исследований, проведенных в различных европейских университетах, и на работы Нильса Стенсена, отвергнутого Копенгагенским университетом и вынужденного работать за границей. Исследования эти доказали, что сердце есть мышца, перекачивающая по телу кровь, а вовсе не "сгусток жизненного тепла", как полагали древние греки и многие их последователи. Томас утверждал, что лечить больного кровопусканием – все равно что спустить на корабле парус. Такому кораблю ветер не поможет, а сердце больного будет в этом случае перекачивать кровь безо всякой пользы для тела.

Томас Буберг был профессором философии, однако читал лекции по самым разным дисциплинам – от астрономии до медицины. Подобно другим ученым, он долгие годы занимался научными изысканиями в различных зарубежных университетах. Казалось, любопытство его беспредельно – он постоянно расширял свои познания, общаясь с коллегами, знакомился с новыми исследованиями, дополнял собственными идеями уже существующие. Его коньком была юриспруденция, и он мечтал когда-нибудь получить юридическую кафедру при Копенгагенском университете.

– Нет, поступим по-другому, – прервал он наконец долгое молчание и, к моему удивлению, добавил: – День выдался нелегкий, так что ляжем спать. Завтра нам рано вставать.

Я не имел ничего против подобной идеи и, опасаясь, что Томас передумает, наспех почистил зубы и улегся на кушетку. Однако последние слова профессора немного смутили меня: неужели ему хочется, чтобы мы отправились в путь на рассвете? Вряд ли бушующая за окном буря за ночь уляжется…

Томас разделся и принялся расстилать постель, а я задумался о событиях минувшего вечера и вспомнил вдруг о тех двух, о коих позабыл упомянуть прежде.

– А еще трактирщик запер сарай на замок.

– Неужели?! – радостно воскликнул Томас и задул свечу. – По-моему, наш хозяин странновато себя ведет… Да… Мне он показался немного встревоженным.

– И еще… Когда мы понесли тело графа в сарай, то забыли на снегу парик. Я его забрал и спрятал в сумку.

– Вон оно что… – равнодушно пробормотал профессор, и вскоре с его постели послышалось тихое похрапывание.

Я же скрестил руки и произнес короткую молитву.

Не успел я поставить точку в моих сегодняшних воспоминаниях, как в каморку ко мне зашел князь Реджинальд – радостный, словно мальчишка, которого впервые взяли на охоту. Не замечая моего предостерегающего взгляда, он хватает исписанные листы и принимается за чтение. Вчитываясь, он расхаживает возле окна, за которым еще не угасло вечернее солнце, и громко комментирует написанное мною. Деланно вздохнув, я откладываю в сторону перо и со стуком прикрываю чернильницу крышкой. Тактичность никогда не входила в число княжеских добродетелей.

Он должен понимать, что читать ему следует, только когда я лягу спать, – иначе, если он станет постоянно прерывать меня самым несносным образом, ему до лета не узнать, чем закончится мой рассказ.

Хотя, возможно, большего он и не заслуживает…

Князь грузно опускается на мою кровать, так что та жалобно скрипит под весом его крупного тела, и, пристально глядя на меня из-под кустистых бровей, бесцеремонно заявляет:

– Я и не знал, дорогой мой учитель, что вы родом из маленького хутора в Норвегии! Ну-ка, господин Хорттен, расскажите поподробнее!

Что ж, возможно, он прав. За многие годы, проведенные в услужении в княжеском дворце, о чем только я не рассказывал, а вот моя собственная жизнь никогда не казалась мне особо поучительной.

Хотя…

Я смотрю на князя, вижу, что ему не терпится послушать мою историю, и вдруг сознаю: князю, этому повзрослевшему мальчишке, моему господину и ученику, повелевающему тысячами своих подданных вовсе не маленького немецкого княжества, никогда не выпадала возможность, подобная той, которая, как я сегодня понял, однажды появилась у меня. Еще до рождения князя судьба его уже была предопределена – будущее, семья, поступки и, конечно, родители – все это было предрешено заранее.

Желая дать глазам покой, я отворачиваюсь от пляшущего огонька восковой свечи.

– Рассказ получится коротким. Я родился на хуторе Хорттен, где жил до восемнадцати лет и где моя мать была в услужении. В моих воспоминаниях мать – костлявая женщина с впалой грудью, которая брала меня на руки лишь изредка. Помню, ее тотчас же начинал душить кашель, и она сразу ставила меня на пол. Больше я почти ничего о ней не помню. Когда хозяин хутора снисходил до разговора о моей матери, то величал ее не иначе как потаскухой или гулящей девкой. Я никогда не возражал ему. Да и что я мог сказать? Мать умерла, когда мне было пять с половиной. Имя моего отца осталось неизвестным – по слухам, это мог быть кто угодно: от Сигварта из Брома до арендатора с хутора Фалкенстеен. Но ни один из них не сознавался, поэтому и меня это не очень занимало, хотя, должен признаться, я подозревал и самого хозяина. Пусть он и скверно говорил о матери, но из дома не выгнал, даже после того как та принесла меня в подоле, а когда мать умерла, позаботился и обо мне. Конечно, свой кусок хлеба я отрабатывал – работать начал с шести лет, а может, и раньше, но, строго говоря, никаких обязательств передо мной у хозяина не было – разве что моральные, но на хуторах такие обязательства невысоко ценятся… – Я умолк, погрузившись в воспоминания и бездумно глядя на сваленные в темном углу книги.

Вскоре князь Реджинальд нетерпеливо заерзал, и я понял, что мой рассказ его не особенно впечатлил. В истории моего рождения нет ничего необычного, и, насколько мне известно, у князя тоже полно незаконнорожденных детей – как в самом княжестве, так и за его пределами. И я продолжал рассказывать.

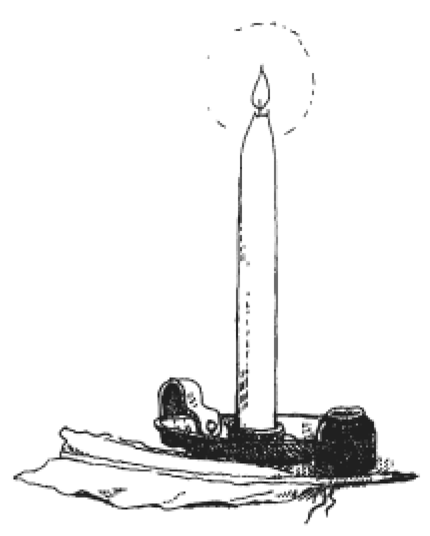
– В тот день, когда меня ждал корабль, идущий в Данию, я добрался до Тонсберга и пришел к купцу Грегерсену, чтобы мое имя внесли в список пассажиров. Странно, но вопроса, что задали мне в тот день, прежде я еще никогда не слышал. Подойдя к писцу, я сказал, что зовут меня Петтер, а он спросил: “Петтер – а дальше?” Я недоуменно посмотрел на него: “Дальше?” А потом вдруг понял, что ему нужна моя фамилия, то есть имя моего отца. Моим ответом стало молчание. Может, я – сын Сигварта, то есть Сигвартсон? Или Кнутсон, потому что арендатора хутора Фалкенстеен звали Кнут? И тягостную пустоту в голове озарила вдруг догадка: ведь я сам могу выбрать отца – а значит, и фамилию! Клерк не сводил с меня сердитого взгляда, а я смотрел на бухту, где несколько буксиров медленно тянули большой галиот, и вспоминал тех, чьи имена мне бы хотелось пронести с собой через всю жизнь, и тех, о ком хотелось забыть. Меня переполняло удивительное чувство – мне предоставлен выбор, впервые в жизни я мог принять по-настоящему важное решение! Вам, дорогой князь Реджинальд, может показаться, что подобная возможность у меня и прежде появлялась – например, когда Томас пригласил меня в Копенгаген, но нет – в тот раз

отказался бы лишь полный идиот, поэтому ни о каком выборе и речи не было. Свое согласие я будто дал задолго до того, как Томас мне это предложил. За моей спиной послышались нетерпеливые окрики, а клерк раздраженно взмахнул пером – с выбором мне нужно было поторопиться. И внезапно я придумал. Хорттен. Хутор Хорттен взрастил меня, стал моей колыбелью и был для меня настоящей семьей, более чем кто-либо из людей. Когда я перееду в Данию, то сильнее всего стану тосковать именно по хутору, по морю возле него, величественным каштанам, покосившимся домикам, лесным зарослям возле Брома, где я прятался в тяжелые минуты, животным, морскому берегу… "Хорттен. Петтер Хорттен!" – заявил я, выпрямляясь. Не моргнув глазом, клерк записал мои имя и фамилию – он так и не осознал всей важности этого события.

Я рассмеялся и посмотрел на князя. Тот сидел, прислонившись к изножью кровати и подперев голову рукой. Рот приоткрыт, зато глаза закрыты. Он спал.

Какая уж тут тактичность…

ПЯТНИЦА, 29 ДЕКАБРЯ
ГОД ГОСПОДЕНЬ 1699

Глава 4

– Петтер! – позвал меня кто-то издалека, кто-то такой далекий, что поначалу я решил не обращать внимания. – Петтер, просыпайся! – не унимался голос, а потом меня вдруг начали трясти за плечо.

– Отвяжись… – пробормотал я, отворачиваясь от надоедливого голоса.

– Петтер, да проснись же ты! – Я почувствовал, как кто-то похлопывает меня по щекам, и внезапно узнал голос Томаса.

Неимоверным усилием я попытался стряхнуть тяжелую пелену усталости.

– Ч-что т-такое?.. – Язык никак не желал меня слушаться.

– Придется осмотреть тело графа без хозяйского разрешения, – прошептал Томас, зажигая свечу. Затем он подошел к двери и зажег еще один фонарь. – Надеюсь, твои старые таланты по-прежнему при тебе.

Я не понял, о чем он толкует, а раздумывать мне было неохота, поэтому, поднявшись с кушетки, я постарался побыстрее собраться – насколько это может тот, кто едва успел глаза сомкнуть.

Ступеньки поскрипывали под нашими ногами, но, как сказал Томас, когда мы вышли на улицу, не так сильно, чтобы перебудить спящих честным трудовым сном обитателей дома. Ветер стих, а воздух был чистым и морозным. На небе высыпали звезды, а круглая луна,

почти добравшаяся до своей последней четверти, зажгла на снегу тысячи хрустальных огней. Неподалеку виднелся сарай для повозок, а за ним, справа от нас, я разглядел очертания другого строения – может, дома, а может, мастерской.

Заметив большой висячий замок, я внезапно понял, о чем говорил Томас, когда упомянул о моих "старых талантах". Он хотел, чтобы я открыл замок.

Томас протянул мне железную скобу и щипцы, и я взялся за дело. Томас держал фонарь поближе к замку, но провозился я долго: пальцы постоянно примерзали к железу, я содрал кожу и уже не мог понять, правильно ли действую. Но замок вдруг поддался, и мы очутились в сарае.

Повесив фонарь возле телеги, на которой лежал граф, Томас приоткрыл фонарную крышку, чтобы получше осветить покойного, и, отбросив мешки из-под муки, принялся осматривать тело. Сперва он оглядел голову графа и ощупал его высокородный затылок, а затем осмотрел лицо, в особенности темно-синюю отметину на правой щеке. Профессор пояснил, что отметина могла появиться от сильного удара, нанесенного незадолго до смерти, – в этом он почти уверен. На лбу графа обнаружилась еще одна отметина того же цвета.

– Похоже, графской голове нелегко пришлось, – проговорил Томас, взглянув на меня поверх очков.

Затем он долго рассматривал крошечное красное пятнышко под подбородком графа и попросил меня поближе поднести фонарь, чтобы лучше увидеть сам подбородок и шею.

После этого мне пришлось помочь профессору освободить закоченевшее тело покойного от одежды. Мы пытались стащить с графа жилет и камзол, и когда переворачивали тело, то плечо покойника громко хрустнуло. У меня потемнело в глазах и, стараясь сдержать тошноту, я отступил назад. Томас поднес камзол поближе к свету и пристально вгляделся в ткань. Довольно усмехнувшись, он схватил жилетку покойного. Видимо, его догадка подтвердилась, потому что он отложил в сторону одежду и склонился над телом.

– Петтер, подойди-ка сюда. – Томас расшнуровал нательную рубаху графа до середины и указал мне: – Смотри!

Приблизившись, я увидел справа от соска красное пятнышко величиной с булавочную головку.

– Пятнышко совсем крохотное, почти незаметное. Интересно, откуда оно взялось? – проговорил Томас. – Осмотрев камзол, я обнаружил на груди маленькое отверстие – такое же отверстие имеется и на жилетке, причем они совпадают. Значит, графа укололи в грудь чем-то острым. Видишь, в рубашке тоже есть дырочка.

– А вдруг это какая-то старая ранка, которая просто не успела до конца зажить?

– Может, и так, – Томас слегка ковырнул ранку ногтем и, отодрав кусочек красноватой кожи, поднес его к глазам, но свет оказался слишком тусклым, поэтому рассмотреть ничего толком не удавалось, – но я в этом сомневаюсь. Если бы мне позволили провести вскрытие тела, тогда я бы узнал наверняка… – И он продолжил скрупулёзно осматривать покойника.

Особенно его заинтересовали подошвы башмаков. Томас достал веревочку и, измерив длину подошвы от носка до пятки, завязал два узелка. Потом он обыскал карманы умершего, но обнаружил лишь пару шиллингов в жилетном кармашке.

От такого близкого общения с покойником мне стало не по себе, и я отступил назад, предпочитая наблюдать издали, но и тут меня поджидала неожиданность.

В темноте, позади меня кто-то стоял – тихо, не двигаясь, однако я почувствовал чье-то присутствие и медленно повернул голову.

Мария. Она ласково улыбнулась мне и прижалась грудью к моей спине. Она склонилась вперед, и я почувствовал ее дыхание, а потом прошептала, что увидела в окно свет нашего фонаря и решила выяснить, кому и зачем понадобилось разгуливать по двору ночью.

Томас недовольно взглянул на нее через плечо, но ни слова не сказал. Мария, все еще шепотом, сообщила, что она никому ни о чем не расскажет, даже хозяину. Кивнув, Томас продолжал осматривать тело, а девушка не отходила от меня, внимательно наблюдая за профессором.

От Марии пахло луком и салатом, а в сарае, наверное, потеплело, потому что по спине у меня потекли ручейки пота.

Наконец Томас закончил осмотр и, оставив камзол и жилетку валяться рядом, набросил на графское тело мешки и вышел наружу. Прикрыв ворота, я вопросительно посмотрел на профессора. Тот на миг задумался, но затем кивнул – да, придется запереть.

Теперь мне был уже знаком механизм замка, поэтому действовать было проще, правда, руки мои от холода совсем онемели. Я боялся, что, когда мы вернемся в нашу комнату и пальцы согреются, раны на их кончиках тотчас же отзовутся резкой болью.

Огибая угол сарая, Томас на секунду остановился и вытащил веревочку, которой измерял графские ботинки. Я взял фонарь, профессор посмотрел на веревочку и, расстроенно покачав головой, сунул ее обратно в карман, а потом оглядел затоптанное нашими ногами место, где мы обнаружили тело графа.

Возле двери Томас схватил Марию за руку и приложил палец к губам. Зубы у девушки блеснули, она беззвучно засмеялась, кивнула и исчезла в полумраке трактира, направляясь к своей комнате, а мы с Томасом поднялись наверх, чтобы наконец выспаться.

Когда я забрался под одеяло и закрыл глаза, то вспомнил мертвого графа и слова Томаса. И вдруг я понял: здесь, на постоялом дворе, находится сейчас тот, из-за кого граф закоченел до смерти.

Иначе говоря – мы находились под одной крышей с убийцей.

Уснул я не скоро.

Глава 5

Где-то кукарекал петух и мычали коровы, дом наполнился звуками, внизу хлопнула дверь. Под одеялом было уютно и тепло, я чувствовал, что наконец выспался, хотя голова немного побаливала. За окном из серых туч падали густые пушистые хлопья снега. Нет, в такую погоду ехать было нельзя.

Мне приспичило в туалет, поэтому я слез с постели и, вытащив из-под кровати ночной горшок, справил малую нужду.

Постель Томаса оказалась пустой, и, к моему удивлению, парик профессора тоже исчез.

“Парики нужны лишь вшам и блохам – иначе паразитам просто негде будет жить. К тому же, когда ешь, с париков в пищу сыплется пыль, голова от них чешется, да и вообще они лишь мешают”. Томас никогда не питал особых симпатий к этой новой моде и надевал парик лишь в особых случаях. Именно поэтому исчезновение парика меня так удивило.

Быстро одевшись, я захватил наши ночные горшки и спустился вниз. Когда я заглянул в трактир, чтобы забрать плащ и шляпу, то увидел там лишь священника, хотя в камине уже потрескивали дрова. Пастор сидел в углу и сосредоточенно читал Библию. При моем появлении он даже головы не поднял.

Выйдя из трактира, я свернул направо, к хлеву, и опорожнил горшки в компостную яму. Кто-то уже успел расчистить среди глубоких сугробов дорожки. Отойдя подальше, где снег был чистым, я протер снегом лицо, стряхивая сон, и вымыл горшки. Раны на кончиках пальцев побаливали, но уже начали постепенно заживать.

С ведром молока из хлева вышла Мария – она улыбнулась и пожелала мне доброго утра. Девушка выглядела удивительно свежей и отдохнувшей.

– Ты же полночи не спала. Неужели совсем не устала? – спросил я по пути к дому.

– Мне полночи сна всегда хватало. Когда я была маленькой, то почти не спала – мама чуть с ума не сошла от этого, – рассмеялась Мария, – она так измучилась, что отправила меня в услуженье на соседский хутор, а было мне тогда всего пять. – Поднявшись на крыльцо, Мария повернулась и посмотрела на меня сверху вниз. Ее грудь оказалась прямо на уровне моих глаз. – Так что я по ночам почти не сплю, – повторила она и исчезла за дверью.

Я пошел следом за ней и уже занес ногу над порогом, когда из хозяйских комнат до меня донесся голос Томаса. Говорил он громко и немного надменно, – так случалось, если ему во что бы то ни стало хотелось добиться своего. Я подошел к двери и постучался. Хозяин приоткрыл дверь, и позади него я увидел Томаса – в парике, манишке, лучшем, расшитом золотыми нитками жилете и в новом камзоле. Как едко отметил один из друзей Томаса, для этого камзола мерку с профессора сняли совсем недавно.

– А, Петтер, ты здесь! Очень кстати. Не принесешь ли ты мне папку с рекомендациями и верительными грамотами? Этот… трактирщик, – самым оскорбительным тоном заявил Томас, а маленький трактирщик покраснел, но явно приготовился дать отпор, – желает увидеть доказательства моей репутации и добропорядочности. – Взмахнув рукой, Томас отправил меня за документами.

Вскоре я вернулся с папкой, перевязанной двумя красными шелковыми тесемками.

Томас с торжественным видом взял у меня папку, благоговейно развязал тесемки и начал выкладывать перед маленьким трактирщиком документы: на многих из них виднелись внушительные блестящие печати. По мере того как стопка бумаг росла, а Томас без передышки оглашал содержание каждого нового листка, хозяин, казалось, становился все меньше и меньше ростом прямо на моих глазах. Мне захотелось ободряюще хлопнуть его по плечу и объяснить, что на самом деле профессор вовсе не такой. Вот только едва ли трактирщик поверил бы мне.

– …А это грамота из Йенского университета – здесь указано, что я ассистировал профессору математики Эрхарду Вейгелю в его исследованиях для *Collegium curiosum*[6]. Такой начитанный человек, как вы, господин Хамборк, безусловно, слышал о нем. – Томас указал на забитый книгами шкаф в углу гостиной. – Его книга *"Aretologistica"* вызвала множество споров. В ней Вейгель предлагает новую систему чисел. Несколько лет назад он нанес визит в Копенгаген – по приглашению прежнего короля. Задачей профессора было сконструировать *pancosmus*, гигантский глобус звездного неба, на котором все звезды указаны именно так, как они расположены на Всевышних небесах. По этому случаю профессор оказал мне честь и посетил мое скромное жилище, – Томас вытащил следующий документ, – а здесь указано, что я изучал теологию в Копенгагене и получил степень доктора юриспруденции в университете Лейдена, где юридическим факультетом заведует генеральный прокурор Нильс Бенсон, королевский советник по правовым вопросам. Данный документ подтверждает, что я занимаю должность заместителя генерального прокурора и состою при столичном университете в должности профессора философии. Анатомию и медицину я изучал при Флорентийском университете, вот, взгляните. В Париже я обучался астрономии и астрологии, в Амстердаме – философии… Это приказ о моем назначении судьей Королевского Верховного суда, а вот…

– Достаточно. Хватит, – хрипло выдохнул трактирщик, которого, как оказалось, звали фон Хамборк. Однако в его взгляде мне почудилось нечто угрожающее, так что я даже подошел поближе и изготовился к прыжку на случай, если вдруг трактирщику вздумается вцепиться в горло Томасу Бубергу. – Вот ключ. Идите. Делайте все, что посчитаете нужным, но только побыстрее уходите.

Снисходительно улыбнувшись, Томас убрал документы в папку.

– Когда граф сюда приехал? И бывал ли здесь прежде? Кто он такой? Вы его хорошо знали?

Господин Хамборк в отчаянии огляделся по сторонам и, с трудом доковыляв до стула, обессиленно опустился на него. Жена трактирщика не показывалась, и я обеспокоился: неужели она по-прежнему нездорова? Я подошел к небольшому чайному столику и, налив стаканчик горячительного, протянул его трактирщику. Тот посмотрел на меня с признательностью, но во взгляде его сквозило недоумение, будто он и не ждал подобной заботы от того, кто принадлежал "лагерю" профессора. Осушив стакан, он вернул его мне и прокашлялся.

– Граф Филипп д'Анжели приехал два дня назад, во второй половине дня. Прежде он у нас никогда не останавливался, и мы с ним знакомы не были. – Трактирщик посмотрел на Томаса в надежде, что такой ответ профессора удовлетворит. Надеялся он напрасно.

– Расскажите о графе все, что знаете. Что французский граф забыл в Дании? И куда направлялся?

По-моему, фон Хамборк рассердился.

– Уж не знаю, что французский граф забыл в Дании, но приехал он из Рибе, а направлялся куда-то на восток. Точнее сказать не могу.

– А что он был за человек? Вам он нравился, господин фон Хамборк?

Немного замешкавшись, фон Хамборк ответил:

– Граф вел себя, как и полагается графу, какого вы еще ответа от меня ожидаете? Требовал всего самого лучшего, но и платил щедро, – сухо улыбнулся трактирщик, – я вовсе не обязан любить своих гостей – обязанности мои ограничиваются тем, что я стараюсь услужить им – конечно, насколько постоялый двор может исполнить прихоти постояльцев. – Это последнее высказывание относилось, несомненно, не к графу, а к другим гостям, но Томасу все было нипочем.

Его вообще невозможно было оскорбить, в особенности когда он сам вел себя вызывающе.

– Граф разговаривал с кем-нибудь? Например, со священником? Или плотником?

– Нет, – ответил фон Хамборк, – с ними он не разговаривал. Но когда говорил, обращался к нам.

– В смысле?

– Да ничего особенного, просто рассказываю все как есть или, точнее, как было. Граф нимало не сомневался в собственном мнении, поэтому чужое его не интересовало, – пожав плечами, трактирщик поднялся со стула, – а сейчас прошу прощения, мне пора. Работа не терпит, даже мертвым не под силу остановить время.

Однако Томас еще не все прояснил.

– А в какой комнате проживал граф? Мне бы хотелось осмотреть его имущество – возможно, так мне удастся пролить свет на темные стороны этой смерти.

Хозяин бросил на Томаса испытующий, неприязненный взгляд.

– В самой дальней, – равнодушно проговорил он, указав рукой в противоположное крыло дома, – но вам нужен ключ. Как только я понял, что графу не суждено вернуться в свою комнату, то сразу же попросил Альберта повесить на дверь замок.

Томас Буберг с благодарностью кивнул, а хозяин подошел к письменному столу и открыл один из ящиков. Взяв у трактирщика ключ, Томас по-дружески пожал ему руку:

– Благодарю! Вы необычайно нам помогли, господин фон Хамборк. Постараюсь сегодня больше вас не беспокоить. Разве что попрошу еще об одном одолжении… Тело графа

д’Анжели сейчас в сарае и совсем закоченело, словно сосулька – вы уж простите мне это сравнение. Я просил бы перенести его в теплое помещение, чтобы перед вскрытием он немного оттаял. Конечно, я не могу просить перенести тело прямо в трактир… – от подобной безумной мысли трактирщик пришел в ужас, – но, возможно, вы могли бы подобрать какое-то другое место?

Трактирщик открыл дверь – он явно решил избавиться от нас.

– Я прикажу Альберту растопить печь в кузнице и перенести тело графа туда. – И, прежде чем мы успели ответить, трактирщик захлопнул за нами дверь.

Глава 6

Вскоре мы уже стояли перед дверью в покои графа. Профессор вернул свой парик в коробку, сменил вышитую золотом жилетку на другую, попроще, а парадный камзол повесил на вешалку за дверью у нас в комнате.

Теперь Томас Буберг облачился в рабочую одежду.

Отперев большой висячий замок, он заметил, что хозяйская привычка запирать двери, возможно, не такая уж и глупая. Томас медленно приоткрыл дверь и с интересом оглядел комнату, будто старался запомнить каждую мелочь. Это показалось мне в тот момент совершенно ненужным: комната представляла собой зеркальную копию наших собственных покоев. Прямо под окном стоял маленький столик с лампой, похожей на нашу, слева от двери располагались камин и кровать, а справа – кушетка, точь-в-точь как та, на какой спал я. На письменном столике лежала лишь одна книга, а свой багаж граф сложил на кушетку. Я вдруг удивился, что граф разъезжал один, без слуги или компаньона. Однако прежде видеть графов мне не доводилось, поэтому откуда мне было знать об их обычаях.

Вдоволь насмотревшись, Томас подошел к кушетке, на краю которой лежали две седельные сумки. Одна из них была приоткрыта. Из-за сумок выглядывало свернутое и перетянутое кожаными ремнями одеяло, а за ним торчал какой-то продолговатый предмет, обернутый в красную ткань.

Я открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но Томас предостерегающе поднял руку.

– Подожди! – велел он, открывая седельную сумку. Одним пальцем он осторожно оттянул край и проверил, что находится внутри, а потом задумчиво потеребил бороду.

– Начинай вынимать из сумок вещи по одной и клади на кровать – надо выяснить, что именно у графа было при себе. Постарайся запомнить, в каком порядке они лежали, – сказал Томас и взялся за вторую сумку.

Я схватил сумку, в которой, по моим предположениям, лежал парик, и подошел к кровати. Раздумывая, вытаскивать ли парик, я стряхнул с постельного покрывала какой-то пепел – он серым облаком закружился в лучах тусклого света. Я случайно вдохнул его и громко чихнул.

– А-апчхи!

– Будь здоров, – машинально произнес Томас. Отвернувшись к окну, он просматривал книгу, найденную на письменном столике.

Я решил не вытаскивать парик – в комнате и так уже было предостаточно пыли. Похоже, последние несколько дней здесь не прибирались. Я принялся распаковывать вещи – нательные рубахи, изъеденный мышами халат, фрак, жилет и брюки, нитяные чулки (изрядно поношенные), шелковый платок и платок суконный, шелковые чулки (тоже поношенные) и синий ночной колпак. Перебирая одежду, я наткнулся на что-то длинное, завернутое в грязную тряпку. Я развернул тряпку и позвал Томаса:

– Профессор, смотрите!

Отложив книгу в сторону, Томас подошел к кровати. Не говоря ни слова, он взял из моих рук пистолет и внимательно осмотрел его. В отдельном кармашке сумки я обнаружил пороховницу и два холщовых мешочка – в одном лежал пузырек с маслом, средство для чистки оружия и два кремня, а в другом – патроны.

– Хм… Длинноствольный… А приклад с такими изящными "ушками"… Явно французский… Или английский, – пробормотал он, – воистину прекрасное оружие.

Томас повернулся к кушетке и, вытащив торчавший из-за сумок красный продолговатый сверток, передал его мне.

– По-моему, здесь тоже оружие.

Я придерживал сверток, а Томас разворачивал ткань, – там оказались ружье и меч в ножнах. Быстро взглянув на ружье, профессор решил сначала осмотреть меч. Он вытащил клинок и, взявшись за рукоять, взвесил его в руке, а затем вложил обратно в ножны.

– Французская выделка – это видно по рукояти. Видишь, как украшена эта гарда – так просто, но изящно, а эта… *quillon…* как это по-датски? В общем то, что защищает руку от ударов противника… Какой на нем мелкий, почти филигранный узор. Только французы так умеют. А вот это – напротив, – Томас отложил меч и взял ружье, – здесь изяществом и не пахнет. Сработано на редкость грубо, особенно приклад и спусковой механизм. Можно даже сказать, что подобное оружие оскорбляет взор. Ты уже, наверное, догадываешься, но я все же с полной уверенностью скажу, что это шведская работа. Подобные затворы делают только в балтийских странах, и припоминаю, что видел нечто подобное у шведских солдат.

Томас отдал мне оружие, и я вновь завернул ружье и меч в красную ткань.

В этот момент профессор пробормотал вопрос, который я и сам хотел задать.

– Но зачем вдруг французскому графу понадобилось шведское ружье?..

Томас опять подошел к окну, но внезапно обернулся и спросил:

– Пистолет лежал на самом верху?

– Нет, под одеждой. Сверху было три или четыре предмета.

Он довольно кивнул и вернулся к изучению книги, а я взялся за следующую сумку.

Сверху лежал небольшой кожаный несессер, в котором хранились ножницы, бритвенные принадлежности и пара флаконов с духами. В сумке я также обнаружил помятые металлические ножны с длинным ножом внутри, рукоять которого оканчивалась каким-то странным шариком, а рядом – нож поменьше, в обычных кожаных ножнах. Затем я вытащил несколько пар носков и другую одежду, но когда добрался до дна, то снова выудил кое-кто интересное. Сначала – холщовый мешочек, а затем маленький, искусно выделанный кожаный футляр с серебряным тиснением, линии которого складывались в витиеватую монограмму. Насколько мне удалось разобрать, монограмма представляла собой инициалы "Ф. А.". В футляре хранился золотой перстень с печаткой, где были выгравированы те же инициалы. Я подошел к профессору и снова оторвал его от чтения.

– Ага, что это у нас тут? – Томас явно заинтересовался. – Монограмма "Ф. А."… Видимо, это инициалы: Филипп д'Анжели. А сургуч в его вещах есть?

– Да, вот в этом мешочке – там сургуч, чернильница, порошок, перья и бумага. – Я высыпал содержимое мешочка на кровать, а Томас вытащил из этой кучи свернутую бумагу со сломанной печатью, развернул ее и углубился в чтение. Заглянув ему через плечо, я тоже попытался прочесть, но написано было неразборчиво и, вдобавок, по-французски – а в этом я был не силен.

Дочитав до конца, Томас коротко пересказал содержание документа. Это оказалось письмо, адресованное графу д'Анжели и начинавшееся словами "Дорогой Филипп, надеюсь, это письмо попадет к вам до того, как вы покинете Амстердам". По всей видимости, письмо написал младший брат графа. Он рассказал, что дядюшка находится при смерти и отец

желает, чтобы Филипп быстрее вернулся домой. Читая между строк, Томас догадался, что между отцом и Филиппом не раз разгорались ссоры из-за женщины, с которой Филипп желал связать себя узами брака. Скривившись, Томас свернул письмо.

– Старая история, которую мы уже неоднократно слышали и прежде. Сын хочет жениться на женщине ниже себя по происхождению, а отец этому противится, из-за чего сын пускается в странствия и становится авантюристом и воином.

Я прежде таких историй не слышал и пожалел графа, которому пришлось покинуть любимую девушку. Задумчиво похлопывая письмом по ладони, Томас спросил:

– Как по-твоему, сколько лет было умершему графу?

– Примерно столько же, сколько и вам, – ответил я, подумав.

– Именно. То есть около сорока – мне тоже так показалось. Хм… Когда отец решил его женить, нашему графу вряд ли было намного больше тридцати, скорее всего, даже меньше. Значит, граф порядочно попутешествовал. Следовательно, старому графу было за шестьдесят. Вот старый упрямец… Впрочем, у аристократов свои причуды… – Последние слова Томас пробормотал скорее для себя самого.

Я положил на кровать пару истоптанных ботинок и сообщил, что теперь перед нами все графские пожитки. Оглядев вещи, профессор пощупал одежду. По его словам, нужно выяснить, хорошего ли она качества, и проверить, нет ли там потайных карманов. Я молча оглядел комнату, в страхе упустить что-нибудь. Но нет, в этой комнате графского имущества больше не было. Взяв длинный нож, Томас вдруг хмыкнул и, повертев его в руках, велел мне вытащить ружье. К моему изумлению, он вставил рукоять ножа – ту самую, на конце которой был шарик, – в дуло ружья, так что получилась грозная пика, черенком которой служило само ружье.

– Это называется штык, – пояснил Томас, – когда ружье разряжено, а враг слишком близко и перезарядить ружье невозможно, из ружья можно сделать штык и биться дальше. Этот прием используют мушкетеры. Даже несмотря на то, что они пехотинцы, штык дает им преимущество перед кавалерией. Дальнобойность меча у кавалериста намного меньше, чем дальнобойность штыка у пехотинца.

Очевидно, закончив осмотр графских пожитков, Томас вернул книгу на столик и направился к двери.

– Как думаешь, Петтер, до нас в вещах графа никто не успел порыться?

Я удивленно посмотрел на Томаса:

– Не знаю… То есть об этом я не думал, – признался я.

– Тогда подумай, – сказал профессор, выходя в коридор, – и запри дверь. Потом иди в нашу комнату. Я вернусь через минуту – мне нужно в уборную.

Глава 7

Томас сидел на кровати, упершись локтями в колени и прижав пальцы к губам. Отсутствующим взглядом он смотрел перед собой, а губы его беззвучно двигались. Я сбросил башмаки и, забравшись на кушетку, закутался в одеяло. Вообще-то мне хотелось опять завалиться спать. Ну или пойти позавтракать. Однако хозяину моему подобное, похоже, и в голову не приходило.

Внезапно он поднял голову и встал с кровати.

– Да, так и поступим, – проговорил он, обращаясь к самому себе, а потом взглянул на меня. – Петтер, приготовь бумагу и письменные принадлежности. Чтобы знать, что делать, нужно подойти к этому с позиции науки.

Сунув руку в карман, Томас вытащил оттуда очки и водрузил их на нос. Затем он раскрыл книгу, которую искал предыдущим вечером – сочинение Декарта, того старого француза. Он открыл ее на странице с закладкой.

– Эта книга – руководство к тому, как правильно использовать свои способности. Здесь изложены определенные правила, которым нужно следовать тем, кто занимается исследованиями в области естественных наук, – объяснил Томас, а потом, криво улыбнувшись, продолжал: – Положение, в которое мы попали, вряд ли можно назвать подходящим для научного исследования. И, тем не менее, между этими двумя существует некое сходство. Перед нами поставлена задача, которую следует решить. Ее можно свести к одному общему вопросу: кто виноват в смерти графа д'Анжели? Получив ответ, мы выполним задачу, до решения которой хотим докопаться.

Я и не подозревал, что мы "хотим докопаться до решения", но смолчал.

– Однако прежде необходимо ответить на множество других, более мелких вопросов, причем важно не только верно сформулировать их, но и задать в правильном порядке. И эта книга должна помочь нам. Давай по порядку рассмотрим четыре основных правила, сформулированных Декартом. Первое правило гласит: никогда не считайте правдивыми те факты, истинность которых не доказана. Согласно второму правилу, сложную ситуацию необходимо разделять на простые. Третье правило предписывает выстраивать размышления в определенном порядке, начиная с простейших и очевиднейших умозаключении и постепенно познавая более сложные. И не следует забывать о логических взаимосвязях между явлениями, даже теми, которые, как кажется, логически не связаны друг с дружкой. В четвертом правиле Декарт советует учитывать как можно больше факторов, стараясь ничего не упустить. – Томас поднял на меня взгляд, словно желая удостовериться, что мне все понятно.

Я скроил умную мину, хотя понимал далеко не все. Профессор довольно кивнул.

– Наиболее важными для нас сейчас являются правила первое и четвертое. Но возможно, два других тоже нужно взять на вооружение – это мы еще увидим, – Томас погладил бороду и посмотрел на меня, – начнем с правила номер четыре. И составим список известных нам фактов. Итак, что именно мы знаем?

Томас часто задавал подобные вопросы, называя их риторическими, и я подумал, что Томас просто озвучивает собственные мысли, поэтому молча смотрел в окно, а мою голову занимали воспоминания о корсете и груди – белой, как снег. Я поднял глаза оттого, что в комнате вдруг воцарилась тишина. Томас вопросительно смотрел на меня.

– Так что нам известно наверняка?

– Ну… что мы живем на постоялом дворе, – запинаясь, ответил я.

– Верно, хорошо. Вот с этого и начнем. С местоположения. – Томас указал на стол. – Нарисуй карту и укажи расположение домов, сараев, конюшни и всего остального, так чтобы на ней было видно, как строения располагаются по отношению друг к другу. Это может оказаться важным, когда мы будем рассуждать, кто и куда мог пойти.

Я представил себе, что я птица и, пролетая над постоялым двором, оглядываю обнесенные стеной строения, а потом сажусь на верхушку растущего посредине двора дуба и смотрю вниз.

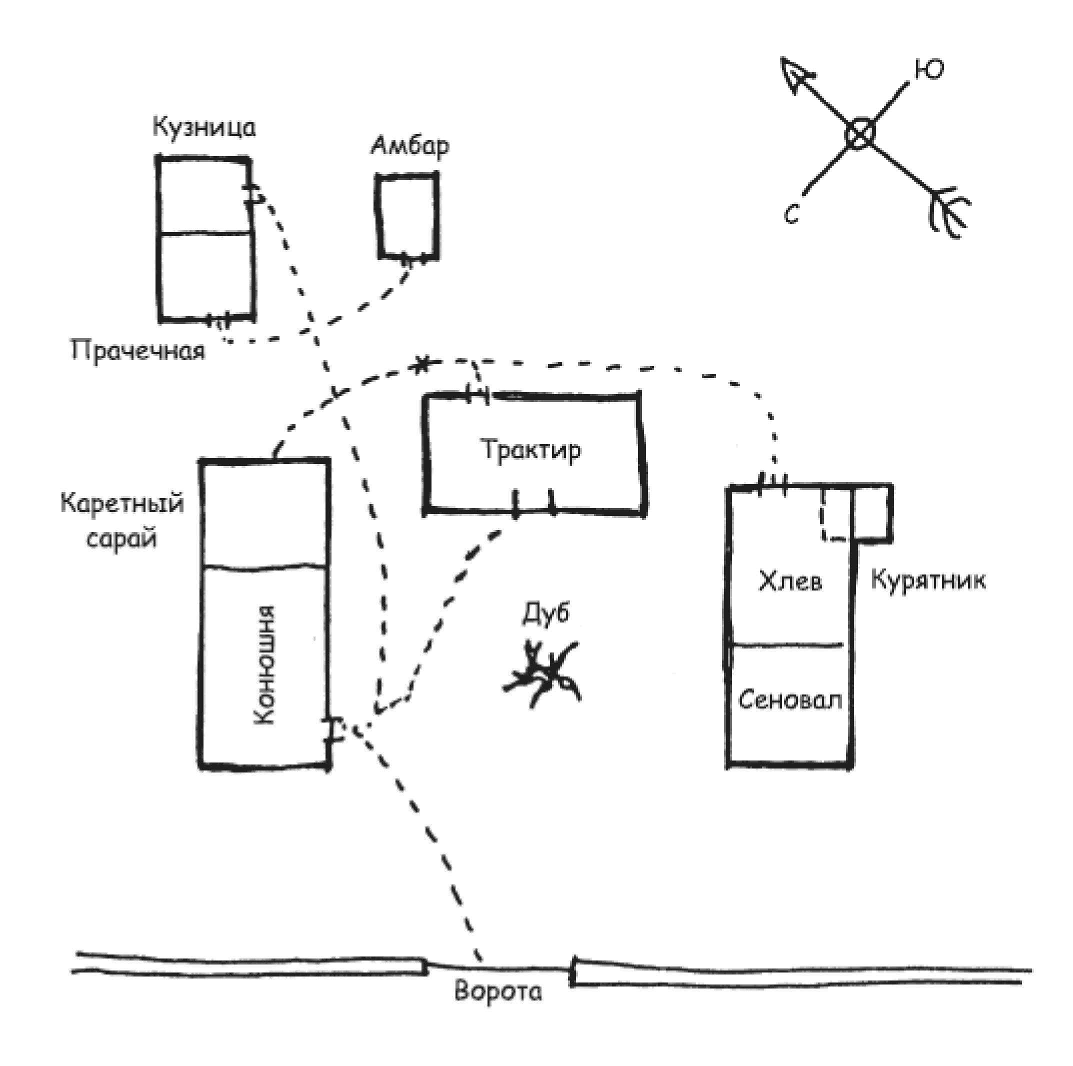
Двор был четырехугольным, и с трех сторон его окружали стены трех строений. Если войти в ворота, то слева окажется конюшня, спереди – трактир, а справа – хлев. Четвертую сторону образовывал забор. Прямо посреди двора рос величественный дуб, укрывавший ветвями крышу трактира. Здание конюшни было разделено перегородкой, так что с юго-восточной стороны, ближе к трактиру, в нем размещался каретный сарай. В хлеве со стороны ворот был отгорожен отдельный отсек под сеновал. За каретным сараем, в небольшой низине, находилось еще одно здание – Томас решил, что это прачечная, а вплотную к ней примыкала кузница. Возле прачечной под широким навесом стояла поленница дров, высотой мне по грудь. Еще дрова лежали позади хлева, к которому был пристроен курятник. Между

кузницей и заросшим садом позади трактира стояло небольшое строение, о предназначении коего ни я, ни Томас не догадывались, хотя Томас предположил, что это амбар.

Я рисовал, зачеркивал и вновь рисовал. Три моих попытки оказались неудачными, но четвертая нам обоим показалась сносной.

Маленькими буквами я подписал названия и обозначил крестиком место, где обнаружили тело графа. Томас попросил меня также отметить расчищенные в снегу тропинки, насколько я смог запомнить.

Затем, разложив перед собой карту, он уселся и что-то забормотал себе под нос, а я принялся точить новое перо. Когда я закончил, Томас поднялся из-за стола.

– Возьми чистый лист бумаги и напиши сверху наши с тобой имена, а под ними по очереди имена тех, кто находится на постоялом дворе. Напротив каждого имени ставь цифру, – распорядился Томас. Я начал записывать, а он смотрел.

1. Томас
2. Петтер
3. Фон Хамборк
4. Госпожа фон Хамборк
5. Служанка Мария
6. Конюх Альберт

7. Священник

8. Плотник

Немного подумав, я дописал:

9. Граф д’Анжели

После чего положил на лист промокашку.

– Больше никого? – спросил Томас.

– Никого.

Томас немного постоял, раскачиваясь взад-вперед.

– Запиши все числа, состоящие из одного знака, – наконец сказал он.

Я изумленно посмотрел на него.

– То есть единицу, двойку и наподобие них?

– Да.

Я написал: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

– Сколько у тебя получилось?

– Девять, – ответил я после секундного раздумья. Может, у профессора в голове помутилось?

– Хорошо, – сказал Томас, – а как же ноль? Его ты не учитываешь?

Помолчав, я пожал плечами.

– Ноль – это ничто. Пустота.

– Ничто тоже может оказаться важным. А какое число следует за девяткой?

– Десять.

– Тогда запиши его!

Ему что, вздумалось поучить меня математике?.. Я написал “10”, но по-прежнему ничего не понимал.

– Значит, ноль все же может пригодиться, – чуть издевательским тоном заключил Томас.

У меня забрезжила догадка.

– По-вашему, ноль важен потому, что он может влиять на другие числа?

– Вот именно, – подтвердил Томас. – А можно применить тот же принцип к человеческим отношениям? Иначе говоря, встречаются ли люди, которые ничего для нас не значат, то есть приравниваются к нулю, однако они, тем не менее, существуют и в сочетании с другими образуют десятку? – И он указал на последнее написанное число.

Пока Томас разглагольствовал, в голове у меня начало происходить нечто странное. Я представил себе кухню, очаг и Марию возле него. За ее спиной виднеется разделочный стол, а над ним – шкафчик со стаканами и пивными кружками. Между очагом и разделочным столом стоит большой ящик с дровами. Сначала картинка была довольно темной, ведь света на кухне и в трактире действительно не хватало. Томас продолжал говорить, а темнота между ящиком с дровами и разделочным столом постепенно рассеивалась, словно кто-то не спеша зажег там свечи. И вот я уже мог разглядеть какие-то зыбкие очертания. Там клубочком свернулось странное существо – человек в рваном плаще.

– Нищенка! – выпалил я вдруг. Томас кивнул. – Но почему же я ее не заметил?!

– Заметил. Иначе и сейчас не вспомнил бы. Запиши ее под номером десять.

И я дописал:

10. Нищенка

– Итак, что нам известно о находящихся на постоялом дворе, исключая нас самих.

Я задумался. На первый вопрос я ответил, что находимся мы на постоялом дворе, и Томас поддержал меня, поэтому я больше не боялся выставить себя на посмешище.

– Нам известно, что хозяин здесь – фон Хамборк, у которого есть жена.

Томас махнул рукой:

– Верно. Еще что?

– Труп графа обнаружил хозяин. И о графе ему известно очень немногое.

– Так говорит сам хозяин – что ему известно мало, – поправил меня Томас, – что еще?

– Еще… не знаю. Пожалуй, что родом хозяин откуда-то из Германии.

– Верно, об этом можно судить по имени и выговору. – Томас казался довольным. – А что насчет его супруги?

Я задумался, но ничего не придумал и покачал головой.

– Она больна и сегодня лежит в постели. Это нам известно. Нам также известно… – умолкнув, Томас схватился за жилетную пуговицу, – что она, увидев тело, упала в обморок. Возможно, она женщина чересчур нежная и не выносит подобных зрелищ. Но в этом мы не можем быть уверены.

Томас склонился над списком имен.

– Нужно записать это напротив имен. Я буду говорить о том, что нам известно, а ты можешь добавить что-нибудь от себя.

И Томас начал рассказывать, я же записывал – да так, что с меня ручьями лил пот, а чернильные брызги разлетались во все стороны. Местами почерк стал совсем неразборчивым. О служанке Марии Томас знал лишь, что та была молодой и любопытной, а я рассказал, что, по ее словам, она мало спит. Напротив имени Альберта я ничего не написал. Пастора звали Якобом, он получил приход в Шелланде и направлялся туда. Прежде он был священником в Хиндрупе, деревушке неподалеку от границы с Готторпским герцогством. Он недавно овдовел и попросил епископа в Рибе перевести его в приход поближе к Копенгагену, где жила его сестра. К его удивлению, епископ согласился и предоставил ему незадолго до этого освободившийся приход в Факсе Херред. Об этом пастор рассказал Томасу предыдущим вечером за ужином.

О другом постояльце ничего известно не было. О том, что тот – плотник, Томасу рассказал священник.

– Граф был французом и направлялся на восток – это мы знаем со слов хозяина. Но мы не знаем, правда ли это. Возможно, графу лишь хотелось, чтобы хозяин в это поверил, – продолжал Томас, но, усмехнувшись, добавил: – А возможно, хозяину хотелось, чтобы этому поверили мы. Ничего нельзя исключать. Однако из найденного нами письма следует, что это все же правда. То есть, если граф действительно недавно прибыл из Амстердама, мы также с полной уверенностью можем утверждать, что граф мертв и что его… – профессор запнулся, будто раздумывая, истинно ли то, что он сейчас скажет, – что его убил кто-то из тех, кто сейчас находится на постоялом дворе. Это нам тоже достоверно известно, потому что вчера вечером мы стали последними, кто сюда добрался – потом такой возможности ни у кого не было. Когда мы обнаружили тело, оно еще не совсем остыло, а учитывая мороз, это может означать, что его ударили и убили совсем незадолго до того, как мы постучались в ворота.

Перо сломалось, и мне пришлось очинить новое, а Томас тем временем успокоился и собрался с мыслями. А затем я вновь приступил к работе.

– Согласно моим последним изысканиям, графу нанесли сильный удар по лицу, а именно – в *mala et frons,* то есть по скуловой кости и лбу, и произошло это незадолго до его смерти. Помимо этого, на теле графа есть две раны – одна под подбородком, а другая на груди. Очевидно, нанесены они в одно и то же время, однако с уверенностью утверждать не стану. Поэтому поставь в этом месте вопросительный знак, Петер. – Убрав очки в карман, Томас подошел к окну и принялся медленно раскачиваться, глядя на снег. – Когда мы нашли тело графа, вокруг него на снегу были свежие следы. Также следы были и возле головы графа. И оставил их, видимо, трактирщик. Я сравнил размеры ног у всех мужчин на постоялом дворе, и такая маленькая нога лишь у трактирщика. Все это подтверждает его собственный рассказ. Однако вокруг тела я заметил также и следы побольше. Их слегка запорошило снегом, и принадлежат они… правда, это лишь догадка, – Томас взглянул на меня, – но предположим, что принадлежат они преступнику. К сожалению, я опоздал и толком не успел измерить эти следы, поэтому точного размера у нас нет.

Томас вытащил веревочку, которой измерял ступни графа, и повертел ее в руках.

– Откуда вы знаете, что это мужчина? – спросил я, вспомнив о нищенке и о том, что в карманах у графа оказалось пусто.

– Граф был крупным и крепко сложенным. Сбить его с ног мог только человек исключительной силы. Удар оказался настолько мощным, что, по-моему, можно сразу исключить всех женщин и, наверное, фон Хамборка. – Томас вновь посмотрел на меня. – А что ты можешь сказать про комнату графа?

Самому себе я признался, что почти ничего. Однако, судя по тому, как Томас задал этот вопрос, я заключил, что он вынес гораздо больше. Поэтому я выпалил первое, что пришло в голову:

– Э-эхм… Там было прибрано. – А потом я вспомнил то, что меня удивило. – Странно, что у такого графа не было при себе слуги.

Томас одобрительно кивнул:

– Да, это меня тоже удивило – граф без слуги. Но он аккуратный, тут ты прав. И любит оружие. Не исключено, что покойник, который лежит сейчас в сарае, – бывший военный. Из тех, кто подолгу живет при армии, приучен к порядку, дисциплине, привык путешествовать налегке и любит оружие и военные стратегии.

– Военные стратегии?..

– Книга на столике – это обучающее пособие по военной тактике и стратегическому планированию. Написал ее один французский генерал по имени Фердинан Понс де Муллон. Я о нем никогда прежде не слышал, но у него встречаются довольно интересные мысли. Он пишет, к примеру, о ведении боя в труднопроходимой местности, где врагу сложно перемещать орудия и из-за этого труднее поразить противника. Он рассказывает… – Томас перехватил мой взгляд и тут же умолк. – Ладно, сейчас это не важно, – уступил он, собрался с мыслями и продолжал: – У графа при себе оказались письмо и перстень с печаткой, удостоверяющие его личность. И хотя я лично считаю историю, изложенную в письме какой-то… даже не знаю, как поточнее выразиться… скажем, надуманной, она, безусловно, правдива. Иначе зачем его брату обо всем этом рассказывать?.. А вот шведское ружье… как оно оказалось у графа? Над этим я еще поразмышляю. Мне в глаза бросилось еще кое-что. Наш граф производит впечатление аристократа небогатого, скромного в потребностях и даже почти бедного. Тогда где же его деньги? Карманы у него оказались пустыми, как я выяснил сегодня ночью, там лежала лишь пара шиллингов. В остальной одежде нет никаких потайных карманов для денег, да и в сумках тоже. И кстати – если он действительно военный, то где его мундир? У подобных аристократов непременно имеется хотя бы парадный мундир, который они надевают, являясь с визитом к другим графам и баронам. Нет, что-то в личности этого графа вызывает подозрения.

Я был согласен с Томасом, но добавить мне было нечего.

– И ты совершенно прав, Петер, – в комнате действительно прибирались. Военная аккуратность. Ты заметил, как была расставлена обувь и положена книга? Прямые линии, все по стойке "смирно". Вот только… – и Томас на миг умолк, привлекая мое внимание, – одна из сумок оказалась приоткрытой. И с содержимым этой сумки тоже не все было в порядке.

Я вспомнил, что именно обнаружил в той сумке. Одежда – поношенная, практически до дыр, пистолет, парик… О чем же Томас толкует?

– Если бы у тебя был пистолет, а ты ехал верхом, то положил бы пистолет в такое место, откуда его в случае необходимости можно быстро вытащить. Так куда именно ты положил бы пистолет?

– В карман… Или… – теперь я понял, к чему клонит Томас, – в сумку, на самый верх. А у графа пистолет хранился под одеждой. Не очень-то предусмотрительно.

– Вот именно, – сказал Томас, – и одежда, лежавшая сверху, была сложена более небрежно, чем та, что лежала снизу, или одежда в другой сумке. И ты наверняка заметил, что в другой сумке оружие лежало сверху, что вполне разумно, если владелец этого оружия – военный. Иными словами, я полагаю, что в комнате графа успел побывать кто-то, перерывший его вещи так же, как и мы. Однако этого человека что-то спугнуло, и в спешке он сложил вещи иначе, чем их уложил граф. Наш любитель совать нос в чужие вещи чего-то испугался. – Усевшись на кровать, Томас уставился перед собой. – И главный вопрос: кто же эта любопытная ищейка? И не он ли прикончил самого графа?

Довольно долго мы просидели молча. Я посмотрел на список. Да, вначале мы продвинулись вперед, но сейчас вернулись к нашему основному вопросу: кто вероятнее других может быть под подозрением?

– Если исключить хозяина и женщин, то остается лишь трое.

– Вообще-то двое.

– Почему?

И Томас пустился в объяснения:

– Помнишь, я попросил тебя взглянуть на ноги священника и плотника? До того, как вы вышли и перенесли тело графа – верно? И по твоим словам, с башмаков плотника натекла лужа, а вот вокруг обуви священника было сухо. Что из этого следует?

– Что незадолго до этого плотник выходил на улицу, – догадался я.

– Поэтому лишь плотник и словоохотливый Альберт из конюшни могли… – Томаса прервал стук в дверь. – Войдите!

На пороге появилась Мария. Она робко улыбнулась и проговорила:

– Хозяин кланяется и велел спросить, не помогут ли профессор и его ассистент… – девушка быстро взглянула на меня, – Альберту перенести графа в кузницу. Там уже натопили.

Поблагодарив, Томас сказал, что мы скоро спустимся. Мария прикрыла дверь, и мы услышали, как она сбежала вниз по лестнице.

– Ну что ж, послушаем, что расскажет Альберт, – проговорил Томас, натягивая сапоги.

Глава 8

Альберт ждал нас возле каретного сарая. Не проронив ни слова, он отпер ворота и вошел внутрь. Тело графа было таким же, каким мы оставили его – без камзола, жилета и парика, но казался он еще более мертвым, чем вчера, – если, конечно, подобное возможно. Тело будто съежилось, а кожа блестела и напоминала мрамор. От близкого присутствия смерти мне вновь стало не по себе, словно кто-то схватил меня холодной рукой за горло. Я надеялся, что Томас разрешит мне не присутствовать на вскрытии.

Альберт ухватил покойника под руки и мотнул головой в сторону его ног, будто говоря: "Бери". Мы приподняли тело, которое, к моему удивлению, оказалось легче, чем в прошлый раз.

– У графа была одна лошадь или несколько? – спросил Томас.

В ответ послышалось лишь похрюкивание, которое, однако, можно было растолковать как "одна".

– Много багажа?

Ответа не последовало. Мы вышли на улицу. По натоптанной тропинке скользили ноги, поэтому пришлось приложить все старания, чтобы не упасть и не уронить нашу благородную ношу.

Дверь в кузницу была приоткрыта, и Томас толкнул ее плечом. Там было прохладно, но в очаге жарко горел огонь.

По площади здесь было семь-восемь локтей в длину и ширину, но из-за множества инструментов кузница казалась меньше. Вокруг очага висели всевозможные клещи, кувалды и молотки, напильники, шила и прочие приспособления. Прямо посреди кузницы на полу находилась большая наковальня, а возле нее – двое козел с положенными сверху досками, на которые мы положили графа. Рядом с очагом был верстак и шкаф со столярными инструментами, а в углу составлены неоструганные доски различной длины и толщины. На верстаке стоял длинный деревянный ящик, уже начавший приобретать форму.

– Вижу, ты уже начал делать гроб, – сказал Томас.

– Хозяин, – откликнулся Альберт. Он подложил в огонь дров и направился к выходу.

– Вон оно что! – удивился Томас и внимательно посмотрел на гроб. – Прекрасная работа! – оценил он. Ясно было, что наш маленький хозяин немного вырос в глазах профессора.

Томас зашагал вслед за Альбертом, а я на секунду оглянулся и, прикрыв дверь в кузницу, заспешил по снегу за профессором.

Снегопад опять прекратился, но над горизонтом по-прежнему висели темные тучи, отнимая всякую надежду на то, что мы сможем уехать. Морозный ветер обжигал кожу, хотя сейчас он был мягче, чем вчера. Томас прошел в конюшню следом за Альбертом, я семенил за ними.

В конюшне было тепло, приятно и знакомо пахло сеном, теплыми конскими телами и навозом. Я подошел к нашим лошадям, похлопал их по крупу и удостоверился, что им здесь неплохо. Обе верховые лошади вели себя спокойно и казались довольными. У вьючной лошади на боку краснела смазанная жиром мозоль. Лошадь еще не оправилась от вчерашней дороги, и глаза у нее по-прежнему были тусклыми. Для тепла поверх попон все лошади были укрыты пустыми мешками. Возможно, людей Альберт недолюбливал, зато в лошадях явно души не чаял.

Остановившись на пороге, Томас внимательно осмотрел различные инструменты, составленные в ряд вдоль стены, взял в руки деревянные грабли и, приоткрыв дверь, принялся рассматривать их на свету. Я взглянул на Альберта: повернувшись лицом к Томасу, тот чистил скребницей большого жеребца. В падавшем из окна свете лицо его оказалось в тени, так что вместо глаз я видел лишь темные круги, а под ними – выпирающие щеки и торчащую бороду. На голове у конюха была вязаная шапка, однако она не закрывала пятна возле глаза, которое я заметил вчера.

– Какое из них – графское? – Томас посмотрел на седла, развешанные вдоль дальней стены. Альберт мотнул головой, и Томас повернулся к ближайшему седлу: – Вот это?

Альберт не ответил – он был всецело поглощен чисткой жеребца. К моему изумлению, Томас принял его молчание за согласие и снял седло со стойки.

– Петтер, открой дверь.

Стоя возле приоткрытой двери, мы принялись рассматривать массивное седло. Оно сильно отличалось от тех, что были на наших лошадях, и тех, которыми пользовались у меня на родине. Это седло было больше, грубее и менее гибкое, словно внутри находился деревянный костяк.

– Венгерское, – сказал Томас и показал на высокие боковые и переднюю луки, а затем приподнял седло с одного края, – ленчик деревянный, но набивки больше, чем обычно. Если хочешь знать мое мнение, то перед нами нечто среднее между кавалеристским седлом и его английской разновидностью, хотя в этих вещах я не силен.

Он вновь подошел к стойке и снял два продолговатых футляра – один длиной с руку, а другой намного короче.

– Их прикрепляют к седлу, а внутри держат оружие – вспомни ружье и пистолет, – пояснил Томас. Он заглянул внутрь и с любопытством повертел в руках. Вернув вещи на место, мы прикрыли дверь. – Откуда ты родом, Альберт? – Томас стал прохаживаться по конюшне. Но Альберт был занят лошадью. – Ты ведь уже долго работаешь на этом постоялом дворе, верно? Вижу, ты прекрасный и аккуратный работник. Твоему хозяину, фон Хамборгу, повезло, что у него есть такой конюх. Догадываюсь, что помимо этого ты еще работаешь в лесу, чинишь повозки гостям, если потребуется, можешь и лошадей подковать. И гробы делаешь, если и такая необходимость возникает.

Альберт поднял голову.

– Ведь вряд ли хозяин на подобное способен? По-моему, его руки не привыкли к плотницкой и другой тяжелой работе… К тому же… – улыбнувшись, Томас посмотрел на брюки Альберта, – на твои штаны налипла стружка.

Альберт опустил голову и вернулся к работе. Однако мне показалось, что в густых усах его мелькнула улыбка.

– Готов поспорить, что ты провел здесь лет шесть-восемь. – Взяв соломинку, Томас начал ковырять ею в ухе.

– Одиннадцать, – пробормотал Альберт.

– Так долго! Ну надо же! Тогда полагаю, что ты лучше знаешь жизнь на этом постоялом дворе, чем даже сам хозяин. Знаешь гостей, помнишь, кто бывал здесь прежде, у кого характер покладистый и тому подобное.

Альберт продолжал работать – уверенно, спокойно и глядя лишь на лошадь.

– Что ты сказал: где ты жил, прежде чем оказался здесь?

Конюх перевел взгляд на Томаса, глаза блеснули, а губы сложились в подобие улыбки.

Томас отшутился:

– Ладно-ладно, попытка – не пытка.

– Во Фредерикии.

Профессор уже было отвернулся, отчаявшись разузнать что-либо, поэтому, услышав ответ, порядком удивился.

– Значит, твои родители живут во Фредерикии?

Лицо Альберта помрачнело, и я подумал, что улыбка и блеск в глазах мне лишь привиделись. Это лицо с улыбкой незнакомо.

– Уходите! – проговорил он хрипло, но отчетливо, так что сомневаться не приходилось.

Томас кивнул и направился к двери.

– Спасибо за лошадей – конюх ты отменный, – сказал он и скрылся за дверью. Я поспешил следом.

Глава 9

Когда мы вышли во двор, я задал наконец два мучивших меня вопроса. К сожалению, Томас не смог ответить ни на один из них. Первый был самым важным:

– Мы скоро пойдем завтракать?

Томас рассмеялся:

– По времени впору и пообедать. Таким лежебокам, как ты, о завтраке остается лишь мечтать. Остальные уже давно позавтракали – и я тоже. Но давай спросим у Марии – возможно, у нее найдется что-нибудь для тебя.

Второй вопрос был менее важным:

– Зачем Альберт соврал нам, что гроб сделал хозяин?

Томас ответил не сразу – остановившись у крыльца, он посмотрел в сторону конюшни.

– Не знаю, – признался он, – наш конюх не просто молчун. В нем есть что-то загадочное, хочет он того или нет. Непростой человек.

Мы вошли внутрь и сняли плащи и шляпы. Сидя на своем привычном месте в углу, священник склонился над Святым Писанием. Рядом сидел плотник: возможно, ему хотелось немного поговорить, но надежды его явно не увенчались успехом. Когда мы вошли, он обрадовался, передвинул кружку пива и подвинулся сам, освобождая место для нас. Томас уселся там, а я устроился возле пастора, откуда была видна кухня.

– Как погодка? Не лучше? Скоро можно будет ехать? – Плотник кивнул головой в окно.

Томас покачал головой:

– Снегопад закончился, но небо темное и в лесу намело такие сугробы, что лошадям не пройти. Придется нам набраться терпения и подождать, когда сугробы немного осядут.

– Но на это уйдет несколько дней, а может, и недель! – Грубое одутловатое лицо плотника вновь сделалось таким же угрюмым, каким было, когда мы вошли. Схватив кружку, он допил пиво и махнул Марии, чтобы та налила еще.

Когда девушка принесла пиво, Томас сказал, что нам хотелось бы перекусить, и спросил, не принесет ли она хлеба, а священник оторвался от чтения и кивнул.

– Да, – сказал он, – как ни странно, в такую погоду всегда мучает голод. Бездействие и ожидание истощают силы.

Мария улыбнулась:

– Сейчас подам всем обед.

На столе появились хлеб, сыр, ветчина и масло. По распоряжению Томаса я сбегал в нашу комнату и принес кофемолку и кофейные зерна, Мария исполнила все указания профессора, и вскоре на столе перед ним стоял кувшин с ароматным кофе, от запаха которого священник с плотником наморщили носы.

– Я слышал, что это новомодное зелье так ударяет в голову, что недолго и свихнуться, – сказал плотник.

Томас налил кофе себе и мне.

– По утрам от этого напитка у меня проясняются мысли, – ответил он, – и, по-моему, чокнутым я не стал – не более, чем прежде. Впрочем, мои любезные сотрапезники, вам виднее.

Атмосфера за столом воцарилась веселая. Мы принялись за еду, а Мария поглядывала на нас из кухни. Набравшись смелости, я спросил:

– Не хочешь присоединиться?

– Да, иди сюда, девочка моя! – воскликнул плотник, похлопав по лавке рядом с собой.

Мария, похоже, обрадовалась приглашению. Взяв кружку, от которой шел пар, девушка подошла к лавке с той стороны, где сидел Томас, так что им с плотником пришлось

подвинуться, и уселась напротив меня. Плотник поглядел на нее исподлобья, но ничего не сказал. Я отвел взгляд и посмотрел на стену, на деревянную обшивку. Красивая обшивка. Я вдруг вспомнил: что это за странный покачивающийся прибор на стене. Пару месяцев назад Томас показывал мне рисунок такого прибора – он назвал его хромометром или вроде того. Профессор заказал эту штуковину из Голландии, где она называется *"glocke".* Он утверждал, что она может измерять время. Мария намазывала маслом кусок хлеба. Волосы она забрала на затылке тоненькой лентой.

– А чем вы, любезнейший, зарабатываете на кусок хлеба? – спросил Томас, прожевав.

Плотник оторвал взгляд от кружки с пивом, быстро взглянул на священника, а затем – на Томаса.

– Я… Я мастерю всякое. Плотник я.

– Дома, мебель или кареты? Или что-то другое?

– Хм… дома.

– Значит, нашли работу и направляетесь на новое место? – заинтересовался Томас.

– Э-хм… Ну да. В Колдинг. Говорят, там требуются рабочие руки.

– Значит, и инструменты захватили?

– Да. То есть нет… Кое-какие. – Плотник неуверенно усмехнулся, обнажив крупные зубы.

Томас задумчиво почесал щеку.

– Я слышал, что старую древесину следует на неделю поместить в смесь соленой воды и вытяжки из лютика, а потом на зиму положить в темное место и дождаться, пока древесина высохнет. Тогда якобы древесина станет как новая. Одного не понимаю: почему место должно быть именно темным?

Плотник потер грубой лапищей щетинистый подбородок.

– Ну, это, вроде как, чтобы дерево сохло помедленней… – объяснил он и усмехнулся.

Кивнув, Томас намазал маслом ломоть хлеба и аккуратно положил на него сыр и ветчину.

– Вон оно что. Ну конечно же!

Откусив кусок, Томас на секунду умолк.

– А что за свет вы видели сегодня ночью возле сарая?

Плотник в замешательстве оглядел собеседников. По-моему, ему явно хотелось поговорить о чем-нибудь другом.

– Выживьтевугловойкомн-те?

– Чего-о? – Все вопросительно уставились на Томаса, а тот прожевал наконец и повторил вопрос:

– Я спросил – разве вы живете в угловой комнате?

– Нет, моя комната в середине коридора, – ответил плотник, не понимая, к чему ведет Томас. Тот безмятежно дожевал кусок и вытер рот большим платком.

– Как же вы тогда увидели свет возле сарая? Плотник совсем растерялся и принялся жадно глотать пиво, так что кадык у него заходил ходуном. Потом, искоса глядя на Томаса, он ответил:

– Я… Я спустился сюда… Кое-что забыл…

Я посмотрел на Томаса, но ответ, похоже, устроил его, хотя сам я не сомневался – плотник лжет.

– Нужно было проверить, хорошо ли заперты двери сарая, – добавила Мария, – ходят слухи, что в округе опять появились волки. Не дело это, чтобы покойного графа сожрал какой-нибудь паршивый волк.

– Да уж, прискорбно, что граф умер в самом расцвете лет, – сказал Томас.

– Кого хочет – милует Всевышний, а кого хочет – ожесточает! – откликнулся пастор Якоб. – Послание святого апостола Павла к Римлянам.

Мария внимательно посмотрела на священника. Я видел, что она обдумывает услышанное.

– Это значит, – спросила девушка, – что Всевышний решает, кому умереть, а кому – жить дальше?

– Господь сказал: Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел, – ответил священник.

Меж бровями у девушки пролегла чуть заметная морщинка. Она посмотрела на пастора, будто заподозрив, что тот издевается над ней.

Томас пустился в объяснения:

– Иначе говоря, Господь решает, кого любит и кого ненавидит, и тем самым определяет, кто будет жить дальше, а кто должен умереть. – Он повернулся к священнику и продолжал: – По воле Божьей много лет прошло с тех пор, как я изучал теологию, однако если память не изменяет мне, то Всевышний произнес эти слова, когда Иаков и Исав еще лежали в материнской утробе и даже не родились.

Священник согласно кивнул.

– Вот только правильно ли это – судить нерожденного ребенка? Возможно, из него вырос бы один из самых верных слуг Божьих, а его заранее обрекают на ненависть.

Священник взглянул на Томаса, и в глазах его сверкнула ярость.

– Кто ты такой, человек, что осмеливаешься противиться Господу? Могущество Всевышнего безгранично. Он беспощаден к тем, что отрекается от Него и сомневается в справедливости суда Его. Никто, НИКТО не должен сомневаться в любви Божьей! – И, умолкнув после этой вспышки, священник вновь углубился в Библию. Остальные молчали. Внезапно Мария спросила:

– Сколько стоит такая прекрасная книга?

Пастор не сразу понял, что она обращается к нему. Он поднял взгляд и посмотрел на Марию, которая с любопытством разглядывала книгу, поигрывая ножом.

– Такие прекрасные украшения! – Девушка показала ножом на изящные деревянные наугольники наверху и внизу переплета. – Должно быть, дорогие!

Плотник повернулся к Томасу – похоже, ему хотелось сменить тему разговора.

– Как я погляжу, вы господин ученый. Где вы учились?

Священник не сводил своих серых глаз с Марии. Его немигающий взгляд был полон какой-то притягательной силы. Отхлебывая из кружки, Мария переводила глаза со священника на книгу в его бледных руках. Наконец он улыбнулся, обнажив желтые зубы. Он любовно погладил переплет книги, проведя пальцами по изящно украшенному переплету. Я наклонился ближе, желая рассмотреть Библию. Темный деревянный переплет с теплым красноватым оттенком и искусно вырезанной фигурой Христа на деревянном клипеусе[7]. Подобно судье, Сын Божий восседал на небосклоне, а сверху над небесным сводом парили два ангела – один с арфой, а другой – с трубой. Слева внизу виднелась фигура архангела Гавриила, а справа Князь Тьмы командовал полчищами маленьких чертей, которые тащили грешников в ад. На самом верху, в рамке, было написано одно-единственное слово: "*Biblia*", а внизу я рассмотрел сделанную маленькими буковками надпись: *"Die Bücher der ganz Heiligen Schrift"*[8]. Мои познания в немецком позволили мне перевести надпись так: "Книги совсем

Священного Писания". Корешок книги тоже был деревянным. Очевидно, что книга была дорогой, искусно изготовленной и тяжелой. Такой предмет уместнее смотрелся бы в руках аристократа, а не обычного священника.

Я поднял голову: Томас подробно рассказывал о преподавании в университете, а плотник, похоже, уже пожалел, что так неудачно сменил тему разговора. Во всяком случае, пивная кружка явно занимала его больше, чем рассказ Томаса.

– В этой книге заключено Слово Божье, которое нельзя измерить деньгами.

– Но если я… – Мария на миг умолкла и задумалась, – если я, увидев и услышав так много, решу изучать Священное Писание – подобное тому, что сейчас у господина священника, сколько мне придется потратить?

– Эта священная книга досталась мне в наследство от моего отца, который, в свою очередь, унаследовал ее от своего батюшки. Этой книгой в нашей семье владело пять поколений. Ценность ее не измерить деньгами, – священник любезно улыбнулся, – но двадцати риксдалеров будет достаточно, чтобы купить другой прекрасный экземпляр Священного Писания.

– А если мне хочется именно такой? – упрямо повторила Мария, указав на книгу. – Слово Божье стоит больше двадцати риксдалеров.

Священник взглянул на меня, затем на Марию и печально вздохнул:

– Библию можно купить и за пятьдесят риксдалеров, и за сотню, и за две сотни.

Я решил, что подобная книга обойдется по меньшей мере в тысячу риксдалеров, но я прекрасно понимал священника: даже доживи Мария до ста лет – она никогда не сможет купить книгу, подобную этой.

Однако Марию, похоже, такой ответ устроил.

С порога послышался шум, и мы обернулись. Альберт поставил на пол короб с дровами, поднял с пола упавшее полено, положил его в короб и, не глядя на нас, понес дрова к очагу Он собрался было открыть крышку короба, когда кто-то вдруг протянул снизу грязную руку и помог ему Он пробормотал в ответ слова благодарности и высыпал дрова. Мария поднялась с лавки и сказала ему, что обед готов, но Альберт сердито покачал головой и скрылся за дверью.

– Господи Иисусе, – Мария удивленно смотрела ему вслед, – и сейчас не хочет есть, а ведь он такой огромный!

– Он мало ест днем? – спросил Томас.

– Точно не знаю – он часто берет еду с собой, но я заметила, что сегодня на завтрак он не ел кашу, а это на него не похоже! Обычно этот обжора за день съедает пол-лошади! – сердито проговорила девушка, но в ее голосе мне послышалось беспокойство.

– Вы помолвлены? – к моему собственному ужасу, этот вопрос задал я сам.

Мария рассмеялась.

– С этим олухом Царя Небесного?! Нет-нет-нет! – Она подмигнула мне. – Мария совершенно свободна и ждет достойного избранника с честными намерениями.

Томас тихо засмеялся, а я почувствовал, как краска бросилась мне в лицо, и принялся быстрее намазывать бутерброд.

– Не следует Марии упоминать имя Христа всуе, – строго посмотрел на девушку священник Яков.

Мария бросила на него лукавый взгляд:

– Когда я сказала про олуха Царя Небесного? Но господин пастор же понял, что речь об Альберте?

– Мария произнесла имя Сына Божьего неподобающим и кощунственным образом, – терпеливо объяснил священник. – Всевышний сказал Моисею: "Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно!" Эту заповедь должны соблюдать все дети Божьи – и ты тоже, Мария.

Мария встала и прошла на кухню, где принялась за работу, но внимательно слушала священника, как и все мы. Священник же продолжал говорить:

– Моисей взошел на гору Синай, где ему явился Господь, который дал ему каменные скрижали с начертанными на них заповедями и велел научить народ тому, что написано в них. Это Его Слово, и если мы последуем ему, то Господь примет нас к себе в тот день, когда все мы предстанем пред великим судьей.

– А день этот уже близок! – тихо донеслось с порога.

Мы удивленно обернулись: на пороге стоял неизвестно когда появившийся маленький трактирщик. Он медленно приблизился к столу, прикрываясь, будто щитом, какой-то черной книгой.

– Я уже долго изучаю центурии великого Мишеля де Нострдама, – волнуясь, проговорил он, – чтобы тьма, которая наступит в будущем, не поглотила меня. Я хочу знать, что принесет мне грядущий год, грядущее столетие, хочу предвидеть добро и зло. Хочу подготовиться. – Он сглотнул слюну и замолчал, подыскивая слова.

Неодобрительно посмотрев на трактирщика и книгу, священник хотел было сказать что-то, но хозяин предостерегающе взмахнул рукой.

– Нет, пастор Якоб, не перебивайте меня! Мои слова предназначены и для ваших ушей тоже. Вы знаете Писание и знаете, что когда-то на землю пришел Сын Божий и возвестил, что наступит Царствие Небесное. Ученые мужи спорили о том, когда это произойдет, и сам я изучал труды святого Евсевия Кесарийского и других, писавших об этом. Нигде я не мог отыскать точного ответа, нигде, пока не наткнулся на эти старые записи великого провидца, который предсказал почти все. И теперь… теперь я знаю… – Он вновь умолк и растерянно осмотрелся, пока его взгляд не остановился на окне. В глазах хозяина засветился ужас, словно из-за стекла на него смотрело само Зло. Я в страхе повернулся и тоже выглянул в окно, но ничего не увидел – лишь белый снег и застилавшие небо облака, от которых день становился серым и безрадостным. Казалось, будто солнце обессилело и сдалось на милость туч. – … теперь я знаю, что произойдет это сейчас. Сейчас. Время пришло… – Прошептав это, фон Хамборк бессильно опустился на лавку возле тучной фигуры Томаса Буберга. Сейчас он выглядел еще меньше и тщедушнее.

Воцарилась тишина.

Внезапно я вздрогнул: в трактире раздался громкий пронзительный звон, похожий на звон церковного колокола. Казалось, звон заполнил всю мою голову и она вот-вот разлетится на куски. Стены затряслись, а звук наконец медленно стих. *Судный день пробил!*

Я замер от ужаса и уставился на часы на стене – именно оттуда шел этот звук. Однако ничего больше не происходило. Часы ударили лишь один раз и умолкли. Теперь до меня доносилось лишь тихое ровное тиканье. Похоже, остальные вообще ничего не заметили, и я попытался успокоиться и посмотрел на Томаса.

Казалось, тот был полностью погружен в собственные мысли, но переводил взгляд из-под полуопущенных век с плотника на священника. Пастор Якоб с явным недоверием посмотрел на трактирщика, вновь открыл Писание и углубился в чтение. На плотника речь фон Хамборка произвела сильнейшее впечатление: он стал бледен, будто выстиранная простыня, и в ужасе вглядывался в книгу, что была в руках у трактирщика. По его массивному лбу потекли струйки пота.

– Почему вы в этом так уверены, фон Хамборк? – повернувшись к трактирщику, спросил Томас с такой добротой, будто обращался к ребенку.

Фон Хамборк медленно открыл книгу, дрожащими руками достал оттуда лист бумаги и проговорил:

– Вот что написано в седьмом катрене одиннадцатой центурии.

Зловещий змей предаст готическое время,

Пселлов д’Амант навеет стужу,

До марта все, обуянные паникой, умрут,

Ты четкам свой вопрос задай – они дадут ответ.

Фон Хамборк захлопнул книгу и прикрыл глаза, ожидая, что мы скажем на это.

– Селлов Дамант? Это еще что такое? – спросил Томас.

– В трактате Михаила Пселла “О демонах” написано, что именем д’Амант называют демона. Само слово “демон” Нострдам не использовал, опасаясь, что Церковь обвинит его в колдовстве.

– Я слышал про этого Нострадамуса, – заявил священник с неприкрытой издевкой в голосе, – он утверждал, что придет день, когда человек ступит на луну! Неслыханная глупость! – Пастор тихо рассмеялся, хотя глаза его смотрели серьезно. – Кто поверит подобному глупцу? Но хуже всего другое: он полагал, что разгадал замысел Творца. Он думал, что предвидит события дня грядущего! – От негодования голос у священника сорвался, и тот умолк и перевел дыхание, оглядывая горящим взглядом скрюченную фигуру трактирщика. – Никто, НИКТО, кроме Господа нашего, не знает, что принесет нам завтрашний день!

Томас внимательно выслушал тираду священника, но, очевидно, его она испугала меньше, чем всех остальных.

– Я знаю, что этот Нострадамус предсказал великий пожар в Лондоне в шестьдесят шестом. И свержение и казнь короля Карла Первого в тысяча шестьсот сорок девятом. – Томас взглянул на трактирщика, и тот благодарно кивнул – с этой стороны поддержки он явно не ждал. – Но я не понимаю, – продолжал Томас, – как из той центурии, которую вы зачитали, понять, что скоро грядет Судный день. Разве пророчества Нострадамуса не относятся ко времени, которое наступит через несколько сот лет?

Фон Хамборк собрался было ответить, когда раздался громкий крик:

– ХЕРБЕРТ! Херберт, ты нужен мне! Куда ты подевался?

Женщина, которую вчера мы обнаружили без сознания и уложили в постель, теперь стояла на пороге, одетая в ночную сорочку, камисоль и ночной чепец. Она была живее всех живых и смотрела на мужа еще более сердито, чем прежде священник. Когда она обвела взглядом сидевших за столом, то даже пастор Якоб отвел глаза.

– Вам лучше? – Встав с лавки и любезно улыбнувшись, Томас подошел к госпоже Хамборк.

– Это вы меня обследовали? Херберт рассказывал о вас. – Голос у нее оказался резким. Она внимательно с головы до ног оглядела грузную фигуру профессора, и тот, видимо, показался ей человеком достойным.

– Профессор Томас Буберг к вашим услугам. – Томас поклонился и поцеловал любезно протянутую ему руку. – Я имел честь оказать вам помощь, когда вы почувствовали недомогание, и прописал вам покой и отдых. Как я вижу, вы последовали моим указаниям. Надо сказать, вы выглядите намного лучше, но если позволите, то я хотел бы притронуться к вашему лбу. Окажите любезность, присядьте. – Томас довел женщину до лавки и усадил

возле мужа, после чего торжественно поднял ее руку и пощупал пульс, рассеянно глядя в окно.

Его губы шевелились, будто он обсуждал диагноз сам с собой. Затем он потрогал ее лоб, потом тыльной стороной руки притронулся к щекам, заглянул ей в глаза, оттянув нижнее веко, изучил оттенок глазного яблока и наконец попросил высунуть язык, чтобы посмотреть, какого цвета налет на языке.

– Рекомендую лечь в постель до ужина, овощи с хлебом на ужин, никакой говядины, можно курицу или рыбу, – а потом поменьше находиться в одиночестве. Потрясение, которому вы подверглись вчера, не следует прятать в себе – нужно переживать его, находясь среди других людей. Иначе может возникнуть склонность к запорам и всяческим иным недомоганиям.

Господин и госпожа Хамборк внимали каждому слову профессора, и я почувствовал гордость и стыд. Гордость оттого, что мой учитель знает и умеет так много, и смущение, оттого, что он играет подобным образом на доверии окружающих. Однако я также знал, что Томас никогда не станет смеяться над теми, чьими чувствами он подобным образом манипулирует. А вечером, когда мы вспоминали всё произошедшее за ужином, он сказал мне:

– Я поступаю так, только если другого выхода нет, и никогда – веселья ради или чтобы потешить собственное самолюбие.

Трактирщик взял супругу под руку, и они собрались уходить. Томас поклонился им и сказал:

– Мне и самому пора немного отдохнуть. Дамы… – он посмотрел в сторону кухни, – и господа, с вашего позволения. Пойдем, Петтер! – С этими словами он направился к двери, а я зашагал следом. Священник тоже засобирался.

Проходя мимо очага, я посмотрел вниз, где возле короба с дровами сидела нищенка. Голова ее была опущена, испачканную руку она положила на колени, а из-под капюшона выглядывал черный от копоти нос и часть щеки.

Глава 10

– Когда-то давно в пустыне, возле реки, появилась небольшая деревушка, – проговорил вдруг сзади Томас. За окном сгущались сумерки, и в грязном оконном стекле я видел его отражение. Профессор одолжил у Марии пилу для разделки мяса и теперь держал ее в руках. – Деревушка была бедной, но из прекрасной речной глины жители изготавливали отличные глиняные горшки. Несколько раз в год деревенские отправлялись в город, где меняли горшки на еду и предметы первой необходимости. – Его голос не мог полностью заглушить скрежета пилы о реберные кости графа, которые постепенно раздвигались. Рассказ Томаса помог мне справиться с тошнотой, и я остался в кузнице. – Но река одной рукой давала, другой – отнимала. Один раз в год, а порой и чаще, она выходила из берегов, и тогда вода смывала вылепленные на продажу горшки. Иногда река разрушала и дома, а несколько раз унесла пару человеческих жизней, и лишь потом успокоилась и вернулась в свое русло. Жители деревни привыкли к прихотям реки. Им и в голову не приходило, что можно придумать способ, как избежать ущерба.

Томас вытер пилу о простыню, на которой лежало тело и которая теперь насквозь пропиталась липкой кровью. Томас взял у хозяина два лучших фонаря и повесил их под потолком. Фонари слегка раскачивались, и казалось, будто по кузнице гуляет ветер. Его порывы все усиливались, тени плясали, и в этот странный момент даже граф выглядел ожившим.

– В один год река особенно разбушевалась и выходила из берегов много раз, так что горшков у жителей не осталось и на продажу везти было нечего. Тогда один из городских

старейшин поднялся и сказал, что нужно что-то делать – иначе вскоре погреба опустеют и есть им будет нечего.

В окне отражалось, как Томас ухватился за нижние ребра графа, и в животе у меня все сжалось, будто он схватил мои собственные кости.

Томас взглянул на меня и принялся за следующее ребро.

– Итак, слово взял старейшина, который сказал, что сейчас, когда горшков не осталось, нужно придумать какой-нибудь иной выход, догадаться, что имеется в деревне такого, что можно обменять на еду. Проговорив это, он сел на свое место. Много дней жители ломали над этим голову, но ничего дельного не придумали. И вот как-то раз, – продолжал Томас, – один ребенок отправился к реке поиграть. Он взял с собой горшок с выбитым дном и сделал из него нечто вроде плотники, а сверху построил крошечный домик. Это увидел один человек, который рассказал о выдумке старейшинам. Такая идея им понравилась, и жители принялись лепить высокие горшки без дна. Потом их сложили рядом, вплотную, а сверху выстроили дома. Прошло время, и река вновь вышла из берегов и затопила город – но на этот раз вода лишь заполнила горшки, так что все остальное уцелело. С того момента старейшины постановили, что когда они столкнутся с проблемами в следующий раз, то будут искать решение сразу и постараются не доводить до крайности.

С левой стороны из окровавленной, ободранной груди графа торчали ребра, похожие на шпангоуты корабля. Одно из ребер выпало и валялось на полу. Я отвернулся от окна. Томас пододвинул ногой большой, полный опилок таз так, чтобы кровью не заливало пол.

– Смотри, – сказал он, склонившись над телом и указывая скальпелем, которым недавно рассек грудь покойного, – плевральная оболочка проткнута, причем насквозь, следовательно, та небольшая ранка, которую мы заметили на груди, сквозная и затрагивает пульмо, то есть легкое. – Томас оттянул срезанную кожу и показал мне рану изнутри. Крошечная дырочка, не намного больше укола, будто кожу прокололи штопальной иглой. – Нам надо вынуть эту часть легкого и посмотреть, поражен ли орган насквозь. Сомневаюсь, что подобный укол оказался смертельным – вряд ли, однако если… – и Томас внимательно посмотрел на место прокола – …хм… если орудие прошло насквозь вот так… – он указал пальцем на грудь, – то оно могло поразить сердечную мышцу, а такая рана смертельна. Тогда кровь перестает циркулировать по телу, а вместо этого выливается из раны и попадает в абдомен. – Томас показал на брюшную полость, откуда вынул желудок, кишки и почки – теперь они лежали на простыне возле побелевших ног покойника. На дне брюшины виднелось целое море запекшейся крови.

Томас осторожно вырезал большое легкое и попросил мне помочь оттянуть его в сторону, так чтобы можно было взглянуть на легкое изнутри. Отыскать след от укола в полутемной кузнице оказалось непросто, спина у меня заболела, и я выпрямился, но Томас вдруг вскрикнул, и я вновь склонился над легким. Томас показал на маленькое темное пятнышко и довольно присвистнул.

– Вот где орудие вышло. Я почти уверен. – И он наклонился над сердцем.

Внезапно я догадался, что он рассказывал про деревеньку в пустыне и пытался отыскать ранку от укола для того, чтобы отвлечь меня от отвратительного зрелища, какое являл собой вскрытый труп, он хотел, чтобы я позабыл о сладковатом запахе крови и меня перестало тошнить. Усмехнувшись, Томас выпрямился. На губах у него появилась торжествующая улыбка: ответ на свой вопрос он получил. Графа ранили в грудь, и орудие пронзило сердце.

Я махнул рукой туда, где на стене висели инструменты для обработки дерева:

– А могли его ударить шилом?

– Сейчас проверим. – Томас взял шило и поднес острие к сердцу графа.

– Нет, оно слишком короткое и не достало бы до сердца. К тому же мне кажется… – схватив графские камзол и жилет, он расправил ткань с левой стороны, – что его поразили более тонким предметом.

Томас проткнул жилет шилом рядом с уже имеющимся отверстием от орудия убийства. Все сомнения рассеялись – графа убили и совершили это преднамеренно. Томас принялся сравнивать:

– Видишь, дырка, оставленная шилом, почти в два раза больше, чем отверстие, оставленное убийцей, – профессор отложил шило и одежду в сторону, – тот, кто это проделал, не силен в анатомии. Если бы он ударил вот здесь, – и Томас показал на сердце под грудной клеткой, – то даже шила было бы достаточно, причем в этом месте не так много мышц. Но с другой стороны, – он пожал плечами, – кому подобное придет в голову?

Мы как раз затолкали легкое обратно, когда руки у меня обдало холодом, а какой-то странный звук возле двери заставил нас повернуться. В низком дверном проеме скрючился Альберт – его мучили приступы тошноты, а лицо было таким же бледным, как у графа. Круглыми от ужаса глазами он уставился на покойника, а потом перевел взгляд на Томаса – руки у того были заляпаны запекшейся кровью, и он почесывал локоть о торчащее из графской груди ребро.

– Я… – Конюх беспомощно умолк и вновь взглянул на мертвое тело. Сглотнул слюну. Посмотрел на Томаса. – … Гроб… я… – Рот искривился, на губах появилось некое подобие дикой ухмылки, голова его задрожала, на миг его безумный взгляд остановился на мне, а затем дверь захлопнулась и он исчез.

Я посмотрел ему вслед и задумчиво проговорил:

– Интересно…

Взглянув на меня, Томас рассмеялся и кинул в меня графским сапогом. Потом он засунул внутренности обратно и, прикрыв их ребрами, начал сшивать грудь графа У-образным швом, а я сжег простыню и окровавленные опилки и нагрел большой котел воды, чтобы смыть кровь со всего живого и мертвого и хорошенько помыть кузницу.

Перед вскрытием, когда мы отдыхали после обеда, я спросил Томаса, почему его так занимает смерть графа. Сам я считал, что нам следует побеспокоиться о том, как выбраться отсюда и доехать до Рибе, чтобы не опоздать к празднованию Нового года.

Томас сидел на кровати.

Помолчав, он поднял глаза и сказал, что здесь один ответ для короля и два – для меня. Однако он мне даст все три.

– Для короля, – сказал он, – благородное происхождение графа должно быть достаточно веской причиной для того, чтобы расследовать обстоятельства его смерти. Нельзя сказать, что король пылает особой любовью к аристократам, однако и ссориться с ними он не желает. А здесь, на территории Дании, в мирное время умирает иностранный граф – и это серьезный повод для беспокойства, – Томас улыбнулся, – таков мой ответ королю. Но будь мертвец графом или не графом, я в каком-то роде чувствую себя обязанным отыскать виновного в человеческой смерти. Потому что, – и профессор как-то странно посмотрел на стопку книг на столе, – знания обязывают.

А давая второй ответ, Томас виновато улыбнулся, будто считал его недостаточно обоснованным, и тем не менее заметил, что мудрость не кормит мудреца, а наоборот – заставляет голодать. Сказав все это, Томас лег отдыхать.

Я немного поразмышлял над его словами, а потом тоже завалился спать.

Когда я проснулся, Томас сидел за столом и читал книгу.

Увидев, что я проснулся, Томас поднялся и, направившись к двери, сказал, чтобы я собирался и спускался в кузницу. Немного погодя я спустился вниз по лестнице и увидел, что

Томас стоит на пороге трактира с пилой для распилки мяса в руках и шепчет что-то Марии. Девушка качала головой. Что бы он там ни говорил ей, это явно не приводило ее в восторг.

Однако теперь наше пребывание в кузнице, к счастью, подходит к концу.

– Поможешь мне? – Томас обмыл тело графа, вытер его и теперь держал в руках чистую простыню. Мы с трудом завернули крупное тело графа в простыню, так что снаружи осталось лишь лицо, лицо спящего, черты которого все более заострялись, превращаясь в мраморную маску.

Альберт принес из сарая камзол и жилет графа и бросил их в кучу на полу возле двери, а Томас перед вскрытием срезал с покойного штаны и рубаху. Когда мы выходили из кузницы, я забрал одежду, чтобы, когда представится возможность, отнести ее в комнату графа.

Я прикрыл за нами дверь, а в горле у меня встал комок: лежащий на скамье и завернутый в белое, граф показался мне несказанно одиноким, и, чтобы немного развеять его тоску, один из фонарей я тушить не стал.

Глава 11

Вернувшись в комнату, Томас приказал мне взять перо и бумагу и приготовился диктовать, но я спросил его:

– Та сказка, которую вы рассказывали сегодня в кузнице, – откуда вы ее знаете?

Томас рассмеялся:

– Эта "сказка" приснилась мне сегодня ночью, после того, как мы с тобой сходили в сарай. Иногда я очень хорошо запоминаю собственные сны и сегодня утром, когда я проснулся, довольно отчетливо вспомнил этот сон. Знаешь, порой день задает вопросы, а ночь отвечает на них, – он уселся на кровать, – однако давай посмотрим, какие ответы принес нам сегодняшний день. Итак, во-первых, теперь нам известно, что граф д'Анжели был убит каким-то тонким предметом, длина которого составляет по меньшей мере, – он расставил руки, – около четырех дюймов. И предмет этот слишком тонкий – так что сразу и не определишь, что это такое. Пока мне ничего не приходит в голову, разве что такой длинный крюк, которым поправляют солому на крыше дома. Он довольно длинный, но слишком толстый.

Профессор замолчал и, глядя перед собой невидящим взглядом, принялся постукивать пальцами по губам и что-то бормотать. Наконец он кашлянул.

– Давай выдвинем гипотезу, а потом разберем, доказывают ли ее факты или опровергают. Итак, предположим, что преступник продумал и подготовил это убийство заранее, во всяком случае, на какую-то долю. Иными словами, я исключаю, что графа убили случайно или в припадке гнева, – профессор посмотрел на меня, – какие факты поддерживают эту гипотезу?

Пламя свечи затрепетало от сквозняка, и я поёжился. Зимняя непогода заперла нас здесь, среди чужих людей, а теперь один из постояльцев мертв. Кто мог запланировать подобное? Я сказал об этом Томасу, и тот кивнул.

– Но не забывай, что мы появились здесь на день позже всех остальных. Нам неизвестно, что происходило накануне нашего приезда или за сутки до этого. За полдня можно многое продумать. Но хорошо, что ты упомянул об этом, надо выяснить, почему большинству гостей граф не нравился – а похоже, это так. Что он такого им сделал или сказал? – Томас озадаченно умолк на мгновение. – Сегодня за обедом случилось кое-что в высшей степени странное. И я понял это лишь сейчас…

Я молча ждал, а Томас нахмурился.

– Никто, ни один из них не желал разговаривать о графе и его смерти. Не удивительно ли? Вспомни: вот мы сидим за столом, группа людей, которые из-за ютландской зимы не

могут отсюда вырваться. Вдобавок ко всему один из гостей мертв, умер при совершенно загадочных обстоятельствах, хотя большинство других по-прежнему не знает, насколько загадочных. Убийство непременно захотели бы обсудить. Но что же происходит с нашими соседями? Стоило мне лишь упомянуть о графе, как тема разговора тотчас же меняется. Никто не проявляет ни малейшего любопытства. Умерший не вызывает никакого интереса. Ни у кого из них. – Томас резко выпрямился. – Нет, нужно взглянуть на задачу с точки зрения науки. Вернемся к моей гипотезе. Какие факты поддерживают версию о преднамеренном убийстве?

Я покачал головой – у меня никаких соображений не было. Профессор поднял палец.

– Орудие убийства очень необычное – значит, преступление планировали заранее. Некий предмет необычной длины и толщины, который не у каждого окажется при себе в зимний день на постоялом дворе. Следовательно, то, что в обычный зимний день кто-то все же захватил с собой подобный предмет, является неестественным, верно? Зачем тогда кому-то понадобился этот предмет? Затем, чтобы использовать его с некой неестественной целью, а именно – для убийства другого человека.

Я понял наконец ход его мыслей. Профессор поднял еще один палец.

– Во-вторых, на теле графа мы обнаружили несколько ран различного происхождения. Если… Правда, это из области догадок… но, тем не менее, если все эти раны нанесены незадолго до того, как графу проткнули грудь, то могу предположить следующее: убийца встречает графа и бьет его кулаком по голове, возможно, несколько раз. Граф падает, и преступник колет его в горло каким-то острым предметом. Помнишь небольшую ранку прямо возле шеи? А затем графу наносят смертельную рану в грудь.

– Но почему преступник не проткнул графу грудь сразу же? Или не воткнул орудие поглубже в горло?

– Сначала отвечу на второй вопрос. Полагаю, что так преступник попытался скрыть убийство. Рана в горле более заметна и сильно кровоточит. А небольшой укол на груди мы вполне могли бы не заметить. И тогда все подумали бы, что граф упал, ударился головой и насмерть замерз. Ты же слышал, что сказал хозяин. Он предполагал именно это. – Томас вновь умолк, а потом пробормотал: – Трактирщик, да… Почему он так уцепился за эту версию?

– Ему не нравится, что на постоялом дворе произошло убийство. Постояльцы испугаются и не станут здесь жить, – предположил я.

– Это точно. Возможно, ты прав, – он усмехнулся, – но трактирщик нашел другой прекрасный выход: будущего вообще нет! Прежде чем наступит новый год, нас всех ждет Судный день!

Я вздрогнул. Подобная мысль вовсе не казалась мне смешной.

Томас вернулся к убийству:

– Ты спросил, почему бы убийце сразу не проткнуть графу грудь. Не знаю. Возможно, граф повалился на бок и добраться до груди было нелегко. Или же… нет, не знаю, – он хлопнул себя по ляжкам, – попробуем пойти дальше и подумаем, кто мог совершить подобное. Мы уже решили, что женщин можно исключить, и я по-прежнему придерживаюсь этого решения. Свалить с ног такого крупного мужчину… сам понимаешь.

Я кивнул.

– По той же причине мы исключили трактирщика. Остаются Альберт, священник и плотник, который на самом деле не плотник. Три человека.

– Почему вы решили, что он не плотник? – перебил я профессора.

– Вспомни про старую древесину, которую якобы можно восстановить, если поместить в смесь соленой воды и вытяжки из лютика! Неслыханная чушь!

– Но вам же кто-то рассказал про это. Значит, вполне возможно, что так оно и есть.

– Если бы даже мне об этом кто-то рассказал, то я все равно посчитал бы это чушью. Однако тогда я, возможно, проверил бы этот способ, прежде чем так решительно называть его чушью. Но все дело в том, что я придумал его прямо во время беседы с нашим любезным плотником. Ни один настоящий плотник подобным россказням не поверил бы.

Я рассмеялся и показал три пальца:

– Получается, у нас трое – плотник, который на самом деле не плотник, священник, который, похоже, прирос к Библии, и конюх, лишившийся дара речи.

Томас засмеялся в ответ, но один палец загнул.

– Нет, у нас двое подозреваемых, как я уже говорил. С трудом представляю доброго Якоба в роли хладнокровного убийцы. К тому же в тот вечер в трактире его башмаки были сухими – ты сам заметил. Значит, на улицу он перед этим не выходил, а это достаточно веское доказательство.

– Но он мог надеть сапоги и переобуться потом.

– Да, об этом я тоже думал. Но когда вы относили тело графа в сарай, он вышел на улицу в ботинках. Значит, сапоги либо находятся у него в комнате, либо же подобная роскошь вообще не для нашего священника. По-моему, второе вернее. Мне священник показался человеком довольно неприхотливым, которого больше заботит Писание, а не собственные удовольствия. Но давай все же не будем полностью исключать пастора. Если применить на этот счет первое правило Декарта, то, пока мы не удостоверимся, что другой обуви у Якоба нет, исключить его невозможно. – Томас схватил правой рукой большой и указательный пальцы левой. – Итак, у нас остаются Альберт и ненастоящий плотник. Оба лгут по пока неясным причинам – то есть нам неясным. Судя по телосложению, это преступление мог совершить любой из них, оба они ведут себя странно, почти подозрительно, хотя я бы сказал, что наш конюх по странности идет на полголовы впереди. Плотник – будем так его называть, пока не выясним правду, – был на улице как раз перед нашим приездом. Насчет Альберта точно непонятно… хотя погоди-ка! Помнишь вчера, когда мы только подъехали к воротам, ты начал дергать за веревку. И сначала никто не откликнулся. Верно?

Я кивнул.

– Когда мы зашли к нему, я увидел, что колокольчик висит прямо над его кроватью, поэтому если бы он находился в конюшне, то сразу же услышал бы звонок и открыл ворота раньше. А вот если он отлучился по нужде, то вернулся бы как раз к тому моменту, когда ты позвонил во второй раз. – Томас посмотрел на меня: – Хочешь что-нибудь добавить?

Я задумался.

– Плотнику проще было пробраться в комнату графа, потому что, если тот выходил, плотник сразу услышал бы. То есть сейчас мы уже знаем, что кто-то рылся в графских вещах. Но Альберту такое проделать было бы непросто. Вдобавок ко всему, плотник бродил ночью по дому и видел свет в сарае… Интересно, видел ли он свет из комнаты графа или из трактира? Ведь сарай просматривается лишь из этих двух помещений. И даже не важно, откуда он видел сарай – как он вообще оказался там посреди ночи?

– Да уж, малышка Мария сообразила быстро. Избавила нас от неловких объяснений. Посмотрим, удастся ли нам выудить из плотника, куда он ходил ночью. Но вряд ли в комнату графа – тогда, чтобы отпереть замок, понадобились бы все твои таланты, – и Томас подмигнул мне, – еще что-то? Нет, погоди! Кое о чем нам надо просто помнить. Возможно, это совершенно не важно, но, как гласит третье правило Декарта, явления, логически не связанные друг с дружкой, тоже следует включать в рассуждения. Я сейчас о хозяине. Сказать честно, он мало похож на обыкновенного датского трактирщика. Он не только

чересчур начитанный, так вдобавок они с супругой ведут себя как люди знатные и состоятельные. И этот дом явно не всегда использовался как постоялый двор. Мне кажется, что прежде здесь был довольно зажиточный хутор. Но не будем на этом останавливаться, просто возьмем на заметку. Тебе есть что добавить, Петтер?

Кивнув, я поплевал на пальцы и поправил перекосившуюся и начавшую оплывать свечу.

– У Альберта на лице рана – возможно, от недавней драки. Выглядит мерзко. И сам он мерзкий. Мне он не нравится.

Томас рассмеялся:

– Когда Господь раздавал людям очарование, Альберт оказался последним в списке, – и серьезно добавил: – Согласен, надо бы получше осмотреть эту рану. Возможно, ее нанес граф, который вряд ли сдался бы без боя. Ведь он, несмотря ни на что, был графом… – Последние слова Томас произнес скривившись, а затем умолк и принялся с отсутствующим видом теребить пуговицу на жилете. – Альберт… да… Возможно, его поведение чем-то объясняется. Ты слышал, Мария сказала, что Альберт стал каким-то странным. И еще: какова причина убийства? Судя по тому, что говорит трактирщик, граф не отличался добрым нравом. Возможно, плотник или Альберт особенно невзлюбили его? Могло ли это стать причиной убийства? Как думаешь?

Но я больше особо не думал. Живот жил в предвкушении полдника, а мозгу хотелось отдохнуть, поэтому я отключился и ни о чем не думал. Томас долго молча смотрел в окно, а пальцы продолжали терзать несчастную пуговицу. Я притих, боясь нарушить ход его мыслей.

Просидел он так очень долго. Целую вечность – сказал бы мой живот. Когда Томас зашевелился, я уже задремал, а Томас пробормотал:

– Вот и разгадка, да. Видимо, так все и было. Но доказать будет сложно.

Я тотчас же очнулся и навострил уши, готовясь услышать объяснение. Вообще-то меня не удивляло, что профессор мог просидеть вот так и додуматься до разгадки убийства. Хотя к тому времени я знал его не очень долго, мне казалось, что он из тех, кто никогда не перестает удивлять окружающих.

Он заметил мой вопросительный взгляд и кивнул. Значит, сейчас последует объяснение.

– В исследовании под названием “Математические начала натуральной философии”, написанном десять лет назад, англичанин Ньютон, Исаак Ньютон, утверждает, что каждое обладающее массой тело притягивается к центру Земли. Он называет подобное явление силой тяжести или центробежной силой. Благодаря ему мы не взлетаем вверх, а если бросить какой-либо предмет, – взяв книгу, он выпустил ее из рук, и она стукнулась о пол, – то предмет падает вниз. Ньютон, и старый Коперник, и Кеплер – как можно его забыть – старались положить математические принципы в основу системы, связывающей движение Солнца, Луны, планет и звезд.

У меня зародилось вдруг подозрение, а он продолжал:

– Глядя на малое – эту книгу и великое – звезды, мы видим, что числа – краеугольный камень бытия и становления. Мы можем найти и другие примеры – Стено, то есть Нильс Стенсен, чьи медицинские исследования часто помогают мне в работе, долго изучал камни, их структуру и происхождение. Он доказал, что за пять с половиной тысяч лет существования Земля разогревалась и остывала, покрывалась водой и высыхала, а рельеф ее поверхности менялся. Но довольно – я веду к тому, что… – Замолчав, он уставился непонимающим взглядом на оторванную пуговицу, которую держал в руке. Затем смущенно посмотрел на меня, но я лишь улыбнулся и подумал, что до ужина надо бы успеть пришить пуговицу. – Я веду к тому, что Стено исследовал кристаллы и обнаружил, что кристаллическая решетка всегда остается неизменной. Этот принцип постоянства кристаллической решетки доказывает закономерность, существующую в каждом, даже самом мелком, камешке. Думаю, пройдет

какое-то время и этот закон тоже можно будет свести к числам, – он рассеянно положил пуговицу на стол и многозначительно взглянул на меня, – а вот пример великого. Свет. Мне известно, что Ньютон, о котором я только что упомянул, прежде проводил эксперименты для того, чтобы разделить поток света. Верь или не верь, но свет можно разделить на цвета. Говорят, что свет складывается из семи различных цветов. Оле Рёмер ведет с Ньютоном переписку и наслышан о его экспериментах – Рёмер сам сообщил об этом на университетском собрании незадолго до Рождества. Вдумайся: этот свет, – он показал на свечку, пламя которой затрепетало, словно испугавшись оказанного ему внимания, – состоит из нескольких цветов – желтого, красного и синего, которые удивительным образом превращаются в белый, прозрачный свет. И здесь тоже ДОЛЖЕН существовать основной принцип сочетания цветов – их вид, количество, форма, да откуда мне знать, что еще! Я жду не дождусь, когда наконец Ньютон опубликует этот труд!

Мое подозрение давно уже уступило место смирению. Томас с головой погрузился в собственный мир, – мне сложно за ним угнаться. Я попытался, но потом решил просто запомнить его слова, даже не стараясь понять. Еще в детстве я научился с легкостью и почти дословно запоминать разговоры или короткие монологи, подобные этому. Часто этот навык помогает мне сейчас – например, я запрячу слова Томаса поглубже в свое сознание, а потом, когда моей голове станет проще уразуметь его идеи, я вновь извлеку их из глубин памяти.

Способность эта еще важнее для меня теперешнего, когда я сижу в замке князя Реджинальда на самом юге Германии и пытаюсь осмыслить прошедшие годы, преодолев свою забывчивость. Телесная дряхлость и все более тягостная потребность в отдыхе – их тоже нужно превозмочь. И я побеждаю их: возрожденный на бумаге образ Томаса Буберга наполняет меня радостью, которая пересиливает зимнюю стужу в суставах, ревматизм, несварение желудка, уныние, – она все может преодолеть, даже смерть.

Какая напыщенная фраза… Но такова правда. Записывая, я чувствую умиротворение и покой, и князь Реджинальд говорит, что они окружают меня светящимся ореолом. Время от времени по вечерам князь заходит ко мне – читает последние записи и добродушно ругает мою неторопливость. Будь его воля, он прислал бы ко мне молодого бойкого писца, который под диктовку занес бы на бумагу всю мою историю. Тогда, по его словам, мы бы закончили задолго до Рождества.

Но нет, это было бы неправильно. Я должен закончить все так, как считаю верным. Должен вспомнить все важные детали, которые сделают эту белую картину смерти понятной. Начни я диктовать вслух – и рассказ потеряется, я забуду что-нибудь важное, чьи-то слова. Забуду то, что должен был помнить тогда и что вспомню позже – возможно, слишком поздно. Ни о чем нельзя забывать, я должен собрать воедино все те крошечные кирпичики, смысл которых понимаю только сейчас.

Старый Тобиас сообщил, что вечером зайдет князь, поэтому мне нужно завершить рассуждения Томаса.

Напыщенные фразы – Томас тоже их любил.

Тогда он начал говорить, что доказать его предположение будет сложно, “однако это все равно докажут, если не он сам, то те, чьи знания превзойдут его”. Он считал, что все принципы, формулы, законы и теории, а также числа, доказывающие эти формулы и законы, – все они подчиняются одному общему главному закону или принципу, который сводит все известные законы в одну систему и заставляет их следовать общей логике. Томас называл этот закон Материнским законом вселенной.

Когда я сидел там, в тесной комнатенке на датском постоялом дворе, слушая Томаса, по спине у меня вновь пробежал холодок, совсем как за день до этого. Что-то из сказанного

напугало меня, но я слишком утомился и не стал разбираться в ощущениях, вызванных его словами.

Он длинно и подробно разъяснял мне свою теорию и закончил словами: – Во всем кроются числа. Они – краеугольные камни любой конструкции, малой или большой. Даже воображение древнегреческого Пифагора не могло охватить всей мощи чисел.

Вскоре слова Томаса бумерангом ударят по нему. Вскоре он столкнется с таким количеством чисел, что они готовы будут поглотить его.

Глава 12

Громкий звон снизу прервал рассуждения профессора о теории чисел. Изумленно посмотрев на дверь, он встал, выглянул в коридор, и я услышал, как он тихо переговаривается с кем-то внизу.

– Священник попросил разрешения перед ужином провести небольшую поминальную службу по графу д'Анжели, – объяснил Томас, затворив дверь.

Он достал парадную одежду и принялся переодеваться. Я последовал его примеру, посетовав про себя – ужин казался мне все более призрачным, и вдобавок мне нужно было вычистить сапоги профессора и мои собственные.

– Убери писчие принадлежности, а когда закончишь, спускайся вниз. – Сказав это, он застегнул три оставшиеся на жилете пуговицы и скрылся в коридоре. Потом в дверях показалась его голова. – Встретимся возле кузницы.

Когда он спускался, шагов почти не было слышно, а немного погодя открылась другая дверь – дальше по коридору, – и раздался топот, кто-то прошел мимо нашей комнаты и застучал башмаками по ступенькам. Я решил, что это плотник.

Натянув еще одни носки и вытащив из сумки шейный платок, я оделся, собрал бумаги и прикрыл чернильницу. Я вышел в коридор и услышал внизу голоса. В театре бывать мне не доводилось, но Томас однажды рассказывал, как он ходил в парижский театр, и с тех пор я только и мечтал о театре.

И сейчас будто специально для меня разыгрывали сценку. Вот из кухни, завязывая на шее тесемки фартука, вышла Мария, остановилась в коридоре под лампой и обернулась.

– Мария! Ты натерла хрен? – Пронзительный и требовательный голос раздался из хозяйской спальни как раз подо мной, и на сцене появилась хозяйка.

– Да, все готово.

– А миндаль истолкла? К нашему приходу все должно быть готово, чтобы я сразу же принялась за готовку.

– Я исполнила все, что хозяйка просила, – прилежно ответила Мария.

– Ну ладно. – Госпожа фон Хамборк недоверчиво посмотрела на девушку, а затем ткнула в нее длинным указательным пальцем: верхние пуговицы лифа были расстегнуты, чуть обнажая белую грудь. – Лучше бы Мария одевалась, как подобает приличной девушке, а не… не потаскухе! – Последние слова она бросила девушке в лицо с такой ненавистью, что я едва не выдал себя. Хозяйка вышла на крыльцо, а Мария посмотрела на хлопнувшую дверь, немного постояла и, скорчив рожицу, повторила:

– А не потаскууухе! Ух ты! Ладно, будем приличными и добропорядочными, но, когда кот уйдет, мыши еще попляшут! Ха! – И с этими словами Мария пошла следом за хозяйкой на улицу.

Пьеса закончилась.

Я спустился в трактир за шляпой, плащом и сапогами и с удивлением обнаружил, что один из столов накрыт белой скатертью с фарфоровыми тарелками и серебряными приборами на ней. Стулья вокруг стола были расставлены так, чтобы хватило места всем, кто

оказался в то время на постоялом дворе. Из серебряных канделябров торчали пока еще не зажженные, но настоящие восковые свечи, а из кухни доносился аромат вареной курицы. В углу за дровяным коробом никого не было – значит, нищенку выгнали в хлев, где, как я узнал, она спала по ночам.

Во дворе дул ледяной северный ветер, правда, снегопад, к счастью, закончился. Я заметил, что тучи опустились еще ниже. Вдоль ведущей к каретному сараю тропинки в снег были воткнуты зажженные факелы – на холоде их пламя чуть потрескивало. Возле распахнутых ворот сарая я увидел темную фигуру госпожи фон Хамборк – она поеживалась, отчаянно пытаясь согреться. Вдоль тропинки к кузнице и прачечной тоже стояли факелы. Туман на тропинках рассеялся и держался поодаль, словно испугавшийся огня зверь. Но он дождется и нападет: потухнут факелы, и туманная пелена принесет с собой сырость и кромешную тьму.

Когда я оказался в маленькой кузнице, там уже было тесно: возле гроба с заколоченной крышкой стояли Томас, Альберт и плотник, а позади них топтались трактирщик, Мария и пастор с Библией в руках. Все молчали. Священник доброжелательно кивнул мне:

– Петтер, поможешь нести гроб?

С четырех углов к гробу были приколочены лямки, я подошел к свободной и ухватился за нее. Томас с плотником взялись за лямки спереди, профессор оглянулся и спросил:

– Готовы? Отлично, тогда пошли.

Священник прошел вперед и вытащил из сугроба факел. Дверь кузницы оказалась слишком узкой, мы едва не застряли и от напряжения обливались потом, плотник тихо выругался, за что священник наградил его неодобрительным взглядом. Наконец мы протиснулись наружу, и процессия наша обрела торжественность. Хозяин с Марией тащили сзади подставки для гроба.

Я заметил, как из дверей прачечной выскользнула темная фигура, зашагавшая следом за Марией.

Высоко подняв факел, медленными размеренными шагами священник Яков направлялся туда, где стояла госпожа фон Хамборк, которая тщетно пыталась не подавать виду, что замерзла.

В порывах ветра на белом воротнике священника плясали темные тени, а полы сутаны развевались, так что фигура священника приобретала странные, причудливые формы. "Не приведи бог столкнуться с таким чудищем ночью – можно до смерти напугаться", – подумалось мне. Я непрестанно повторял, что тот, кто идет перед нами, – человек Божий. Хорошо, что обычно он носил светскую одежду, а сутану с воротником надел только ради этого особого случая.

Возле ворот сарая наша процессия остановилась, священник развернулся, Мария с хозяином опустили на землю подставки, и мы на них поставили гроб.

Священник поцеловал висевший у него на шее серебряный крест и поднес его к гробу.

– Да благословит тебя Господь и сохранит тебя. Да озарит Господь лицо Свое для тебя и помилует тебя. Да обратит Господь лицо Свое к тебе и даст тебе мир. Аминь.

– Аминь… – повторили все стоящие у гроба, а священник открыл заложенную закладкой Библию и прочел:

– Это отрывок из священного Второго послания апостола Павла к Коринфянам, глава пятая, стихи четырнадцатый и пятнадцатый. "Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего". – Якоб медленно закрыл книгу и серьезно посмотрел на гроб.

Мы ждали. От холода некоторых пробирала дрожь.

– Этот странник обрел покой вдали от дома, семьи и тех, кому был дорог, – неторопливо сказал священник, тщательно проговаривая каждое слово, – на чужбине, среди чужих людей, настигло его несчастье, приведшее к смерти. Срок нашей жизни в мире Божьем отмерен судьбой, но грусть наша безмерна и чувство несправедливости гложет нас, когда в Царствие Небесное уходит тот, чей жизненный путь, как кажется нам, прервался слишком рано. – Быстро взглянув на нас, священник удостоверился, что мы слушаем, и продолжал: – Но, возможно, Господь по-иному задумал нашу жизнь, и смерть – лишь проявление воли Его. Порой злоумышленники нарушают Божий замысел, но тогда восстает Он, чтобы исправить зло, и наш земной срок отмерен по усмотрению Божьему и Его воле. Возможно, отпущенное нам время скоро закончится, и агнцы будут отделены от козлищ, и праведники от безбожников. Возможно, день этот уже близок, и эта смерть и стужа – знамение, что вскоре мы предстанем пред Высшим Судьей.

Томас поднял вдруг голову и удивленно посмотрел на священника, и я заметил, что профессор вышел во двор без плаща. Проповедь продолжалась, а я разглядывал окружавших гроб.

Позади Томаса стояла госпожа Хамборк. Она наклонила голову, так что лицо оказалось в тени и выражения его я увидеть не смог. Прямо напротив меня стоял Альберт, печально глядя на гроб. К моему изумлению, щеки у него блестели от слез. Казалось, вместо того чтобы слушать священника, он сам читал какую-то беззвучную проповедь или, может, Альберт вел неслышную беседу с усопшим?

Опять открыв Библию, Якоб зачитал:

– "И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими"[9].

Он закрыл книгу и принялся рассказывать, что нужно совершить, чтобы попасть в Книгу жизни, когда мы предстанем перед огромным светлым троном Судьи.

Стоявший возле гроба хозяин, похоже, совсем закоченел: он трясся словно осиновый лист, а чтобы зубы не стучали, сжимал челюсти, отчего лицо его совсем перекосило.

Я посмотрел на Марию, наши взгляды встретились, и девушка слегка улыбнулась из-под широкополой шляпы, а потом вновь перевела глаза на священника и прислушалась к его словам. Позади нее маячила какая-то тень, я чуть посторонился, стараясь получше ее разглядеть, и увидел низенькую, едва достающую мне до плеча женскую фигурку, закутанную в просторный плащ Томаса Буберга. Склонив голову к гробу, она слушала речь священника. Волосы были заплетены в толстую черную косу, перекинутую на плечо. Она подняла голову и спокойно посмотрела мне прямо в глаза. Лицо ее, освещенное трепещущим пламенем факелов, казалось равнодушным и чужим. Нет, это было не просто лицо незнакомого мне человека – его черты носили отпечаток чего-то иного, что одновременно пугало и восхищало. Возможно, родом незнакомка из далекой Африки или Америки, она индианка или негритянка – мне доводилось слышать и о неграх. Вот только что она здесь делает? И как попала сюда? Она не сводила с меня невозмутимого взгляда, отчего я совсем смутился и повернулся к священнику, который как раз закончил проповедь. Молитвенным жестом он скрестил руки, держа в них Библию, прикрыл глаза и склонил голову. Все остальные последовали его примеру.

– Господи Всевышний, Отче наш, яви свою милость земным грешникам и прими душу этого незнакомца. Молим Тебя, Господи, дай нам терпения исполнить волю Твою, возлюбить врагов и недругов и вознести молитвы за них, подобно возлюбленному Сыну Твоему Иисусу Христу, Единому с Тобой в Духе Святом, Единому Богу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Не открывая глаз, он громким звенящим голосом запел, и я услышал, как к нему присоединился Томас, а потом, напрягая голоса и память, запели все остальные:

Воскресение и жизнь познал

Господь Иисус Христос,

кто верит в Него —

тому дарована жизнь

И Божьи слова таковы:

Кто живет верой – обретет жизнь вечную,

Завершив земной путь.

Священник медленно поднял голову и мрачно оглядел каждого из нас. Затем он кивнул и тихо сказал:

– Спасибо.

Собравшиеся облегченно вздохнули. Некоторые принялись топать ногами и похлопывать в ладоши, пытаясь согреться. Фон Хамборк показал, куда в сарае нужно поставить гроб, и сказал, что позже он либо передаст тело графа окружному судье, либо же похоронит его на местном кладбище.

Мы направились к трактиру, в тепло. Я увидел, как Томас предложил незнакомой женщине опереться на его руку, и меня вдруг осенило: это же нищенка, просто она вымылась и облачилась в чистую одежду! Но почему она вдруг оказалась среди нас, да еще надев профессорский плащ? Альберт затворил ворота сарая и пошел следом за ними, а я присоединился к нему и бодро проговорил:

– Сейчас самое время перекусить, верно?

Альберт буркнул что-то, внезапно развернулся и скрылся в полумраке где-то рядом с конюшней.

Глава 13

Когда я вошел, в трактире царила гробовая тишина. Как и пристало на поминках, я с серьезной миной разделся и повесил одежду возле очага. Все стояли или сидели поодиночке, будто были незнакомы друг с дружкой. Удивительно, как поведение людей меняется на поминках. Я посмотрел на Томаса – тот стоял на кухне и что-то тихо обсуждал с фон Хамборком, а потом прошел в трактир. Выглядел он мрачнее тучи, и я принялся озираться, пытаясь выяснить причину его гнева.

Юным душам свойственно откликаться на происходящее со всей открытостью. Как пошутил однажды Томас, жизненный опыт учит "более изящно повторять собственные ошибки", и мало-помалу эта открытость исчезает, а мы учимся истолковывать поступки и настроения других и избегать тем самым новых ошибок.

В тот вечер неопытность восемнадцатилетнего мальчишки помешала мне сразу понять, откуда дует ветер.

Явно с усилием Томас принял доброжелательный вид, подошел к примостившейся на стуле возле входа нищенке и, предложив ей руку, подвел к накрытому столу. Он выдвинул для нее стул и галантно задвинул, когда женщина села. Затем он выпрямился, огляделся и произнес слова, впервые за тот вечер меня изумившие.

– Я пригласил вас на этот ужин, – проговорил он, – чтобы вкусная еда, прекрасные напитки и замечательное общество немного скрасили то неприятное положение, в котором все мы оказались, сами того не желая. Однако очутиться взаперти в подобном месте – далеко не самое худшее, что может произойти. И даже если снег не растает до Троицы, то госпожа хозяйка заверила, что еды нам хватит. А дров, по словам хозяина, хватит до Иванова дня.

Напряжение исчезло, а присутствующие тихо засмеялись. Однако Томас Буберг добивался вовсе не этого.

– На этот торжественный ужин я приглашаю всех, без исключения. Хозяйка с Марией приготовили вареных кур с приправой из тертого хрена и испекли пшеничный хлеб, и всех, кому хочется этого отведать, прошу пожаловать к столу. Подчеркиваю, что ужин будет накрыт только на этом столе и марципановый торт тоже вынесут сюда. И если кто-то не желает принять моего приглашения, то может отужинать отдельно за другим столом – запретить это не в моих силах.

Пока Томас говорил, мне выдалась прекрасная возможность внимательнее рассмотреть сидевшую за столом нищенку. Она выглядела чистой, а платье на ней было поношенным, но выстиранным. Сначала я решил, что платье ей дала Мария, но потом понял, что ошибся: Мария была выше ростом, да и фигуры у них совсем разные, а платье на нищенке сидело будто влитое. Большой белый воротник, прикрывающий плечи и верхнюю часть груди, немного посерел, как бывает от частой стирки. Смущенно разглядывая скатерть, женщина опустила голову, так что я увидел у нее на затылке туго заплетенную косу.

Взгляды всех присутствующих обратились на нищенку, и именно из-за нее разгорелся конфликт, на который намекал Томас. Я понял, что кто-то (как впоследствии выяснилось, это были хозяин со священником) отказался садиться за один стол с нищенкой и потребовал, чтобы она ушла. Сейчас хозяин гневно посмотрел на жену, но та и бровью не повела, а молча развернулась и ушла на кухню, где Мария разливала пиво и вино.

Альберта эта сцена привела в замешательство, и теперь он растерянно озирался.

– Всех прошу за стол. Сначала подадут напитки, а госпожа хозяйка сообщила, что вскоре и еда последует. Возможно, мы как раз успеем выпить по паре кружек пива, – сказал Томас и улыбнулся.

Нищенка подняла голову и посмотрела на присутствующих, и я понял, что вновь ошибся – на лице ее не было и тени смущения или смирения, какое часто наблюдаешь на лицах нищих скитальцев, но и обычной для них озлобленности я тоже не заметил. Все ее существо лучилось спокойствием.

Меня опять поразила ее непривычная внешность – высокие скулы, низкая коренастая фигура и глаза, которые издали показались мне раскосыми. И, конечно, угольно-черные волосы. Я подумал, что она, скорее, из Америки, а не из Африки, но откуда мне было знать?!

Священник невозмутимо выслушал Томаса, а затем встал и раскрыл Библию.

– Позвольте, господин профессор, зачесть мне короткий отрывок из этой книги, и пусть каждый примет решение самостоятельно. Это тринадцатая глава Откровения, стихи с шестнадцатого по восемнадцатый. "И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число Зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть". – Он захлопнул книгу и нарочито медленно, осознавая, что стал объектом всеобщего внимания, подошел к нищенке и указал костлявым пальцем на ее лоб. Там, на лбу, виднелось коричневое пятно. Гости начали встревоженно переглядываться.

– Родимое пятно! – сухо проговорил Томас.

– Это начертание, – дрожащим голосом возразил священник, – ян прежде видел его. В те времена колдуньи наводнили наши приходы, и нам пришлось разжечь костры. Мы отпугнули Зверя, и он уполз в свою нору и укрыл многих ведьм, так что те избежали наказания. Они хорошо спрятались, но теперь вновь вылезли на свет божий. – Он наклонился и быстро схватил нищенку за руку.

Она не сопротивлялась. Мне показалось, что в глазах ее отразились смирение и страх, но толковать чувства следует с осторожностью, и мне еще предстоит этому научиться. И, тем не менее, виновато посмотрев на пастора, нищенка отвела взгляд.

– Начертание на правой руке… – вполголоса пробормотал священник.

В трактире воцарилась тишина. Хозяйка с Марией вышли из кухни и теперь тоже ждали, как повернутся события. Томас еле сдержался, чтобы не прервать священника, но решил, что Якоб все равно не позволит ему высказаться, поэтому спор он проиграет. Пастор вдруг довольно усмехнулся и с видом победителя показал на отметину на предплечье женщины. Размером отметина была с монету и напоминала шрам словно от ожога.

– А вот и доказательство, – громовым голосом возвестил он, – не только на лбу, но и на руке! Здесь, среди нас, затаилась колдунья. И тот, кто осмелится сесть за один стол с ней… – И он оборвал фразу, позволив нам самим завершить ее.

Плотник испуганно отпрянул от стола. Мария посмотрела на нищенку со смесью страха и еще какого-то чувства, которое мне никак не удавалось определить, а затем вернулась вслед за хозяйкой на кухню. С отвращением взглянув на женщину, трактирщик торжествующе улыбнулся Томасу. Альберт же казался одновременно растерянным и равнодушным, его широкие плечи ссутулились, а тело обмякло.

Томас обвел взглядом присутствующих – всех по очереди, подошел к Альберту и сдвинул у него на лбу вязаную шапочку. Указав на красную отметину, прежде привлекшую мое внимание, он сказал:

– Отметина на лбу. Следовательно, перед нами колдун?

Томас приблизился к хозяину, взял того за левую руку и указал на большую бородавку на тыльной стороне ладони.

– Тоже колдун? – снова спросил он.

Фон Хамборк оскорбленно отдернул руку. Потом Томас отыскал родимое пятно на своей собственной правой руке и рану от ожога у меня на локте, воспоминание о том, как однажды дома, в Хорттене, мы с Нильсом дико подрались, так что рука моя в конце концов угодила в пылающий очаг. Наконец Томас остановился перед Якобом и отбросил со лба священника светлые спутанные волосы. Якоб сердито фыркнул, а его длинный крючковатый нос побелел. Он попытался стряхнуть руку профессора, но тот настоял на своем, сказав, что мы должны точно знать, кто именно находится с нами рядом. Высоко на лбу Якоба виднелось крупное красно-коричневое пятно, а затем Томас показал на похожие пятна на правой и левой руках священника.

– Выходит, здесь все доказательства того, что перед нами колдун? – спросил он.

– Колдуньями бывают только женщины, – недовольно возразил священник.

– Следовало рассказать об этом небольшом уточнении Мартину Лютеру – он этого явно не знал. Как не знали, впрочем, и достопочтенный епископ Поулсен Ресен, городские судьи, бургомистры и другие почтенные граждане – а ведь за последние столетия они поймали, осудили и сожгли в наказание за совершенные преступления немало мужчин-колдунов, – и Томас наградил священника ехидной улыбкой, – почему же пастор не сообщил об этом властям? Ведь ему столько лет, что он, возможно, присутствовал при этом? А значит, мог воспрепятствовать многим казням?

Но священник углубился в чтение Библии – на окружающих он никакого внимания не обращал и Томаса, похоже, не слушал.

– По какой причине колдуны становятся колдунами? – спросил Томас, обращаясь к священнику. Голос его звучал мягко и уважительно – таким тоном обращаются к деревенским старейшинам. Томас тронул священника за руку: – Преподобный Якоб, вам многое известно о таких делах. Так помогите же мне отыскать ответ на вопрос, который сами подняли, – и

профессор дотронулся до плеча пастора, – я спросил, по какой причине колдуны становятся колдунами?

Священник понял, что ему не выкрутиться, поднял голову и, немного подумав, ответил:

– Они летают на встречи с демонами, превращаются в животных и заключают с Князем Тьмы соглашение, по которому тот предоставляет им власть над другими людьми.

– И в обмен на это они получают золото и всяческие блага, верно? – уточнил Томас.

– Да. Золото и всяческие блага, – согласился священник.

На мгновение задумавшись, Томас поднял голову и выпрямился, а лицо его приняло то суровое выражение, которое вызывало в окружающих почтение и заставляло их прислушиваться к его словам:

– В году Господнем девятьсот шестом святой аббат Регино Прюмский издал ряд папских декретов, которые спустя примерно сотню лет были откорректированы и переизданы епископом Буркхардом Вормсским. С теологической точки зрения этот труд отличался обстоятельностью и стал поэтому использоваться как свод канонических церковных законов. Один из его документов, так называемый *Canon Episcopi*[10] гласит: "представления о том, что люди могут превращаться в животных и творить в таком виде злодеяния или что они летают по воздуху и видятся с демонами, есть морок и суеверие", конец цитаты. – Томас немного помолчал, дав нам время обдумать услышанное, а затем продолжил: – Часто говорят, что в прежние времена люди были полны предрассудков и не имели истинной веры в Бога. Неужели и мы уподобимся тем, кто верит в колдовство и тому, что колдуны умеют перевоплощаться в зверей и летать по воздуху? Получается, что жившие почти восемьсот лет назад были умнее нас? – Не дожидаясь ответа, Томас подошел к нищенке и положил руку ей на плечо. – Преподобный Якоб толкует о золоте и всяческих благах. Посмотрите на эту женщину – как, по-вашему, у нее есть золото? И есть ли у нее, по-вашему, власть над нами, другими людьми?

Священник не пожелал отвечать, и Томас обвел испытующим взглядом остальных.

– Вы действительно верите, что она богата и ей просто хочется сидеть за дровяным коробом, попрошайничать и доедать за нами объедки? Вы полагаете, что подобная жизнь ей по нраву?

Я нерешительно покачал головой, вслед за мной – Альберт, а потом плотник.

– Нет, не по нраву. Она не богата. И у нее нет власти, чтобы избежать унижения. Ответ таков: она не вступала в сговор со стариком Дьяволом, а следовательно, она не колдунья.

Священник молча бросил на Томаса взгляд, в котором читалось поражение, но и готовность к новой битве. Затем Якоб выпрямился, коротко кивнул профессору, будто говоря: "Сдаюсь, оставь меня в покое", – и вновь углубился в Священное Писание. Томас вздохнул и обратился к остальным:

– Надеюсь, ни у кого не осталось возражений и вопрос можно считать исчерпанным? – Ответом ему стало потрескивание дров в камине и ровное мерное тиканье часов.

Внезапно Томас расплылся в широкой дружеской улыбке и всплеснул руками:

– А сейчас пусть каждый займет место за столом. Наши любезные хозяева, как того требует обычай, окажут нам честь и займут места во главе стола, а вы, достопочтенный пастор, – и Томас приобнял священника, как обнимают престарелого дедушку, чтобы тот не упал, – вы должны почтить меня честью сидеть возле вас. Тогда нам представится прекрасная возможность обменяться мнениями обо всем на свете. Беседа с таким образованным господином, как вы с вашими обдуманными и вескими суждениями, доставит истинную радость человеку более молодому, который находится в вечных поисках жизненного смысла.

Так профессор говорил, пока все мы не уселись за стол, и вскоре наши бокалы и желудки наполнились пивом и вином, а госпожа Хамборк с Марией внесли миски и блюда с едой, от одного вида которых у всех потекли слюнки.

Томас незаметно махнул мне рукой, и я занял место напротив нищенки – он, видимо, полагал, что сможет таким образом защитить ее. С двух концов стола сели хозяева. По одну руку от хозяина сидел священник, а по другую – Мария. Места между мной и Марией достались плотнику и Альберту. С нашей стороны было тесновато, однако, когда за столом сидел Томас Буберг, иначе и быть не могло. Его *corpus giganteum*[11] занимало место, которого хватило бы на двоих – во всяком случае, когда он в пылу беседы случайно взмахивал руками.

Когда блюда были расставлены на столе, хозяйка села за стол возле меня. Щеки у нее раскраснелись – причиной тому была наконец-то воцарившаяся в трактире торжественная атмосфера и, как я догадался, пара глотков вина.

Гости разобрали белый хлеб, намазали его маслом и сверху положили курятину, а затем дошла очередь и до миски с вязким золотисто-коричневым соусом, которым полагалось полить курицу. Хозяйка потянула меня за руку.

– Если положить сверху кусочек масла, то вкус получится самый пикантный, – сказала она и шаловливо хихикнула, будто девчонка.

Я послушно положил сверху кусочек масла и, с предвкушением дожидавшись, когда масло растает, принялся за еду. Сдобренное тертым хреном и пряностями мясо восхитительно пахло, а рот наполнился удивительным вкусом, так что на какой-то миг я позабыл об убийстве и злодее.

– Вы воистину сотворили с этим ужином чудо, – сказал я, поднимая бокал в честь хозяйки.

Нищенка удивленно посмотрела на меня. Подняв в ответ свой бокал, хозяйка довольно кивнула.

– Вы добавили миндаль? – поинтересовался я, пережевывая мясо. Хозяйка визгливо рассмеялась и во всех подробностях поведала рецепт, а я мысленно поблагодарил Томаса за уроки такой непростой науки, как застольные беседы.

Гости непринужденно болтали, время от времени прерываясь ради наслаждения вкусной едой, и тогда беседа сменялась чавканьем и причмокиванием. Мы выпили за хозяев, а в ответ хозяин предложил поднять бокалы за Томаса Буберга, за чей счет был устроен весь этот пир. Просияв, Томас отмахнулся ножом и ложкой.

– Госпожа фон Хамборк…

– Зовите меня Гертой! – заливисто рассмеялась трактирщица, отхлебывая вино.

– Госпожа Герта, вы – настоящий ангел кулинарии! Вам с Марией удалось сотворить чудо, обойдясь лишь самым простым! Я с истинным удовольствием расскажу о вашем постоялом дворе друзьям и коллегам. Подумать только – в обычном сельском трактире мы едим прекрасными серебряными приборами, а напротив нас стоят достойные аристократа канделябры! Неужели подобное возможно? – И профессор вопросительно взглянул на хозяина.

Мы ждали ответа, но фон Хамборк тщательно вытирал рот салфеткой. Я понял, что объяснение нас ждет обстоятельное.

– Семейство фон Хамборк, – начал он, – принадлежит к древнему купеческому роду Более двух сотен лет род наш вел торговые дела в немецком городе Гамбурге. Мой дед расширил дело, начал торговать с Голландией и Висбю и достиг немалых в том успехов. Когда торговля перешла к моему отцу, он решил и дальше развивать дело – хотел получить место на Копенгагенской бирже. В тысяча шестьсот семьдесят четвертом году он отправил

меня в датскую столицу – прощупать почву, оценить коммерческие возможности и утрясти формальности, если идея окажется стоящей. Я был тогда совсем юнцом, мне и девятнадцати не исполнилось, но я из кожи вон лез, чтобы доказать свои купеческие таланты. Я был младшим из пяти братьев, и отцовское расположение было для нас предметом вечной борьбы, а расположение отец выказывал только тем, чьи торговые договора были лучшими, а цифры в колонке "кредит" – самыми большими. – Господин Хамборк быстро взглянул на жену. Он будто спрашивал ее совета.

"Тут что-то кроется…" – подумалось мне.

– В то время я был помолвлен с девушкой по имени Герта Неубауэр. Ее отец был заместителем директора одного небольшого банка в Гамбурге. Впоследствии она стала моей дражайшей супругой. – Он улыбнулся жене и поднял в ее честь бокал.

Я вновь почувствовал, что за его словами и улыбкой кроется какая-то тайна, но никак не мог понять, что за чувства скрыты в этой улыбке. Сожаление? Мольба о прощении? Я повернулся к Томасу – интересно, заметил ли он? Но Томас широко улыбнулся хозяйке, и мы дружно подняли бокалы за ее здоровье.

– Через два года было бы… – фон Хамборк растерянно умолк и начал нервно теребить салфетку, – через два года должно было исполниться… – он наконец взял себя в руки, – мы отпразднуем двадцать пятую годовщину нашей свадьбы… Если на то будет воля Божья.

Мы вновь подняли бокалы за хозяев.

– Я посовещался с местными купцами, добился аудиенции у короля, который рассказал мне о будущих государственных планах, и решил, что Копенгаген прекрасно подходит для торговли. Отец купил нам место на бирже, и мы вложили деньги в несколько крупных торговых сделок. К сожалению, отношения со Швецией ухудшились, и, как всем присутствующим известно, это привело к войне между Данией и Швецией. Из-за войны предприятия, в которые мы вложили средства, обанкротились, и в тысяча шестьсот семьдесят шестом году я запер дверь нашей конторы, расторг договор с биржей и вернулся обратно в Гамбург. Из-за войны все мои планы потерпели крах, – не поднимая глаз, хозяин отхлебнул вина, – к Иванову дню мы обвенчались и собирались поселиться в Любеке, где у отцовской фирмы имелся филиал. Однако я проникся любовью к Дании, а моей супруге хотелось жить в сельской местности, поэтому на свадьбу батюшка преподнес нам этот хутор, – трактирщик умолк и радостно огляделся, – во время Тридцатилетней войны прежние владельцы хутора сочувствовали Швеции и поэтому рассорились с Датским королевским домом. Когда Фредерик Третий стал единовластным правителем Дании, они бежали за границу, и хутор стоял заброшенным. Неподалеку отсюда проходит оживленная дорога до Рибе, а моя супруга любит общество, поэтому пятнадцать лет назад мы открыли здесь трактир, – фон Хамборк улыбнулся Томасу, – надеюсь, загадка столового серебра для вас разгадана.

Томас чуть кивнул и заверил хозяина, что он ни в коем случае не хотел проявлять излишнее любопытство. И он надеется, что не проявил неучтивости.

Хозяин рассмеялся и уверил Томаса, что ничего такого не было.

Мария принесла добавки и разлила напитки – плотнику пиво, а остальным – вино.

Я принялся намазывать хлеб маслом, когда, наклонившись ко мне, нищенка спросила:

– Из какого места в Норвегии ты приехал?

От растерянности я чуть было не выронил нож, а перед глазами у меня вдруг ясно, словно при вспышке молнии, промелькнули виды родного края. Нищенка говорила со мной по-норвежски – в этом сомнений не оставалось.

– Я из Хорттена, – выпалил я, не задумываясь. Я никак не мог прийти в себя от удивления, что эта экзотическая женщина заговорила вдруг на моем родном языке.

– А где находится Хорттен? Возле озера Суэнванне? – поинтересовалась она.

Я схватил стакан и жадно хлебнул вина в надежде, что в голове от этого прояснится. Значит, она приехала не с этих далеких континентов – Африки или Америки. Она из Норвегии! Судя по диалекту, она из мест, расположенных намного севернее моего родного хутора, – она выговаривала слова отрывисто и словно печально, четко произнося звук "к".

Я отставил бокал и сконфуженно рассмеялся:

– Хорттен – это обычный хутор возле фьорда, к югу от Суэна. На западном берегу фьорда. Переплываешь его – и ты в Хорттене. У нас там переправочная станция, а хозяин хутора – вроде проводника. Помогает королевским людям найти дорогу. Хорттен расположен недалеко от Тонсберга. – Я перешел на норвежский. Отбросив скромность, скажу, что за несколько месяцев, проведенных в Дании, я весьма неплохо выучил датский и с той самой минуты, как в августе сошел на причал в Копенгагене, ни словом не обмолвился по-норвежски. Поэтому вновь заговорить на родном наречии было несказанно приятно. Мы немного поговорили о Норвегии. Родилась она где-то далеко на севере, в землях, которые называла саамскими. Она была саамкой и сказала, что это не то же самое, что норвежцы.

– У нас и язык особый, – пояснила она.

Хозяйка уходила на кухню помочь Марии с готовкой, а вернувшись, вероятно, подумала, что мы несем какую-то тарабарщину, и потому удивленно воззрилась на нас.

– Как тебя звать? – вмешалась она, обратившись к нищенке.

По-моему, хозяйка сочла невежливым, что мы говорим на непонятном ей языке. А нищенка улыбнулась и проговорила:

– *Dan ija biekkai nu ahte varri sirdasuvai.*

Увидев наши изумленные физиономии, она разъяснила, что ее имя переводится на датский как "ночь, когда буря сдвигает горы", но ее можно называть Биеггат или Бигги, что означает "буря". Я тоже перешел на датский и спросил, почему у нее такое странное имя.

– В ночь, когда я родилась, мой дед был на улице. Он сказал, что никогда на его памяти не было бури сильнее. Дед уверял, что за ту ночь гору, что стояла неподалеку от нашего дома, снесло на несколько футов в сторону. Он говорил, что это духи послали бурю мне навстречу, чтобы… – Она вдруг умолкла, заметив, что все вокруг прислушиваются к ее рассказу.

– Какие духи? – спросил с другого конца стола трактирщик, подозрительно глядя на нищенку.

Но она лишь прикусила губу и покачала головой, не желая продолжать рассказ. Тогда Томас вспомнил вдруг забавную историю, случившуюся во времена его студенчества, и все вновь отвернулись от саамки.

Вокруг стола опять пустили блюдо с мясом и миску с соусом, гости набросились на еду, да так, что я испугался – вдруг мне ничего не достанется. Мое беспокойство, очевидно, не укрылось от глаз хозяйки, и она заметила, что на кухне еще много еды. Все – кроме одного – ели так, будто этот ужин был последним в их жизни, и до небес превозносили поваров. Тот единственный, кто не ел, сидел возле меня и беспокойно ковырял вилкой в тарелке. Мне подумалось, что крупное тело Альберта нуждается в пище больше других, учитывая, как он трудится. Но он едва ли поднес к пересохшим губам пару жалких кусочков.

Томас тоже заметил, что Альберт не ест, наклонился к нему и тихо, так, чтобы никто кроме меня не услышал, спросил:

– *Pourquoi vous ne mangezpas?*[12]

Вздрогнув, Альберт поднял голову и настороженно уставился на Томаса. Альберт то открывал рот, то закрывал, словно рыба, выброшенная на берег. И звуков он издавал столько же, сколько услышишь от рыбы. Затем он медленно поднялся и, пробурчав себе под

нос нечто похожее на извинение, резко отодвинул стул и исчез за дверью, прежде чем кто-либо успел проронить хоть слово.

– Что с ним такое творится?.. Не понимаю… – удивленно, скорее для себя, проговорила хозяйка.

– Он всегда был неразговорчивым, но в последние дни из него вообще слова не вытянуть, даже на вопросы и просьбы не откликается… – Расстроенный хозяин покачал головой.

– Он долго у вас проработал? – спросил Томас.

Хозяин задумался.

– Летом будет двенадцать лет… Похоже, что так. Начал совсем мальчишкой, но так ловко управлялся с лошадьми, что сами мы и думать о них забыли. И в руках у него все спорится, он может что угодно смастерить. Когда хочет, то работает за двоих.

Краем глаза я заметил, как хозяйка кивнула.

– Конюха и работника лучше него не найти, – продолжал хозяин, а затем, наверное, почувствовал неловкость и добавил: – А уж когда Мария начала помогать нам на кухне, то зажили мы так, что прекраснее и не придумаешь.

Я быстро взглянул на хозяйку – та поджала губы и неодобрительно смотрела на супруга.

"Интересно, – подумал я, – почему она так не любит Марию?"

Беседа умолкла, и гости принялись за еду с удвоенным усердием, пока тишину не нарушил голос Томаса:

– Этот граф д'Анжели – каков он был?

Никто не ответил, тогда Томас перевел взгляд на плотника и спросил:

– Каким вам показался граф?

За ужином плотник, который вообще не отличался болтливостью, интересовался лишь пивом и едой. Похоже, он был под впечатлением от спора о ведьмах, а возможно, и от других разговоров… Он с тревогой посматривал по сторонам, и взгляд его несколько раз остановился на нищенке. Бигги – так я впредь буду ее называть.

– Ну… он… – проговорил плотник и запнулся. Затем отхлебнул пива и попытался начать заново. – Ну… он же был навроде как граф. И нос задирал. Заносился перед нами. И на язык был несдержанный – совсем Марию и ведьму извел.

– Значит, они жаловались и просили его вести себя пристойно?

– Их и спросите, – ответил плотник и умолк.

Томас вопросительно посмотрел на Марию. Она отвела взгляд и уставилась на стол.

– Хм… Граф мог и нагрубить. Но порой бывал и любезным. Рассказывал про Солнечного кайзера и его свиту. Про то, какие там прекрасные дамы, про платья и прически.

– Солнечный кайзер? То есть французский король? Король-Солнце? Граф там бывал? – удивился Томас.

– Да, граф много где побывал. По его словам, графа при дворе уважали. Оно и понятно – граф был таким веселым господином. – Она робко улыбнулась и взглянула на хозяина, будто извиняясь, что сказала что-то нехорошее о графе, который, несмотря ни на что, был гостем. Но хозяин не обращал на нее внимания – теребя в руках салфетку, он исподлобья поглядывал на Томаса.

"Да какая муха их укусила? – подумал я. – Тут сразу и не решишь, который из них больше встревожен и менее разговорчив".

Томас повернулся к Бигги, но теперь и из нее слова было не вытянуть – она лишь покачала головой, быстро посмотрела на Марию и вернулась к еде. Мне показалось, что Мария обрадовалась. Может, у них есть какой-то секрет?

Интересно, а скоро ли Томас раскроет наш собственный секрет – о том, что граф вовсе не умер своей смертью, а погиб от руки убийцы. Когда мы после вскрытия прибирались в кузнице, Томас поделился со мной своими соображениями и сказал, что решил выждать какое-то время. Подозреваемых у нас мало, поэтому вовсе незачем пугать остальных. Однако он не был до конца уверен и собирался в зависимости от ситуации менять тактику. Он решил, что если до завтрашнего вечера мы не выясним, кто убийца, то попробуем слегка – как он сказал – "разворошить муравейник".

– Он назвал Марию потаскухой!

Все повернулись в нашу сторону и посмотрели на хозяйку, а на губах у той заиграла улыбка – вот только доброй ее назвать было нельзя. Светившееся в глазах презрение от этой улыбки лишь усиливалось. Она не сводила взгляда с Марии.

– Посмотрите на нее! Как она одета! Она выставляет себя напоказ перед мужчинами!

Мария нервно схватилась за верхнюю пуговку на корсаже – та вновь оказалась расстегнутой. В ее глазах блеснули слезы. Но она промолчала.

Однако трактирщица припасла для нас и другие сюрпризы:

– Эту оборванку он назвал колдуньей, – она уставилась на Бигги, которая выдержала ее взгляд со всем спокойствием, – она и есть колдунья, чего бы там профессор ни утверждал. Она знается с духами – сама это сказала! Ясное дело, колдунья! – И хозяйка вновь отхлебнула вина. Теперь взгляд ее слегка затуманенных глаз остановился на плотнике. – Пьяница. А уж по поводу этого… этого плотника, – эти слова она буквально выплюнула, при этом с нижней губы у нее упала капелька слюны – упала и медленно стекла по подбородку. Трактирщица быстро утерла рот и схватила графин с вином.

"А что он про тебя сказал?" – чуть было не выпалил я, но сдержался.

– Чертова старуха! Я, может, и выпиваю, зато умею язык за зубами держать! – Взгляд плотника загорелся гневом.

Хозяин схватил плотника за плечо:

– Выбирайте выражения, когда обращаетесь к моей супруге!

Плотник стряхнул его руку и уже более мирно проговорил:

– Ладно-ладно, только она пускай тоже выбирает.

Трактирщик настороженно посмотрел на другой конец стола:

– Герта, дорогая моя, возможно, тебе лучше прилечь? Ведь ты не совсем здорова…

Но та лишь злобно усмехнулась в ответ:

– Дорога-ая Ге-ерта, возмо-ожно, тебе лучшшшше приле-ечь… – передразнила она. – А как граф называл тебя, любезный мой Херберт? Вспомни-ка – ведь граф называл тебя кутеночком и гладил по голове. Ты так мило поддакивал ему, смеялся над каждой шуткой. И над "кутеночком" тоже смеялся. Только вот никакая это не шутка… Это… это… правда… – Уставившись застывшим взглядом на скатерть, она умолкла. На глазах у всех ее лицо перекосилось, по щекам, прокладывая бороздки в слое пудры, заструились слезы, а губы скривились в безумной гримасе, обнажая желтые губы. Она издала какой-то грудной вой – сперва тихий, а затем переросший в душераздирающий крик, и, прежде чем я успел остановить ее, она сбросила на пол тарелки со стаканами и, всхлипывая, уткнулась лицом в скатерть. Я вскочил и затоптал ногой пламя от упавшей свечки.

Томас быстро подошел к хозяйке и, ласково похлопав ее по плечу, посмотрел на трактирщика и Марию.

– По-моему, хозяйке пора отдохнуть. Я вам помогу.

Хозяин рванулся к жене и взял ее под руку, помогая подняться.

Мария встала с явной неохотой, но это и неудивительно – сначала ей пришлось выслушать столько брани в свой адрес, а сейчас, как ни в чем не бывало, еще и помогать обругавшей ее хозяйке. Но помочь раздеться ей могла только женщина, поэтому у Марии не оставалось выбора.

– Я помогу, если хозяин позволит, – предложила Бигги, поднимаясь, – а Марии лучше прибраться здесь. – И она посмотрела на усыпанный осколками пол. Не дожидаясь разрешения хозяина, Бигги приобняла трактирщицу, помогла той встать на ноги и, что-то приговаривая, повела к выходу. Когда они исчезли за дверью, озадаченный Томас тихо проговорил:

– Моя помощь была бы здесь лишней, – и вернулся на свое место.

Глава 14

Пока Мария подметала пол, я убрал тарелки с остатками еды и, по указанию Марии, расставил чистые тарелки для торта. На хуторе в Хорттене я привык помогать по дому, да и в профессорском доме часто бывали гости, так что служанке требовалась помощь.

Посыпая пол чистым песком, Мария посмотрела на меня с благодарностью, и я огляделся, придумывая, чем еще помочь. Но так и не придумал.

Томас и священник разглядывали деревянный переплет Библии. Во время ужина священник держал книгу рядом с тарелкой – видимо, книга была настолько дорога пастору, что он не спускал с нее глаз. – А в Судный день мы увидим трон, и на нем – *Agnus Dei*[13] а вот здесь, посмотрите, профессор, видите – дьяволы увлекают безбожников в вечную тьму. – Он показал на нижнюю часть изображения, и я заметил буквы, на которые утром внимания не обратил. Под ногами Агнца Божьего виднелась изящная надпись: *"Dies Irae".* Светопреставление или Судный день, как его требовал называть старый пастор Кнутсон в церкви Нюкьерке.

Желая послушать, о чем они беседуют, я пересел на место Альберта. Томас кивал и восхищался удивительной резьбой. К столу подошла Мария – сев на мое место, она пожала мне руку и сказала:

– Спасибо за помощь.

Плотник повернул голову и посмотрел на нас, однако ни слова не сказал.

– Во время прекрасной поминальной молитвы по графу д'Анжели, – Томас взглянул поверх очков на священника и ловко поменял тему беседы, хотя предмет остался прежним, – вы сказали, что, возможно, близится день, когда мы предстанем пред Высшим Судьей.

Священник кивнул, и Томас продолжал:

– Но сегодня утром, услышав о подобном, вы довольно резко возразили. Когда наш хозяин… О, вы вернулись, господин фон Хамборк!

Фон Хамборк присел к столу – весь его облик свидетельствовал о том, как он устал. Жестом велел Марии принести вина и кивнул Томасу. Профессор вернулся к своему вопросу, а я уже догадался, о чем он спросит священника.

– Я напомню, вы возразили, когда хозяин предположил, что грядет Судный день, – Томас вопросительно посмотрел на трактирщика, – он настанет, кажется, в воскресенье, прямо в канун Нового года?

Фон Хамборк быстро кивнул. Его узкое лицо побледнело еще сильнее – он, видимо, считал, что своей недостойной выходкой хозяйка лишь подлила масла в огонь приближающегося Апокалипсиса.

– Так что заставило вас переменить мнение?

Пастор сосредоточенно вслушивался в слова Томаса. Я пригляделся к преподобному Якобу внимательнее – он тоже казался изнуренным, будто на плечи ему возложили непосильную ношу.

– Люди боятся верить в то, чего сами желают, – проговорил он, любовно поглаживая пальцем вырезанное на переплете лицо Христа, – и если я готов к встрече с Судьей, то готовы ли вы, дети мои? – Он поднял глаза и по очереди оглядел нас. Когда он дошел до меня, я отвел взгляд. Я знал, что не готов, и, если бы не спокойствие, с которым Томас Буберг воспринимал разговоры о конце света, я был бы уже чуть живым от страха. – Мне не хочется, чтобы вы, дорогие мои близкие, отправлялись на вечную погибель, – продолжал священник, – поэтому я усомнился в правдивости слов фон Хамборка. И почему я вообще должен верить этому Нострадамусу, о котором рассказывают нелепицы. По обыкновению, я обратился за разъяснениями к Священному Писанию. Я искал – и смог получить ответ. Он гласит, что, во-первых, предсказать будущее возможно. Это дано не каждому, но лишь некоторым. В Ветхом Завете говорится о пророках Иеремии, Аввакуме и Иезекииле, которые благодаря снизошедшему на них божественному прозрению предвидели такие трагические события, как падение Ассирии, вавилонское пленение, разграбление Иудеи и вавилонское столпотворение. Также в Ветхом Завете нашел я историю о мальчике Амосе, чей отец пас овец. Амос предсказал падение Иеровоама Второго, царя тринадцати колен израилевых. Он предвидел, что царство будет разрушено, а сынов израильских закуют в кандалы и уведут в Ассирию. Как мы видим, в Писании есть множество примеров того, что я прежде счел бы мошенничеством и надувательством. – Священник умолк, погруженный в собственные мысли.

Он не отводил взгляда от толстой Библии, а палец его медленно двигался по большому кругу, которым было обведено изображение Высшего Судьи, пока наконец не уткнулся в латинские буквы, вырезанные у самых ног Судьи.

– Я приступил к Откровению Иоанна Богослова и посмотрел на него совсем другими глазами. Этот текст – тоже священное пророчество. Святой Иоанн довольно давно сказал, что Судный день близок – но более подробно не пояснил. И я задумался: насколько близок этот день? Когда он настанет? Я пытался найти ответ, весь день напролет я читал Писание и раздумывал над этим, а вечером мне был дан ответ. Ответ, который я искал и обрел, делится на три части или составляющие, из которых и следуют рассуждения о Судном дне. Я выяснил, что без этих частей нет никакого Судного дня. Поэтому, следуя логике, сначала изучил их, – преподобный Якоб положил ладони на книгу и, помолчав, поднял взгляд, – я все время молился Господу и просил его помочь мне отыскать ответ. И я его нашел, – он снова помолчал, – эти… составляющие… Рассмотрим их… – Он издал сухой короткий смешок, – профессор назвал бы это: рассмотреть в обратной хронологии. Я же скажу, что мы рассмотрим их в судьбоносном порядке, настолько же очевидном, как и то, что Господь создал небо и звезды, а именно – рассмотрим по степени их воздействия и значимости.

Сидевшие вокруг стола с интересом склонились к священнику.

– Первая составляющая – это, конечно, "Царство Божье", которое должно наступить после Судного дня. – Он прервался и посмотрел на нас. Мне показалось, будто взгляд его, исполненный печали, пронзил меня насквозь. – Вторая – это "Сын, которому отдан Суд" и который придет судить. И последняя… это "Власть Сатаны", что правит миром до Судного дня.

Проговорив это, преподобный Якоб вновь обратил взгляд на Библию, погладил переплет и еще немного помолчал. Когда он заговорил вновь, в голосе его уже не слышалось прежней неуверенности. Он говорил твердо и убежденно, медленно и отчетливо, выделяя каждое слово, будто каждое из них было необычайно важным и обладало особой ценностью.

– Когда у меня сложилось представление об этих трех составляющих, загадка или задача больше не казалась настолько сложной. Я понял, где именно мне искать. В двадцатой главе Откровения святой Иоанн говорит, что Дьявол будет закован в цепи и низвержен в бездну, дабы не прельщал он народы. И без этого старого дракона, Вельзевула, наступит Царство Христово, которое просуществует тысячу лет. Я выяснил, что первое число – тысяча! – Он на миг задумался, но вскоре продолжал рассуждать: – Следующее число

принадлежит Сыну Божьему, который в последний день мира станет судить живых и мертвых. Когда он много лет назад жил среди людей, то трижды предсказал собственную смерть, поэтому Его число связано со сроком Его земной жизни, прожитой до того, как Его распяли. Ученые, посчитавшие, сколько раз Солнце и Луна обошли вокруг Земли, и проследившие за перемещением звезд по небу, вычислили, что с того дня, когда Пречистая Дева явила на свет единородного Сына Божия, и до времени Его смерти и Воскресения Иисус Христос прожил тридцать три года среди израильского народа в Палестине. Следовательно, Его число – тридцать три!

В трактир вернулась Бигги, и пастор умолк. Она тихо села на место и ободряюще улыбнулась трактирщику. Остальные не сводили глаз со священника. Вокруг было тихо.

"Как в могиле", – подумал я и посмотрел в окно за спиной у преподобного Якоба – оно словно глядело на нас черным немигающим глазом.

– Последнее число, – продолжал священник, – вам уже известно. Это число Зверя. Зверь этот имеет два рога, подобные агнчим, и говорит как дракон. К тому же у него власть и мощь Сатаны, его зло, яд и истязания. Число это стоит за всем, что принадлежит Антихристу, и оно – шестьсот шестьдесят шесть. – Преподобный Якоб вытер лоб, покрытый капельками пота. В свете фонарей кожа у него выглядела мертвенно-бледной. Казалось, прямо у нас на глазах вместе с тиканьем часов на стене, он становится все старше. – Если сложить эти три числа, то мы получим дату Судного дня, – устало заключил он и поднялся. Переступая негнущимися ногами, он медленно обошел стол и остановился за спиной у Марии. – Прошу меня простить, но мне нужно побыть в одиночестве и вознести молитву Господу. Когда времени остается так мало, то каждый час превращается в день, в месяц, в год… Вечность подождет, однако приготовления следует начинать уже сейчас. – И с кроткой улыбкой на устах он удалился.

Воцарилась тишина.

1699. Это число не выходило у меня из головы.

Если сложить числа, которые назвал священник, то выходило 1699. Именно 1699 год должен был вот-вот закончиться!

Если наступит Судный день, то случиться это должно в два последних дня этого года.

Оцепенев от ужаса, я оглядел сотрапезников и понял, что они сделали те же выводы.

Глава 15

Осталось два дня.

Такая бесконечная печаль таилась в этих словах, что мне даже не хотелось додумывать свою мысль до конца.

Встреча с Высшим Судьей казалась пугающе близкой. Что он прочтет в Книге жизни о моей собственной жизни? Я принялся вспоминать и понял, что всегда жил только сегодняшним днем и не то чтобы совсем не думал о Боге и Христе, однако молитвами особо себя не утруждал да и в церковь заходил не слишком часто. Впрочем, на хуторе, где хозяин ценил жатву больше воскресных проповедей, жить по-другому было затруднительно. А что касается молитвы, то, проработав пятнадцать часов на пашне, я частенько засыпал прямо возле кровати, стоя на коленях.

Недостойный. Это слово вдруг пришло мне на ум. Возможно, придумывать себе оправдания – это недостойно? Станет ли Судья слушать их? Я решил, что не станет, и едва не закричал от невыносимых мучений. Мучений, причиненных мне мыслями. Всего два дня осталось.

Нет. Это неправильно! Слишком уж больно!

И не только от мыслей, нет, боль пронзила руку! С трудом отогнав мрачные размышления, я понял, что рука заболела оттого, что Мария изо всех сил стиснула ее. Девушка беззвучно плакала, закусив губу. Я осторожно высвободил руку и приобнял ее за

плечи. Девушка посмотрела на меня так, будто видела впервые в жизни, поднялась и хотела было уйти, но хозяин остановил ее:

– Мария! – Фон Хамборк, судя по его виду, чувствовал себя не лучше нашего, однако об обязанностях хозяина не забывал. – Неси пирог. По-моему, нам пора приступать к десерту.

Мария скрылась на кухне.

Плотник поднес ко рту кружку с пивом, но рука его так дрожала, что оно расплескалось, так и не попав в рот. Пиво заструилось по его подбородку, накапало на грудь, но плотник, похоже, не обратил на это внимания. Совсем как прежде, тем утром, он побледнел, словно мертвец (я теперь знал, насколько бледными бывают мертвецы), и не сводил полных ужаса глаз с черного оконного проема. По-прежнему глядя в окно, будто во сне, поставил кружку на стол и поднялся. С почти нечеловеческим усилием он наконец оторвал взгляд от окна, неразборчиво пробормотал что-то про “преподобного” и шагнул к задней двери.

Я почувствовал, как меня легонько ударили по ноге, и взглянул на Томаса. Указав взглядом на дверь, он чуть заметно кивнул головой, а после повернулся к трактирщику и сказал:

– Десерт нам сейчас просто необходим! Ничто так не возбуждает аппетит, как увлекательная беседа.

Я встал и, сделав вид, будто мне приспичило справить нужду, пошел за плотником.

Как обычно по вечерам, на стене над лестницей сиротливо горел один-единственный фонарь, а второй висел в коридоре второго этажа. Посредине же лестницы было довольно темно. Я быстро поднялся на несколько ступенек и услышал сверху слабый стук в дверь.

– Да? – донесся до меня голос священника.

Плотник говорил тихо, почти шепотом, но ветер за окном, к счастью, стих, и в ночной тишине я хорошо слышал его слова. Плотник сказал, что хочет спросить священника кое о чем. В ответ вновь послышалось “да”, но на этот раз немного нетерпеливое. Запинаясь, плотник попытался объяснить, в чем дело, однако тщетно. Наконец он выдавил:

– Тем, кто совершил убийство человека, – можно ли им в Судный день надеяться на помилование?

В ответ пастор прочел длинную проповедь о пятой заповеди, сказав, что Господь решает, кому жить и кому умереть, и что желающий искупить вину должен безоговорочно отдать себя на Суд Божий.

“И надеяться на лучшее”, – подумал я.

Похоже, такой ответ не успокоил плотника, и тот с прежней тревогой поинтересовался, нельзя ли считать определенные обстоятельства убийства смягчающими. Священник задумался, и его раздумье длилось так долго, что я забеспокоился: вдруг меня заметят и плотник спрыгнет вниз и схватит меня?.. Но Якоб в конце концов проговорил, что “не может дать ответа. На все Господня и Христова воля”.

Решив, что услышал достаточно, я осторожно спустился вниз и через заднюю дверь выскользнул на улицу. Мороз обжигал щеки, поэтому я торопливо справил нужду и поспешил вернуться в тепло.

Когда я открыл дверь в трактир, плотник как раз опустился на скамейку и махнул Марии, чтобы та принесла ему пива. Сейчас я видел его со спины – плотник казался мне спокойным, однако, подойдя к столу, я заметил, что он съежился и будто оцепенел от страха, который был вызван мыслями о событиях прошлого и о предсказаниях того, что ожидает нас в будущем.

“Есть ли оправдание его поступку?” – задумался я. Судя по отзывам, граф был человеком неприятным, но я вспомнил его тело в кузнице – мертвое и такое одинокое, и этот образ стал для меня ответом.

Кто, кроме Бога, осмелится вершить суд жизни и смерти?

Никто – откликнулось у меня в голове.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову: на меня вопросительно смотрел Томас. Чуть кивнув, я почесал грудь. Сомнений не оставалось – возле нас за столом сидел убийца.

Томас беззвучно вздохнул и откинулся на спинку стула, который жалобно заскрипел. Вздохнул профессор явно с облегчением.

Хозяин был погружен в раздумья и едва ли вообще заметил, что мы с плотником выходили. Когда Томас наклонился к нему и заговорил, фон Хамборк вздрогнул.

– Это предсказание Нострадамуса… Имеется оно у вас на языке оригинала? – спросил Томас.

– Да… Да, имеется. Сейчас принесу, – он вскочил и в замешательстве замер возле стула, – тогда, наверное, я и супругу проведаю. Посмотрю, все ли с ней в порядке…

– Непременно! – одобрил Томас таким тоном, будто трактирщик предложил нечто необычайно мудрое.

Из кухни дивно пахло пирогом, отчего у меня чуть слюнки не потекли. Сладким меня не баловали. В Хорттене мы к такому не привыкли: если торговля в базарный день шла бойко, а хозяин был в добром расположении духа, то он покупал нам по леденцу, а в профессорском доме сладкое подавали, лишь когда принимали каких-нибудь особых гостей или по праздникам.

Хозяин вернулся, как раз когда Мария ставила на стол блюдо с марципановыми пирожными. Томас предложил сначала попробовать десерт, а потом разобраться с предсказанием.

– Отдельно – агнцы, и отдельно – козлищи, – сказал он, но никто не засмеялся.

Усевшись, я занял два стула: мне хотелось послушать, о чем Томас разговаривает с хозяином, но не хотел сидеть слишком близко к человеку, застывшему, будто соляной столп, по другую сторону от меня. К человеку, который совсем недавно сознался в убийстве. Поэтому, когда Мария вернулась к столу, она растерянно огляделась, выбирая место, а затем – я не понял почему – уселась на стул трактирщицы в конце стола.

Пирожные оказались отличные. От них пахло розовой водой и еще чем-то, что Томас назвал кориандром. Мы оба набросились на пирожные так, будто горячего блюда прежде и не ели. Мария тоже не отставала от нас, но сам хозяин мрачно ковырял в тарелке, и плотник вообще вряд ли заметил пирожные, а Бигги только покачала головой, когда ей предложили десерт.

Ели мы молча.

Доев, Томас провел пальцем по краю тарелки, собрав все до последней крошки, отодвинул тарелку и осторожно дотронулся до черной книги, лежавшей на столе возле трактирщика.

– Где именно тот отрывок? – спросил Томас.

Взяв в руки книгу, фон Хамборк раскрыл ее и вытащил пожелтевший листок, заложенный между первыми страницами. Он разгладил бумагу и положил ее перед Томасом.

– Вот он.

Профессор вытащил из жилетного кармашка очки и поднес листок к глазам. Молча пробежав его глазами, он откашлялся и зачитал вслух:

Le Serpent du Mal trahyr le Temps Gothique,

d'Amant Psellus donra froyd,

Auant Mars tous mourront après farouche Panycque,

Demander a ton Chapelet l'exacte Coid[14].

Он опустил листок на стол и посмотрел поверх очков на хозяина.

– Сегодня вы уже зачитывали эти строчки в переводе. Кто перевел этот текст с французского? – По голосу невозможно было определить, считает ли Томас этот перевод хорошим или скверным.

Шея трактирщика налилась кровью – ему явно послышалось в вопросе нечто оскорбительное.

– Вы с чем-то не согласны? Или нашли ошибки? – с вызовом спросил он.

Томас предупреждающе взмахнул рукой:

– Прошу меня простить! Я вовсе не это имел в виду. Мне просто стало интересно. Текст показался мне очень сложным – не только для перевода, но и по смыслу. По-моему, писавший явно не хотел, чтобы его поняли, – Томас улыбнулся хозяину, – выразился я немного неуклюже, но надеюсь на ваше понимание. – Он вновь взял в руки листок и, не глядя на трактирщика, спросил: – Ведь это вы его перевели, верно?

Я изумленно посмотрел на хозяина, тот кивнул, и Томас наградил его одобрительным взглядом.

– Вы не устаете меня удивлять, любезнейший хозяин. Однако я кое-чего здесь не понимаю, поэтому, возможно, вы поможете мне?

Они оба склонились над текстом, и я, чтобы ничего не упустить, тоже подался вперед. Сначала Томас попросил хозяина вновь прочитать перевод. Достав откуда-то листок белой бумаги, фон Хамборк зачитал:

Змей зла предаст готическое время,

Пселлус д’Амант навеет великий холод,

После свирепой паники, до марта, все умрут,

Спроси у чёток точный код.

Томас сравнил его перевод с оригиналом и теперь повторял отдельные слова:

– *Trahyr*, ну да, *trahir*, предавать, конечно… а д’Амант – демон, ну да… Пселлус, Пселл, о нем я слышал… хм… а вот *donra* – как вы это перевели?

– Это синкопа от слова *donnern*, то есть “давать”. Нострадамус выкинул один слог, чтобы сохранить ритм. – Объясняя, трактирщик оживленно размахивал руками, радуясь, что может поделиться своими изысканиями с кем-то, способным оценить их по достоинству.

– Хм… чтобы сохранить ритм…

Постукивая пальцами по столу, Томас опять перечитал вслух текст оригинала, а затем продолжил разбирать отдельные слова.

– *Auant* – это *avant*, да… С *panycque* все ясно… *chapelet* – чётки, *coid* значит “код”, верно. Хм… – Томас поднял взгляд, – перевод, по-моему, неплохой, но если честно, то по смыслу выходит совершенная тарабарщина. Вот “змей зла”, к примеру, – это что такое? А “спроси у чёток точный код”? Не очень понимаю, как все это связано с Судным днем, о котором вы, господин фон Хамборк, нам рассказывали.

– Как вы уже знаете, – серьезно проговорил хозяин, – этот текст был написан почти сто пятьдесят лет назад. То есть в то время, когда Нострадамусу из страха перед инквизицией приходилось скрывать, что это предсказания, чтобы его не обвинили в колдовстве и связях с демонами или даже самим дьяволом. Поэтому он закодировал свои послания, использовал перифразы, исказил имена и названия, стараясь скрыть истинный смысл текста от непосвященных. – Хозяин отхлебнул вина и указал на бумагу. – Возьмем слово *serpent*, что означает “змей” или “змея”. Изучавшим Нострадамуса известно, что так он называл протестантов. Подобно другим католикам той эпохи, он обвинял протестантов в заигрывании

с дьяволом. Следовательно, *serpent du mal* – это перифраза от "злобные протестанты", которые – продолжает Нострадамус – предадут *le temps gothique*, что дословно переводится как "готическое время". – Он ненадолго умолк и, чуть улыбнувшись, посмотрел на Томаса Буберга. Фон Хамборк не казался больше таким напряженным, как прежде, и я подумал, что общество профессора ему нравится. – Этого я не понял, – сознался хозяин, – злые протестанты предадут готическое время…

"Глупость какая", – решил я про себя.

– Но вам, господин профессор, наверняка сразу же стало ясно, о чем речь. Так я расплачиваюсь за то, что живу в глуши, куда новости доходят через месяцы или даже годы.

Томас рассмеялся и кивнул, а хозяин продолжал:

– Когда я три недели назад ездил в Хаверслев, то совершенно случайно узнал, что по указу короля следующий год будет на одиннадцать дней короче.

– А? Что такое? Год – короче на одиннадцать дней? – подал голос плотник, который до этого слушал их разговор лишь вполуха, однако сейчас вдруг очнулся и оскорбленно посмотрел на нас. – Что за ерунда! Король решил отнять у нас одиннадцать дней? Этого я не потерплю!.. – Внезапно лицо его исказилось, будто кто-то окунул кисть в ужас и мазнул ею по физиономии плотника. Разинув рот, тот вдруг умолк. Он вспомнил предсказание священника о том, что никакого следующего года не предвидится. Томас кивнул хозяину:

– Да, эта реформа проводится для того, чтобы исправить *Veteris Style Errores*[15], как Оле Рёмер объяснил королю, когда выдвинул это предложение. Король согласился, что "ошибки старого стиля" следует исправить и привести календарь в соответствие с солнечным и звездным циклами. Для этого первый год нового столетия должен стать на одиннадцать дней короче. Было решено укоротить февраль, так что в этом месяце будет всего восемнадцать дней.

В трактир вернулся преподобный Якоб, и последние слова Томаса не ускользнули от его ушей.

– Неужели в месяце-вьюговее и впрямь осталось лишь восемнадцать дней? – Он расстроенно покачал головой и опустился на стул. – Господи пресвятой Боже! Неудивительно, почему Судный день грядет именно сейчас, до начала этого безумного года. Господь не желает смотреть, как люди крадут дни из его великого творения. И как зовут прислужника Князя Тьмы, который придумал это?

Томас предостерегающе поднял руку:

– Успокойтесь. Не стоит из-за этого поднимать такой шум. Это обычная реформа, проводимая для того, чтобы нашим потомкам не пришлось праздновать Рождество в середине весны, а Пасху – в Иванов день.

– Ха!! – фыркнул священник. – Что за глупости! Рождество – весной… Уверен, что конец апреля – это самое позднее, когда может праздноваться Пасха. Пасха всегда выпадает на воскресенье после первого полнолуния, которое наступает после дня весеннего равноденствия. А весеннее равноденствие всегда двадцать первого марта. Март – месяц весенний, и об этом профессору известно, хотя его голова и забита таким количеством мудрости, что даже самый выносливый не выдержит и отупеет, будто ночной горшок! – С этими словами преподобный Якоб вскочил. Нос у него побелел, как обычно, когда вздорный нрав брал над ним верх. Схватив Библию, священник зашагал к выходу, даже не пожелав нам доброй ночи. Вскоре мы услышали, как хлопнула дверь в его комнату на втором этаже.

– Ну что ж, – негромко откликнулся Томас, а глаза его блеснули, – главная функция ночного горшка – собирать нечистоты.

Мария тихонько хихикнула, а Бигги чуть улыбнулась. Плотник уже почти прикончил следующую кружку пива и теперь задремал, навалившись на стол, поэтому не обратил

внимания на выходку Якоба. Хозяин же, напротив, не желал обращать все в шутку и серьезно посмотрел на Томаса:

– Но как вы объясните то, что сказали про Рождество? Как такое может быть правдой?

– Это долгая история, – в тот вечер Томас был в ударе, – но я попробую ее сократить. Когда-то в древности, еще до рождения Христа, римский цезарь Юлий ввел в обиход календарь, который в честь него назвали юлианским. По его указу в сорок шестом году до Рождества Христова год был продлен до четырехсот сорока пяти дней. Это было проделано для того, чтобы календарь соответствовал движению Солнца и звезд по небу. Такая мера была в тот момент необходимой, потому что старые календари к тому времени уже отставали от Солнца на восемьдесят дней. Поэтому новый календарь, введенный Юлием Цезарем, оказался намного лучше прежнего, однако и у него имелся изъян: год получился слишком длинным!

Томас обвел нас взглядом, желая убедиться, что мы следим за его рассказом. Мы внимательно слушали его – все, кроме Марии, которая начала убираться со стола, и уснувшего с открытым ртом плотника, который тихо похрапывал.

– В действительности точное число дней солнечного и звездного циклов составляет не ровно триста шестьдесят пять дней, – продолжал Томас, – каждые четыре года мы стараемся исправить это несоответствие, вводя один високосный год, однако у нас все равно остается одиннадцать минут и четырнадцать секунд лишних. Многим кажется, что в масштабах целого года одиннадцать минут – это мало, почти совсем ничего. Из-за такой мелочи и беспокоиться-то не стоит. Возможно, они правы, но за сто двадцать восемь лет из этих минут накопится целый день, а один день – это уже что-то. Если же пустить все на самотек, то через много сотен лет двадцать четвертое декабря будет каждые сто двадцать восемь лет сдвигаться все ближе к весне. А Пасха таким же образом сдвинется ближе к лету, потому что день весеннего равноденствия, который выпадает на двадцать первое марта, передвинется назад, сначала на двадцатое, потом – на девятнадцатое и так далее. Поэтому в тысяча пятьсот восемьдесят втором году из-за юлианского календаря у нас накопилось целых одиннадцать лишних дней, а день весеннего равноденствия должен был приходиться на одиннадцатое марта. Подобное никуда не годится – в этом сомнений не оставалось. Папа Григорий Тринадцатый решил восстановить отсчет времени и ввел новый календарь. Чтобы календарный год совпадал с солнечным, в григорианском календаре просто-напросто иногда пропускается високосный год. Поэтому все католические страны перешли на григорианское летоисчисление еще сто лет назад – а точнее, сто восемнадцать лет назад. Как вы видите, новый календарь будет не очень сильно отличаться от прежнего, однако, чтобы отсчет начался правильно, нужно убрать лишние одиннадцать дней из того года, с которого начнется новое исчисление. Мы и так ждали более ста лет. И поэтому мы сократим февраль следующего года, то есть одна тысяча семисотого. Пожертвовав одиннадцатью днями, мы начнем жить в одном ритме с Солнцем и звездами – только и всего. – Томас умолк и отхлебнул вина.

Лекция закончилась. Прежде я слышал, как он читает лекции в университете, и после них профессор всегда лучился счастьем – прямо как сейчас. Если бы я был католиком, то наверняка заважничал бы, будто Папа Римский, от гордости за своего хозяина, который прямо с места мог выдать подобный рассказ. Очевидно, это не укрылось от глаз Бигги – она хитро улыбнулась и подмигнула мне.

Трактирщик задумчиво кивнул.

– В Хаверслеве мне сказали, что король хочет перенять католическое времяисчисление, – сказал он.

– В каком-то смысле так оно и есть, – согласился Томас, – подобная мера необходима, а идея хорошая, но не потому, что придумали ее католики. А это существенная разница, вы не находите?

Трактирщику пришлось согласиться с Томасом. Он показал на листок с пророчеством Нострадамуса:

– Предать готическое время – означает принять новый календарь, вот как я это истолковал. То есть отказаться от прежнего времяисчисления.

Томас умолк, но аргументов против у него не нашлось. Фон Хамборк перешел к следующей строчке:

– О демоне Пселла я уже упоминал, а "великий холод", по-моему, и есть лютая зима, которая сковала всю страну и заточила нас здесь.

После короткого раздумья Томас вновь кивнул.

– Вы сказали, господин профессор, что февраль уменьшится на одиннадцать дней. Иначе говоря, все это произойдет как раз перед первым марта. То есть *"mars",* как здесь и указано, – верно?

Томас понял, к чему тот клонит, однако вынужден был опять кивнуть.

– Поэтому удивительны именно слова "до марта", – фон Хамборк гнул свою линию с упорством здоровенного ютландского жеребца, – и нет никаких сомнений, что стужа и ее последствия наводят панику на жителей многих мест, мы и сами стали свидетелями смерти.

Томас резко поднял голову и посмотрел на трактирщика. Я понял почему. Впервые после поминальной проповеди священника кто-то упомянул о смерти графа. Однако хозяин предпочел не вдаваться в подробности.

– Здесь говорится, что "все умрут". Обычно Нострадамус не разбрасывается подобными фразами, значит, он говорит не просто о холодной зиме, и это следует толковать как-то иначе. Как нечто окончательное. Судный день.

Кивать Томас не стал, однако и возразить ему было нечего.

– "Точно спроси у чёток код", – а вот это непростое место. И если мы хотим извлечь из него какой-либо смысл, то нам явно не хватает нескольких слов. Нострадамус пропускал слова – отчасти, чтобы сохранить ритм, а отчасти – чтобы зашифровать смысл и скрыть его от непосвященных. Если отбросить последнее слово, то фраза будет звучать так: "Точно спроси у чёток". С грамматической точки зрения эта фраза верная, однако здесь не хватает логического завершения. Я уцепился за слово "точно" и поразмыслил, что именно может с ним сочетаться… Что? – Он умолк и посмотрел на Томаса – тот кивал и хотел что-то сказать. Томас улыбнулся:

– "Точно" обозначает обычно некую величину, которую можно обозначить числом.

– Вот именно! – довольно воскликнул хозяин. В пылу беседы он принялся размахивать руками. – Я перебрал множество вариантов – годы и даты, решил было, что фраза должна звучать как "Спроси у чёток время", но не мог понять, о каком именно времени идет речь. В конце концов я пришел к выводу, что речь идет о количестве раз – один раз, два и так далее. Однако до смысла я по-прежнему не докопался. Я полагаю, что последнее слово – "код" – обозначает просто-напросто "помолись с чётками определенное количество раз", и получишь код для того, чтобы узнать время светопреставления с его стужей и смертями. Я переключился на слово "чётки" – возможно, именно в нем кроется разгадка? В католичестве – папской религии – чётки могут означать определенный набор молитв, которые повторяют определенное количество раз, – вот вам и число! – или же нанизанные на нитку бусины, по которым отсчитываются молитвы.

Он поднялся и вытащил из кармана что-то вроде бус, заканчивающихся шнуром, на котором висел крест. Мелкие и крупные деревянные бусины были до блеска вытерты. Опустившись на стул, он вытянул вперед руку с чётками.

– Мой брат как раз недавно начал торговое дело во Флоренции. Я написал ему и попросил разузнать про чётки как можно больше. И он прислал мне их. Взгляните – каждые десять мелких бусин отделены друг от дружки вот этим. Брат написал, что – насколько он понимает, – читая молитвы, нужно держаться за одну бусину. На каждую бусину приходится тридцать “Аве Мария” и три “Отче наш” – и так пятьдесят пять раз. Так понял мой брат. Нужно, однако, сказать, что увлечения у нас с братом совершенно разные, и он в первую очередь до мозга костей делец. И, выясняя все это, он лишь оказывал мне услугу. Но… – тонким худым пальцем фон Хамборк начал медленно притрагиваться к бусинам, – вот что странно: на этих четках всего лишь пятьдесят три бусины, если считать вместе с тремя на шнуре с крестом…

– А как же вот эти? – перебил его Томас, показав на те, что отделяли десятки мелких бусин друг от друга. Они были похожи на белые отшлифованные камни, вплетенные в шнур, на который были нанизаны остальные бусины. На шнуре с крестом таких камней имелось два – сверху и снизу, а между ними – три деревянные бусины.

– Не знаю… – немного неуверенно ответил хозяин, – они закреплены – не так, как мелкие бусины, и если посчитать все, вместе с ними, – а их всего шесть – то выйдет пятьдесят девять – тоже странное число. Но все же… если я правильно понял то, что написал мне брат, они не считаются.

Томас не ответил, однако у меня появилось ощущение, что знает он больше, чем старается показать. Я вспомнил, что он когда-то жил во Франции, – а ведь французы католики…

– На всех чётках, которые мой брат видел, было по пятьдесят три бусины, ну, или пятьдесят девять… – Бросив быстрый взгляд на Томаса, он продолжал: – Но не пятьдесят пять, как следовало бы ожидать, если учесть, что прочесть полагается пятьдесят пять молитв. Почему так – мой брат не знал, и мне тоже никакого объяснения найти не удалось. Если задуматься над этим несоответствием – назовем его так, – то слово “точно” приобретает вдруг особое значение: Нострадамус велит прочесть молитвы ровно пятьдесят три раза, по количеству бусин. По-моему, именно так и следует это толковать. То есть нам важно число пятьдесят три.

Откинувшись на спинку стула, Томас из-под полуприкрытых век наблюдал за трактирщиком, внимательно прислушиваясь к его объяснениям.

– Продвинувшись настолько далеко в толковании, я уже знал – почти точно, – фон Хамборк чуть демонстративно умолк, позволив нам оценить его изящную игру слов, – как истолковать остальное. Мишель де Нострдам написал французскому королю Генриху Второму письмо, в котором содержится точный расчет лет с момента сотворения мира до Христова рождения. Согласно его исчислениям, этот период составил 4757 лет. В письме сыну Сезару, составленному в форме своеобразного завещания, Нострадамус подробно рассказывает о своих пророчествах и говорит, что пророчества эти охватывают время до 3797 года. Письмо к сыну – или завещание – было написано в 1555 году. Если вычесть это число из 3797, мы получим 2242 – это и есть период, на который распространяются пророчества. Если сложить это число и количество лет существования мира до Христова рождения, то мы получим магическое число 6999, обладающее огромной силой и необычайно важное. – Трактирщик замолчал.

Он перевел дух и освежил горло глотком вина. Томас сидел, не шелохнувшись, напоминая огромного вырубленного в скале тролля.

– Те, кто видел карты таро, знают, что в колоде таро имеется карта с изображением повешенного. Значения этой карты – страдание, наказание и переход к чему-то новому, к новой жизни… Если собрать эти значения, то получится… Судный день. – Фон Хамборк поднял глаза. Во взгляде сквозила усталость, азарт исчез, и теперь трактирщик исполнился смирением. – На карте таро человек повешен за ноги, то есть вниз головой. Если перевернуть число 6999, то получится 9666. Эта цифра содержит число Зверя, о котором священник уже упоминал. Следовательно, это важная цифра, и нам нужно как-то связать ее с числом четок – то есть 53, и тогда мы найдем наше число, то есть то, которое раскроет нам дату Судного дня. Если посмотреть на это с точки зрения математики, то логично будет сложить эти два числа или вычесть 53 из 6999, однако ничего стоящего в этом случае не выходит. Оба результата весьма далеки от конечной даты, которой касаются пророчества Нострадамуса, а именно – от числа 3797. То же самое получается, если исходить из перевернутой цифры – 9666. Тоже ничего путного. Тогда будем использовать число 6999, но возьмем первые две цифры – 69. Если прибавить к 69 число чёток – то есть 53, будет 122, а если поставить его перед двумя оставшимися числами, 99, то получится 12299 – число ничего нам не говорящее и потому бесполезное. Однако если отнять 53 от 69, а получившееся число поместить перед последними двумя цифрами… – он на секунду умолк, словно собираясь с силами, а затем проговорил, – то получится… 1699.

Судорожно сглотнув слюну, фон Хамборк схватил дрожащей рукой бокал и залпом опустошил его. Томас сидел по-прежнему неподвижно. От всех этих цифр у меня голова кругом пошла, а мозг мой готов был взорваться от мысли, что теперь-то перед нами неоспоримые доказательства всеобщей неминучей гибели, которая уже близка.

Умирать мне не хотелось, и голова отказывалась думать об этом. Она вообще не желала думать. Мысли остановились.

Поднявшись со стула, Бигги тихо пробормотала: “Спокойной ночи” – и скрылась за дверью. Мария давно уже вернулась из кухни и теперь сидела, опустив полный печали взгляд. Она тоже была слишком молодой, чтобы умирать.

Плотник все проспал. В его разинутом рту виднелись темные, блестевшие от слюны пеньки – остатки зубов, а лицо перекосилось в уродливой гримасе. Он завозился и всхлипнул.

Хозяин резко вскочил, но остановился и неуверенно посмотрел на Томаса, ожидая его реакции, но таковой не последовало. Тогда трактирщик развернулся и, тихо пожелав всем доброй ночи, тоже удалился.

Все молчали. Лишь часы тикали, и я подумал, что надо бы научиться определять по ним время. Хотя, с другой стороны, – зачем? Ведь времени скоро наступит конец.

Кто-то сжал мне руку. Мария. Она не смотрела на меня и ничего не видела. Ее взгляд был обращен внутрь, куда-то в бесконечное и невидимое. Она сжимала мне руку, а глаза ее были полны слез.

– Мария, милая, не все предсказания сбываются, – спокойно проговорил Томас, и девушка, моргнув, взглянула на него. Профессор дружелюбно смотрел на нее. – Ты, Мария, конечно, помнишь, что мы с Петтером приехали вчера вечером, как раз перед тем, как нашли тело графа.

Мария кивнула, внимательно вслушиваясь в слова Томаса, отвлекавшие ее от мыслей о пророчествах трактирщика и священника о Судном дне. Она вытерла слезы.

– Кто-то из других гостей приезжал в этот же день? Или они прибыли сюда раньше? Неплохо бы это вспомнить…

Мария не стала долго раздумывать:

– Вс… – она кашлянула, прочищая горло, – все трое приехали в среду, то есть два дня назад.

– Верно, сегодня же пятница, – согласился Томас. – А кто приехал первым и когда именно?

– Преподобный Якоб прибыл днем – мы уже пообедали, и для него пришлось накрывать отдельно. Граф явился чуть позже, уже стемнело. А Густаф приехал… – она запнулась, заметив вопросительный взгляд, брошенный Томасом на спящего плотника, – да, его зовут Густафом, фамилии я не знаю. Так вот – он приехал сразу после графа.

Томас поднялся и, зевнув, потянулся:

– Самое время немного отдохнуть. Долгий выдался денёк.

Я держал Марию за руку и не двинулся с места.

– Странно, – и Томас задумчиво почесал бороду, глядя на плотника Густафа, – что граф, чужеземец, очутился вдруг так далеко от дома и обрел последний приют в этом трактире, где никогда прежде не бывал, и среди людей, которых никогда прежде не видел. Да уж – неисповедимы прихоти судьбы. – Томас умолк, поймав изумленный взгляд Марии.

– Но граф бывал здесь и раньше! – сказала девушка. – Разве хозяин вам не рассказывал?

Глава 16

– Почему он врал нам? – хрипло шептал Томас.

Он мерил шагами нашу тесную комнатенку, отшвыривая мои попавшиеся ему под ноги ботинки и графскую одежду, которую я не успел отнести обратно в комнату графа.

Я сидел на кушетке, и мысли мои витали совсем в другом месте. Я вспоминал взгляд, которым Мария провожала меня, когда я неохотно, но послушно направился к двери следом за профессором. Она боялась, ее переполняли страх и бесконечное одиночество.

– Мария сказала, что граф уже приезжал сюда две-три недели назад и жил тут несколько дней. Точно она не помнит, но, по ее словам, он пробыл здесь три или четыре дня. Как фон Хамборк мог забыть об этом? Всего за две недели? За такое короткое время такую важную персону, как граф, не забудешь.

Остановившись передо мной и выпятив живот, Томас разгневанно уставился на меня:

– Как это было, Петтер? У тебя хорошая память – что именно ответил трактирщик, когда я расспрашивал его сегодня утром?

Я беззвучно вздохнул и задумался:

– Он сказал: “Граф Филипп д’Анжели приехал два дня назад, во второй половине дня. Прежде он у нас никогда не останавливался, и мы с ним знакомы не были”.

Томас довольно кивнул.

– Верно, именно так он и сказал. Зачем он врет? Он же должен понимать, что мы это выясним.

Он опустился на жалобно заскрипевшую кровать и принялся стаскивать сапоги.

– Неужели мы что-то упустили, и трактирщик как-то замешан в убийстве? – рассуждал Томас вслух. Затем он бросил на меня сердитый взгляд: – Расскажи-ка, куда выходил плотник? Ты, похоже, был уверен, что именно он виновен в убийстве графа.

– Был, да и сейчас уверен, – защищался я и рассказал о подслушанном на лестнице разговоре.

Томас выслушал меня молча, не перебивая, и погрузился в размышления.

– Неужели он действительно спросил про смягчающие обстоятельства при убийстве?.. – тихо, обращаясь к самому себе, спросил Томас. Я решил, что мне можно не отвечать, и промолчал. – С плотником Густафом и хозяином мы завтра поговорим. Ей-богу, надо взяться

за них как следует… И в целом… – Он умолк, вновь поглощенный собственными мыслями, а пальцы его теребили верхнюю пуговицу на парадной жилетке.

Я напомнил себе, что до завтрашнего утра нужно пришить пуговицу к его второй жилетке. Вообще-то, пора было приниматься за это уже сейчас, однако я решил отложить швейные дела на более позднее время.

– Хм… ну да, – очнувшись, Томас поднял голову, – а ты что думаешь?

– О чем? – уточнил я, не уверенный, что наши с ним мысли движутся в одинаковом направлении.

– Обо всем этом. Об убийстве. О месте. О людях. О том, как прошел вечер. Здесь что-то происходит – я это чувствую, но не понимаю, что именно. Чересчур много лжи, чересчур многие лгут.

– Альберт врет, плотник врет, и хозяин тоже врет. О них нам известно. А кто еще?

Томас помолчал.

– Хозяйка… хотя нет, она, возможно, и не врет, но что-то скрывает. Сегодня вечером она слегка приоткрыла завесу тайны, однако, по-моему, там, за завесой, скрывается намного больше. А Мария…

– Мария не врет! – перебил его я не задумываясь.

– Вон оно как? – Томас посмотрел на меня из-под полуопущенных век. На губах его заиграла слабая улыбка, и я разозлился.

– Да зачем ей? Она всего лишь девчонка, которая мало того, что вкалывает тут день-деньской, так еще и должна сносить нападки трактирщицы. Да у нее сил не хватит на всю эту таинственность, к тому же…

– Что? – И Томас наклонился вперед.

– К тому же она не похожа на лгунью.

– Ну, нет так нет! – резко проговорил Томас. Меня будто огрели кнутом, и я почувствовал, что у меня горят уши.

Мы долго молчали. Стараясь не смотреть на Томаса, я рассматривал ледяные узоры на стекле и вглядывался в темноту за окном. На улице вновь поднялся ветер, холод пробирался внутрь, сквозь стены, и я дрожал. Закутавшись в одеяло, я нехотя взглянул на Томаса.

– А что скажешь о священнике? – спросил он.

– Я его боюсь.

Но Томас ждал более подробного ответа.

– Ну… он то и дело говорит о колдуньях, дьяволе, Судном дне и других подобных вещах… Я и прежде о них слышал и знаю, что это правда, но… он называет Бигги колдуньей и утверждает, что скоро наступит конец света… Как будто он точно знает… И это меня пугает.

Из окна подуло, и пламя свечи затрепетало. Я встал и передвинул свечу за стопку книг.

– Как думаете, священник с хозяином правы? Скоро и правда настанет Судный день?

Томас сердито фыркнул, но отвел взгляд. Холод сковал мое тело. Если даже профессор Томас Буберг не знает точно…

– Они чушь несут, – ответил он, – играют словами и цифрами так, как им удобно. Достаточно посмотреть на их расчеты! Выбирают наобум число и крутят его, пока не получат то, что хотят увидеть! Шарлатаны и невежды!

– Но преподобный-то никаких чисел не крутил, – возразил я, – он всего лишь отыскал три основных составляющих Судного дня – то есть Царство Божье, Сына-судью и число Зверя, а других чисел с ними не связано. И эти числа как раз подходят… – Я уныло посмотрел на Томаса, надеясь, что он развеет мои сомнения.

Томас пожал плечами.

– Числа можно использовать как угодно – даже для ложных доказательств. Тогда ложь превращается в правду, пока не найдешь число, опровергающее ее. Когда некоторые толкуют числа, они похожи на дьявола, читающего Библию.

– Но трактирщик…

– Да, и он тоже, – сердито перебил Томас, – неслыханная чушь! "Коварные протестанты предают готическое время". Что за глупости! Всего лишь реформа календаря – а люди уже думают, что близится Судный день! Если и Бог так подумает… – Профессор внезапно запнулся, будто напуганный собственными словами и мыслями.

Он устало поднялся с кровати и принялся раздеваться.

– Лучше нам выспаться и поразмыслить на свежую голову, – сказал он, – почему-то мне кажется, что свежая голова нам завтра не помешает. – Во мраке мелькнули его длинные белые панталоны, и он забрался под одеяло. Томас долго охал и возился, но сон не шел к нему. Я замер и вслушивался в темноту. – Ты не ложишься, Петтер? – спросил он, повернув голову.

Я встал и взял жилетку и швейные принадлежности.

– Мне нужно пришить пуговицу, – объяснил я.

Он молча отвернулся. Его укрытое одеялом тело заволновалось, будто пролив Каттегат во время шторма, но мало-помалу он наконец успокоился.

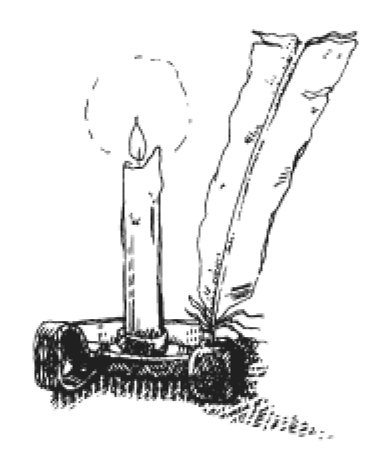
Усевшись в изножье кушетки, поближе к свету, я вдел нитку в иголку. Из жилетки по-прежнему торчал хвостик старых черных ниток. Я вытащил их, положил в плошку возле лампы, поднял голову и прислушался к дыханию Томаса. И начал пришивать пуговицу – такую круглую и гладкую, совсем без углов, какие были у других пуговиц. Я подумал, что, может, поменять их местами, чтобы профессор и другие пуговицы отполировал пальцами…

В трактире было тихо, лишь кровать скрипела. Однако ветер усилился, он бился о стены и шуршал по крыше.

Вообще-то эта пуговица даже нравилась мне. Я так часто ее пришивал.

"Наверное, и во сне смогу пришить…" – подумалось мне.

СУББОТА, 30 ДЕКАБРЯ
ГОД ГОСПОДЕНЬ 1699

Глава 17

– Аййййй! – Я вдруг проснулся, почувствовав, как что-то укололо меня в ногу.

Я осторожно вытащил иголку – она впилась мне в колено, когда я уснул и завалился на бок. Черт! И какого лешего я уснул?

На дворе разыгралась настоящая буря, дом, казалось, трещал по швам, а крыша готова вот-вот сорваться. В зыбком пламени свечи я положил жилет на стул и обулся.

Осторожно, не сводя глаз с профессорской кровати, я отворил дверь. Томас не шелохнулся. С прежней осторожностью я прикрыл за собой дверь. На самом деле вовсе не обязательно было так стараться: шум ветра способен был заглушить любые другие звуки. Однако по лестнице я спускался крадучись, а на некоторые ступеньки – те, что скрипели, – ступал особенно осторожно. Я шел словно вслепую – свет на лестнице погасили, и меня обступила плотная тьма, какая бывает под одеялом. Ощупью я нашарил дверь в трактир и медленно приоткрыл ее. И вдруг меня охватили сомнения. Никогда прежде мне не доводилось забираться в девичью постель.

Мне вспомнились ее слова: "Я вообще мало сплю". Да, именно это она и сказала. Она дала мне понять, что не разбужу ее, если зайду. Так она сказала раньше. Но за день много чего изменилось, и я вспомнил, как она посмотрела на меня вечером – в глазах ее светился смертельный ужас, какой бывает у животных, которых ведут на убой. Она послушала священника с трактирщиком и испугалась. Мы могли бы найти друг у друга утешение… Ведь мы оба боялись того, что должно было случиться…

"Нет, того, что, возможно, случится", – заставил я себя подумать. Набравшись смелости, я распахнул дверь. В трактире оказалось светлее, чем на лестнице, – в очаге на кухне теплились красноватые угли, и я без труда добрался до комнаты Марии. В трактире никого больше не было.

Очутившись перед дверью, я поднял руку, чтобы постучать, и замер. От ужасного порыва ветра дом затрясся, будто в лапах огромного тролля, который затем унесся дальше в ночь. Когда стены перестали трястись, я постучал в дверь – сперва тихо, потом громче, а затем наконец что было силы забарабанил в дверь – иначе меня бы не услышали. Стукнув несколько раз, я наклонился к двери и прошептал:

– Мария! Это я, Петтер!

Но ничего не произошло. Я прислушался и, кажется, услышал похрапывание. Я вновь постучался. Громко. И снова позвал ее.

Из комнаты послышалась какая-то возня. Она проснулась. Я отступил назад, а сердце мое бешено колотилось.

Дверь приоткрылась, и блеснули заспанные глаза Марии.

– Петтер!.. – удивленно проговорила она. – Ты… ты все-таки пришел… – ее голос звучал тихо и нерешительно. Похоже, моему приходу она не обрадовалась. И впускать меня в комнату девушка явно не желала. Я растерялся.

– Прости, если разбудил… Мне лишь показалось… – Я запнулся, чувствуя, что выгляжу смешным и глупым. Но, черт возьми, она же сама позвала меня – как иначе истолковать ее слова? Не дело всяким жалким служанкам шутить шутки с такими, как я! И толкнул дверь, попытавшись отворить ее.

– Впусти меня, Мария! Ты сама хотела, чтобы я пришел. И я это знаю.

Но она всем телом навалилась на дверь с той стороны и испуганно смотрела на меня. За расстегнутым лифом нижней сорочки мелькнула полная белая грудь, – перехватив мой взгляд, Мария прикрыла ее.

– Уходи, Петтер, – сказала она, отводя мою руку от двери, – да, я сама хотела, чтобы ты пришел, но… уже слишком поздно. Мне уже скоро вставать, нужно выспаться. – И с печальной улыбкой она тихо прикрыла дверь.

Я не двигался с места – надеялся, что она передумает. Мне так хотелось открыть дверь, войти в ее комнату и улечься к ней в постель, и перебороть это желание оказалось почти невозможным. Да как же это – обычная служанка?..

Я развернулся и медленно поплелся к двери трактира. Если бы Томас прочел мои мысли, то спустил бы с меня три шкуры. Но я совсем растерялся. Нет, я не понимал ее. Я вообще ничего не понимал.

Пришив пуговицу, я загасил свечку, но потом долго еще сидел на кушетке, прислушиваясь к вою ветра за окном, пока наконец не задремал. Однако едва я начал засыпать, как мне почудилось, будто по коридору мимо нашей комнаты кто-то прошел. Я вмиг проснулся и стал прислушиваться, но ничего больше не услышал. Лишь ветер.

Той ночью мне снились кошмары, и спал я беспокойно.

Глава 18

Перед тем как спуститься вниз, где нас ждала утренняя каша, Томас положил мне на плечо руку и серьезно посмотрел на меня:

– Здесь произошло убийство, и убийца – один из живущих рядом с нами. Наши с тобой взгляды по некоторым вопросам расходятся – это не воспрещается и даже, наверное, неплохо, однако нельзя отрицать что-либо или намеренно забывать о чем-то только потому, что тебе так больше нравится. Учитывать нужно все варианты – согласен?

Я догадался, что он намекает на Марию, и кивнул.

– Я собираюсь поговорить с плотником Густафом – причем, чем раньше, тем лучше, желательно сразу, как только мы спустимся. По-моему, именно его мы и пытаемся вычислить – в этом я с тобой согласен. И он может пустить в ход кулаки, а ты постарайся встать так, чтобы помочь мне, потому что силы у него достаточно.

Я вновь кивнул, и мы спустились в трактир.

В очаге весело потрескивал огонь, а на кухне хозяйничала Мария. В трактире было тепло и уютно. В углу, полностью поглощенный Библией, сидел священник, а на улице солнце собралось наконец с силами и разорвало пелену туч. Прорытые в снегу тропинки замело, но к утру ветер унялся. Всего за одну ночь мир изменился: прежние сугробы исчезли, зато появились новые. Я заметил, что Альберт уже начал расчищать двор от снега.

Плотника нигде не было. Чтобы не тревожить священника, Томас уселся за длинным столом.

Я обрадовался: спалось мне плохо, поэтому хотелось посидеть в тишине, чтобы окончательно проснуться. И меньше всего мне в тот момент хотелось разговаривать с пастором и, возможно, выслушивать дальнейшие рассуждения о конце света. Настроение у меня и так было хуже некуда.

Улыбаясь, как ни в чем не бывало, Мария поставила перед нами миски с кашей. Томас поздоровался с девушкой, а я, холодно кивнув, отвернулся и набросился на горячую кашу, но не рассчитал и обжег язык. Передо мной тотчас же возникла кружка холодного пива. Сама же Мария заспешила на кухню, к кастрюлям.

Я сидел спиной к кухне, передо мной были тарелки и плошки с едой, и я смотрел в окно, где тысячей огоньков рассыпался по снегу солнечный свет. Как его звали?.. Ньютон? Томас же рассказывал о нем… Я вспомнил, как профессор объяснял, что свет состоит из нескольких цветов, и теперь я заметил отсветы на снегу – синие и красные. И желтые тоже? Значит, вот что изучал тот англичанин? Блики на снегу непрерывно меняли свой цвет, и это зрелище захватило меня, так что даже настроение немного улучшилось. На улице вдруг неистово защебетали непонятно откуда взявшиеся птички. "Небо такое синее – значит, погода будет хорошей, – подумал я, – как раз вовремя. Если Томас позволит, то после завтрака пойду помогу Альберту разгребать снег", – решил я.

В эту секунду позади меня открылась дверь, и по выражению лица Томаса я понял, что пришел плотник. На мгновение в глазах профессора мелькнула настороженность, но затем он

приветливо улыбнулся, и плотник решил сесть с нами. Кряхтя и охая, он опустился на скамью возле меня.

– После местного пива башка совсем чугунная, – пробормотал он, потирая виски.

Мария молча поставила перед ним миску каши, но на лице ее не промелькнуло и тени улыбки, – это я заметил. Плотник быстро взглянул на меня и, зачерпнув ложкой каши, подул на нее. Поймав на себе его взгляд, я удивился и растерялся – в глазах плотника светилась такая сила, что я испуганно отвернулся и долго не поворачивался, стараясь избежать его взгляда. Судя по всему, плотник испытывал ко мне самые противоречивые чувства, которым я даже названия подобрать не смог бы. В душе, казалось, лютая злоба боролась с черной завистью.

Но выиграли молчание и миска с кашей.

Склонившись над миской, каждый из нас троих сосредоточенно дул на кашу, жевал и запивал еду пивом. Дули, жевали и запивали пивом. Своеобразный ритуал пробуждения…

Томас доел первым. Он попросил Марию сварить нам кофе, и, довольно вздохнув, принялся отхлебывать этот темный напиток, обмакивая в чашку овсяное печенье. Я смотрел в окно на Альберта. Ему придется расчистить немало дорожек…

– Густаф… – Томас проговорил это так, будто смаковал еду, – откуда ты знал графа д'Анжели?

– Чего-о?! – изумился плотник. – Знал графа… какого черта мне его было знать, этого графа?

– Но ведь в четверг вы с ним поссорились, верно?

– Поссорились? Да какого черта мне было с ним ссориться? С такими вояками лучше не связываться. А то недолго и на тот свет отправиться! Ну уж нет, не ссорился я с ним! Может, кто другой… – Он многозначительно посмотрел на Томаса. Тот немного подождал и в конце концов спросил:

– Кто?

Плотник с важным видом огляделся. Возможно, ему хотелось привлечь еще чье-нибудь внимание. Потеряв всякую надежду, я взглянул в окно. Альберт скрылся за дверью конюшни. Лопата валялась на снегу. Но где же Альберт? Из-за сугроба показалась вдруг рука, словно искривленная судорогой, но тут же опять исчезла. Я вскочил.

– Альберту плохо! Надо помочь ему! – Не раздумывая я выскочил во двор и, перепрыгивая через сугробы, устремился к расчищенной тропинке. Когда я добрался до Альберта, он неподвижно лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. Бездыханный!

"Еще одна смерть!" – пронеслось у меня в голове.

Подоспевший Томас помог мне приподнять конюха и перевернуть его на спину. Томас взглянул на священника с плотником – те стояли на крыльце и смотрели на нас.

– Идите сюда! Нужна помощь! – крикнул он.

Плотник усмехнулся, покачал головой и вернулся в трактир, где его ждала трапеза. Священник прикрыл за ним дверь, но пошел в обход дома, так чтобы ступать по расчищенной тропинке. На ногах у него были ботинки. Не проронив ни слова, он помог нам внести Альберта в конюшню и уложить на лежанку. Потом коротко кивнул головой и удалился.

Томас достал из жилетного кармашка очки и приложил стекло к губам Альберта. Стекло слегка запотело, и профессор довольно ухмыльнулся. Он приподнял конюху веки, но глаза у того закатились, так что видны были только розоватые белки. Затем профессор заглянул ему в рот, осмотрев язык – белый, распухший и сухой. Потом, задрав грязный свитер и рубаху, ощупал живот Альберта.

– Этот живот в последнее время едой не баловали, – сказал он, – за все время, пока мы здесь, Альберт почти не ел и не пил. Мы и сами это заметили, да и Мария подтвердила. Вчера за ужином он ковырялся в еде с таким видом, будто она протухшая. И ничего не пил. Думаю, от твоего внимания это не укрылось.

Томас вновь осмотрел язык Альберта.

– Так я и думал, что он потеряет сознание… Подобный пост не всякий выдержит, – профессор еще раз заглянул конюху в глаза, – и обезвоживание – хуже всего. Ему срочно нужна жидкость. Растопи печь и вскипяти воды. Вода нужна теплая, так что сначала вскипяти, а потом немного остуди, чтобы он не обжегся.

Угольков было предостаточно, возле стены высился штабель дров, и вскоре в печке запылал огонь. Набрав в котелок снега, я вскипятил воду, а затем поставил котелок в снег. Томас отыскал деревянную ложку и, зачерпнув воды, осторожно поднес к губам. Одобрительно кивнул мне – мол, вода прогрелась в самый раз, развел в стороны усы Альберта и медленно, со всем терпением начал вливать в рот конюху воду.

Дверь позади нас вдруг распахнулась, и в кузницу вбежала Мария.

– Он что – умер?! – запыхавшись, вскричала она.

– Нет, – успокоил девушку Томас, – но ему нужно несколько дней отдохнуть и набраться сил, а для этого ему нужна еда и питье. Скажи… – и Томас отвел от безжизненного лица Альберта руку с ложкой и посмотрел на Марию, – почему ты думаешь, что Альберт сам себя замучил? То есть что он нарочно не ел и не пил?

Мария растерянно покачала головой и опустилась между нами на колени.

– Альберт не такой. Он всегда ест и пьет как лошадь. Порой он становился сердитым и несговорчивым – особенно весной, на Пасху. Мы об этом знали и старались его в это время не тревожить, пока он не успокоится. Но таким, как сейчас, – нет… – Девушка наклонилась и осторожно похлопала его по щеке, словно боясь разбудить. – Он был очень хорошим. Когда хозяйка злилась или постояльцы попадались непростые, он всегда меня утешал. Был мне вроде старшего брата…

Томас ласково улыбнулся:

– Не бойся. Альберт скоро поправится.

Мария встала и посмотрела на Томаса, а тот вновь принялся поить Альберта.

– Я… мне пора идти, – она смущенно посмотрела на нас, – к завтрашнему вечеру хозяин велел вычистить весь дом… И белье выстирать.

– Конечно, Мария. Мы о нем позаботимся, не тревожься.

Она кивнула и нехотя побрела к двери, то и дело оглядываясь назад. Я смотрел на нее, а она подошла к двери, оглянулась и махнула рукой. Мы оба улыбнулись. В окно я увидел, как она бежит к трактиру.

– У тебя отличная младшая сестренка, Альберт, – сказал Томас, поднося конюху пол-ложки воды. Профессор медленно, ложка за ложкой, оживлял Альберта, дожидаясь, пока его высохшее горло не проглотит воду, пока не поднимется и не опустится вновь кадык под густой бородой. Затем Томас вновь зачерпывал воду. Терпеливо, внимательно, стараясь не упустить ни малейшего движения Альберта. Внезапно это крупное тело содрогнулось в сильном кашле, и грудь начала вздыматься. – Ты только посмотри, – радостно воскликнул Томас, приподнимая Альберта за плечи, – парень-то ожил!

Я тут же подскочил и помог профессору посадить конюха, подложив ему под спину тюк соломы. Теперь Альберт полусидел-полулежал, а профессор продолжал понемногу поить его.

Вдруг ни с того ни с сего Томас поднял голову:

– Будь добр, приведи сюда Бигги.

Лопата по-прежнему валялась на снегу, я донес ее до трактира и поставил возле задней двери.

Около короба с дровами, где обычно сидела Бигги, нищенки не было, а в трактире оказалась лишь Мария.

Сперва она не пожелала отвечать, но затем призналась, что хозяин запретил ведьме заходить в трактир. Он вообще хочет, чтобы она до вечера покинула постоялый двор.

– Он хочет, чтобы она ушла?! В такую погоду? – возмутился я.

– Ничего ей не сделается, злые духи ей помогут.

Стараясь не смотреть на меня, Мария усердно отмывала столы, так что на пол падали хлопья пены.

– И где же она? Томас хочет с ней поговорить.

– Думаю, там, где ей самое место, – в хлеву, – сердито ответила Мария.

– Там, где ей самое место?.. Это еще почему?! – изумленно переспросил я. Разговаривать, видя лишь спину, было неприятно: движения ее были резкими и вела она себя на удивление неприветливо, однако мне все же хотелось погладить ее мягкое округлое тело. Мария вдруг замерла и повернулась ко мне. Смутившись, я отступил назад.

– Ведь священник рассказывал нам о рогатом звере, помнишь? И зверя этого послал дьявол, верно? Поэтому ведьме полагается спать с двурогими! Вот так-то! – горячо выпалила Мария и для пущей убедительности швырнула щетку в стоявшее на полу ведро – только брызги полетели. И она вновь отвернулась.

Бигги действительно оказалась в хлеву. Она спала, лежа на снопе соломы, куда падал луч света, прямо под боком у пестрой коровы, – та лениво пережевывала жвачку и бессмысленно таращилась на меня обычным коровьим взглядом.

В хлеву было тихо, а грузные тела животных источали тепло. Возле позолоченного солнечным светом окна ошалело кружила одинокая муха. От ее жужжанья мне захотелось, чтобы быстрее наступило лето. Пусть солнце сожжет кожу на спине, пусть мошкара искусает локти, а крапива обожжет ноги – как все же прекрасны такие летние болячки!

Бигги лежала передо мной, свернувшись калачиком, подложив руку под голову и подтянув колени к груди. Платье, которое было на ней вчера, исчезло, она вновь облачилась в темные потрепанные лохмотья – запачканные, с пятнами засохшей грязи. Лицо женщины – слегка чумазое – светилось едва заметной улыбкой. Ведьма?.. Ее темные гладкие волосы блестели в лучах солнца, а к щекам прилипло несколько выбившихся из косы прядок. Казалось, она слегка нахмурилась, словно приготовилась мягко выбранить меня: "Нет уж, дружок, нельзя!"

Как старшая сестра…

Я с ужасом огляделся, будто боялся, что кто-то подслушает мои мысли. Но нет – в хлеву были лишь коровы и мы двое. Спящая Бигги и я.

Я осторожно тронул ее за плечо.

– Бигги, просыпайся. Это я, Петтер.

Она тотчас же – я и моргнуть не успел – проснулась и привстала на колени. От удивления я шлепнулся на задницу, отчего стоявшая позади корова сердито замычала и переступила с ноги на ногу.

– Ой… – только и сказал я.

Бигги испытующе посмотрела на меня, а потом ее губы растянулись в широкой усмешке.

– Что ты здесь делаешь? А, норвежец? Решил коров подоить? Или, может… захотелось подоить меня? – Она схватила себя за грудь и с наигранной страстью посмотрела на меня. Кровь бросилась мне в лицо. – Или не желаешь мараться о ведьму? Нищенку? – Бигги больше

не усмехалась. – Что скажешь, паренек из Норвегии? – Она поплотнее запахнула лохмотья. Глаза ее горели. – Убирайся прочь, мальчик! Здесь тебе ничего не обломится. Я сама решаю, с кем мне спать. Вон отсюда!

– Но… меня послал Томас Буберг… профессор… Он хочет поговорить с тобой… – пробормотал я, запинаясь.

– Ах, вон оно что… Профессор желает поговорить со мной! Ему сегодня снова захотелось спасти ведьме жизнь? – Она хрипло рассмеялась, а лицо ее исказила уродливая гримаса. – Может, это профессор хочет потребовать платы за вчерашний щедрый ужин? Что скажешь? Э-эй! – И она вновь рассмеялась заливистым смехом.

И тогда бушующей лавиной меня захлестнул гнев.

– Черт тебя подери! Послушать твою болтовню – так выходит, что все мы только и мечтаем с тобой переспать! Конюху стало плохо, он никак в себя не придет, и я хотел только попросить тебя помочь нам! – Я глубоко вдохнул. – Боже мой, придумать, что профессор требует… такое вознаграждение! За вчерашний ужин! – Я вскочил и направился к двери. – Уж лучше спи, а профессору я скажу, что у тебя нет времени!

Возле двери я на секунду замешкался, надеясь, что Бигги остановит меня, но этого не произошло. Томас уже успел влить в Альберта всю воду из котелка и теперь протирал лицо конюха влажным полотенцем. Чтобы до рта Альберта было проще добраться, профессор немного проредил его густую бороду и усы большими ножницами для стрижки лошадей, которые отыскал на заваленной щетками и скребками полке.

– Скоро можно будет дать ему немного супа, – сказал Томас, явно довольный тем, как идет лечение, – видишь, путь наш вовсе не такой сложный.

Наш путь был неровным и скользким, а Альберт казался еще более диким и неприступным. Я заметил, что возле стойла валяется вязаная шапка – она свалилась с головы Альберта, когда мы вносили его в конюшню. Я поднял ее и сунул под тюк соломы.

Когда я вернулся один, Томас лишь молча взглянул на меня и отвернулся к своему пациенту. А немного погодя спросил:

– Почему она не пришла?

Я не знал, как ответить.

– Она… ей не захотелось…

Ответ вышел не особенно обстоятельным, но я решил не рассказывать Томасу о том, в чем именно заподозрила его Бигги в ответ на мою просьбу о помощи.

– Ее что, выставили за дверь?

– Да.

– Хм… Как я и предполагал… – Томас протянул мне котелок – нужно было вновь вскипятить воду, – конечно, если все они: священник, плотник и хозяин с хозяйкой – уверены, что она в сговоре с дьяволом.

“И Мария”, – грустно подумал я и, вспомнив утренние наставления Томаса, сказал:

– И Мария.

– Вон оно что, – откликнулся Томас, искоса взглянув на меня, – да, мнение молодой девушки вряд ли будет отличаться от того, что думают все остальные. Особенно если эти остальные – хозяин с хозяйкой, – задумчиво проговорил он, – вот только они начали охоту на ведьм, а жертвой их заблуждений и козлом отпущения стала Бигги. Они осыпают ее бранью, злобно косятся на нее, а потом объявляют ведьмой и выставляют за дверь. Неудивительно, что она не желает помогать.

Когда я вышел на двор, чтобы набрать снега, мысли в моей голове напоминали стайку всполошенных кур в курятнике, которые мечутся из стороны в сторону, не разбирая дороги.

Я остановился и огляделся по сторонам: постройки, высокая каменная стена и вершины деревьев за ней. Все это было белым. И небо тоже заволокло белой пеленой туч – тяжелые, грузные, они скрыли от нас солнце, но больше не казались такими страшными, как вчерашние. Тревоги немного утихли, и я привел в порядок мысли.

Томасу потребовалось лишь произнести несколько слов – и все изменилось. Удивительно. После разговора с Бигги я вернулся в конюшню озлобленным и несчастным, проклиная нищенку на чем свет стоит. Ее угостили таким ужином, какой ей вряд ли доводилось пробовать, а она – мерзкая склочная баба – даже не пожелала помочь своему благодетелю! И за дверь ее выставили вполне заслуженно – так я решил. И уж совсем смутился и расстроился, поговорив с Марией и выслушав ее нападки на Бигги, да и на меня самого, хотя в глубине души готов был с ней согласиться.

Томас произнес всего пару фраз, но их оказалось достаточно, чтобы перевернуть все с ног на голову или скорее наоборот, чтобы все вновь поставить на свои места, так что я смог увидеть, как влияет на людей ситуация. Потому что раньше я был подобен лошади с шорами на глазах – я смотрел вперед и не понимал, отчего так или иначе складываются мои отношения с людьми.

Я услышал, как дверь скрытого за сугробами хлева отворилась, а затем оттуда вышла Бигги и направилась к трактиру, даже не посмотрев в нашу сторону.

Томас вновь уложил Альберта на спину и укрыл найденным где-то одеялом.

– А далеко отсюда до ближайшего жилья? – спросил я, ставя котелок на огонь.

– Она уже уходит?

Я кивнул.

– Очень далеко. По таким сугробам ей не дойти, – в голосе его прозвучала грусть, от которой у меня защемило сердце. Может, я недостаточно хорошо старался ее уговорить? От размышлений я отвлекся, услышав стук двери. Мы оба обернулись и увидели на пороге невысокую, крепко сбитую фигурку Бигги – на лицо ее падала тень. Она застыла в ожидании.

Томас поднялся и направился к ней.

– Альберт болен, – сказал он, локтем указав на него, – можешь приглядеть за ним, пока он не выздоровеет?

Профессор остановился посреди конюшни. Лошади тревожно зашевелились, затрясли головами и тихо заржали. Одна из них даже ударила копытом о деревянную перегородку. Я вдруг понял, что в последние дни Альберт вряд ли выводил их на улицу.

– Почему? – Бигги не сдвинулась с места.

Томас на секунду задумался, а затем ответил:

– Из-за случившегося я не могу все время находиться здесь, на конюшне. А Петтер должен мне помогать. К тому же он будет выполнять кое-какую работу, которую прежде выполнял Альберт, пока тот не встанет на ноги.

– Почему? – в ее голосе послышалось упрямство.

Томас притворился, что не понимает, чего она хочет:

– Потому что в течение нескольких дней он не ел и не пил. У него обезвоживание. Нужно, чтобы кто-то постоянно вливал в него воду, а потом, когда он немного поправится, суп. Он слишком слаб и сам не сможет о себе позаботиться, – и Томас махнул рукой в сторону Альберта, – вообще-то он по-прежнему без сознания. У него жар. Его также нужно немного остудить. Мне кажется… – И, развернувшись, профессор направился к Альберту Теперь Бигги, если она хотела дослушать до конца, вынуждена была последовать за Томасом. – Мне кажется, ты умеешь ухаживать за больными.

Бигги подошла ближе. На ней было платье, в котором она приходила на вчерашний ужин. Ее умытое лицо расплылось в улыбке.

– Профессор хитер. Любезный и хитрый господин… – женщина взглянула на Альберта, но дальше не пошла, – я не стану спрашивать, почему это профессор так занят, хотя и сидит на заваленном снегом постоялом дворе. – Ее взгляд остановился на Томасе. Тот стоял, заложив руки за спину и, прикрыв глаза, смотрел на Бигги. Так они и стояли, не спуская друг с друга глаз, пока не шевельнулся Альберт, – тогда они оба опустили взгляд. Голова у Альберта дернулась, и он что-то невнятно забормотал. – У профессора нос волка и глаза ястреба, – задумчиво проговорила она, невидящим взором глядя на Альберта, – возможно, он охотится. Выслеживает что-то… или кого-то. – Тут ее взгляд изменился: она словно увидела Альберта и теперь рассматривала его.

Не дожидаясь ответа, она опустилась на корточки возле Альберта и положила маленькую полную руку на лоб конюха.

– Возможно, он решил поиграть с нами в шахматы. Что скажешь, Петтер?

Удивленный тем, что речь вдруг зашла и обо мне, я промолчал, стараясь отвести глаза от ее испытующего взгляда, и посмотрел на профессора, надеясь на его поддержку. Томас стоял на прежнем месте, спокойно дожидаясь, когда она договорит.

– Профессору не хочется, чтобы кто-нибудь ушел отсюда, верно? Он хочет держать всех нас поблизости – тогда он будет вынюхивать и докапываться до правды, пока не получит ответы на все свои хитроумные вопросы. Верно? – Она взяла безжизненную руку Альберта и сжала ее в своих руках. – Я должна остаться ради профессора? Или ради больного?

Она повернулась и посмотрела на Томаса, и, хотя вопросы показались мне вызывающими, в лице ее не было и намека на злобу. А в глазах мне почудилась какая-то печаль, и в голосе тоже, когда она проговорила:

– Или ради меня самой?

К тому времени в Дании я прожил недолго, но уже успел осознать, что Томаса Буберга мне понять нелегко. Его речь была многослойной – да, именно так я решил называть ту ее особенность, которую подметил около месяца назад. Сначала идет верхний слой – тот смысл, что лежит на поверхности, который улавливаешь сразу. Некоторые довольствуются этим и даже не догадываются копнуть глубже. Однако, если проявишь пытливость и заглянешь вглубь, тебе откроется иной подтекст и совсем другие идеи.

Когда Томас отправил меня за Бигги, то сперва я подумал, будто он хочет, чтобы она ухаживала за Альбертом, – тогда нам не пришлось бы часами просиживать возле него и мы спокойно поговорили бы с плотником и трактирщиком. Этот смысл лежал на поверхности, но Бигги оказалась проницательнее меня. Она уловила подтекст и поняла, что Томас просит помочь, потому что не хочет терять ее из виду – на тот случай, если у него возникнут к ней вопросы. Пока убийца не пойман, профессор не желал никого отпускать. А Бигги, хотя и не знала про убийцу, хорошенько обдумала профессорские вопросы и поняла, что Томас кого-то выслеживает. Пускай Бигги была почти невидимкой, – она только и делала, что тихонько сидела возле короба с дровами, но слепой и глухой не была. И глупой тоже. Томас прекрасно это понимал.

Однако здесь скрывался еще один смысл – об этом я догадался, увидев их в конюшне, рядом. С моих глаз будто упала туманная пелена, какая бывает рано утром, когда только проснешься.

Томас предвидел, что за ночь фон Хамборк успеет обдумать его слова, но примет сторону священника и, возможно, собственной супруги, поэтому непременно попытается выставить Бигги за ворота. Так что болезнь Альберта послужила лишь предлогом, чтобы спасти Бигги от верной смерти в лесу. Теперь Томас сможет правдоподобно объяснить

трактирщику, почему “ведьма” до сих пор не убралась со двора. А у Бигги появится возможность остаться.

Додумавшись до этого, я отбросил всякие сомнения: да, именно таков замысел Томаса. Просто сперва я не разглядел его.

– Да, – ответил Томас, отодвигая ноги Альберта и усаживаясь на краешек лежанки. Он ободряюще улыбнулся Бигги. – Но есть еще одна причина, о которой ты не упомянула. Я сказал, что ты умеешь ухаживать за больными, а это пригодится не только мне, но и… – он легонько хлопнул ладонью по ноге Альберта, – нашему пациенту. И меня разбирает любопытство: по-моему, ты многому можешь меня научить.

Бигги звонко расхохоталась:

– Что-о?! Решили поучиться у ведьмы?! Профессор – ведьмин ученик? – Она вдруг стала серьезной. – Как вы узнали?..

Томас пожал плечами:

– Вчера за обедом я заметил, что Мария пьет вытяжку из листьев кресс-салата. И предположил, что кто-то присоветовал это девушке как лекарство от зубной боли. Я решил, что разбираться в подобных вещах может либо сидящая на кухне нищенка, либо сама трактирщица. К тому моменту я еще не имел чести познакомиться с трактирщицей. Как выяснилось позже, даже если бы хозяйка и знала, что кресс-салат может унять зубную боль, она вряд ли стала бы делиться этим знанием со служанкой, к которой питает не самые теплые чувства. Поэтому никого, кроме тебя, не осталось.

Я тихо сидел, стараясь уследить за ходом их беседы и понимая, что мне еще многому предстоит научиться, например, видеть, слышать и улавливать истинный смысл происходящего вокруг.

Профессор с “ведьмой” принялись осматривать Альберта и обсуждать его возможное лечение, а я постарался припомнить предыдущие дни – ведь я мог забыть какие-то события или разговоры, потому что не придавал им никакого значения. Может, о каком-нибудь из них я забыл рассказать Томасу?

Ну да, ясное дело, забыл. Я не рассказал о том, как ночью пытался войти к Марии и как она прогнала меня. Но об этом я рассказывать и не собирался. Прикинув и так и эдак, я решил, что это останется между нами – мной и Марией. И нечего другим совать в это нос.

Тем не менее я вспомнил несколько других событий и отрывки разговоров, о которых, как мне казалось, Томас не знал. Во всяком случае – я понял вдруг: лучше рассказать, чем умолчать.

Томас встал:

– Тогда передаю Альберта на твое попечение, а трактирщику скажу, что назначил тебя своей помощницей и попросил присмотреть за конюхом. И если он решит выставить тебя за дверь, тогда ему придется выставить и нас с Петтером. – И профессор со смешком добавил: – А на это он вряд ли отважится.

Когда мы вернулись в трактир, я сказал Томасу, что вспомнил нечто, по моему мнению, не важное, но о чем ему тем не менее следует знать и о чем я прежде не упоминал.

– А это важно?

– Не знаю. Возможно.

Томас огляделся и указал рукой в сторону кузницы:

– Неплохо было бы тебе взять лопату и убрать снег, который Альберт расчистить не успел. А я тем временем поговорил бы с фон Хамборком о том, что произошло. Потом мы сядем вон на ту лавочку, которая сейчас завалена снегом, и мирно и спокойно все обсудим.

Возле кузницы я действительно заметил снежный холмик, под которым вполне могла скрываться лавочка.

Вскоре я уже радовался работе и тому, что сила моя нашла наконец выход.

Глава 19

Альберт успел убрать снег позади трактира, с дорожки к хлеву и к сараю для карет и вдоль конюшни.

Я расчистил до конца тропинку к главному входу в трактир и прорыл тропинки к кузнице, прачечной и маленькому строению, по моим предположениям, амбару За день до этого я видел, как Мария выходила оттуда с двумя мисками, наполненными мукой и зерном. Как следует вспотев, я оторвался от работы, встал возле конюшни и, прищурившись, посмотрел на сверкающий на солнце снег. Кое-где сугробы доходили мне до груди. Неудивительно, что Альберт так вымотался. Несколько дней подряд расчищать снег, да еще и на голодный желудок – такая работа кого угодно с ног свалит! Невольно я испытал нечто похожее на уважение к этому бородатому троллю со зловещим взглядом. Не то чтобы он мне нравился, нет, но, ведомый упрямством и силон воли, несмотря на голод и истощение, Альберт умудрился сделать очень много – и это вызывало уважение.

Я открыл ворота конюшни. После яркого солнечного света она показалась мне на миг такой темной, будто я совсем ослеп. Но лишь на миг – потом глаза постепенно привыкли к сумраку, и я, осторожно ощупывая инструменты и седла, добрался до угла, где отыскал пару не слишком грязных мешков. Я перебросил мешки на руку. Не знаю, слышали ли мои шаги те двое, что находились в противоположном углу конюшни. Лошади в стойлах встревожились сильнее – они били копытами по деревянным перегородкам, встревоженно и недовольно фыркали друг на дружку. Бигги сидела спиной ко мне и кормила Альберта – тот, похоже, в сознание так и не пришел. Она тихо что-то приговаривала, хотя нет, она пела, ну да, какую-то спокойную песню. Кажется, пела она на своем странном языке, но я не уверен – лошади чересчур громко шумели, а подойти к Бигги и Альберту не решился – меня останавливали смущение и страх. Да, надо признать, я немного боялся. В Бигги было нечто странное… Я не смог забыть ее слова и то, как она себя повела, когда я зашел за ней в хлев. Впрочем, я и не собирался забывать. Сперва перед тобой ни дать ни взять самая настоящая мерзкая ведьма, которая потом вдруг преображается и становится милой и степенной – точь-в-точь служанка у пасторши! Будто бы прежней ведьмы и не бывало! Что же это за человек такой?! Я понял, что не доверяю ей. Нисколечко. Если Томас ей верит, – это его дело, я же решил не спускать с нее глаз. Но держаться подальше.

Я развернулся и собрался было уходить, когда ворота конюшни открылись и на пороге показалась Мария. Совсем как я прежде, она почти вслепую побрела вперед. В руках держала миску с чем-то, как мне показалось, похожим на суп. Девушка медленно пробиралась вперед, обходя лошадей, но затем вдруг вздрогнула и резко остановилась. Она увидела Бигги – догадался я. Услышав шаги, та обернулась, заметила Марию и открыла рот, собираясь что-то сказать, но ей тут же пришлось прикрыться рукой: в нее полетела миска. Лошадей обдало брызгами супа.

– Тварь! – выкрикнула Мария. Она развернулась и устремилась к выходу, а в глазах у нее блестели слезы. Дверь хлопнула, но потом вновь со скрипом приоткрылась. Миска медленно поползла по глиняному полу и остановилась у ног Бигги. Женщина отерла со щеки брызги супа, поставила миску на деревянный ящик возле очага и, как ни в чем не бывало, принялась кормить Альберта. Лошади встревожились еще сильнее.

Выйдя во двор, я прикрыл за собой дверь.

Я разложил на лавочке мешки, чтобы мы не намочили одежду, однако Томаса по-прежнему не было. Мария тоже исчезла. Я подошел к воротам конюшни, где оставил лопату.

Солнце почти достигло зенита и припекало все жарче, хотя на севере небо вновь затягивалось черно-серыми тучами. Я взглянул на главные ворота в стене. Может, надо и до них расчистить дорожку? Прямо посреди двора ветром нанесло гигантский сугроб, от самой конюшни и до амбара. Значит, придется прорыть в нем тропинку. Вот только стоит ли стараться? Ведь нам отсюда все равно пока не выбраться…

Но я взялся за работу: выберемся мы или нет – дело десятое, а без движения сидеть я не мог. К тому же увидев, что случилось на конюшне, я, сам не зная почему, разозлился, и мне хотелось выплеснуть эту злобу, загрузив себя работой, хотелось отвлечься от своих мыслей.

Здесь Альберт не чистил снег с вечера четверга, с момента нашего приезда, и снег тут слежался и покрылся коркой. За последние дни его нападало на удивление много – даже дома, в Норвегии, такого на моей памяти не случалось. Я прокопал узенькую тропинку, по обеим сторонам которой высились снежные сугробы высотой мне по грудь. Я не поленился и старательно выровнял их по краям, будто мы ждали каких-нибудь важных гостей. Докопав до самых ворот, я заметил, что массивные деревянные бревна покрыты тонкой корочкой льда. Странно было думать, что всего два дня прошло с того момента, когда мы ввалились во двор через эти самые ворота, спасаясь от ночных морозов и верной смерти. Опершись на лопату, я перевел дух. Сюда доползла тень от деревьев, что стояли по другую сторону ворот, и по спине у меня пробежал холодок: капли пота превратились в комочки льда, и меня охватила дрожь. В тот вечер я испугался. Подобного страха я никогда прежде не испытывал. Вообще-то нам повезло, что шнур от колокольчика не вмерз в снег… Я поднял голову: в трех столбах были проделаны круглые отверстия шириной в два дюйма, через которые был протянут толстый шнур. Два столба были частью стены, а третий поставили специально для того, чтобы дотянуть шнур до конюшни. Шнур был с палец толщиной, и противоположный его конец скрывался где-то в тени крыши. Видимо, Альберту приходилось постоянно очищать шнур и отверстия ото льда, чтобы шнур не примерз, и сейчас я заметил, что уже около суток лед никто не сбивал. Я наклонился и с силой стукнул черенком лопаты по ближайшему столбу. Из отверстия и со шнура посыпались снег и кусочки льда. За наше спасение следовало благодарить Альберта. Ах да, и лошадь. Я вдруг вспомнил, что когда в ту ненастную ночь моя лошадь заржала, то из-за стены донеслось ответное ржание. И не услышь его – мы, скорее всего, погибли бы.

Я взмахнул лопатой, собравшись продолжить работу, но замер: в голове у меня мелькнуло какое-то подозрение. Что-то было не так. Что-то не сходилось. И внезапно я это понял. Я огляделся. Это странное чувство не исчезало. Подозрение… Что же я подозревал? Что именно было "не так"? Или… Может, я чего-то не сделал? Хотя нет, скорее, о чем-то не задумывался… Или не додумался? Да. Кажется, так оно и есть… Но до чего именно мне надо было додуматься? Может, просто что-то вспомнить?.. Незначительные детали, которые помогут понять взаимосвязь… Что сказал тот старый француз, о котором упоминал Томас? Вроде, что надо искать взаимосвязь между явлениями, даже если кажется, что явления эти никак друг с дружкой не связаны… Что-то вроде того… Верно? Я напряг память. Так какие же явления нужно связать?

Я чувствовал, что нахожусь на верном пути. Где-то там, в черепушке, забрезжила догадка, но мне никак не удавалось ее ухватить. Так бывает, когда на языке вертится какое-то слово, а произнести его не получается. Оглядев ворота, я повернулся и посмотрел на конюшню. Что же я вспоминал? Вечер, когда мы приехали. Бурю. Страх смерти. И ржание лошади… Что-то еще? Больше ничего в голову не приходило.

Сейчас из конюшни до меня донеслось лошадиное ржание, которое подхватили и другие лошади. Я услышал его, несмотря на толстые каменные стены конюшни. И звук не показался мне приглушенным. Но и не слишком громким – тоже. Просто стоя здесь и наслаждаясь прекрасной погодой, я отчетливо услышал лошадиное ржание.

Прекрасная погода! Вот именно! Да! Мысли мои вдруг разлетелись в разные стороны, будто бойкие весенние пташки.

Ржание лошади! Ну конечно! В тот вечер, когда мы приехали… Мы тогда стояли перед воротами. Нет, немного поодаль. Бушевала буря. Наша лошадь заржала, и в ответ тоже послышалось ржание, которое мы и услышали. А сейчас тихо, и погода хорошая, но каменные стены все равно немного приглушали звук.

Я прикинул на глаз расстояние от конюшни до ворот. Навскидку получилось локтей двадцать или чуть больше. Неужели мы действительно услышали, как в конюшне заржала лошадь? Нет. Другого ответа и быть не могло.

Я взволнованно огляделся, стараясь отыскать Томаса. Куда же он запропастился? Тогда я подошел к конюшне и посмотрел на тропинку.

И рассмеялся, заметив тучную фигуру профессора на лавочке – он сидел, прикрыв глаза и подставив лицо солнцу.

– Решил отдохнуть, – словно оправдываясь, пробормотал он, когда я присел рядом. – А у тебя работа спорилась.

– В четверг вечером, когда мы стояли у ворот, кто-то выводил из конюшни лошадь, – выпалил я, безжалостно разгоняя его дрему.

Вздохнув, Томас с деланной неторопливостью взял левой рукой шляпу, водрузил ее на голову и медленно открыл глаза. Во взгляде его светился укор:

– О ты, бодрствующий по ночам, – неужели усталость тебе неведома?!

На секунду у меня язык будто присох к гортани, я покраснел и, пытаясь подавить смущение, пустился в объяснения.

– Помните, как возле стены мы услышали лошадиное ржание за воротами? Была буря, а мы его все равно услышали. Значит, лошадь вывели во двор, причем стояла она близко к воротам, иначе мы бы ничего не слышали. А когда лошади стоят в конюшне, то у ворот их едва слышно.

Взгляд Томаса оживился. Он кивнул. И попросил меня продолжить рассказ.

– Значит, кто-то собирался уезжать. И поэтому вывел лошадь из конюшни. Иначе быть не могло.

– Возможно, Альберт вывел лошадей на прогулку, – предположил Томас.

– Вряд ли. Лошадей не выводят перед сном. Вряд ли это сделал Альберт. Он прекрасный конюх, знает, как обращаться с лошадьми.

– Да, наверное, ты прав.

– Может, это убийца? Хотел сбежать, но в этот момент мы подошли к воротам и спугнули его?

Томас выпрямился и одобрительно посмотрел на меня.

– Толковая мысль, Петтер! – Профессор отстраненно взглянул на крошечный парк позади трактира, где в ложбине у склона виднелся замерзший ручей. Прежде, из-за непогоды, я не замечал всей этой красоты. “Такие ровные линии, – подумал я, – настоящая датская природа”. По сравнению с ней природа моей норвежской родины казалась грубой и суровой. И мне не верилось, что скоро все это исчезнет. Уже завтра. Я не желал в это верить. Господь не стал бы… – Но тогда… – голос Томаса прервал мои раздумья, а затем профессор вновь на миг умолк, – … но тогда выходит, что это… Альберт, – неуверенно проговорил он. Мне почудилось, что он будто спрашивает меня: “Неужели у нас новый подозреваемый? А плотник – не убийца?”

– Нет, – я успел обдумать ответ, – Альберт же не сразу услышал звонок, значит, куда-то выходил. А за это время кто-то мог пробраться в конюшню. Он прятался там, пока Альберт

открывал ворота, и затем выскользнул из конюшни и вернулся в трактир. Шел такой снежище, что мы и роту солдат не разглядели бы.

Я так рьяно защищал и выгораживал Альберта, что сам удивился. А ведь прежде считал его наиболее подходящим кандидатом на роль хладнокровного убийцы. Во всяком случае, пока не подслушал исповедь плотника вчерашним вечером.

“Ложь”, – прозвучало вдруг у меня в голове.

Ложь?

Ведь я лишь думал так про себя, ни слова не произнеся вслух…

Да, ложь!

Я врал – именно так. Врал себе, сам это сознавая. Я хотел, чтобы плотник оказался убийцей, с того самого момента, как заметил, что он не сводит своего мерзкого пьяного взгляда с Марии. Альберт мне не нравился, в нем было что-то пугающее. Но если бы я мог выбирать, то сделал бы убийцей плотника. Это была правда.

Позорная правда. Ужасно признавать подобное, когда речь идет об убийстве.

Если бы Томас знал, то не стал бы хвалить меня. И взял бы назад недавно произнесенные им слова. “Нет, Петтер, это дурные мысли!” – сказал бы он.

Я вспомнил сказанное им утром – что мы можем расходиться во мнениях, но мы должны говорить обо всем, что может представлять хоть какой-то интерес, даже когда нам не очень хочется об этом рассказывать или если мы не придаем этому значения. Я собрался с духом.

– Когда Мария принесла в конюшню суп, то увидела Бигги, разозлилась и швырнула в нее миску. А потом выскочила оттуда, – выпалил я, стараясь побыстрее проговорить слова, словно они оставляли неприятный привкус во рту. – Вчера перед проповедью священника хозяйка выбранила Марию, и, когда трактирщица ушла, та сказала, что, когда кота дома нет, мыши пускаются в пляс. Мария не знала, что я это слышал. Мария хотела купить такую же Библию, как у пастора. И ночью Мария не пустила меня к себе, хотя сама же и приглашала, – последние слова я говорил не дыша, а сказав все это, ссутулился и уставился на ботинки.

Томас молчал.

Я ждал. Долго. Отчего же он ничего не отвечает? Я сглотнул слюну. Потом еще раз. И еще. Ноги у меня замерзли.

Почему я не надел сапоги? Ботинки насквозь промокли, и носки тоже. Профессор был в сапогах. В голове моей вновь была пустота, какая бывает внутри церковного колокола, и, когда я пытался заставить ее думать, она отдавалась таким же гулким пустым звоном.

Все время приходится помнить о чем-то – значительном и незначительном, приходится учитывать и оценивать что-либо. Дома, на хуторе, раздумья были ни к чему – требовалось лишь работать, напрягая тело, а не голову. На мгновение я затосковал по дому. Но лишь на мгновение.

Томас наконец заговорил, и голос его звучал спокойно – без сочувствия, но спокойно.

– Хорошо. Мария и трактирщица не ладят – это нам известно. Значит, они вполне могут резко отзываться друг о друге просто так, без всякого повода. Поэтому слова Марии о мышах просто возьмем на заметку. И что Мария заинтересовалась Библией, мне тоже запомнилось. Она говорила об этом вчера за ужином, и до меня доносились обрывки разговора, в тот момент я беседовал с плотником. Но согласись, что книга у нашего священника и впрямь удивительная – возможно, этим все и объясняется. Мария – из тех девушек, которых нелегко раскусить, ты и сам это наверняка заметил, достаточно вспомнить, как ты заходил к ней этой ночью. Эта девушка выбирает особые тропинки, незаметные остальным.

Я согласно кивнул, не понимая до конца, о чем он. Мне стало легче.

Солнце растопило снег на крыше, со стрехи время от времени капало, и стук капель неотступно сопровождал наши мысли и разговор. Над лавочкой и дверью в кузницу шел деревянный водосточный желоб. “Его тоже Альберт смастерил, – подумал я, – а не трактирщик…”

– Что сказал трактирщик про то, что Бигги осталась? – Я вдруг вспомнил, зачем уходил Томас.

– Ему было некогда со мной разговаривать. Он даже дверь не открыл и попросил зайти попозже. Поэтому я поднялся наверх, переодел чулки и обул сапоги, – он махнул рукой куда-то вниз, в сторону моих ног, – и тебе неплохо сделать то же самое. Не хватало только, чтобы сейчас еще и ты заболел.

Томас вновь откинулся назад, подставив лицо солнцу. Он говорил медленно, почти нехотя.

Я принял такую же позу и задремал.

Снег заскрипел под чьими-то осторожными шагами. Сначала я принял это за сон, но потом вдруг понял, что все происходит наяву. Солнце слепило глаза, и я прищурился, но перед глазами все равно плясали разноцветные пятна, и я прикрыл глаза ладонью. К амбару двигалась какая-то темная фигурка. Мария! Из-за сугробов показались ее плечи и голова с позолоченными солнцем волосами. Она заметила, что я проснулся.

– Спасибо, что почистил снег! – негромко крикнула она.

В ответ я махнул рукой. Томас зашевелился.

– Иди спроси, не надо ли ей чем-нибудь помочь, пока Альберт болеет, – пробормотал он.

Я нехотя поднялся – после сегодняшней ночи я не знал, чего и ожидать от Марии.

Дверь небольшого амбара была чуть приоткрыта, я распахнул ее и увидел спину девушки. Склонившись над мешком, она большим деревянным половником пересыпала муку в миску. Ее бедра покачивались, подол платья приподнялся, и из-под него показались ноги в деревянных башмаках и толстых растянутых носках. От солнца лодыжки девушки казались молочно-белыми. Услышав меня, Мария повернулась.

– О… это ты… – робко улыбнулась она.

– Я просто хотел узнать… Ну… не надо ли тебе помочь… То есть… пока Альберт болеет?

Перевязав мешок кожаным шнуром, она прижала миску к бедру и направилась к двери. Отступив назад, я пропустил ее и подождал, пока она закроет дверь.

Она прошла мимо, а я последовал за ней. За углом амбара, где тропинка была достаточно широкой для двоих, Мария остановилась. Она взглянула на Томаса, но тот по-прежнему сидел, прикрыв с блаженным видом глаза и подставив лицо солнцу. Девушка отступила назад, так что теперь угол амбара скрывал нас от взгляда Томаса.

– Натаскаешь дров? – спросила она.

Я кивнул.

Наклонившись ко мне, Мария прошептала:

– В прачечной, в полночь.

Я удивленно посмотрел на нее, а потом перевел взгляд на маленький домик, где располагалась прачечная. Внутри я еще не бывал.

Я хотел было спросить, почему именно там, но Мария уже бежала к трактиру.

Дрова лежали под навесом прачечной и, похоже, не отсырели. Вытащив два полена, я постучал ими друг о дружку, и они отозвались гулким звонким стуком. Набрав дров, я, радостно щурясь, донес их до трактира и остановился возле дровяного короба. На кухне,

помимо Марии, оказалась и Герта фон Хамборк. Женщины молчали, тишина угнетала меня, и я заспешил на улицу.

Когда я опустился на лавочку, Томас сонно проговорил:

– Ты быстро вернулся. Значит, в трактире еще кто-то был?

– Только хозяйка, – ответил я, подавив желание его пнуть.

Дремота тут же слетела с профессора.

– Вон оно что! Тогда, думаю, пора навестить нашего любезного трактирщика. Ему придется поговорить с нами – и не важно, занят он или нет.

Глава 20

Томасу Бубергу пришлось пустить в ход все свое красноречие. Перемежая уговоры угрозами, он особо отметил, что, будучи придворным, может доставить немало неприятностей и хлопот, если Херберт фон Хамборк откажется помочь. И лишь выслушав все это, трактирщик отпер дверь и впустил нас в комнаты. Я сразу же понял, почему он не желал принимать ни нас, ни кого бы то ни было еще: честно говоря, выглядел трактирщик жалко: небритый и без парика, всклокоченные бесцветные волосы обрамляли его длинное худощавое лицо. На нем был кое-как застегнутый шлафрок или халат, под которым виднелась ночная сорочка, а на шее висело полотенце – выглядел он так, словно недавно побывал в кровавом сражении при Стейнкерке. Иными словами, он, похоже, всю ночь глаз не смыкал, а сейчас никак не мог решить, ложиться ли ему спать или проснуться окончательно.

– Сожалею, господин фон Хамборк, что пришлось вас побеспокоить, – деловито извинился Томас, предоставляя трактирщику выбрать, в каком тоне пойдет разговор – превратится ли он в дружескую беседу, подобную вчерашней, за ужином, или же хозяин предпочтет холодную вежливость. – Однако ответить на некоторые вопросы под силу лишь вам. Надеюсь, вы сможете уделить нам немного времени.

Трактирщик недовольно скривился, будто собирался сказать, что мы и так уже вломились в его дом, поэтому спрашивать разрешение было поздно. Он указал на стулья в гостиной, и мы сели.

– Загадочная смерть графа д Анжели…

Хозяин открыл было рот, собираясь возразить, но смирился и тут же покорно закрыл его.

– … побудила нас к беседам с постояльцами и прислугой. Благодаря этому выяснилось, что граф уже останавливался на вашем постоялом дворе. Во всяком случае, в графе узнали одного из прежних гостей. Вчера утром вы говорили, что граф никогда прежде сюда не заезжал. Что вы скажете теперь?

Томас откинулся на спинку стула и выжидающе умолк.

– Он не бывал здесь, – упрямо заявил фон Хамборк, – возможно, у меня скверная память на имена и лица, но такое имя я бы запомнил. Имени д'Анжели никогда прежде не было в нашей книге постояльцев.

– У вас есть книга постояльцев? – изумленно спросил Томас.

Я тоже удивился – когда мы очутились на этом постоялом дворе, никакой книги нам не показывали.

– Да. Но должен признать, что после смерти графа, когда я осознал, что… – он запнулся, подыскивая подходящие слова, – что уготовано нам в будущем, то начал выполнять хозяйские обязанности с куда меньшим усердием, – и он виновато посмотрел на нас, – поэтому вас не попросили расписаться в книге… пока еще.

"И ты, похоже, решил, что это больше ни к чему. Если учесть, какое будущее нас ожидает", – подумал я, но сарказма не получилось, и, вспомнив обо всем, я почувствовал

себя усталым и истощенным. Я вдруг понял, почему фон Хамборк с таким пренебрежением начал относиться к самому себе и своей одежде. К чему беспокоиться о таких пустяках? Ведь вскоре всему придет конец. Поднявшись, трактирщик подошел к столу, выдвинул ящик и достал оттуда толстую книгу в темном кожаном переплете. Он раскрыл ее, зажег от пламени в камине фидибус и поднес его к свечке на столе.

– Профессор может сам в этом убедиться, – равнодушно проговорил он, отодвигая еще один стул, – здесь нет ни одного графа с таким именем. И почти два года здесь вообще не останавливалось ни одного графа.

Томас уселся за стол, а я подошел ближе и заглянул ему через плечо.

На каждой строчке красовалось выведенное изящным почерком с завитушками имя гостя. Слева было вписано число – насколько я понял, дата прибытия, затем имя и ремесло или титул, если у постояльца имелся титул, и наконец другое число – видимо, дата отъезда. С правого края стояла еще одна цифра. Я догадался, что это сумма, уплаченная за проживание. Записи радовали глаз. Выглядели аккуратными.

Последним было имя Густафа Тённесена, плотника, приехавшего 27 декабря 1699, в один день с Филиппом д’Анжели, графом, и Якобом Магнусом Фришем, пастором.

Томас перелистнул книгу назад, внимательно, но молча вчитываясь в записи. Похоже, зимой постоялый двор почти пустовал: порой за целый день никто не приезжал, а в другие дни редко бывало больше одного-двух гостей. Странно, что сейчас нас четверо.

Я пробежал глазами список имен снизу вверх. Мария сказала, что граф был здесь около трех недель назад. Но в книге графа не было. И д’Анжели – тоже. Было несколько купцов и коробейников, лавочник, каретник, землевладельцы, капитан, судья одного из бирков[16], медянщик… Я вгляделся в записи. Что-то было не так, что-то встревожило меня. Я перечел вновь – на этот раз сверху вниз.

Прежде чем я понял, в чем дело, Томас уже озвучил мои мысли. Не вставая со стула, он повернулся к хозяину и спросил:

– А кто делает записи, когда вы в отъезде? Вчера вечером вы сказали, что недавно уезжали в Хадерслев.

– Моя супруга конечно же.

И тогда я заметил: в середине страницы почерк менялся, завитушек стало меньше, и они были крупнее, а буквы сильно клонились вправо. Очевидно, эти записи появились в период до двенадцатого декабря… Томас перелистнул страницы назад… с шестого декабря, когда хозяин уезжал. Записи от пятого декабря были сделаны изящным почерком фон Хамборка.

Я быстро пробежался глазами по именам постояльцев, которые останавливались здесь с шестого по двенадцатое декабря, отыскивая среди них тех, кто пробыл на постоялом дворе несколько дней. Таких оказалось двое: купец – он остановился на две ночи, с шестого по восьмое декабря, и капитан. Он пробыл тут с седьмого по одиннадцатое. *Четыре* ночи!

Я прочел его имя. Жюль Риго, капитан. В тот же миг Томас, незаметно для заскучавшего хозяина, указал пальцем на это имя и уверенно постучал по нему, чтобы я не забыл. Профессор еще немного полистал книгу, а затем со вздохом закрыл ее.

– Конечно же, вы оказались правы, господин фон Хамборк. Ни одного графа здесь не было.

Фон Хамборк был поглощен собственными мрачными раздумьями. Слегка пожав плечами, он не удостоил нас вниманием.

– Возможно, вам требуется помощь? Кажется, вас что-то гнетет.

Язвительно усмехнувшись, трактирщик поднял взгляд.

– Похоже, вы, профессор, не теряете духа и наше печальное будущее вас не страшит?

На этот раз пожал плечами Томас.

– Я ученый, поэтому не могу быть ни в чем уверен, пока не увижу явных доказательств. Если конец света наступит завтра, то окончательно в этом убежден я буду только… послезавтра. – Томас ободряюще улыбнулся трактирщику, но тот вновь мрачно уставился на пол. – Вас настолько это гнетет, что вы потеряли сон? – поинтересовался Томас.

Фон Хамборк издал какой-то звук, который при большом желании можно было принять за смех.

– Подобная ситуация кажется вам забавной, профессор? – От недосыпа глаза трактирщика покраснели. – Всю ночь я кругами ходил по комнате, думал и размышлял. Надеялся отыскать в наших с пастором рассуждениях ошибку. Всю ночь! Пока на рассвете не повалился в постель в надежде уснуть, пока не обезумел. Однако едва я заснул, как моей… как Герте… ей стало дурно… и желудок ее отторг все, что она вчера вечером съела и выпила. – Он вздохнул и погрустнел.

– Вашей супруге уже лучше? – спросил Томас.

– Да. Здоровье у нее крепкое, и она не такая… – но продолжения мы так и не дождались.

Кивнув, Томас направился к двери.

– Вряд ли мне удастся вас переубедить, но позвольте все-таки сказать: я настолько же уверен, что конец света не наступит, насколько я убежден в существовании Господа.

Оставив нашего печального собеседника в одиночестве, мы вышли из его покоев, но Томас вдруг развернулся и, просунув голову в дверь, проговорил:

– Я нанял Бигги, женщину, что спала в хлеву, присмотреть за Альбертом – тот серьезно болен. Вашему конюху требуется покой, и за ним нужно ухаживать. По меньшей мере несколько дней, пока он не выздоровеет и не сможет вернуться к работе.

Я не видел, как отнесся к этому трактирщик, но Томас продолжал говорить.

– Чтобы поддержать добрую славу этого постоялого двора и в следующем году, я предложил бы вам одеться и заняться делами Альберта. – Профессор на секунду умолк и с едва заметной улыбкой добавил: – А если Судный день все же настанет, то, когда Великий Судья будет читать о вас в Книге жизни, такой поступок наверняка сыграет вам на руку.

Томас прикрыл за собой дверь, и мы, очутившись в темном коридоре, остановились посоветоваться.

– Когда граф приезжал сюда в прошлый раз, он записался под именем капитана, – негромко сказал Томас, – если верить Марии.

– По-моему, это правда. Жюль Риго – это ведь французское имя?

– Да, но в наше время многие переезжают с места на место. Поэтому определить национальность по имени с прежней точностью невозможно. И тем не менее я думаю, что это он и есть. Тогда непонятно, почему, впервые приехав сюда, он назвался вымышленным именем. И сказал, что он капитан! Жюль Риго, капитан… Хм… Тоже француз, но вот зачем графу представляться капитаном? Если уж он решил выдать себя за военного, то почему не выбрал ранг повыше? Например, подполковник, командор или шаутбенахт? Что-то более достойное графа? И отчего он вообще прикинулся военным? С другой стороны, военная легенда хорошо сочетается с тем, что мы увидели в комнате графа – с оружием, книгой и строгим порядком. Но вот письмо и перстень с печаткой… И мундира мы тоже не нашли. Не сходится. То есть не совсем. Графом он был или капитаном? Возможно, трактирщица нам в этом поможет – ведь оба раза, когда он останавливался здесь, принимала его она.

– И пускалась с ним в пляс?.. – уточнил я.

– Может, ты и прав, Петтер. Возможно, среди пляшущих на столе мышей был и граф. И тогда становится понятным еще одно высказывание нашей крошки Марии.

Умолкнув, он поджал губы, а рука потянулась к жилетной пуговице.

– Похоже, у каждого своя тайна, и все что-то скрывают. Едва раскроешь одну тайну, как тут же появляется несколько других. В этих стенах люди говорят и замалчивают настолько странные вещи, что хоть какая-то взаимосвязь между ними должна существовать и хоть что-то непременно должно быть связано с убийством. Вспомни третье правило Декарта, которое гласит, что явления, логически не связанные друг с другом, тоже следует включать в рассуждения. Подозреваю, что явления, которые мы считаем загадочными и странными, подчиняются некой скрытой логике. Вот только непонятно… – Томас умолк, так и не закончив мысли, отчего стал вдруг похож на трактирщика. Немного помолчав, он вновь заговорил – по-прежнему тихо, но теперь о вещах более понятных: – Чтобы продвинуться в поисках, нам нужно быстрее поговорить с трактирщицей и Марией. Но важнее всего – поговорить с плотником Густафом. Лучше сделать это прямо сейчас. Он все еще мой главный подозреваемый, и желательно, чтобы он поскорее признался. Пойдем посмотрим, не очнулся ли он от долгого сна и не сидит ли в тракти… – Томас замолчал, услышав на лестнице легкие шаги Марии. Мы думали, что она направляется в трактир, но вместо этого она обошла лестницу и потянула за ручку стоявшего под лестницей шкафа. Но тут же в страхе отпрянула.

– Оххх! – вскрикнула она, глядя широко распахнутыми глазами на наши темные фигуры в полумраке коридора. Судя по ее виду, ей показалось, будто она столкнулась лицом к лицу с самим воплощенным злом, притаившимся здесь и поджидавшим ее.

– Не бойся, Мария, это мы, – успокоил ее Томас, – ходили проведать твоего хозяина.

Смущенно хихикнув, Мария опять подошла к шкафу.

– Я и правда слегка испугалась, – призналась девушка.

Она открыла шкафчик и вытащила оттуда постельное белье. Прижимаясь к стене, мы протиснулись мимо Марии. От ее тела пахло потом и мылом.

– Если профессору и его помощнику… надо что-нибудь постирать, то я могла бы забрать одежду прямо сейчас… – И шаркнула ножкой перед Томасом – она явно хотела сделать книксен, но в коридоре было слишком тесно.

Томас насмешливо взглянул на меня:

– Да уж, кое-чему не помешает мыло и щетка, верно, Петтер? Но тебе тут виднее, чем мне. Поднимись с Марией в нашу комнату и отдай ей одежду, а я пока, так сказать, повинуюсь зову природы и схожу в хлев. – И, слегка поклонившись нам, профессор исчез за дверью.

Мария поднялась следом за мной по лестнице и принялась перестилать постель, а я собрал грязную одежду, которую мы затем свалили в кучу на расстеленную на полу простыню.

Она уже собиралась связать в узел углы простыни, когда заметила лежавшие за дверью вещи графа.

– Это тоже в стирку! – И, будто упрекнув меня в забывчивости, она схватила брошенную сверху шелковую рубаху.

– Нет, это графское, – сказал я, – и рубаху эту Томас разрезал – иначе не снял бы с тела. Я отнесу ее в комнату графа, а уж трактирщик пусть потом сам решает, куда девать все эти вещи, – протянув руку, я хотел забрать у Марии рубаху, – так что стирать ее ни к чему.

Однако, крепко вцепившись в рубаху, девушка ощупывала ее, разглядывала тоненькие, будто паутина, нитки, торчавшие там, где ножницы изуродовали благородную ткань, и восхищенно прижимала рубаху к щеке.

– Шелк… – вздохнула она, – и кто-то носил это каждый день… – Вдруг сердито посмотрев на рубашку, Мария вывернула ее наизнанку. – А это еще что такое?

Мария тщательно ощупала рукава, а затем протянула рубаху мне.

– Вот, потрогай!

Пощупав рубаху, я понял, что там спрятан какой-то продолговатый жесткий предмет. Мы разгладили ткань и хорошенько прощупали швы. Да, в самом низу обшлага в рукав была зашита бумага.

Я порылся в сумке и, отыскав нож, распорол шов и вытащил свернутый в трубочку листок, совсем небольшой, всего-то около четырех дюймов.

– Что там? – нетерпеливо спросила Мария, с любопытством заглядывая мне через плечо. Я развернул бумагу.

– Не знаю, – грустно сознался я, беспомощно рассматривая неразборчивую надпись, – те слова, которые я могу разобрать, написаны, кажется, по-немецки. Но все это похоже на чек. Смотри, вот цифры – "сто пятьдесят" и вот здесь опять "сто пятьдесят". И ниже еще цифры.

Я свернул листок в трубочку и сунул в карман.

– Пойду покажу Томасу.

Стянув углы, Мария связала простыню в узел.

Я увидел профессора, когда мы собрались спуститься вниз, – он как раз вошел в трактир и закрывал за собой дверь. Нужно было перехватить Томаса до того, как тот усядется разговаривать с плотником, поэтому я быстро бросился к нему. Записка, которую граф зачем-то постарался хорошенько спрятать, могла оказаться важной, и мне хотелось поскорее отдать ее профессору. Мария исчезла за дверью – она понесла белье в прачечную.

В последний раз я заглядывал в трактир, когда приносил туда дрова, и с того времени народу там прибавилось. За одним из столов ужинали священник и плотник Густаф, а за другим сидела Бигги, но никакой еды перед ней не было. Когда я вошел, хозяйка уселась возле священника и начала накладывать себе еду.

Увидев Томаса, Бигги поднялась и пошла ему навстречу. Ее обычная невозмутимость исчезла, взгляд потемнел, а по лбу пробежали глубокие морщины. Зайди мы пораньше – наверняка услышали бы грубую перебранку.

– Профессор, вам нужно срочно зайти в конюшню. Альберт хочет с вами поговорить, – прошептала Бигги. Она схватила Томаса за рукав, будто хотела заставить его повернуть к двери, но сдержалась и тут же отпустила.

– Не сейчас, Бигги. – Голос профессора звучал тихо и вежливо, но решительно. Сначала ему нужно было поговорить с плотником Густафом, и дело это не терпело отлагательств. Убийца по-прежнему разгуливал на свободе.

За другим столом воцарилась тишина. Сидевшие там не сводили с нас глаз. Презрительно взглянув на них, Бигги зашептала что-то на ухо Томасу. Я не расслышал, что она сказала, но увидел, как ее слова подействовали на Томаса. Он тут же поднял голову и посмотрел на женщину – изумленно и в то же время недоверчиво, будто хотел удостовериться, что она говорит правду.

Вместо ответа Бигги кивнула, и окружающее будто перестало существовать для Томаса – такой у него был вид, но лишь несколько секунд, потому что затем он пробормотал:

– *Fit erranti medicina confessio*[17], – резко развернулся и направился к двери.

– Профессор, мне нужно кое-что рассказать… – проговорил я и попытался задержать его.

– Не сейчас, Петтер. – И, отстранив меня, Томас скрылся за дверью.

Мы с Бигги устремились следом, но где нам было поспеть за гигантскими шагами профессора, чья грузная фигура вскоре исчезла в конюшне… Едва переведя дух, я спросил у Бигги, что случилось, но она лишь покачала головой, не удостоив меня даже взглядом.

Когда мы вошли в конюшню, несчастные лошадки нетерпеливо повернулись к двери, заржали и затопали, да так, что мы чуть не оглохли. Направившись к лежанке Альберта, Томас сбавил шаг и заметил нас. Профессор на секунду замер и вгляделся в бледное лицо больного, а затем опустился на корточки у изголовья.

– Я пришел, Альберт. О чем ты хотел рассказать?

Альберт поймал взгляд Бигги и кивнул на стоявший у очага котелок. Бигги присела на краешек лежанки и влила в рот конюха несколько ложек какой-то зеленоватой густой жидкости. Проглотив, Альберт устало откинулся на спину.

– Все верно… – пробормотал он, – все так, как сказала Бигги. Это я убил того француза.

Глава 21

Довольная лошадь прохаживалась по протоптанной за конюшней тропинке – из ноздрей у нее валил пар. Чтобы проложить дорожку через сугробы, мне пришлось усесться на здоровенного ютландского жеребца. Коняга был таким высоким, что я едва дотягивался ему до крупа, и Бигги пришлось подсадить меня. Круп у жеребца был широкий, как амбарная дверь, а сам он оказался спокойным и трудолюбивым – не сбавляя шага, он неторопливо и упрямо пробивался сквозь сугробы высотой в четыре-пять футов, и вскоре его огромные копыта уже утрамбовывали снег на дорожке, куда теперь можно было вывести и лошадей помельче.

Я по очереди выпускал их из конюшни, и лошади сами решали, пробежаться ли им рысцой или просто пройтись, чтобы выгнать из шерсти злых блох. Графский жеребец, изящный и крепко сбитый, оказался норовистым. Черный, как само зло, но с белыми носочками на передних ногах, он пробежал по тропинке несколько раз и немного угомонился, – лишь тогда я отвел его обратно в конюшню.

Лошадей следовало вывести, чтобы в конюшне можно было спокойно поговорить. Когда мы зашли туда, лошадиное ржание заглушало тихий голос Альберта: только он пытался заговорить, как вновь и вновь беспомощно опускался на лежанку.

Томас посмотрел на меня и велел вывести лошадей во двор, пообещав потом пересказать историю Альберта.

Вообще-то я радовался, что опять сижу на лошади, с крупа которой виден раскинувшийся за трактиром луг. Мне полезно было проветриться и хорошенько обдумать все, что я услышал.

В голове у меня прояснилось, я даже вспомнил латинское изречение Томаса – "*Fit erranti medicina confessio*". Это означает: "Признание – лекарство для того, кто совершил ошибку".

Альберт убил графа и почти до смерти замучил себя, отказываясь от еды и питья. В конце концов он сознался, рассказав обо всем сначала Бигги, а потом Томасу, и это латинское выражение означало, видимо, что благодаря своему признанию Альберт вылечится.

Когда я только собрался выводить лошадей, он посмотрел своими темными, глубоко запавшими глазами на Томаса и спросил, как тот догадался, что он, Альберт, – француз. Томас поднялся, подошел к двери, за которой хранился инвентарь, и вытащил оттуда вилы.

– Вот это и навело меня на мысль, – ответил он, – в Дании не принято подрезать деревья так, чтобы ветви по форме становились похожими на вилы, как это делают во Франции: по мере того как дерево растет, на нем вырастает и заготовка для вил. Я заметил, что деревяшка здесь обточена по определенному лекалу. Тогда я понял, что искать, и нашел в кузнице лекало и не законченные еще заготовки. Но все-таки я не был до конца уверен,

что ты француз. В молодости я несколько лет учился в Париже и однажды летом поехал в Севенны, в гости к приятелю, который был оттуда родом. Именно там я и узнал, как на деревьях “вырастают” готовые вилы. Позже я бывал и в немецких землях, и в Италии и Голландии, однако ничего подобного там не видел.

Томас старался перекричать расшумевшихся лошадей, так что даже мне удалось услышать его рассказ, хотя в тот момент я затягивал упряжь на ютландском жеребце.

Позже, вдыхая морозный воздух и глядя, как солнце исчезает за деревьями, я раздумывал, научусь ли и я когда-нибудь так хорошо подмечать окружающие меня предметы, научусь ли определять то, что необходимо подметить. Я вновь вспомнил про Альберта.

Почему он совершил такое?

Но ничто – ни лошади, ни морозный воздух не подсказали мне ответ. Объяснить мог лишь сам Альберт, который сейчас лежал в конюшне и рассказывал. Но поскольку я ничего не слышал, передаю его историю так, как ее пересказал мне Томас.

– Да, я француз. Вы правильно догадались, господин профессор…

– Можешь называть меня Томасом, – сказал я. Передо мной лежал хладнокровный убийца, но к чему было изнурять его формальностями?

– Хотите знать, почему я?..

Я кивнул – конечно же, мне хотелось обо всем узнать.

– Тогда вам придется набраться терпения, потому что… – Альберт закашлялся и отхлебнул еще немного зеленой жидкости. Несколько капель упало на бороду, и Бигги, отставив котелок, вытерла Альберту рот. – То… что случилось два дня назад… Нет. Начну с самого начала, иначе вы не поймете. Я… Мне не нужно прощение за то, что я совершил. Я хочу понести наказание. Но… – Он умолк и прикрыл глаза.

Я испугался, что Альберт уснул, однако он вдруг вновь заговорил:

– Я не желал ему смерти, но… ни о чем не жалею. – Взгляд его сделался отстраненным. – Я родился и вырос в небольшой деревушке под названием Фонтене-ле-Конт, где у моего отца была небольшая винодельня. Оттуда за день можно добраться до Ла-Рошели, но об этом я еще расскажу. Мы делали не самое лучшее вино в мире, но выручали за него достаточно, чтобы прокормить семью. Торговля у отца шла бойко, и со временем он начал продавать не только собственное вино, но и то, которое делали в соседских винодельнях. Он часто ездил продавать вино в Нант, Ле-Ман и Тур, а несколько раз доезжал даже до Парижа. Дела у отца шли прекрасно, и в наших местах его уважали. Мало-помалу, благодаря его умениям, он скопил небольшой капитал и стал совладельцем небольшого банка в Ньоре – городке неподалеку от нашей деревни. Когда отец был в отъезде, на хозяйстве оставалась мама, а помогала ей прислуга, да и мы с братом старались изо всех сил. Хотя мы и были маленькими… – в глазах Альберта блеснули слезы, он сглотнул слюну и продолжал: – Мой брат был на три года моложе меня. Еще у нас была сестра, но она заболела и умерла, когда ей еще и года не исполнилось. Родители мои любили работать, и наше с братом детство напоминало сказку…

На него нахлынули воспоминания, и мы решили дать ему отдохнуть и прийти в себя. Бигги тотчас же принесла суп и немного теплой воды – утолить жажду.

Поев, Альберт задремал, и мы с Бигги по очереди выходили на двор подышать. Ты тогда еще не вернулся, Петтер, но с лошадьми неплохо потрудился – они успокоились и выглядели довольными, особенно когда мы их покормили и поменяли им воду.

Немного погодя Альберт проснулся и продолжил рассказ.

– Тогда были сформированы легионы, которые мы называли дьявольскими. Драгуны квартировались в протестантских домах, а возражать мы не имели права. Солдаты могли как угодно издеваться над нами, унижать и… и… – Альберт тяжело вздохнул, – начали они с

“малого” – шумели, мусорили в доме, обжирались нашей едой, а объедки кидали на пол… Они вламывались в отцовский кабинет и хватали его книги. Отец очень любил читать, а солдаты вырывали страницы и использовали их для розжига или когда ходили по нужде. Так нас вынуждали стать католиками. Если бы мои родители согласились принять католичество, солдаты тут же убрались бы из нашего дома, а отец получил бы вдобавок денежное вознаграждение – кажется, ливров пятьдесят или сто, так они говорили. Но мои родители не желали отрекаться от нашей веры и не сдавались. Солдаты зверели. Убивать им не разрешалось, и мы знали об этом, однако они могли далеко зайти в своей жестокости. Они издевались над прислугой, и многие из слуг покинули нас. Они испражнялись в готовые для продажи бочки с вином, пьянствовали, а однажды засунули мне в рот воронку и принялись лить туда воду… я… я думал, что захлебнусь и умру…

И здоровенный мужчина передо мной так вцепился в одеяло, что костяшки пальцев у него побелели. По лбу градом катился пот.

– Мой отец решил съездить в Ла-Рошель – разузнать, как оттуда уплыть за границу. Ему, естественно, пришлось держать это в тайне, и правду знала только мама. Мы же полагали, что он, как обычно, отправился по делам. Когда он уехал, нам стало еще тяжелее. И однажды… они… солдаты… В тот день они не просыхали, и… – Альберт затрясся всем телом, а губы скривились, будто от боли.

Пытаясь взять себя в руки, он заморгал и зашелся в кашле. Бигги подала ему воды и отерла со лба пот.

– Они… они надругались над моей матерью, прямо на глазах у нас с братом. Солдаты крепко держали нас – двоих мальчишек десяти и четырнадцати лет, – а в глаза тыкали палками, чтобы мы их не закрывали… Шестеро мужчин – они надругались над ней. Я тогда крикнул, что убью их, я поклялся… Но они только смеялись – еще бы, в их глазах я был лишь щенком… На следующий день вернулся отец. Мама сделалась странной, разговаривала бессвязно, то и дело принималась плакать… Отец бросился на лейтенанта, командовавшего драгунами, хотел задушить его, но солдаты так вздули отца, что тот едва смог добраться до постели. А следующим утром мы нашли маму на кухне. Она повесилась. В тот же вечер отец собрал все самое необходимое, и ночью мы тайком ушли оттуда, ушли прочь. В Ла-Рошели отец нашел одного рыбака, который согласился переправить нас на лодке в Англию, и уже заплатил ему половину. По нашим землям протекает река Вандея, и по ней, в маленькой шлюпке, мы хотели добраться до поместья, принадлежащего другому семейству, и те помогли бы нам преодолеть последний участок пути, где Вандея заворачивает к западу, к Ла-Рошели. Отец шепотом рассказал нам об этом, когда мы тихо пробирались по берегу к спрятанной шлюпке. После, когда мы с братом Виктором забрались в лодку, отец протянул мне пояс с зашитыми в него деньгами, быстро обнял нас и… мы и опомниться не успели, как он столкнул шлюпку в воду… А сам остался на берегу. Мы забыли про всякую осторожность и закричали, а он крикнул в ответ, что должен похоронить Ребекку – мою маму – в освященной земле, что не может просто бросить ее. Лодку уносило все дальше по течению, и вскоре мы услышали крики и выстрелы. Потом другие изгнанники рассказали, что той ночью, на берегу, отца застрелили…

Со лба у Альберта ручьями стекал пот. Мы с Бигги переглянулись – нужно дать ему передохнуть. Он поел и напился, и пришло ему время справить нужду – тогда я довел его до ближайшего пустующего стойла, а потом мы обмыли его водой. Вскоре им опять завладел беспокойный сон.

Мы с Бигги по очереди переделали множество разных дел – например, вычистили лошадей так, что шерсть у них залоснилась и их стало не узнать. Ты, Петтер, к тому времени уже вернулся, поэтому слышал рассказ Альберта о том, чем закончилось его путешествие. Вряд ли ты захочешь, чтобы я его повторял, – память у меня никудышная и запоминать дословно я не могу.

Когда я вернулся в конюшню, Томас попросил меня сходить к Марии за едой для всех нас.

В трактире я обнаружил лишь плотника – тот держал на коленях пивную кружку и дремал у камина. На кухне нашелся хлеб, масло и сыр – захватив все это, я отправился обратно в конюшню, но на заднем крыльце столкнулся с Марией. Она несла ведро с парным молоком. Увидев у меня в руках еду, кисло усмехнулась, но, не проронив ни слова, проскользнула мимо. Я развернулся и прошел следом за ней на кухню.

– Не принесешь ли нам кружку молока? – спросил я.

– Для ведьмы? – быстро проговорила Мария.

– Ну-у, если ты о Бигги, то да…

– Нечего ей тут делать, ведьме этой! Как подойдет к хозяйке, той тотчас делается дурно. А теперь она и Альберту решила голову заморочить! Пока она здесь – ноги моей не будет в конюшне. И если профессорскому помощнику надо молока, то пусть сам и возьмет! – От ярости она брызгала слюной, а глаза горели гневом и ненавистью. Я замер, пораженный ее злобным ответом, а затем отыскал большую корзину для хлеба, положил туда четыре кружки и еду и вдобавок захватил кувшин молока.

Мария не глядела на меня, зато плотник проснулся и злорадно ухмыльнулся мне вслед.

Ели мы молча. Я понял, насколько история Альберта поразила нас.

Наконец Альберт проснулся. Бигги подогрела свое снадобье, но на этот раз накрошила туда хлеба и сама с ложки покормила больного. Старалась она, видимо, не зря: Альберт приободрился и приступил к рассказу охотнее, чем прежде.

– Мы с Виктором доплыли до Ла-Рошели, и рыбак, с которым у отца был сговор, от слова не отступился. Он даже не взял с нас денег – сказал, что отец заплатил за четверых. Семья, которая помогла нам добраться до Ла-Рошели, тоже исповедовала гугенотскую веру, и они тоже бежали от тех, кто пытался обратить их в католицизм. Отец продавал им вино – так они и познакомились. Люди эти были добрые и отзывчивые, а их сын с моим братом оказались ровесниками. Вся их семья также готовилась к побегу, и в путь мы отправились восьмером. Поздней ночью наше судно отчалило от берега, и спустя два дня мы высадились в Плимуте, на южном побережье Англии. По пути Виктор заболел. Его мучила тоска по родителям, а по ночам донимали кошмары – я будил его и как мог утешал. По-моему, болезнь поразила не только его тело, но и рассудок… Хотя откуда мне знать… Он отказывался от еды, стал молчалив и, оказавшись в Англии, зачах и через неделю умер. Схоронив его, мы с друзьями отправились дальше, в Данию, – во Фредерикии жили их родственники, тоже бежавшие из Франции. Я прожил у них, пока мне не исполнилось девятнадцать, – тогда я и нанялся конюхом на этот хутор. – Альберт по очереди оглядел нас. После сна взгляд его темных глаз вновь оживился. – Вам, конечно, непонятно, зачем я рассказываю о моем детстве. И как все это связано с убийством на датском хуторе… – на его скрытых густой бородой губах появилось подобие улыбки, – вы, верно, думаете, что Альберт чуток спятил?

Томас покачал головой и тихо проговорил:

– Жюль Риго.

Улыбка стала шире:

– Профессор не зря зовется профессором. Да, Жюль Риго.

Улыбка исчезла, и в глазах блеснула ярость.

– Драгунский лейтенант – тот, кто потворствовал бесчинствам и часто придумывал самые жестокие из них, – тот лейтенант звался Жюлем Риго. Четырнадцатилетним мальчишкой я поклялся убить его. С годами ненависть не исчезла, однако разум мой окреп. Я слишком люблю жизнь, чтобы позволить этому человеку вновь разрушить ее. Поэтому мне не

хотелось его убивать, и тем не менее гнев взял верх, и удар получился сильнее, чем я того желал, – в голосе Альберта зазвенело отчаяние, – я не хотел его убивать. Сначала я вообще не собирался его трогать. Мне хотелось только поговорить с ним. Спросить, почему… что толкнуло его – в те времена еще юнца – на подобные злодеяния? Он лишь посмеялся надо мной и даже слушать не пожелал. Но когда я назвал фамилию, он вспомнил меня – или не меня, а мать с отцом – и начал осыпать мою мать оскорблениями. Тогда я не сдержался и ударил. Глазом моргнуть не успел – а он уже ворочается в снегу. Я опомнился и побыстрее ушел оттуда. От страха, что меня посадят за решетку, я решил сбежать с постоялого двора. Буря меня не пугала – я намеревался укрыться в лесу, а затем уехать за границу. Нанялся бы к кому-нибудь конюхом или пошел бы в солдаты… – Он усмехнулся и указал на нас с Томасом. – Это вы все испортили. Я уже подвел свою лошадь к воротам, как она услышала ржание за стеной и заржала в ответ. И тогда я понял, что путь мне отрезан. Я решил бежать через ворота позади хлева, но в ту же секунду в конюшне зазвонил звонок, и я уже одумался настолько, чтобы понять: если я не отворю, на моей совести будет еще несколько жизней. – Он махнул рукой. – А остальное вы знаете.

Воцарилось молчание. Наконец Томас кашлянул и спросил:

– Когда именно ты понял, что ваш постоялец, Жюль Риго, – твой старый французский знакомец?

– Несколько недель назад – недели три-четыре, когда он в первый раз здесь появился, я много времени проводил в лесу – валил деревья и заготавливал дрова. Возвращался поздно вечером, а уходил на рассвете. Поэтому столкнулся с нашим постояльцем лишь в самый последний его вечер здесь. Я не сразу его узнал, но понял, что прежде уже где-то встречал его. Но он при мне не разговаривал, оттого мне и в голову не пришло, что он француз. Только когда он уехал, я случайно увидел его имя в книге постояльцев и вспомнил вдруг… Меня будто обухом огрели по голове. Я так долго старался похоронить собственное прошлое – нет, не родителей и не брата, но ужасные события, которые привели к их гибели, а теперь это самое прошлое внезапно обрушилось на меня. Ничего не забылось, и не было ничему прощения. Ненависть осталась. Однако, как я уже сказал, за прожитые годы я научился здраво рассуждать. Так мне казалось. Когда он вдруг вновь объявился здесь, я знал, что должен поговорить с ним, выяснить почему, и… – Альберт смущенно почесал в бороде, – мне хотелось испугать его. Заставить испытать ужас, подобный тому, что овладел тогда моей семьей. Какая наивность – полагать, что прошлое в моем обличье сможет его испугать!

Он выпрямился. Мы понимали его чувства. В гневе конюх мог напугать кого угодно: огромный, сильный, как бык, с растрепанными волосами и бородой, да и черные глаза его внушали страх.

– Но он лишь рассмеялся! Он издевался надо мной! Он ничуть не испугался… – Альберт затих и опять ссутулился.

– Он действительно граф? – поинтересовалась Бигги.

Альберт слабо покачал головой:

– Такой же, как ты или я.

Томас заерзал – его явно мучил какой-то вопрос.

– Ты сказал… Как же ты это сказал?.. Что ты убежал оттуда, а он ворочался в снегу, верно?

Альберт кивнул, не поднимая глаз.

– Но тогда почему ты решил, что, ударив, убил его?

Альберта вновь охватила усталость, и, отвечая, он едва мог повернуть голову.

– Известие о том, что Риго мертв, поразило меня. Хозяин сказал, что он замерз насмерть. Но я довольно сильно ударил, поэтому решил, что Риго потерял сознание. – Альберт взглянул на Томаса. – Наверное, так оно все и было.

Профессор поднялся и задумчиво стряхнул с брюк пыль и налипшие соломинки. Затем взял Альберта за руку и крепко сжал ее:

– Бигги пообещала ухаживать за тобой, пока ты не поправишься. Лучшего лекаря тебе не найти, и вдобавок она готовит прекрасные снадобья – это очевидно, ведь ты быстро поправился. Но… – Томас улыбнулся Бигги, – у меня все же найдется лекарство получше. И получишь ты его прямо сейчас.

Томас склонился к Альберту, чтобы тот не упустил ни слова:

– У меня нет никаких сомнений, да и вообще ни у кого их быть не может, что капитана или лейтенанта Риго убил не ты, Альберт. Причиной смерти стал не твой удар. Его убило кое-что другое, но об этом я расскажу тебе потом. А сейчас тебе надо отдохнуть. – Томас выпустил руку конюха и махнул мне. – Спокойной вам ночи, а ты, Альберт, выздоравливай.

Сказав это, профессор отвернулся от Альберта, разинувшего рот, и ошарашенной Бигги и направился к двери, а я поспешил за ним.

Глава 22

– Проклятье! ПРОКЛЯТЬЕ!! Господь наградил всех людей сердцем и мозгом, а меня обделил! Я остался ни с чем! Безмозглым! Даже та малость, что у меня есть, мне без надобности!

Профессор готов был рвать на себе волосы, но их и так было немного. Он колотил себя по голове и топал ногами, а его грузное тело дрожало от ярости. Сгущались сумерки, мы стояли возле каретного сарая, и я, не зная, чего ожидать, старался держаться на почтительном расстоянии. Таким я видел профессора впервые.

– Подумать только – тебе, Петтер, я рассказываю о четырех законах, настаиваю, чтобы мы их соблюдали, а сам оставляю без внимания. Отныне будешь называть меня дураком, или растяпой, или на худой конец Томасом, но НИ-КО-ГДА больше не называй меня профессором! По крайней мере, пока не закончим с этим делом! – Он помахал дрожащим пальцем перед моим носом, и я молча кивнул. Он вздохнул, развернулся и, что-то бормоча, принялся бродить кругами, так что заледеневшие комки снега разлетались во все стороны. Мало-помалу он успокоился и опять заговорил, но тихо, и я подошел поближе, чтобы не упустить ни слова. – Второе правило: разделяй сложную ситуацию на множество простых, пока они не приведут тебя к правильному выводу. Верно?

– Ну да-а… – протянул я, по-прежнему озадаченный его вспышкой.

– Мы обнаружили мертвого мужчину со следами ударов на лице и ранами в груди. У меня есть неопровержимые доказательства того, что именно эти раны стали причиной смерти, и я тут же решаю, что и удары, и раны – дело рук одного человека. Я не допускаю и мысли, что в дело могут быть замешаны двое. И мысли не допускаю, – он прервался и посмотрел на меня, – все, до чего мы додумались, можно выкинуть в помойную яму. Убийцей графа… Впрочем, будем называть его капитаном… – Томас запнулся и на миг задумался, – хотя нет – оставим "графа". Не нужно, чтобы все сейчас узнали о капитане Риго. Слишком рано. Итак, убийцей графа может оказаться кто угодно – будь то женщина или мужчина, молодой или старый. Пронзить тонким острым предметом упавшего и, возможно, совершенно беспомощного человека, – после удара Альберта было под силу даже женщине. Вероятнее всего, именно женщина это и совершила. Способен ли мужчина на подобное? – Томас испытующе посмотрел мне в глаза.

Покачав головой, я пожал плечами – я продрог, и мне хотелось в тепло. В убийцах я не разбирался и точно был уверен лишь в том, что в окрестностях Хорттена уже много лет никого не убивали.

– Первое правило: не торопитесь с выводами и избегайте предубеждений. Помнишь?

Я сердито взглянул на него. Тысяча чертей! Я и не забывал, только все равно не понимал, как нужно применять эти его правила. Томас рассмеялся – присутствие духа возвращалось.

– Заявить, что такое орудие убийства могла выбрать лишь женщина, было решением поспешным и полным предрассудков. И, приняв эту гипотезу как истинную, мы тотчас же угодили бы в западню, подобную той, из которой сейчас пытаемся выбраться. Нам следует быть начеку! Все, КАЖДЫЙ, кроме одного, может оказаться убийцей, которого мы ищем!

Я все понял и вздохнул. Все, кроме Альберта. Любой, кто угодно: Мария, трактирщица, Бигги, священник, фон Хамборг и, естественно, плотник, который все время был у нас под подозрением.

– Плотник из них самый подозрительный, – сказал я.

– Его мокрые сапоги – веская улика, но ведь в тот момент мы обратили внимание лишь на его сапоги и обувь священника. А как насчет Марии и Бигги? Не говоря уже о трактирщике, который, как мы знаем, выходил на улицу. Или о его супруге – она находилась в их покоях в одиночестве, и если и выходила, то никто этого не заметил. Для того, чтобы проткнуть спицей находящегося в беспамятстве человека и скрыться, много времени не понадобится.

– А может, его и правда проткнули спицей? – заинтересовался я.

– Вряд ли. Спицы деревянные, и отверстие от спицы получилось бы шире. К тому же, мне кажется, спица так глубоко не вошла бы, ведь дерево шероховатое. Впрочем, давай-ка держать про запас и эту версию.

Томас с задумчивым видом наступил на заледеневший комок снега, тот хрустнул, будто засохшее печенье, и я ощутил голод.

– И еще один момент, – продолжал он, – завеса тайны вокруг нашего убитого графа начинает понемногу рассеиваться. Граф вдруг оказывается вовсе не графом, а капитаном, хотя прежде мы думали, что он лишь выдает себя за капитана. Это объясняет его скудную экипировку, дыры в носках, отсутствие слуги и парадного мундира, вот только… где тогда капитанский мундир? Его спрятали? Или, возможно, украли? – Томас принялся теребить несчастную пуговицу, задумчиво глядя в темноту.

С поляны поднимался сырой, холодный туман – я дрожал, и зубы у меня стучали.

– Думаю, когда мы выясним, почему капитан выдавал себя за графа, то получим ответы на все вопросы о поддельном графе. Например, откуда взялись письмо на французском и перстень с печаткой. Это наверняка как-то связано с убийством нашего графа-капитана, иначе получатся не логически связанные события, а какая-то мешанина. И когда мы поймем, зачем капитан выдавал себя за графа, то найдем ответы на все остальные вопросы, – в частности, на вопрос: кто его убил. Надеюсь, так оно все и будет…

Внезапно Томас хлопнул в ладоши, да так, что я вздрогнул.

– Пора нам поворошить это осиное гнездо! Пусть поймут, что происходит! Возможно, это развяжет им язык. Мы должны хотя бы как-то заставить их говорить о графе и его убийстве. И, если ничто иное не помогает, то, может, страх оказаться под подозрением сделает их более разговорчивыми.

Он решительно зашагал к трактиру, а я, обрадовавшись, побежал следом. И вдруг я вспомнил про записку.

– Томас! Томас, подождите!

Остановившись, он обернулся и удивленно посмотрел на меня.

– Петтер, дорогой мой, что это с тобой? На тебе лица нет!

Я быстро рассказал, как Мария обнаружила записку, и протянул ее Томасу. Пришла очередь профессора поволноваться.

– Хочешь сказать, что вот эта записка была зашита в рубаху графа?! – В тусклом свете фонаря он пытался разглядеть записку. – Пойдем! Поднимемся в комнату и изучим ее как следует!

На лестнице никого не было, однако светильник на стене уже зажгли. Из трактира доносился приглушенный гул голосов. Оказавшись в тепле, я обрадовался, и мне захотелось вдобавок затопить камин в комнате, но, к моей досаде, Томасу холод был нипочем. Я прикрыл дверь в комнату, а профессор зажег свечку, разложил писчие принадлежности и, водрузив на нос очки, уселся за стол. Томас вполголоса прочел записку и сделал несколько заметок. Я же свернулся калачиком на кушетке и поплотнее завернулся в одеяло, пытаясь согреться. За окном только-только начали сгущаться сумерки, однако веки мои отяжелели, а мысли разбрелись – впрочем, этому я и не препятствовал.

– Это своего рода расписка. – Громкий голос Томаса привел меня в сознание.

Я выпрямился и пробормотал:

– Я же говорил…

– Да, и написана она по-немецки – это ты верно определил. – Томас весело взглянул на меня. После того, как он изучил записку, настроение у него заметно улучшилось. – Этот почерк кажется мне знакомым. В расписке указано, что с капитаном Жюлем Риго расплатились дважды – сначала он получил сто пятьдесят риксдалеров, а затем – сто пятьдесят золотых марок. Деньги были выплачены семнадцатого ноября тысяча шестьсот девяносто девятого. Почти все написано довольно разборчиво. – И он вновь вгляделся в бумагу. – Только подпись плательщика разобрать сложно. Либо “фон”, либо “ван”… Баргхальс, Бергхальс, Бергхальц, Бергхольц… что-то в этом роде… – И он протянул расписку мне. – Попробуй-ка ты. Глаза у тебя молодые, сможешь получше разглядеть.

Я нехотя поднялся на ноги. После минутной дремы моя голова все еще шла кругом.

– Смотри, – и Томас указал на записку, – сумма: сто пятьдесят риксдалеров. А на следующей строчке – сто пятьдесят золотых марок. Здесь написано: в уплату за ус… видимо, услугу, оказанную капитаном Жюлем Риго. А дальше стоит дата: год тысяча шестьсот девяносто девятый, семнадцатое ноября. И еще – оплачено… Это, скорее всего, имя плательщика, верно?

Наклонившись к свече, я вглядывался в буквы, пока глаза не заболели.

– Кажется, фон Бергхольс. Или Бергхольц. Последнюю букву не разобрать.

– Угу… – Томас вновь погрузился в собственные мысли и вряд ли вообще слышал мои рассуждения… “Зачем было меня будить, если все равно не слушаешь?” – раздраженно подумал я. – Бергхольц… Да, наверное, так и есть, – сказал Томас, пряча расписку в карман, – думаю, надо собрать всех в трактире, рассказать всю правду о графе и попытаться вытрясти из этой компании лгунов и молчунов хотя бы крупицу истины.

Глава 23

– Мария, позови хозяина с супругой! Побыстрее! – Грузная фигура Томаса возвышалась посреди трактира. Он надел парик, расшитый золотом жилет и новый камзол. Теперь ни у кого не возникало сомнений, что к этому человеку стоит прислушаться.

Священник с плотником ужинали, но сидели по отдельности. Оторвавшись от еды, они оба удивленно посмотрели на Томаса. Я раздумывал, позвать ли мне Бигги, но решил подождать указаний профессора. Но указаний так и не последовало. Возможно, он посчитал, что если “ведьмы” рядом не будет, то остальные будут разговорчивее.

Ни слова не проронив, Мария поспешно скрылась за дверью и вскоре вернулась. Томас вопросительно взглянул на нее, а девушка в ответ кивнула и прошла на кухню. Немного погодя в трактир вошли хозяева – они явно недоумевали: что происходит, и были слегка недовольны.

– Зачем… – начал было фон Хамборк. Он переоделся и надел парик.

– Я все объясню, – перебил Томас и махнул рукой. – Прошу, садитесь. И ты тоже, Мария, – крикнул он, повернувшись к кухне. Девушка вышла, вытирая руки о фартук, и присела на стул возле длинного стола, прямо напротив священника, расположившегося, по своему обыкновению, в самом дальнем углу.

Хозяева сели за стол рядом с плотником, слева от двери, я же пододвинул свой стул к камину, чтобы видеть их всех. Еще на лестнице Томас попросил меня понаблюдать за каждым из них и посмотреть, как они отнесутся к сказанному.

– Три дня назад, – начал Томас Буберг, – в среду, двадцать седьмого декабря, вы, Якоб Магнус Фриш, первым приехали на этот постоялый двор.

Священник прищурился, будто услышал в собственном имени скрытую угрозу.

– Затем сюда прибыл ныне покойный граф Филипп д'Анжели, и последним приехали вы, Густаф Тённесен.

Плотник с серьезной миной кивнул Томасу – может, осознал всю серьезность происходящего… А может, и нет.

– Когда именно вы приехали, мне неизвестно, но буду признателен, если расскажете об этом сейчас.

– Я приехал, когда все собрались ужинать, – на удивление быстро сообщил плотник, – все уже сидели за столом – и граф с пастором, и хозяева.

– Граф появился здесь намного раньше, сразу после обеда, – проговорила Мария, но, видимо, тут же пожалела, потому что прикусила губу и с тревогой взглянула на хозяев.

Госпожа фон Хамборк не удостоила девушку даже взглядом, зато трактирщик задумчиво кивнул, очевидно, соглашаясь с Марией.

– Сколько было времени? – И Томас указал через плечо на часы на стене.

Мария смущенно заерзала:

– Ну… в этом я не разбираюсь… поэтому не знаю. Я к ним не прислушиваюсь…

– Часы показывали половину после двенадцати часов дня, – уверенно заявил фон Хамборк, так, чтобы никто не мог усомниться – уж он-то знает, как определять время по часам.

– А вы, уважаемый пастор, когда вы приехали? – И Томас повернулся к сидевшему в углу священнику.

– К обеду, – коротко и бесстрастно ответил тот, а затем, словно решив вдруг проявить любезность, добавил: – Я выехал из Рибе рано утром и боялся, что буря застанет меня врасплох где-нибудь вдалеке от жилья. Вот так я и вспомнил об этом постоялом дворе – много лет назад я уже заезжал сюда. Мне здесь понравилось, – он одобрительно кивнул в сторону хозяев, – и к обеду я уже был здесь.

– Ясно, – ответил Томас и осмотрелся. На несколько секунд взгляд его задержался на некоторых лицах, после чего он продолжил: – Позже я попрошу вас рассказать о событиях того вечера – вечера среды – и о том, что происходило на следующий день. Поэтому постарайтесь вспомнить, а я тем временем расскажу вам о том, чего вы не знали. То есть о чем знает пока только один из вас. – Томас умолк, и его последняя загадочная реплика на миг повисла в воздухе.

Мария бросила на меня тревожный взгляд, а остальные озадаченно смотрели на Томаса, ожидая объяснений.

– В четверг вечером, после ужина, граф и конюх Альберт сильно повздорили. Альберт сбил графа с ног и оставил лежать на снегу. Мы, – Томас кивнул в мою сторону, – то есть мы с Петтером, прибыли вскоре после этого и расположились здесь, в харчевне, в надежде обогреться и перекусить. Думаю, это помнят все, кроме госпожи фон Хамборк, которая как раз в тот момент находилась где-то в другом месте. – И Томас язвительно улыбнулся трактирщице. Любезностям пришел конец, и разговор принимал серьезный оборот. Но Герта фон Хамборк выдержала его взгляд и глазом не моргнула. – И, конечно, вы, господин фон Хамборк – ведь тело графа обнаружили именно вы. Вскоре после нашего приезда вы прибежали в харчевню и позвали нас с Петтером осмотреть, как вы сказали, раненого. Верно? – Фон Хамборк нехотя кивнул. – Я обследовал тело и выяснил, что граф умер вовсе не от нанесенных Альбертом ударов. От таких ударов граф, мужчина сильный и крепкий, мог в худшем случае ненадолго потерять сознание. – Томас театрально умолк, чтобы слушатели не упустили ни одного его слова. Взгляды всех присутствующих будто впились в профессора. Всех, кроме меня. – Графа д'Анжели убили!

По харчевне пронесся вздох, все ахнули, и, как мне показалось, сообщение это поразило и испугало всех без исключения. Томас заговорил громче:

– Графу воткнули в грудь длинный тонкий металлический предмет, который пронзил легкое и сердце. Эти раны и привели к смерти графа. Иными словами, – неумолимо продолжал Томас, – убийца графа сейчас сидит среди нас.

Резко повернувшись, Мария посмотрела на священника и хозяев. Плотник побледнел и схватил кружку с пивом, но та, по всей видимости, была пуста, потому что он с мольбой посмотрел на спину Марии, однако ничего не сказал. Пастор лихорадочно водил рукой по резному переплету Библии, будто надеясь, что прикосновение к образу Сына Божьего поможет ему. Недоверчиво оглядев всех остальных, фон Хамборк схватил супругу за руку и встревоженно сжал ее. Трактирщица же, прямая, словно палка, грустно смотрела на Томаса – похоже, ей единственной здесь удалось сохранить самообладание.

– Я прошу этого человека сознаться в содеянном сейчас, пред лицом Господа и в нашем присутствии.

Собравшиеся сперва изумленно уставились на Томаса, а затем начали украдкой поглядывать по сторонам, ожидая, что кто-нибудь выдаст себя.

Но нет, убийца – будь то мужчина или женщина – сознаваться не желал. Во всяком случае, в нашем присутствии. Я понял, что Томас этого и не ждал, однако попытка не пытка.

– Альберта из списка подозреваемых я исключил, – сказал Томас, – он, думая, что граф скончался от его удара, признался в убийстве. Об истинной причине смерти он ничего не знал.

Заговорили сразу двое.

– Может, это ведьма? – выпалила Мария.

– Возможно, это дело рук этой пришлой колдуньи? – предположил пастор.

Томас ответил не сразу.

– Подобное возможно, – признал он, – однако маловероятно. А когда, кстати, она появилась на постоялом дворе?

– За день до всего этого, – ответила Мария, – поздно вечером. Она запросто могла сотворить такое!

– Вот как? И почему же?

– Она… ей не нравился граф. Советовала держаться от него подальше, говорила, что он опасен…

– А почему она считала его опасным? – удивился Томас.

– Я тоже об этом спросила. Почему, мол? Такой видный мужчина… И она ответила, что видит это по глазам. А глаза у него злые – так она сказала.

Хозяин ахнул и привстал, но супруга тут же одернула его и заставила сесть обратно. Он опустился на стул и умолк.

– Да, господин фон Хамборк, вы хотели что-то сказать? – от глаз Томаса не укрылось поведение хозяина.

– Отзываться о моих гостях подобным образом! И кто?! Побирушка, ведьма! Да как она смеет! – в голосе трактирщика звенело негодование.

– Не ссорился ли кто-либо из присутствующих с графом в среду или четверг? – спросил Томас, переменив вдруг тему.

В трактире воцарилось молчание, каждый ждал, когда заговорит кто-то еще. Не будь момент настолько серьезным, все это могло даже показаться забавным.

– Вчера вечером вы, госпожа фон Хамборк, упомянули, что граф нагрубил Марии и Бигги, а также и плотнику Густафу. Я просил бы вас повторить его слова и сообщить, когда он это сказал. – Голос Томаса звучал вежливо, но твердо. Однако толку от этого было мало: покачав головой, трактирщица лишь поджала губы – она уже явно корила себя за излишнюю разговорчивость.

Томас вздохнул и, печально оглядев присутствующих, сделал еще одну попытку:

– Дорогие мои! Один из нас – убийца. Пока буря не уляжется, мы останемся в этом доме, и одному Господу известно, как долго это продлится. Вы должны помочь нам отыскать убийцу – лишь тогда мы сможем спокойно спать и без опаски поворачиваться друг к дружке спиной.

Услышав это, Мария вдруг широко раскрыла глаза. Прежде ей, видимо, и в голову не приходило, что тот, кто убил однажды, с легкостью может вновь пойти на убийство. На изборожденном морщинами лбу пастора появилась еще одна глубокая складка, священник буравил взглядом присутствующих. Похоже, раньше он тоже не допускал подобного. Плотник нервно ерзал на стуле, поглядывая на остальных.

Хозяин грустно посмотрел на Томаса.

– Господин профессор, вы кое о чем забыли. Завтра – последний день нашего бытия. Вы настаиваете, чтобы мы отыскали убийцу, но, найдем мы его или нет, не важно, ведь вскоре он предстанет пред Всевышним Судьей и понесет заслуженное наказание. Никто не сможет осудить лучше, чем Он. К чему тратить последние отпущенные нам часы на эту мирскую суетную чепуху, когда в дверь вот-вот постучится Царство Божье, – и, поняв, что последний образ получился неудачным, пробормотал, – ну, так сказать…

– Я склонен согласиться с хозяином, – священник, не моргая, посмотрел на Томаса, – и вчера привел вам неоспоримые доказательства этого. Все мы должны подготовиться к встрече с Господом нашим – так потратим же на это последние отведенные нам часы!

– Вчера вечером вы, пастор, и вы, фон Хамборк, привели некие утверждения, бесспорно, неплохо аргументированные. Но я едва ли назвал бы их неоспоримыми, а с эмпирической точки зрения их тоже не назовешь убедительными, – и Томас дружелюбно улыбнулся, – как бы то ни было, но в мире уже случались холодные зимы, когда кто-то умирал. Однако к концу света это никогда еще не приводило. – Он махнул рукой. – Сейчас нет времени на диспуты, обсудим это завтра… или даже в понедельник. Я приведу аргументы, которые развеют все эти утверждения подобно ветру, рассеивающему облака пыли. Сейчас мы живы, и нам следует вести себя так, будто нам суждено еще целую жизнь прожить на этой прекрасной земле, – Томас поочередно посмотрел на каждого, – поэтому

спрашиваю вновь: кто из вас разговаривал с графом д’Анжели в среду или в четверг? Или, возможно, вы слышали, как с ним разговаривал кто-то другой?

Молчание. Никто не шелохнулся. Каждый старался отвести взгляд. Все – кроме одного. Пастор Якоб недоверчиво смотрел на Томаса Буберга.

– Мы слышали, что вы – профессор, – сказал пастор, – но не видели тому доказательств. Что дает вам право задавать подобные вопросы и обращаться с нами словно с малыми детьми?

– Я, – начал Томас, чуть задрав нос, – профессор философии при государственном университете Дании, судья Верховного суда города Копенгагена, столицы нашего королевства, а также заместитель генерального прокурора. Господин фон Хамборг ознакомлен с моими грамотами и может подтвердить мои слова. Если же у кого-либо остаются сомнения в его и моих словах, то Петтер сходит за документами, чтобы вы увидели их собственными глазами. – Он посмотрел на трактирщика, а тот согласно кивнул. – Сожалею, но пока вы будете вести себя как дети, я буду обращаться с вами соответственно. То есть пока вы не осознаете всю серьезность происходящего.

Ему никто не ответил. Никто не пожелал взглянуть на бумаги, подтверждающие право профессора проводить допрос. Томас нетерпеливо покачивался на каблуках. Я видел, что молчание раздражает его сильнее, чем слова, которые почему-то не пробудили его красноречия. Наконец он решился: порой, когда время поджимало, а положение казалось безвыходным, на помощь ему приходил громовой голос. Слова загремели так, что в тесной харчевне задрожали стены.

– В законе, принятом королем Дании Кристианом Пятым в тысяча шестьсот восемьдесят третьем году – книга шестая, статья шестая, параграф первый, – написано: “Убивший человека не из самозащиты обязан жизнью расплатиться за отнятую жизнь”. Суть закона ясна: убийца должен понести строжайшую кару. Этот закон принят единовластным королем Дании, посланником Господа на датской земле. Как смеете вы противиться Божьему помазаннику? Как смеете скрывать известное вам и как собираетесь потом смотреть в глаза Господним судьям? Из-за вашего молчания убийца сможет избежать наказания – если не Божьего, то королевского! – На минуту громовой голос Томаса умолк, и профессор вновь испытующе посмотрел в глаза каждому из присутствующих. – Говорите же, кому хоть что-нибудь известно!

Немного погодя плотник тихо кашлянул и сглотнул слюну, привлекая внимание Томаса.

– Да?

– По-моему, я знаю… кто это сделал… – Сказав это, плотник запнулся было, но затем собрался с силами и вновь заговорил: – В статье первой, девятом параграфе, написано: колдуна или колдунью, отрекшихся от Бога, святого крещения и христианской веры и перешедших в услужение дьяволу, следует живьем бросить в огонь и сжечь. – Плотник выпрямил спину, а уверенности в его голосе прибавилось. Он будто сам начал верить собственным словам.

Все остальные открыли рот от удивления. Плотник продолжал:

– А в двенадцатом параграфе написано: если кто-то занимается колдовством, произносит заклинания и… эхм… тому подобное, а также сведущ в колдовских ритуалах и… эхм…

Самоуверенности в его голосе поубавилось, и наш просвещенный плотник с мольбой посмотрел на Томаса. Однако тот, выпятив живот, лишь молча рассматривал плотника из-под полуприкрытых век. От Томаса Буберга помощи ждать явно не приходилось. Тогда плотник попытался сам вспомнить параграф закона:

– И… э-э… совершенствует и применяет их, то подобные люди обязаны покинуть королевские земли.

– Эти слова я знаю, – сказал священник, – так гласит закон.

– Не сомневаюсь, что вы, пастор Якоб, знаете их, – резко отозвался Томас, не сводя глаз с плотника, – так гласит закон – может, и не дословно, но почти. Вот только к чему плотник Густаф вспомнил их сейчас?

Священник нервно усмехнулся:

– Но она же… ведьма… Мы должны ее схватить. Она служит дьяволу и совершает колдовские ритуалы.

– Вон оно что! Когда и где? – Судя по голосу, Томас не склонен был верить тому, что услышит.

– Она пела и плясала на сеновале! И слова в ее песнях были такие, каких христиане и не слыхали! А пляски! Вы таких сроду не видали! Но самое мерзкое – это что рядом сидел дьявол! Он ухмылялся и подпевал. Ему, видать, нравилось.

– Когда это было? – перебил плотника Томас.

– Это было вчера… нет, в четве… то есть среду вечером! – запинаясь, выговорил наконец плотник.

– Еще она варила колдовское зелье, – с мстительной радостью заявила Мария, за что плотник наградил ее полным признательности взглядом. – А в котомке у нее много всяких ведьминых штучек. Я сама видела. И она даже давала мне кое-что, – Мария смущенно огляделась, – но я не знала, что это все колдовство и дьявольщина.

– Что именно дала тебе Бигги? – поинтересовался Томас.

– Она два раза поила меня какой-то зеленой жидкостью – терпкой и горьковатой на вкус.

– И зачем же она поила тебя этим?

– Она сказала, что… что это помогает… от боли во рту… – И девушка заслонила рот рукой, будто пытаясь скрыть что-то.

– Вот вам доказательство моих слов! – сказал хозяин, вставая со стула. – Эта женщина – ведьма. Она должна немедленно покинуть постоялый двор! Как только эта колдунья появилась здесь, жена моя ни дня не чувствовала себя здоровой. Сейчас заболел Альберт, а граф мертв. Нужно избавиться от нее, пока не произошло других несчастий.

– Стойте! – приказал Томас и, предостерегая, поднял руку, так что фон Хамборк испуганно отступил назад. – Снадобье, которое Бигги дала Марии, – всего лишь настойка кресс-салата. Она снимает зубную боль. Я видел вчера, как Мария принимает это снадобье – я и сам прописал бы именно его, если бы знал, что Марию мучает зубная боль. Это правда?

По-прежнему прикрываясь ладонью, Мария кивнула.

– И ничего удивительного нет в том, что она поет на незнакомом языке. Если бы плотник Густаф отправился в Италию и заговорил там на своем звучном ютландском наречии, то его тоже никто не понял бы. Тем не менее его вряд ли посчитали бы колдуном. Бигги родом с самого севера Норвегии, где говорят не так, как на родине Петтера. Вот и все объяснение. И если… – Томас с грозным видом шагнул к трактирщику, – я еще раз услышу, что вы, фон Хамборк, грозитесь выставить мою помощницу за дверь, потому что объявили ее ведьмой без должного судебного разбирательства, то я позабочусь о том, чтобы вы предстали перед судом за покушение на убийство этой несчастной женщины. – Он на минуту умолк, чтобы все осознали сказанное, а затем продолжил: – С позволения хозяина, – Томас взглянул на трактирщика, и тот испуганно кивнул, – я хотел бы в этой харчевне по очереди побеседовать с каждым из вас. С глазу на глаз. Всех остальных я просил бы разойтись по комнатам и там дожидаться своей очереди, пока Петтер не придет за вами и не проводит ко

мне, – он поднял палец, – не разговаривайте друг с другом о том, что собираетесь мне рассказать или уже рассказали. Помните: ваш собеседник может оказаться убийцей графа. – Он подошел к двери и открыл ее. – Попрошу удалиться всех, кроме Герты фон Хамборк. С вами, уважаемая госпожа фон Хамборк, я хотел бы побеседовать в первую очередь.

Глава 24

Томас выдвинул для трактирщицы стул возле длинного стола, так что она уселась спиной к двери и кухне. Она выпрямилась и с гордой неприступностью смотрела перед собой. Мы с Томасом сели напротив, а я вооружился бумагой, пером и чернилами, готовясь записать хотя бы некоторые ее слова, чтобы позже, подводя итоги беседы, освежить их в памяти. Томас сразу приступил к делу: – Граф д'Анжели впервые приехал сюда двадцать седьмого декабря. Однако человек, назвавшийся в этот раз графом д'Анжели, бывал на этом постоялом дворе и прежде – а именно в начале декабря. Если быть точным, то он останавливался здесь с седьмого по одиннадцатое, под именем Жюль Риго. Эти сведения мы обнаружили в гостевой книге. Почему вы не рассказали супругу о том, что граф и раньше здесь бывал?

Хозяйка слегка побледнела, однако даже не посмотрела на нас.

Томас тихо вздохнул и легонько похлопал ладонью по столешнице.

– Вы должны доверять мне, госпожа фон Хамборк. Мне не хотелось бы без нужды ставить кого-либо в неловкое положение. По-моему, вам известно нечто такое, что поможет мне разоблачить убийцу, поэтому прошу вас ответить на мои вопросы. Ведь вы тоже хотите, чтобы мы нашли преступника, правда?

На минуту глаза у нее забегали, но вскоре она уже вновь не отрываясь смотрела в одну точку на стене. Томас поморщился:

– Госпожа фон Хамборк, вы вынуждаете меня к излишней назойливости. Я надеялся, что мне не придется спрашивать, знакомо ли вам французское выражение “*tete-à-tete*”.

Первыми трактирщицу выдали руки – она нервно сжала пальцы, так что ногти побелели, а высокомерия в ней поубавилось. Чуть прикрыв глаза, Томас пристально смотрел на нее.

– Спрошу еще раз: почему вы не рассказали супругу о том, что граф уже останавливался здесь под другим именем?

– Я подумала, что это не имеет значения, – сухо проговорила она.

– Даже когда мы обнаружили его мертвое тело?

Трактирщица не ответила.

– Вы не удивились, когда он вернулся сюда и назвался по-другому?

Снова молчание. Наклонив голову, госпожа фон Хамборк разглядывала столешницу.

Томас решил подойти к теме с другой стороны:

– Когда Жюль Риго приехал сюда в первый раз, ваш супруг отлучился по делам в Хадерслев. Будучи здесь хозяйкой, вы наверняка… хм-м… беседовали с этим гостем, и рассказанное им может пролить свет на причину его смерти. Откуда он приехал? Куда направлялся? Что это был за человек? Такого рода сведения… – Томас на секунду умолк, а затем добавил: – Я не стану задавать щекотливые вопросы… или, лучше сказать, такие, которые могут поставить вас в неловкое положение. Если вы меня сами не вынудите.

Трактирщица подняла голову и посмотрела на Томаса. Она растянула губы в насмешливой высокомерной улыбке, но улыбка тут же превратилась в гримасу, а когда трактирщица заговорила, то едва не сорвалась в слезы:

– Значит, вы не хотите ставить меня в неловкое положение? А что вам известно про неловкость? Вы не… – Ее нижняя губа дрогнула, и хозяйка замолчала.

Томас ждал. Терпения ему было не занимать. Когда женщина вновь открыла рот, то я, к моему удивлению, понял, что крепость пала.

– Он приехал из Рибе и направлялся на восток, – ее голос звучал глухо и покорно, – возможно, в Шелланд, но он об этом старался не распространяться, – она прокашлялась и посмотрела на Томаса – неуверенно, будто ребенок, который не знает, накажут его или похвалят. Высокомерия больше и в помине не было. Томас одобрительно улыбнулся:

– И что ему понадобилось в Дании?

– Не знаю. Он как-то обмолвился, что приехал в Данию за богатством. И засмеялся. Но, возможно, это просто шутка…

– И как именно он хотел разбогатеть?

– Не знаю… Об этом он ничего не сказал. Я спросила, но он не ответил. Только засмеялся. И постучал себя по носу.

– Постучал себя по носу? – изумленно переспросил профессор.

– Да, вот так. – И, стукнув себя указательным пальцем по носу, трактирщица собиралась было что-то добавить, но промолчала. Однако Томас это так не оставил:

– Что?

На мгновение мне показалось, что она больше ничего не скажет, но женщина взглянула на Томаса и опять заговорила:

– Еще он… – к щекам трактирщицы прилила кровь, – когда он жил здесь, то вел себя довольно странно. Словно следил за новыми постояльцами. Сперва приглядывался к ним, а потом терял всякий интерес. Я спросила, что он ищет, он ответил: "*Man muss immer der Nase nach gehen*", постучал по носу и засмеялся.

– *Man muss immer der Nase nach gehen*! То есть "следуй за носом"?

– Да.

– И что он хотел этим сказать?

– Не знаю.

Томас задумчиво потер подбородок.

– А чем он еще занимался?

– Прошу прощения? – Трактирщица бросила на Томаса растерянный взгляд.

– Когда он не следил за другими постояльцами, как он проводил время?

Ее щеки вновь запылали, засверкали глаза – на этот раз покраснеть ее заставил гнев. Заметив это, Томас махнул рукой:

– Прошу прощения, я неверно выразился. Я хочу знать, как проходил его день. Гулял ли он по лесу? Или скакал верхом? А может, читал?

Гнев отступил, и ответ прозвучал спокойно:

– Каждое утро он катался верхом, но всегда возвращался до полудня, пока остальные еще спали. А остаток дня просиживал в харчевне.

Томаса вдруг осенило:

– А как именно он наблюдал за другими постояльцами? Разговаривал с ними? Подглядывал за ними с порога или из окна?

– Он следил из окна, – она показала на окно слева от входа, – внимательно, даже с какой-то детской радостью, а потом, увидев все, что хотел, забывал о них.

– Он разговаривал с другими постояльцами?

– Нет, он сказал, что ему нет дела ни до кого, кроме… – Она запнулась. Судя по виду, трактирщица готова была вырвать себе язык. Томас притворился, будто ничего не слышал.

– Он назвался Жюлем Риго – о чем вы подумали, когда… Да-да? Простите, я вас перебил.

Словно припомнив что-то, госпожа фон Хамборк открыла рот, но тут же закрыла и задумалась.

– Он представился… назвал свое имя… это было как-то странно…

– Это случилось в первый его приезд сюда? – перебил ее Томас.

– Да. Я спросила, как его зовут, и он ответил: "Жюль Риго, капит…" – но замолчал прямо на полуслове, вроде как даже рассердился и прикусил губу. "Простите?" – переспросила я, и тогда он пожал плечами, усмехнулся и повторил имя и звание.

– Хм… – Томас потянул губу и погрузился в раздумья, а затем спросил: – И что вы подумали, когда он явился сюда в прошлую среду и назвался другим именем?

Трактирщица долго молчала, разглядывая столешницу. Судя по недомолвкам, она познакомилась с этим капитаном Риго намного ближе, чем пристало трактирщице. Но как далеко зашли их отношения?..

Она наконец подняла голову, быстро взглянула на меня и обратилась к Томасу:

– Мы могли бы переговорить наедине?

Томас помедлил с ответом:

– Да, могли бы. Но… Поймите, я все равно обо всем расскажу Петтеру. Он мой секретарь, у него прекрасная память, и он помнит то, о чем я забываю, видит то, чего не замечаю я, поэтому ему лучше остаться. И конечно же, Петтер будет держать язык за зубами, как и я, – если только обстоятельства не потребуют рассказать что-то из поведанного вами.

Трактирщица поднялась, прошла на кухню, отыскала на полке над очагом ножницы для фитиля и вернулась в харчевню. Осторожно подрезав фитиль, она уселась на стул, выставив перед собой ножницы, будто миниатюрное оружие самообороны.

– Вчера вечером мой муж рассказал вам, как мы с ним оказались в этом месте. Однако он… кое-что утаил от вас. – Она вновь стиснула пальцы и принялась кусать губы, а взгляд ее будто заранее молил о сочувствии. – В тысяча шестьсот семьдесят шестом году Херберт свернул все дела на Датской бирже и вернулся в Гамбург, где должен был предоставить всю финансовую отчетность своему суровому батюшке. Однако причиной его банкротства стала не только война между Швецией и Данией. В столице Херберт… – Она запнулась и решила объяснить по-другому: – Херберт – не деловой человек. Он доверчивый, почти наивный, и считает, что словам следует верить до самого последнего дня. Херберт занимался торговлей лишь по настоянию отца. Если бы он мог выбирать, то предпочел бы денно и нощно учиться, читать книги и просиживать на лекциях. Он обожает книги, и… – она с отсутствующим видом выдернула из рукава нитку, – когда он жил в Копенгагене, то все больше времени проводил в этом вашем университете, – она кивнула профессору, – а не на бирже. Он познакомился с учеными и, как их называют, образованными и ставил общение с ними превыше работы, ради которой приехал туда. – Она глубоко вздохнула – так, что грудь ее заколыхалась, и, медленно выдохнув, продолжала: – Конечно же, отец Херберта догадался, почему дела у сына пошли скверно, однако сам Херберт оставался в неведении. Как он сказал вчера, до свадьбы нам обещали, что мы поселимся в Любеке, где Херберт станет во главе небольшого филиала. Но прямо на нашей свадьбе его отец поднялся и во всеуслышание заявил, что отрекается от Херберта и что мы с Хербертом завтра же должны уехать на отдаленный хутор в Ютландии. Тот хутор он подарил нам на свадьбу, чтобы мы больше никогда не показывались ему на глаза. Как вы, наверное, догадались, для Херберта это был удар. Его опозорили на глазах у всех гостей, и кто – его собственный отец! Семья отреклась от него, а будущее вдруг потеряло всякий смысл. Я старалась поддержать супруга, но, признаться честно, в первое время я тоже таила на него обиду, ведь он пожертвовал сытостью и

благополучием ради собственной блажи. – Трактирщица замолчала, глядя прямо перед собой и сжав руки, так что кончики пальцев побелели. Потом тяжело вздохнула и продолжила рассказ. – После этого Херберт изменился. Стал молчаливым и замкнутым, хотя прежде любил повеселиться, обожал праздники и песни. А теперь с головой ушел в книги, словно пытался спрятаться в них – вот так он мучился от стыда, – она взглянула на Томаса, – но не от стыда, вызванного словами отца, нет, даже и не думайте, – умолкнув, трактирщица опустила глаза, расцепила пальцы, согнула их и вновь разогнула, – хотя, возможно, и от этого тоже, – призналась она наконец и принялась задумчиво разглаживать ткань рукава. Разговор явно давался ей непросто. Я подумал, что Томас поможет ей, но тот лишь неподвижно сидел, с загадочным видом разглядывая трактирщицу.

– Мы… – начала было женщина, но запнулась, – с тех самых пор… – она вновь умолкла и начала заново, – когда Херберт жил в Копенгагене, то захаживал в такие места… куда обычно ходят мужчины. Ну, вы понимаете…

Томас молча кивнул.

– Тогда он без труда мог… ну, вы знаете… удовлетворить женщину… Но после свадьбы – или, скорее, после того, что там произошло, – сила покинула его. Он потерял мужскую силу… – в ее глазах блеснули слезы, голос дрогнул и затих.

Томас коротко приказал мне сбегать на кухню за вином. Когда я вернулся, профессор осторожно похлопывал ее по руке, но ничего не говорил. С жадностью набросившись на вино, трактирщица немного успокоилась и продолжила рассказ:

– За все эти годы мы ни разу… – выпалила она на одном дыхании, будто хотела побыстрее выговориться. Голос ее звучал все тише и тише, и последние слова заглушили вздохи – тяжелые и даже, казалось, болезненные. Лицо ее исказилось до неузнаваемости, словно за время этой беседы она на десять лет постарела. – В наши первые годы мы пытались… Много раз. Но безуспешно. А последние десять лет мы почти не притрагивались друг к дружке, – она покачала головой, словно отказываясь верить собственным словам, – я люблю своего мужа и обещала хранить ему верность, но… – Она уставилась в бокал с вином и умолкла.

– И тут на постоялом дворе появляется капитан Жюль Риго, – опять подсказал ей Томас.

Она растерянно посмотрела на профессора и расплакалась.

Сначала я заподозрил, что она хочет разжалобить нас, но потом решил, что если госпожа фон Хамборк и притворяется, то она – прекрасная актриса. Томас рассказывал как-то, что некоторые актеры могут ни с того ни с сего изобразить гнев или горе, умеют меняться за секунду. Но вряд ли подобное было под силу госпоже фон Хамборк.

Томас опять послал меня за вином для трактирщицы и попросил ее рассказать про Риго. Она взяла бокал и, маленькими глотками осушив его до дна, принялась рассказывать:

– Капитан… то есть граф… он с самого первого дня старался меня очаровать. Но это, конечно… – она вздохнула и, держа бокал за ножку, покачивала его, – время шло, он не находил себе места, а потом вдруг собрал вещи, расплатился с Марией и уехал. Ничего не сказав. – Госпожа фон Хамборк подняла глаза, но теперь во взгляде ее появилась решительность. – Мне было все равно. Я испытала облегчение. Ждала, когда Херберт вернется, и сожалела о том, что поддалась чарам капитана. Ведь хорошим человеком его не назовешь – самодовольный и хвастливый, он довольно невежливо вел себя с другими постояльцами, если вообще снисходил до разговора с ними.

– На каком языке он разговаривал?

– На немецком и французском. И немного по-датски – в основном сквернословил.

– Он ничего о себе не рассказывал?

– Нет, – ответ последовал незамедлительно, но, судя по ее лицу – удивленному и немного задумчивому, – она чего-то недоговаривала.

Мы ждали, и трактирщица это заметила.

– Хотя он как-то обмолвился, что хорошо знаком с готторпским герцогом. Мне показалось, что капитан служил у него. Поэтому, может, он приехал именно оттуда? Даже не знаю…

– Госпожа фон Хамборг, прошу вас, вспомните, что именно сказал граф! Гели возможно – дословно! – в голосе Томаса послышалось какое-то напряжение, так что мы с трактирщицей опять посмотрели на профессора.

– Он сказал… подождите-ка… – Хозяйка нервно зажмурилась и, сосредоточившись, произнесла деланным басом: – "я знаю герцога, он мне по нраву". И засмеялся. Но немного погодя еще кое-что сказал… Мол, у герцога длинные руки и он, капитан, вот-вот отрубит одну из них.

Томас наклонился вперед:

– Как-как он сказал?.. Что отрубит одну из длинных рук герцога?!

Она кивнула.

– И что он этим хотел сказать?

– Не знаю. Я спросила у него, но он внезапно замолчал и отстранился, словно понял, что сболтнул лишнего.

Услышав это, Томас задумался и отошел к окну. Я остался сидеть возле трактирщицы, которая опасливо взирала на тучную фигуру профессора.

Пока я рассматривал госпожу фон Хамборк, то вдруг понял: едва мы окажемся за воротами этого постоялого двора, я напрочь забуду, как выглядела трактирщица. Черты ее лица сами по себе были совсем невыразительными, но на людей она производила значительное впечатление. Похоже, именно на ней держался этот трактир и в семье заправляла тоже она, хотя об этом нелегко было догадаться. В этой женщине чувствовались властность и темперамент, чего по лицу и не скажешь… Волосы она собирала в тугой пучок на затылке, и поэтому морщины на лбу были почти незаметны. В ее карих глазах с серым отливом и на тонких губах лежал отпечаток какой-то горечи – это портило ее и заставляло поскорее отвести взгляд, а тонкий нос совсем терялся на длинном, вытянутом лице.

Томас вернулся к столу и уселся на свое место.

– Почему же во второй раз он назвался другим именем и присвоил графский титул? – спросил он.

– Не знаю. – Она было умолкла, но потом вдруг добавила: – Когда он вновь появился в дверях, я конечно же испугалась… Едва не онемела от страха… К счастью, он тактично притворился, будто мы с ним не знакомы… Словно он здесь впервые. Возможно… Ну да, возможно, именно поэтому он назвался другим именем, – чтобы Херберт ни о чем не догадался.

– Но зачем называть себя графом?

– Не знаю. – Она, видно, совсем отчаялась, а бесконечные вопросы профессора утомили ее. – Он и капитаном-то был высокомерным и хвастливым – может, ему просто захотелось почувствовать себя графом, – в голову ей пришла еще одна догадка, хотя, похоже, она сомневалась, – а возможно, он и был графом, просто скрыл это в свой первый приезд?

Но ответ на этот вопрос профессор уже знал, поэтому решил сменить тему:

– Вчера вечером вы намекнули, что в отношении вашего супруга граф вел себя…ну, скажем, заносчиво. В чем это выражалось?

– Я об этом сказала? – тихо, будто сама у себя, уточнила она. – Нет, не помню. Не знаю. Прошу меня простить.

– А как он обращался с вами?

– Сначала был вежливым, но потом сделался невыносимым. Заигрывал со мной и намекал на нечто непристойное – прямо в присутствии других. Даже когда рядом находился Херберт. Я старалась избегать встречи с ним и почти не выходила из комнаты.

Понимающе кивнув, Томас продолжал расспрашивать:

– Вам о чем-нибудь говорит имя фон Берхольц или фон Бергхольс?

Трактирщица посмотрела на Томаса с неподдельным удивлением:

– Нет, с чего бы?

– Вы уверены?

– Да, у меня прекрасная память на имена. – Она испуганно улыбнулась, а у Томаса уже готов был следующий вопрос:

– Где вы находились в тот момент, когда узнали от супруга, что он обнаружил в снегу тело одного из гостей?

– Я отдыхала в шезлонге в гостиной – в последнее время я неважно себя чувствую.

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова? У вас есть свидетели?

Сперва она непонимающе посмотрела на Томаса, но затем осознала смысл вопроса, и в глазах ее сверкнул гнев.

– Да как вы смеете?! Вы что же, профессор, действительно полагаете, что я могла убить мужчину, с которым меня связывали подобного рода отношения?! Вы недостаточно хорошо знаете меня, профессор!

– Верно, – спокойно согласился Томас, задумчиво рассматривая ее лицо, – недостаточно.

Он поднялся и, подойдя к камину, поворошил угли и подбросил дров. Вернувшись к столу, он встал позади ее стула, так что госпоже фон Хамборк пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него.

– А ваш супруг – он мог убить графа?

Она выглядела изумленной, однако ее реакция и новая волна гнева показались мне притворными.

– Вы… вы недостойный человек! Как вы можете…

Она поспешно вскочила, опрокинув стул, и быстро двинулась к выходу, вышла в коридор и с шумом захлопнула за собой дверь. Мы озадаченно смотрели на дверь, пока Томас не шевельнулся:

– Хм… инте… – Он умолк и взглянул на меня.

– …ресно, – договорил я за него, и мы рассмеялись.

– А ведь такой возможности она не исключает. – Поджав губы, Томас снова посмотрел на дверь и довольно кивнул. – Значит, мы разгадали еще одну загадку относительно личности нашего лжеграфа. А именно – почему он назвался разными именами.

– Как это? Неужели разгадали?

Томас с досадой взглянул на меня:

– Знаешь, Петтер, иногда можно подумать, что уши у тебя находятся на том месте, на котором ты сидишь. Трактирщица же практически выложила перед нами готовое объяснение. Она сказала, что когда граф явился сюда в первый раз и представился – то есть сказал: “Жюль Риго, капитан”, он прямо на полуслове запнулся, прикусил губу и рассердился. Задайся вопросом – почему, Петтер. Почему он повел себя таким образом?

Томас дожидался моего ответа. И почему же? Отчего мы вдруг умолкаем на полуслове? Потому что решаем умолчать о чем-то. Или, возможно, сомневаемся. Или хотим вспомнить что-то. Но ведь он-то назвал собственное имя – вряд ли его получится забыть!

Ну да, имя! Меня вдруг осенило.

– Назвав собственное имя, он ошибся! Ну конечно! Он должен был представиться графом, но в суматохе позабыл об этом!

Томас широко улыбнулся мне в ответ, и я радостно рассмеялся.

– И какие выводы мы можем сделать о капитане в графском обличье? – спросил Томас.

– Что для него подобный маскарад был непривычным.

– Верно. И в связи с этим мне сразу вспоминается дата на расписке – семнадцатое ноября. Допустим, что именно тогда он и должен был начать играть роль графа. Получается… дай подумать… что к моменту приезда сюда ему уже полагалось привыкнуть к своему новому облику. Но, возможно, за эти две недели ему не понадобилось прикидываться графом – может статься, он вспомнил об этом, лишь приехав на постоялый двор. Но в суматохе вспомнил не сразу. Непонятно только… – Прикрыв глаза, Томас потер переносицу. – Герцог. Похоже, этот герцог – хороший друг нашего южного соседа. Но вот длинные руки, которые надо обрубить… – Томас вопросительно посмотрел на меня. – Это, конечно, сказано образно, и, тем не менее, зачем отрубать руку своему приятелю?

Этот вопрос я оставил без ответа.

– Что толкает на предательство того, кого считаешь скорее другом?

– Не знаю. Женщина… Или деньги… – предположил я и понял, что знаю об этом не больше, чем куча навоза может знать об одеколоне.

– Деньги! – Профессор щелкнул пальцами. – А ведь ты прав: расписка! Возможно, в ней кроется разгадка. Графу платят за предательство герцога… – и тут улыбка на лице профессора сменилась гримасой досады, – вот только денег у него явно не было – достаточно посмотреть на его вещи. Нет, что-то здесь не сходится… – Он покачался на каблуках, а затем подтянул к себе стул и уселся. – Будь добр, приведи священника.

– Якоб Магнус Фриш, вы – пастор. В настоящее время прихода у вас нет, а направляетесь вы в Шелланд. Откуда вы приехали на этот постоялый двор?

– Как я уже говорил сегодня вечером, я ехал из Рибе, – бесстрастно проговорил священник.

– По какому делу вы ездили в Рибе?

– Я попросил перевести меня в приход ближе к королевской столице, где живет моя сестра, а в Рибе дожидался разрешения.

– Вы получили разрешение на перевод в приход Факсе Херред. – И, не дожидаясь подтверждения, профессор продолжал: – А где вы проживали до этого?

– Как я уже рассказывал профессору, у меня был приход в Хиндрупе, – в голосе священника зазвучало недовольство.

– Хиндруп находится возле самой границы с Готторпским княжеством, верно?

– Да.

– Вы когда-нибудь бывали в княжестве?

– Да.

– То есть проезжали через Фленсбург и бывали в Гольштейнских землях?

– Да, само собой разумеется.

– Часто? И по какому делу?

– Границы, воздвигнутые человеком, не остановят слово Господне! И если дети Его нуждаются в утешении и в помощи, то меня не остановить!

– А разве в княжестве нет других священников?

– Есть. Но и священники, и простой люд нуждаются в утешении и поддержке, пока они вновь не стали подданными датского короля.

Томас понимающе кивнул и внезапно переменил тему:

– Где вы находились в момент убийства графа?

Священник пристально посмотрел на Томаса – такой взгляд я и прежде замечал у него: глаза горели, словно он пытался прожечь тело собеседника и прочесть его мысли. Однако ни единый мускул не дрогнул на его суровом, изборожденном глубокими морщинами лице. И ответ прозвучал спокойно и сухо:

– Я сидел в харчевне, о чем профессору уже известно.

– Мне известно, что, когда мы с Петтером приехали сюда, вы действительно сидели в харчевне. А где вы находились до нашего приезда? Вы долго здесь сидели?

– Перед ужином я был в комнате – по обыкновению, возносил молитвы Господу, – ответил пастор.

– Значит, до ужина вы все время находились в комнате и никуда не выходили?

– Именно.

– Вообще никуда?

Священник прищурился, но промолчал.

Вздохнув, Томас махнул рукой:

– Простите, преподобный Якоб, мою назойливость и грубость, но задача действительно сложная и щекотливая, а с решением ее тянуть нельзя. Думаю, вы со мной согласитесь.

Немного успокоившись, пастор снизошел до легкого кивка:

– Соглашусь. И постараюсь вам, по возможности, помочь, но прежде меня еще никогда не подозревали в… – пастор испытующе посмотрел на меня, – в чем-то подобном.

– Почему вы покинули свой приход в Хиндрупе?

Лицо священника скривилось, будто от боли, и ответил он не сразу.

– Прошлой зимой моя супруга, Сигне, умерла. Изнуряющий недуг, унесший ее жизнь, истощил и мои силы. Я чувствовал, что в Хиндрупе покоя мне не будет, и решил поискать его в другом месте. Теперь я надеюсь обрести умиротворение рядом с сестрой – других родственников у меня не осталось, – в его голосе вдруг послышалась тоска по смерти, какая – как мне казалось – свойственна лишь старикам.

– У вас нет детей?

Резко вскинув голову, пастор с отчаянием посмотрел на Томаса:

– Не понимаю, каким образом это касается вас. Ваше дело – отыскать убийцу. При чем же здесь моя семья? – но он, похоже, понял, что вспылил, немного успокоился и проговорил: – Нет, профессор… Детей у меня… нет.

Томас решил больше не касаться этой деликатной темы.

– Вы разговаривали с графом?

– Нет.

– Вообще не разговаривали? Вы же прожили здесь бок о бок почти двое суток!

– Не разговаривал.

– За те два дня, что вы с графом пробыли здесь, не слышали ли вы, чтобы кто-то плохо отзывался о графе или угрожал ему?

– Нет, – ответ прозвучал быстро и решительно, однако, как мне показалось, пастор о чем-то умалчивал.

Томас тоже заметил, что священник чего-то недоговаривает.

– А сам граф, быть может, оскорбил кого-нибудь и дал, таким образом, повод для обиды?

Священник сухо рассмеялся:

– Тогда выходит, что повод был у всех, кроме меня. Видимо, людей Божьих граф почитал, поэтому меня не беспокоил.

– А как насчет всех остальных?

– Всех остальных он успел задеть… Да, в большей или меньшей степени.

– И хозяйку тоже?

– Неприкрытое желание женского естества, которое граф не скрывал даже в присутствии ее супруга, и едва завуалированные намеки на веселое времяпрепровождение, – если это можно считать оскорблением, то да.

– И никто не ответил графу? Никто не пытался остановить его?

– Графа? – Пастор насмешливо взглянул на Томаса. – Гели тебе дорога жизнь, то едва ли ты вступишь в перепалку с графом.

Я по-прежнему не мог избавиться от ощущения, что пастор рассказал далеко не всё. Томас наклонился вперед:

– Что произошло в четверг вечером? Граф с кем-нибудь поссорился?

– Не думаю… – Священник запнулся и уставился в столешницу. Я вдруг подумал, что он уже давненько не заглядывает в Библию – он даже не притрагивался к ней, хотя книга лежала совсем рядом. Пастор вновь заговорил: – Не думаю, что графа убил трактирщик. Но… я слышал, что они повздорили – незадолго до того, как графа обнаружили мертвым.

– Где они повздорили?

– На дворе, за трактиром, недалеко от того места, где позже нашли тело.

– А где в тот момент находились вы?

– Я направлялся в комнату, когда услышал крики. Тогда я приоткрыл заднюю дверь и выглянул. Напротив графа стоял трактирщик. Он сильно разозлился, – я и не ожидал, что у этого маленького человечка хватит смелости на подобное.

– Что именно он говорил?

– Я не все слышал, только обрывки фраз: “Исчезните навсегда” и “Подобного я не допущу в моем доме”. А потом я прикрыл дверь. Решил, что не имею права подслушивать…

– И что сделал граф?

– Его ответа я не разобрал – он говорил слишком тихо, но мне показалось, что он лишь посмеялся над трактирщиком и приказал ему замолчать, словно тот был невоспитанным ребенком.

– Кому вы отправили прошение о переводе в другой приход? Епископу Иерсину? – Томас вновь резко переменил тему, а я так и не понял почему. Возможно, ему просто захотелось напоследок поговорить об общих знакомых. Якоб Фриш с недоумением посмотрел на Томаса:

– Епископ Йерсин уже много лет как умер. Поэтому я обратился к епископу Хансу Нильсену Сёрбю, моему наставнику. Или, точнее, который был моим наставником.

– Вы знакомы с человеком по имени фон Бергхольц?

По лицу священника – как прежде по лицу госпожи фон Хамборк – пробежала тень недоумения.

– Нет, – ответил Якоб Фриш после короткого раздумья.

Когда священник прощался с нами, они с Томасом снова напоминали добрых друзей – казалось, оба напрочь забыли о ссоре, случившейся прошлым вечером.

За священником давно уже закрылась дверь, а Томас все еще сидел, погруженный в собственные мысли. Я подбросил в камин дров, приготовил кофе, чтобы взбодрить наши утомленные головы, и принялся ждать указания, кого пригласить следующим. Но профессор неподвижно сидел, откинувшись на спинку стула и опустив голову. Он молча рассматривал шероховатую поверхность столешницы.

Часы мелодично пробили восемь ударов – разглядывая их, я задумался, что эти удары могут означать. Голова налилась тяжестью, и я решил, что вскоре пора будет ложиться спать. За стеклянной дверцей часов виднелись два диска, по краям каждого из них были написаны цифры: на верхнем – от одного до двенадцати, на нижнем – от одного до шестидесяти. К самой середине дисков были прикреплены стрелки, указывающие на цифры, и я заметил, что стрелка нижнего диска медленно передвигается. Совсем недавно она указывала точно вверх, а теперь приблизилась к римской цифре "пять". Стрелка верхнего диска не двигалась – она так и замерла на числе "восемь". Я подумал, что стрелка, наверное, сломалась. Томас рассказывал, что часы – механизм сложный и чувствительный, а внутри у него всякие шестеренки и колесики.

– Да-да… – недовольно пробормотал он, выпрямляясь.

– Что-то не так?

– Хм… Не знаю… – Томас потер подбородок и с отсутствующим видом посмотрел на меня, – есть в нашем пасторе что-то странное. Он что-то такое сказал или сделал, вот только что – не помню. А может, просто не могу определить, что именно мне не нравится… Сначала я подумал, что он лишь притворяется священником, и расставил ему ловушку – помнишь, я спросил про епископа в Рибе. Но в ловушку он не попался. Видимо, он и правда священник. Все на то указывает… – Томас вздохнул. – Нет, придется еще поискать…

Я заметил, что князь Реджинальд поднял голову и в полумраке огляделся. Комнату освещают две восковые свечки – одна на столе, другая возле кровати, в подсвечнике. Их скудному свету не побороть тьмы бесснежного декабрьского вечера. Князь вдруг резко вскочил и подошел к кровати:

– Герцог Гольштейн-Готторпский…

– Сядьте! – раздраженно перебил его я.

Он замер, грузный, похожий на огромного тролля, а пламя свечи возле изголовья отбрасывало на грубое лицо князя зловещую тень. Такую грозную… Кивнув, он отвернулся, подтащил стул и уселся на него, так что теперь тень оказалась с другой стороны.

– Герцог Гольштейн-Готторпский, – повторил он, – это же он умер в довольно юном возрасте? Где-то в России?

– Да. То есть умер он в Польше, в битве под Клиссовом. Герцог примкнул к своему свекру Карлу Двенадцатому, когда тот пошел войной на польского короля, и погиб в тысяча семьсот втором году, спустя всего два-три года после событий, которые описаны в моей рукописи.

Князь Реджинальд наморщил лоб и глубоко задумался.

– Мой отец как-то раз встречал его, – проговорил вдруг он, – мы состоим в дальнем родстве.

Я кивнул. Вполне может статься. Все эти князья и короли приходятся друг другу родственниками. Для меня всегда была загадкой эта их странная детская обидчивость, когда они внезапно развязывали войну против собственного дяди, или свекра, или троюродного братца лишь потому, что считали, будто им отдавили их нежные ножки. Если бы каждая

семья вела себя подобным образом!.. Но князю Реджинальду такого говорить нельзя, он не поймет…

– Отец рассказывал, что этот герцог… Фредерик Кристиан – так его звали, верно?

– Да, – ответил я и пояснил: – Вообще-то его звали герцог Фредерик Четвертый, и это создает лишнюю путаницу, потому что Данией в то время правил наш дорогой король Фредерик Четвертый, так что лучше называть герцога Фредериком Кристианом.

– Помню, отец рассказывал, что нрав у герцога был вспыльчивый и вздорный. Однажды их обоих пригласили на какую-то свадьбу, где они едва не подрались. Герцог здорово разозлил папашу и хотел довести дело до дуэли, но отец невесты был человеком властным, и ему удалось их унять.

Реджинальд раздразнил мое любопытство: надо же, старый князь Вильгельм попал в заварушку!

– А из-за чего они повздорили? – спросил я. – Наверняка за этим кроется нечто серьезное. Ваш батюшка был не из тех, кто ищет повода для ссоры. Он всегда был человеком чести и не опускался до обычных склок. К тому же… – я взвесил каждое слово, – он не имел обыкновения поражать врагов напрямую.

Чуть улыбнувшись, князь Реджинальд кивнул. Он прекрасно понял, о чем я.

– За этим крылось кое-что серьезное, – ответил он, поднявшись со стула. Он подошел к столу, налил из кувшина вина, повернулся ко мне и поднял бокал, вопросительно посмотрев на меня. Я покачал головой. К чему лишний раз напрягать мочевой пузырь? Ненавижу просыпаться посреди ночи… Я посмотрел на Реджинальда – тот вновь опустился на стул, отхлебнул вина и поставил бокал на пол, подальше от собственных ног.

Неужели задумался?

Чушь! Буйный бычок, непослушное дитя, образованный задира… Описание герцога Готторпского вполне подходит и к самому князю Реджинальду…

Голос князя прервал мои размышления:

– Сто лет назад готторпский герцог основал в замке Готторп большую библиотеку. Я слышал, что со временем в этой библиотеке появилось более пятнадцати тысяч томов. Солидная библиотека, по-настоящему внушительная! – Он вытянул ноги под кроватью и коварно улыбнулся. – Вот только книги для нее добывали не всегда честным способом. Я могу понять, когда книги становятся военными трофеями и их привозят из дальних или на худой конец соседних стран. Но обычное воровство! Такое в среде людей благородных недопустимо! Так считал мой отец, и я с ним согласен, – нагнувшись, он поднял бокал и отхлебнул из него, – здесь, у нас в замке, хранится небольшая, но хорошо подобранная библиотека – об этом вам, учитель, известно, наверное, даже лучше, чем мне. Но когда-то книг в ней было больше. В тысяча шестьсот сорок восьмом году, по окончании долгого кровавого периода, когда германские княжества довоевались до нищеты, в наш замок приехал молодой граф, а с ним – двое солдат. Они оказались посланниками готторпского герцога и возвращались из Мулдорфа домой, на север, из Байерна, где вели переговоры с курфюрстом. В замке их, разумеется, встретили гостеприимно, а после ужина мой прапрадед пригласил графа-посланника в библиотеку. Молодой граф оказался человеком начитанным и почтительным и быстро снискал расположение прадеда, который показал юному аристократу свои любимые, наиболее ценные книги и несколько древних священных рукописей, в частности, гномы[18] древнегреческого философа Иоанна Стобея к труду *"Kore kosmu".* Вы, учитель, лучше знаете, о чем там написано – для меня греческий язык навсегда остался загадкой, – он усмехнулся и легонько похлопал себя по кудрявой голове, – еще там было так называемое *"Ioca monachomm"*, собрание монашеских шуток, и арабский травник с прекрасными красочными картинками – его привезли из Святой Земли. И все эти сокровища прадед показал готторпскому посланнику. На следующее утро готторпские послы еще до

рассвета покинули замок и к вечеру были уже далеко за пределами княжества, а когда прадед зашел в библиотеку, он обнаружил, что пять его любимых книг исчезли. Само собой, он тотчас же во главе отряда солдат отправился в погоню за ворами, но к тому времени те уже находились во владениях герцогских родственников. Впоследствии прадед, а затем и его сыновья отправляли герцогам письма с просьбами и требованиями вернуть украденные книги, но герцог и его потомки отрицали свою вину и утверждали, что и понятия не имеют, о каких книгах идет речь.

Князь Реджинальд выпрямился и потянулся, так что косточки затрещали.

– Именно кража этих книг и стала поводом для ссоры между моим любезным батюшкой Вильгельмом и герцогом Фредериком Кристианом, – завершил он, поднимаясь и направляясь к столу.

– Подождите, – остановил я его, – гномы *"Kore kosmu"* Стобея, о которых вы упомянули, и поныне хранятся здесь, в библиотеке замка. Я собственноручно снимал эту книгу с полки и читал ее. Получается, что их никто не крал…

Князь Реджинальд рассмеялся и обернулся:

– В тысяча семьсот двадцать первом году, когда стараниями датского короля Готторпское герцогство стало частью Датского королевства, батюшка получил письмо от датского сюзерена в Готторпе. Тот сообщал, что они обнаружили письма от моих прадедов с требованиями вернуть принадлежащие им книги. Они нашли также один из украденных томов – это оказались гномы к *"Kore kosmu"* – и пожелали вернуть книгу ее законному владельцу.

– Весьма благородно со стороны датского короля, – отозвался я, не поднимаясь с кровати. Заметив в моих словах насмешку, Реджинальд кивнул.

– Еще бы – в передаточном акте было прописано требование об оказании ответной услуги, вот только неясно, какой именно, а на услуги политического плана отец легко соглашался, – князь опустился на стул и наклонился к кровати, словно желая убедиться, что я не уснул, – почему герцог так ненавидел Датское королевство?

Я чуть откинул одеяло, чтобы оно не лезло в рот.

– Это долгая история, в подробности которой углубляться не стоит. Она началась со споров за господство над герцогствами Шлезвиг, Гольштейн и Готторп. На протяжении последних столетий датские короли постоянно нападали на эти герцогства, однако, как им того ни хотелось, у них никогда не получалось полностью завладеть ими. Когда к власти пришел герцог Фредерик Кристиан, старый король не спешил поздравить юного герцога, а герцог, в свою очередь, распускал про короля слухи и тайно боролся против него. С самого начала они напоминали кошку с собакой. В девяносто шестом и девяносто седьмом годах конфликт обострился: в то время герцог, чтобы подразнить короля, построил укрепления возле Тённингена – в частности, Сокерсканс и Холмерсканс. В мае девяносто седьмого король напал на эти укрепления и сровнял их с землей. К сожалению, правители Англии, Голландии и лунебургские князья вынудили датского короля отозвать войска с этих территорий. Им не хотелось, чтобы Дания приобрела чересчур большую власть в северонемецких землях.

– К сожалению? – удивленно переспросил Реджинальд, знавший, какое отвращение я питаю к войнам и военным действиям.

– Да, – ответил я, не вдаваясь в подробности. Когда речь идет о событиях случившихся, хода истории уже не изменить. В особенности старику, который зиму проводит, забившись под пуховое одеяло. Но если б только! Мечтать ведь не возбраняется…

Поднявшись, князь Реджинальд виновато проговорил:

– Понимаю, что мы отклонились от повествования, но я просто вспомнил ту старую ссору и хотел убедиться, что речь идет именно о том герцоге, которого знал батюшка.

Он пододвинул стул поближе к столу и вновь углубился в чтение.

Уклонились от темы? Я прикрыл глаза. Если бы Реджинальд только знал, насколько близко он подошел к самой сути дела!

Глава 25

Мария лежала на кушетке в нашей комнате, куда мы отправили ее, чтобы она из своей каморки не услышала, как мы беседуем со всеми остальными. Девушка листала одну из профессорских книг, рассматривая гравюры, изображающие скелет и черепа.

– Какой чертовщиной вы тут занимаетесь?! – спросила она, отрывая изумленный взгляд от жутких картинок.

– Там показано, как устроено человеческое тело, – объяснил я, – профессору важно это знать для врачевания.

Явно успокоенная таким объяснением, она спустилась вслед за мной по лестнице. Перед дверью в харчевню она дотронулась до моей руки и шепнула:

– Не забудь – в полночь в прачечной!

Я смущенно кивнул, но у меня достало сообразительности уточнить:

– Если мы к тому времени закончим. Если нет – приду позже.

Она понимающе кивнула, и мы зашли в харчевню.

– Мария, ты когда-нибудь разговаривала с графом? – начал Томас.

– Да, потому что в еде у графа имелись особые пристрастия.

– Вчера вечером госпожа фон Хамборк намекнула, что граф очень грубо обошелся с тобой и Бигги. Как это произошло? Что он сказал?

Мария непонимающе посмотрела на него:

– Бигги? Что это такое?

– Нищенка. Женщину, которая просидела несколько дней у вас на кухне, зовут Бигги. Это та, что дала тебе лекарство от зубной боли.

Услышав в голосе Томаса насмешливые нотки, Мария покраснела, но не смутилась – в ее глазах засверкали гнев и злость.

– Эта ведьма нас сглазила! Хозяйка мало того, что слегла, так еще и стала совсем несносной – прежде я такой ее никогда не видела! И стоило ведьме лишь появиться на пороге, как граф умер. Чего же дальше ждать? Священник грозится, что наступит конец света! И все это – оттого, что здесь объявилась эта ведьма!

– С таким же успехом ведьмой можно назвать тебя или меня, – попытался успокоить ее Томас, однако его слова лишь сильнее разозлили девушку.

– Профессор и меня считает ведьмой?! – прошипела она, брызгая слюной и сверкая глазами.

В ответ Томас Буберг улыбнулся и постарался успокоить ее:

– Да нет же. Я знаю, что ты – никакая не ведьма. И знаю я это потому, что ведьм просто-напросто не существует. Поэтому ни ты, ни Бигги не можете оказаться ведьмами.

– Вот уж не знаю… – пробормотала Мария, похоже, успокаиваясь. Томас пристально смотрел на нее.

– Где ты находилась в тот вечер, когда графа убили?

– Профессор что же, считает, что это я сотворила? – Она недоверчиво оглядела тучную фигуру профессора. Пытаясь смягчить свои вопросы, тот прямо-таки лучился спокойствием и доброжелательностью. Но, похоже, Марию ему провести не удалось.

– Нет, Мария, я так не думаю. Ты добрая девушка, а в одном я твердо уверен: убийца графа – человек злой, не только перед Богом, но и перед людьми. – Томас на секунду умолк,

чтобы до девушки дошел смысл его слов. – Я должен отыскать этого человека, пока он не совершил еще большее зло, и рассчитываю на твою помощь, Мария.

– Чем же я помогу, когда я ничего интересного не видела? – недовольно возразила девушка.

– Постарайся точнее отвечать на мои вопросы. Это мне поможет.

Мария немного помолчала, а потом кивнула, словно говоря – "ладно уж, спрашивай".

– Итак, Мария, где ты находилась в тот вечер, когда графа убили? – повторил Томас.

– На кухне, как обычно. Готовила ужин. Варила суп – вы, профессор, и ваш… – она взглянула на меня и робко улыбнулась, – …помощник его сами потом ели.

– Кто еще находился в этот момент в харчевне? И где была Бигги – сидела возле дровяного короба?

– Да, там она и сидела, – ответила Мария с неприкрытой неприязнью, – а еще в харчевне были плотник Густаф с пастором.

– Ты точно знаешь, что они там были, или это твое предположение? Подумай – это очень важно!

Девушка вытаращила глаза:

– Вы подозреваете кого-то из них?

Томас кашлянул, стараясь скрыть свое недовольство, и пояснил:

– Когда графа убили, здесь, на постоялом дворе, находилось семь человек. Альберт убить не мог, это нам известно наверняка, а если снять подозрение с тебя, Мария, то остается пятеро: Бигги, плотник, пастор и хозяин с хозяйкой. Один из них убийца – к сожалению, в этом сомневаться не приходится.

Мария задумалась и принялась беспокойно теребить рукав чересчур открытого платья.

– Думаю, Бигги весь вечер просидела у дровяного короба, – продолжал профессор, – ты постоянно находилась на кухне – можешь это подтвердить?

Глаза у девушки блеснули, она помолчала и призналась:

– Не то чтобы я совсем никуда не выходила… Я облилась водой и ходила переодеться. А пока меня не было, она могла отлучиться и вернуться на место.

– Тебя долго не было?

– Не знаю… я только переодевалась… – Она беспомощно посмотрела на часы – их непрерывное тиканье словно укоряло ее за то, что она так и не научилась определять время. А потом лицо у нее вдруг просветлело: – Это заняло как раз столько времени, сколько у профессора занимает выпить чашку кофе! Вот столько меня и не было!

Томас вновь кашлянул, но на этот раз стараясь скрыть улыбку. Он настолько отработал некоторые привычки, что по ним действительно можно было определять время.

– А священник с плотником все это время сидели здесь, в харчевне?

Она уже собиралась было ответить, как вдруг задумалась:

– Ну… даже и не знаю… Меня же тут не было, – робко призналась она, – может, и они тоже уходили… – девушка вдруг оживилась, – ну точно, пастор отлучался, и Густаф тоже, а потом они вернулись! Помню, как пастор прошел и уселся в угол, на свое обычное место, а Густаф сидел возле камина.

– А как граф вел себя по отношению к хозяйке?

Девушка хитро улыбнулась, но быстро прикрыла ладонью улыбку. Я вдруг подумал, что она чересчур часто прикрывает рот рукой, а разговаривая, вообще не отнимает ладони от лица. И улыбается так, что зубов не видно. Лишь красивые красные губы. Удивительно,

почему я этого раньше не заметил. Но улыбка у нее все равно красивая, этого не отнять… Когда она улыбается, на щеках у нее появляются очаровательные ямочки и еще…

Кто-то пнул меня по ноге, я очнулся и, виновато посмотрев на Томаса, приготовился записывать.

– Он вел себя…обходительно. Очень обходительно.

– И как на это отвечала хозяйка?

– Краснела и часто пряталась в комнате.

– А хозяин?

– Тоже краснел…

– И?..

– Ничего не делал. Когда хозяйка уходила, то хозяин лишь улыбался графу и говорил о чем-нибудь постороннем.

– Он никогда не сердился?

– Хозяин казался сердитым… или несчастным, но ничего не говорил. Наверное, не желал ссориться с графом. – Мария досадливо взглянула на Томаса. – Однажды граф погладил хозяина по голове и назвал… назвал его щеночком. Граф был нехорошим человеком. – В глазах у девушки блеснули вдруг слезы, и она быстро опустила голову. Я вспомнил кое-что, пришедшее мне на ум, когда мы обыскивали графскую комнату, и написал Томасу пару слов на листе бумаге, где записывал показания.

– Кажется, он и с Марией скверно обошелся, – сказал профессор, – что именно он сказал тебе?

Мария плотно сжала губы и враждебно посмотрела на Томаса. Больше говорить она не хотела.

Легонько стукнув Томаса по ноге, я пододвинул к нему листок бумаги. Мария молчала, погруженная в собственные мрачные размышления.

Бросив быстрый взгляд на бумагу, Томас кивнул и спросил:

– Когда ты в последний раз прибиралась в комнате графа?

Мария удивилась – подобного вопроса она не ожидала.

– Граф не разрешал мне у него убираться. Он в первый же вечер сказал хозяину, что не хочет, чтобы к нему в комнату заходили – будь то я или Альберт. А если понадобится прибраться, то он, мол, и сам справится.

– Граф, который сам прибирается! И что ты подумала?

– Я подумала… ничего особенного. Постояльцы здесь часто бывают странные. Гели бы профессор только знал… – Мария посмотрела на Томаса с надеждой, что расспросы закончились.

Томас кивнул мне.

Я собирался проводить Марию в комнату, но девушка сказала, что ей нужно в прачечную – до завтра нужно перестирать все белье, поэтому в прачечной она пробудет довольно долго. Сказав это, Мария многозначительно посмотрела на меня и исчезла в сумраке ночи. Я прикрыл за ней дверь.

Когда я вернулся в харчевню, профессор смотрел в окно, раскачиваясь из стороны в сторону и тихонько насвистывая. Я сказал, что пять подозреваемых – это лучше, чем шесть. Повернувшись ко мне, профессор смущенно потер подбородок.

– Петтер, я не говорил, что исключаю Марию из списка подозреваемых. Я сказал, что не думаю, будто она могла убить графа. А это не одно и то же.

Похоже, я не смог скрыть разочарования, потому что Томас подошел ко мне и уселся напротив.

– Нельзя исключать кого-либо из списка подозреваемых лишь потому, что этот человек нам нравится и нам кажется, будто он этого не совершал. Мы должны знать наверняка, – и он легонько похлопал меня, – важно мыслить рационально. Сам посуди: если бы мы шли на поводу у собственных чувств, как какая-нибудь кисейная барышня, то кого бы мы обвинили? Вероятнее всего, Альберта – по поводу конюха у меня сразу возникли сомнения, да и у тебя, насколько я знаю, тоже. Поэтому прости, но Мария пока останется в списке подозреваемых. Будем надеяться, что ненадолго. – Он отбарабанил по столешнице вальс и заулыбался. – А кстати, дорогой мой Петтер, разъясни-ка мне кое-что. Почему тебе захотелось, чтобы я задал Марии этот последний вопрос?

Я поделился с профессором своими наблюдениями: когда мы осматривали графскую комнату, там было довольно грязно – я даже стряхнул с кровати пепел. И поэтому решил спросить Марию…

– Что-о?! Ты стряхнул с кровати пепел?.. – Томас едва не подпрыгнул. – Почему же ты молчал?

Я почувствовал, как кровь прилила у меня к щекам, и пробормотал:

– Я думал… то есть я не думал… ну… что это важно. Я вообще тут же позабыл об этом… Простите!

– Много там было пепла? И как он выглядел?

– Выглядел?.. Это как?

– Это была мелкая зола, похожая на пыль? Или крупные хлопья? Серая или черная? Рассказывай все, что вспомнишь! – резко скомандовал Томас.

Я сосредоточился и вообразил себе комнату, кровать и покрывало на ней.

– По-моему, зола была мелкая и серая. И она как будто бы въелась в покрывало.

– Будто кто-то специально растер ее?

– Д-да… – неуверенно согласился я, – возможно, и так…

Помолчав, профессор поднялся и махнул мне рукой.

– Мы вели себя как бараны. Причем бараны слепые и глухие. Тот, кто побывал в графской комнате до нас, думал головой, а мы… Даже и сказать стыдно, каким местом думали мы! Принеси ключи от его комнаты, пора отправляться на поиски сокровищ! Сдается мне, скоро деньги, полученные по этой расписке, увидят свет божий!

Глава 26

В комнате все оставалось по-прежнему – все вещи лежали там, где мы их оставили. Я принес одежду графа и положил ее на кровать, а профессор опустился на колени и, заглянув в камин, вытащил из кармана раскладной ножик. Он поковырял ножиком пепел, но безрезультатно, однако, к моему удивлению, ничуть не расстроился. Затем быстро открыл дверцу в нижней части камина и, загадочно улыбнувшись, выдвинул поддон для золы. Поддон представлял собой ящик с тремя стенками, наполовину засыпанный золой, но с той стороны, где стенки не было, зола казалась плотно утрамбованной. Значит, там, поверх золы, что-то лежало!

С трудом нагнувшись, Томас заглянул в камин, из которого только что он вытащил поддон, а потом, довольно усмехнувшись, сунул туда левую руку и извлек какой-то квадратный сверток, серый от пепла.

Держась рукой за камин и не отрывая взгляда от свертка, он осторожно – словно в руках его оказались несметные богатства – поднялся. Я хотел было помочь ему, но

профессор даже не взглянул на меня. Сверток он положил на стол и развязал шнурок, стягивающий тонкую кожу.

– Тот, кто пробрался сюда до нас, положил свою находку на кровать, испачкав покрывало золой, которую ты потом стряхнул. Потом он – или, возможно, она – почему-то заторопился, спрятал сверток обратно в камин и, забыв о золе на покрывале, бросился запаковывать вещи. А затем сбежал отсюда.

Содержимое свертка было завернуто в несколько слоев кожи, и Томас, отложив в сторону шнурок, принялся разворачивать кожу. Наконец на столе появились небольшой ящичек из темного полированного дерева, маленькая круглая металлическая коробочка и два матерчатых кошелька.

– Деньги, – сказал Томас, показав на кошельки. С любопытством оглядев деревянный ящичек, он открыл замочек сбоку и удивленно присвистнул: в ящичке лежал крошечный пистолет, такой маленький, что мог бы поместиться у меня в ладони. – Ты только посмотри! Какая мастерская работа! – восхищенно воскликнул профессор, показав на латунные вставки, украшенные чеканкой и прекрасно подогнанные друг к дружке.

Пистолет действительно вызывал восхищение. Мне пришло в голову, что подобная красота свойственна ядовитым цветам…

Такое оружие легко спрятать – его можно держать в кармане или даже в рукаве. Пистолет поражал какой-то неприятной красотой. Пользоваться таким оружием – все равно, что вонзить нож в спину. Владелец его не из тех, кто захочет смотреть противнику в глаза. Это человек подлый и злой – так мне показалось, когда я разглядывал пистолет.

Еще в ящичке лежали пули и запчасти к пистолету.

Я взял металлическую коробочку и отвинтил крышку.

– Осторожно! – предостерег Томас, увидев ее содержимое. Он бережно взял у меня из рук коробочку и понюхал мелкий светло-серый порошок, а затем, вновь достав из кармана нож, сунул его кончик в порошок. Потом легонько постучал ножом о край коробочки, так что на лезвии осталось крохотное пятнышко размером не больше соляной крупинки. Послюнявив палец, он протер лезвие, слизал порошок, распробовал его на вкус и, отойдя в угол, долго сплевывал слюну.

– Мышьяк, – объяснил он, закрывая банку, – смертельный яд, настолько опасный, что очень малой дозы достаточно, чтобы убить человека.

Я взял оба кошелька и убедился, что Томас был прав, – там лежали деньги. Один кошелек оказался набит риксдалерами, а другой – иноземными монетами, золотыми марками. Мы пересчитали монеты – их было почти столько же, сколько указано в расписке: недоставало лишь пяти риксдалеров, и мы решили, что граф потратил их в последние недели своей жизни.

Погрузившись в размышления, Томас ходил от окна к двери, туда и обратно. Порой он останавливался у стола, злобно поглядывал на содержимое свертка и снова шагал по комнате. Чтобы не мешать ему, я уселся на кровать и принялся рассматривать графскую одежду: ночной колпак, довольно симпатичный халат, носки и рубахи с посеревшим от стирки воротом. Теперь, когда я знал, что наш граф на самом деле был капитаном, вещи его выглядели совсем иначе. Окутывавшая их прежде тайна рассеялась – сейчас мне уже не приходилось ломать голову, отчего аристократ путешествует с таким убогим гардеробом. И все же бедняком его не назовешь… Ради найденных нами денег любой крестьянин согласился бы отдать собственную ногу. Их хватило бы на целую жизнь, правда, все зависит от того, чего ты хочешь от этой самой жизни получить… Я вспомнил хозяина на хуторе в Хорттене – успех всей его торговли исчислялся всего лишь парой шиллингов, а если какой-нибудь путешественник кидал нам с Нильсом еще полшиллинга в благодарность за поездку, то мы несколько дней были на седьмом небе от счастья.

Конечно, у профессора денег водилось куда больше того, к чему я привык, но, даже прожив в его доме около полугода, сто пятьдесят риксдалеров казались мне суммой такой огромной, что у меня в голове не укладывалось.

К моей ладони прилипли песчинки, и я машинально стряхнул их с покрывала, но вдруг, словно обжегшись, отдернул руку. Я и так уже дал маху, не рассказав Томасу о золе на покрывале! Мне и в голову не пришло, что это важно! Укоры совести досаждали мне, как песчинки, налипшие на ладонь.

Я никак не мог отделаться от мысли, что мог еще что-то упустить из виду. Может, я "стряхнул" со своей памяти еще что-нибудь важное, просто не придав этому значения?

Схватив лежавшую ближе всего кожаную сумку с письменными принадлежностями, я вывалил их на постель и принялся разглядывать – каждый предмет по отдельности, но ничего нового не увидел, и никаких догадок у меня не появлялось.

Томас замер посреди комнаты и посмотрел на меня, но я лишь покачал головой и взял в руки французское письмо. Томас зашагал дальше.

Печать на письме была согнута, так что прочитать ее я не смог, – похоже, запечатывали письмо не настоящей печатью, а краем сломанной палки. Только вот кто это сделал?

Я развернул письмо, хотя знал, что все равно ничего не пойму, и уставился на загадочные завитушки. Строчки были ровные и написаны на порядочном расстоянии друг от дружки, а буквы выведены крупно и размашисто, в особенности заглавные *S.* Взгляд мой упал и на большую букву *B*, которая отчего-то показалась мне знакомой.

– Слушай! – отвлек меня голос Томаса, который остановился рядом. – Перед нами человек, который путешествует под вымышленным именем и прикрывается графским титулом. У него полно денег, которые он еще не успел потратить, а в придачу к деньгам он возит с собой смертельный яд и очень странное оружие. – Профессор поднял маленький пистолет. – Что мы можем сказать о таком человеке?

– Что доверять ему не стоит, – выпалил я.

Профессор изумленно воззрился на меня, а затем рассмеялся:

– Хе-хе. Это уж точно, хе-хе… Да, доверять ему не стоит, тут ты прав… Ха-ха!

Видя, что мой ответ рассмешил его, я обиделся. Если уж он спрашивает, то почему бы спокойно не выслушать ответ? Из нас двоих роль мудреца досталась не мне – я был рабочей лошадкой, подмастерьем, которому суждено восхищаться своим талантливым учителем и всячески восхвалять его…

– Прости. – Томас явно заметил мою недовольную физиономию. Он утер выступившие от смеха слезы. – Вообще-то не так уж и глупо, – он уселся рядом и провел руками по лицу, – прости, я, похоже, устал.

Мы немного посидели, молча глядя перед собой. Между нами словно выросла какая-то стена неловкости. Наконец Томас проговорил:

– Ладно, ты прав, доверять ему нельзя. Еще что?

Я вспомнил про меч, ножи, пистолеты и яд.

– Он похож на убийцу. Возил с собой не только оружие для самообороны или битвы, но и то, что вы нашли в камине… А это уже больше похоже на оружие, которым пользуются убийцы, когда враг вроде даже не подозревает…

– Молодец! – искренне похвалил Томас. – Иными словами, ты считаешь, что он собирался убить кого-то исподтишка. Я тоже пришел к этому выводу – просто хотел убедиться, что не преувеличиваю. Но если наши мнения совпадают…

Я воспрянул духом и сразу же простил профессору его смех.

– Погоди-ка… – Томас поднял руку, – трактирщица упоминала, как граф однажды сказал, что собирается отрубить “одну из длинных рук герцога”… Помнишь?

– Да.

– Возможно, он был наемным убийцей? Того, что мы нашли, хватит, чтобы убить целую деревню. Все указывает на то, что он выполнял приказ, и ему за это заплатили. Возможно, приказ состоял в том, чтобы отрубить “руку герцога”?

– Не понимаю, при чем тут рука… – признался я.

– Я и сам не понимаю.

Мы еще немного поразмышляли, но безрезультатно.

– Ладно, оставим это. Следующий вопрос: кого он собирался убить, – продолжал Томас, – и что, если предполагаемая жертва находится здесь, на постоялом дворе? И вдруг жертве удалось опередить графа? Если руководствоваться здравым смыслом, то это верный вывод. В чьей-то голове зародилось подозрение: возможно, этот человек заметил, что за ним следят, испугался, пробрался в комнату графа, отыскал оружие и понял, что подозрения оправдались, – Томас с досадой потянул себя за мочку уха и вздохнул, – но нельзя исключать и случайности. Возможно, графа убили совсем по другой причине. Этого исключать мы не можем, хотя я с радостью так бы и поступил, – он встал и собрал вещи со стола, – спустимся вниз и продолжим допрос. Теперь мы больше знаем.

Он обвязал сверток шнурком и положил на постель рядом с большим пистолетом и ножами. Я принялся убирать в сумку бумаги и писчие принадлежности, но увидел письмо и замер: что же такого удивительного в этом почерке? Нет, позже непременно посмотрю на него еще раз, – решил я и сунул письмо в карман.

Профессор задул свечку, мы вышли в коридор и заперли дверь.

Глава 27

– Кого вызовем первым – трактирщика или плотника? – спросил Томас, когда мы спускались вниз.

– Трактирщика, – ответил я не задумываясь. Видеть плотника мне не хотелось – он казался мне все более отвратительным.

– Тогда приведи его.

Трактирщик опустился на стул нерешительно и осторожно, словно непрошеный гость. Он пришел без парика, волосы его слиплись и растрепались.

Томас дружелюбно кивнул ему:

– В первую очередь я хотел бы поблагодарить вас, господин фон Хамборк, за то, что пошли нам навстречу. Вы обнаружили гостя убитым, и одно это оказалось для вас нелегким испытанием, поэтому сожалею, что вынужден вас вновь потревожить. Будем надеяться, что вскоре мы распутаем это дело.

Хозяин кивнул – он, похоже, немного успокоился, но лишь чуть-чуть.

– Сначала позвольте спросить: знакомо ли вам имя фон Бергхальц, или Бергхольц, или что-нибудь в этом роде?

Фон Хамборк не отрывал взгляда от столешницы, поэтому я не понял, действительно ли он услышал вопрос или же просто неподвижно сидел. Наконец он неуверенно покачал головой:

– Нет… кажется, нет…

– Но точно вы сказать не можете? – доброжелательно уточнил Томас.

– Нет, – хозяин быстро взглянул на нас, – по-моему, я это имя где-то слышал, но не уверен.

– А он мог у вас останавливаться?

– Я тоже сначала так подумал, но… А вы спрашивали мою супругу? У нее память на имена и лица намного лучше, чем у меня.

Томас сказал, что госпоже фон Хамборк это имя показалось незнакомым.

– Тогда даже не знаю…

– Возможно, вы встречали его в Хадерслеве? Или в других местах?

– Я редко куда-то езжу – в основном живу здесь. Мне здесь нравится. Брат часто зовет нас в Любек, но мне не хочется, нет… – он вновь помолчал, – нет, вряд ли я мог встретить его где-то еще.

– Значит, ваш брат живет в Любеке? Он часто пишет вам?

Трактирщик ответил не сразу – он, не отрываясь, смотрел в одну точку на столешнице, где-то рядом с моей рукой. Томас ждал.

– По-моему, – подал голос фон Хамборк, – по-моему, брат упоминал это имя. Кажется, он был нашим клиентом. Брат упоминал об этом в письме около года назад. Ну да, фон Бергхольц… Я почти уверен. Кажется, его полное имя – Вернер фон Бергхольц. Он держал довольно много денег в нашем банке, но за короткое время снял их и закрыл счет. Поэтому мой брат и написал об этом – золотой запас в банке практически иссяк, и отец очень сердился на брата за то, что тот потерял такого крупного клиента. – Трактирщик кивнул, обрадованный, что все-таки вспомнил. – Да, точно – Вернер фон Бергхольц.

– А вашему брату известно, зачем ему понадобились деньги? Почему ваш клиент снял вдруг такую сумму?

Пока Томас разговаривал с хозяином, меня вдруг осенило, и я вытащил из кармана написанное по-французски письмо графа д'Анжели.

– Нет. Во всяком случае, брат об этом не писал, – отозвался трактирщик, – хотя, возможно, сейчас ему уже известно и об этом, ведь прошло немало времени.

– Вы знакомы с герцогом Гольштейн-Готторпским?

Хозяин резко вскинул голову:

– Герцогом?

– Да, герцогом Фредериком Кристианом.

– Нет.

– Вы уверены?

Фон Хамборк как-то странно посмотрел на Томаса:

– Разумеется, уверен.

Профессор понял, что больше из трактирщика не вытянуть. Я развернул письмо и задумался: интересно, куда Томас подевал расписку?..

– Прежде вы намекнули, – продолжал профессор, – что не испытывали к графу д'Анжели особой симпатии. У вас на то имелись какие-то личные причины?

Не глядя на нас с Томасом, трактирщик покачал головой.

– Однако граф, кажется, повел себя… ну, скажем, неподобающим образом по отношению к вашей супруге и к вам?

Я опять сложил письмо – нет, с этим придется подождать.

Фон Хамборк поднял взгляд, полный горечи… или страха? Он раскрыл рот, но ни звука не издал, а затем кашлянул и тихо переспросил:

– Неподо… неподобающим образом?

Томас наклонился к нему:

– Вам неприятно говорить об этом, господин фон Хамборк? Понимаю. Но не тяните время и не притворяйтесь, будто забыли. Мы знаем, что вы помните, но мне хочется, чтобы вы сами рассказали об этом, – профессор опустился на стул, – окажите любезность!

Трактирщик встал и прошел на кухню, где налил стопку водки и залпом осушил ее, после чего вернулся к нам.

Сначала он долго откашливался, но затем наконец заговорил:

– Я… то есть граф… однажды, хотя нет, несколько раз… он действительно обошелся с моей супругой неподобающим образом. – Он взглянул на Томаса, будто ожидая, что тот поможет ему, задав какой-нибудь вопрос, однако вопроса не последовало. – Я… эхм… когда становилось совсем невыносимо, моя жена просто вставала и уходила. – Трактирщик осекся и вновь уставился в столешницу. Молчал он так долго, что Томас не выдержал:

– И что делали вы, господин фон Хамборк?

– Я? Я… совсем запутался… Такой знатный постоялец… и, – он скорбно посмотрел на профессора, – я ничего не делал.

Профессор немного помолчал, сосредоточенно рассматривая собственные руки.

– Вы удивительный человек, фон Хамборк. У вас множество достоинств – возможно, больше, нежели вы сами готовы признать. И думаю, что вы вряд ли ничего не делали, когда граф так непристойно обошелся с вашей супругой. Я прав?

Трактирщик съежился. Теперь его тело стало еще более тщедушным – если такое возможно, – а глаз он больше не поднимал.

– Вам все известно… Я должен был догадаться, что вам обо всем известно… – сказал он, обращаясь, скорее, к себе самому.

– Что именно мне известно? – уточнил Томас.

Фон Хамборк со вздохом посмотрел на профессора:

– В четверг вечером, незадолго до вашего появления, я подошел к графу на заднем дворе и вежливо попросил его не разговаривать с моей супругой подобным образом. Но он высмеял и меня, и… мою жену. Я рассердился и в сердцах накричал на этого негодяя… Подлец! – Вспомнив графа, трактирщик вновь распалился. Он наклонился к нам и прошипел: – Он был отвратительным человеком, мерзким – никто не станет оплакивать его смерть, – он перевел дух, – но… я не убивал его.

– Вы можете это доказать? – в лоб спросил его Томас.

От такого вопроса трактирщик опешил и, позабыв о гневе, растерянно воззрился на Томаса. Во взгляде его мелькнул ужас:

– Но… я не… признаю – я рассердился, но я не убивал его. Да и где мне было сладить с таким крепко сложенным, сильным воякой? Профессору же известно, что это Альберт оглушил графа! Вы же сами об этом говорили! – с испугом и почти ребяческим негодованием воскликнул фон Хамборк.

Томас доброжелательно кивнул:

– Да, говорил. Но графа убили позже, когда он лежал в снегу без сознания. Кто-то воткнул ему в грудь тонкий острый предмет. Я и об этом говорил – вы же помните? Такое под силу всякому, не важно, силен он или нет. Вы, ваша супруга…

– Герта никогда не… не убила бы человека! – Он даже подскочил, а в глазах его засверкал гнев. В этом щуплом теле скрывался удивительный темперамент, хотя трактирщик неплохо это скрывал.

– А вы? – не отступал Томас.

Трактирщик опустился на стул и посмотрел на свои сцепленные пальцы. Он еще несколько раз сцепил и расцепил их, а затем поднял голову:

– Наверное, я мог бы убить, если бы случай представился… Но возможности у меня не было.

– Неправда, – возразил Томас, – возможность была. Вспомните – ведь это вы обнаружили графа, но якобы подумали, что он еще жив. Возможно, вы знали, что он мертв, поэтому спокойно вошли в харчевню и сказали, что мы должны спасти его.

Похоже, трактирщику стало совсем не по себе. Он покрутил взлохмаченной головой и сказал:

– Это не я! – Он поднял взгляд и уже более уверенно заявил: – И не Герта!

– Тогда кто?

– Ведьма! – не раздумывая, выпалил фон Хамборк.

– Мы же решили, что на вашем постоялом дворе нет никаких ведьм.

– Это вы решили, профессор. А мы с пастором сегодня пришли к выводу, что эта женщина представляет собой угрозу для всех нас. Стоило ей появиться здесь, как моя жена захворала, погода… – в доказательство он махнул рукой в сторону темного окна, – стала поистине дьявольской. Да, и граф умер. Именно поэтому я хочу выгнать ее отсюда, подальше, на мороз. Если в друзьях у нее сам Сатана, то ничего с ней не станется…

– А если у нее нет таких друзей? – перебил Томас.

– Вы позволили этой отвратительной женщине остаться без моего разрешения! – зашипел вдруг трактирщик, а лицо его скривилось от ненависти. – Этой… этому существу здесь, среди христиан, не место! Убийство графа – ее рук дело! Возможно, она колдовством принудила кого-то зарезать его, а может, она сама его умертвила! Раскройте глаза – и вы сами это увидите! Но она и вам, профессор, заморочила голову… Посмотрите на ее черные глазищи и темные волосы – обычные люди и выглядят иначе. Все это – оттого, что она живет с Сатаной! – Фон Хамборк наклонился вперед. Взгляд его был полон ненависти, а рот превратился в узкую щель.

Молча выслушав эти нападки, Томас задумчиво забарабанил пальцами по столу. Его молчание, видимо, образумило трактирщика: тот немного пришел в себя, лицо у него разгладилось, и он откинулся на спинку стула. Внезапно Томас выпрямился:

– Мне нужно обсудить кое-что наедине с Петтером. Вас же, господин фон Хамборк, попрошу остаться здесь. – Профессор поднялся и направился на кухню, а я, сгорая от любопытства, поспешил следом. Там Томас схватил меня за плечи и, серьезно глядя в глаза, шепотом приказал мне бежать в конюшню и предупредить Бигги, чтобы та ни в коем случае никуда из конюшни не выходила одна – только в сопровождении одного из нас или Альберта, если тот уже достаточно окреп.

– Над ней нависла намного большая опасность, чем я предполагал, – прошептал он, бросив взгляд на трактирщика, – но тот съежился и не смотрел на нас.

Я кивнул и заметил вдруг, что сжимаю в руках написанное по-французски письмо. Я протянул письмо Томасу. Тот удивился и спросил:

– Зачем это мне?

– Расписка лежит сейчас у вас в кармане, верно?

Томас кивнул.

– Возможно ли, что это поддельное письмо и расписку написал один и тот же человек? Мне показалось, что некоторые буквы немного похожи…

– Я сравню их, – сказал Томас, – и если окажется, что они написаны одним и тем же человеком, – он широко улыбнулся, – то ты гений.

Одеваясь, я услышал, как Томас проговорил:

– Господин фон Хамборк, я кое-чего не понимаю. Эта женщина, Бигги, – та самая, кого вы так упорно называете ведьмой – почему вы обвиняете ее в поступках, которые, по вашему собственному утверждению, свидетельствуют о наступлении Судного дня? А Страшный суд – дело рук Божьих, верно? Вы же полагаете, что Бигги заодно с Сатаной. Тогда получается, что она не только колдунья, но и ангел, а подобное невозможно.

Когда я выходил из харчевни, трактирщик молчал. "Интересно, – подумал я, – в каком состоянии я обнаружу трактирщика, когда вернусь?.. Ведь фон Хамборк так довел Томаса, что тот готов морально растоптать его. Не удивлюсь, если он будет валяться у профессора в ногах, хныкать и молить о пощаде…" Когда я открыл заднюю дверь, на лестнице в коридоре вдруг возник чей-то темный силуэт, человек затем развернулся и двинулся в обратном направлении. Мне показалось, что я узнал костлявую фигуру священника, но точно не смог определить. Где-то открылась и захлопнулась дверь, а потом опять воцарилась тишина. Я остановился в задумчивости, не зная, стоит ли мне сразу же рассказать об этом профессору, но решил подождать. Ведь мне нужно было только сбегать в конюшню…

Глава 28

От жгучего мороза у меня перехватило дыхание. Тот вечер выдался самым холодным – обжигая горло, ледяной воздух пробирался внутрь, в грудь. Я плотнее запахнул плащ и поднял воротник. В густом морозном тумане тусклого света фонаря едва хватало, чтобы осветить тропинку, а вокруг со всех сторон давила черная глухая тьма. Сквозь одежду, казалось, проникали тысячи живых иголочек, от уколов которых я дрожал так, что чуть не выронил фонарь. Я осторожно пробирался по прорытой в гигантских сугробах тропинке, как вдруг чуть не ударился головой о стену: оказывается, я перепутал тропки и вместо конюшни вышел к каретному сараю. Вдоль стены я дошел до угла, отыскал нужную мне дорожку и вскоре уже стоял перед воротами в конюшню. Внезапно до меня донеслись странные мелодичные звуки, я тихонько приоткрыл дверь и, проскользнув внутрь, затворил ее.

По сравнению с уличным холодом внутри было почти тепло. Я неслышно вздохнул – в нос мне ударил приятный запах лошадиных тел, смешанный с каким-то другим, резковатым запахом. Порог, возле которого я стоял, окутывала тьма, но на лежанку Альберта падал луч света, какой бывает от звезд в ночном небе. Толком я ничего разглядеть не мог – мой взгляд наталкивался на лошадей и стойла, однако я догадался, что эти звуки издает Бигги. Лошади не тревожились – похоже, эта удивительная прерывистая мелодия ничуть не волнует их, они спокойно жевали сено или дремали. В конюшне царил покой. Я слышал ровные удары, будто кто-то ритмично стучал по деревяшке, как вдруг пение зазвучало громче и стало похоже на завывание ветра.

Я прошел меж стойлами, стараясь разглядеть, что там происходит. На скамеечке возле печки стояла заправленная рыбьим жиром коптилка – именно она издавала тот резкий запах. На полу, перед деревянным блюдом, опустившись на колени, стояла Бигги. Глаза у нее были прикрыты. В руках она сжимала деревянные чурочки и, казалось, сосредоточенно прислушивалась. Время от времени она ударяла деревяшки друг о друга, не прерывая своего загадочного пения. Эти звуки напоминали и птичий щебет, и мышиный писк, и собачий лай, и вой волка. Альберт сидел на лежанке, откинувшись к стене, – он был всецело поглощен разворачивающимся перед ним действом. Внезапно пение оборвалось. Поднявшись и прислушиваясь, Бигги медленно, переваливаясь, словно медведь, направилась ко мне. Глаз она не открывала, но вертела головой и будто принюхивалась, а с губ ее срывалось тихое недоуменное ворчание. Я хотел было отскочить назад, но у меня словно парализовало ноги. Женщина медленно приближалась – и вот ее крепко сбитое тело оказалось уже совсем рядом! Она поводила вокруг меня руками, похожими на медвежьи лапы, и подтолкнула меня поближе к коптилке. Заметив, как я ковыляю между стойлами, Альберт чуть подвинул коптилку, а лицо его озарила какая-то странная улыбка. Когда я приблизился к лежанке, Бигги положила руки мне на плечи и усадила возле Альберта, а сама вновь опустилась на

колени перед блюдом. Она открыла рот, и конюшню опять наполнили удивительные слова и надрывные звуки. К деревяшкам она больше не притронулась – вместо этого в руках у нее оказалось полено и что-то вроде обтянутой кожей миски с вырезанной на донце ручкой. Она начала быстро стучать поленом по миске, которая, как я понял, была некой разновидностью барабана или бубна. Сердце мое бешено заколотилось в такт ударам. Я испугался, ни на секунду не усомнившись, что стал невольным участником колдовского ритуала и что вскоре сюда явится сам дьявол, привлеченный барабанной дробью. Неужели Альберт этого не понимает?! Я посмотрел на него, но с таким же успехом он мог находиться на Луне: ведьмины чары совсем одурманили его, а в глазах появился лихорадочный блеск. Словно окаменев, я был не в силах пошевелиться, а когда открыл рот, не смог издать ни звука. Ведьма околдовала меня! В отчаянии я подумал: "А как поступил бы Томас, окажись он на моем месте?" Профессор частенько повторял, что мыслить следует "рационально", но хотя это слово и было у меня на слуху, я вряд ли понимал его значение. Я попытался рассуждать здраво: ее колдовству подчинилось лишь мое тело, но не рассудок. Нельзя терять присутствия духа, и нужно молить Господа о спасении! Всевышний должен избавить меня от всего этого! Должен уберечь мою душу и разум от Князя Тьмы! Вновь и вновь повторял я про себя имя Всевышнего – сначала отчаянно, будто выкрикивая его, но мало-помалу успокоился, взял себя в руки, и дыхание мое постепенно восстановилось.

Спустя некоторое время я почувствовал, как оцепенение отступает. Имени Господа, мысли о Нем оказалось достаточно, чтобы развеять ужас. Тело мое налилось радостным теплом: Всевышний навечно останется неотделимой частью меня! Я – дитя Божье, даже если прямо на моих глазах прославляют Дьявола! Я свободен!

"Будь любопытным!" – говорил Томас.

И я стал следить за колдовским ритуалом, запоминая подробности происходящего, чтобы потом записать все это и научиться противостоять дьяволу и ведьме – его служанке.

Отыскав себе занятие, я расслабился, внимательно наблюдал за Бигги и рассматривал ее колдовские атрибуты.

На плоском блюде лежали камешки, небольшая кость и кусочки дерева, один кусочек был подожжен и напоминал маленький красный глаз. От него поднималась тоненькая струйка дыма, наполнявшего конюшню запахом можжевельника. Еще я разглядел там несколько перьев, ракушку с налитой в нее водой и металлическое кольцо. Бубен, в который ударяла Бигги, был украшен резьбой, а на обтягивающей его коже виднелись удивительные фигурки и знаки, но Бигги размахивала руками, и рассмотреть фигурки мне не удалось.

Внезапно пение и удары стихли. Бигги замерла и надолго умолкла. У меня перехватило дыхание, и с Альбертом, похоже, происходило то же самое. Наконец Бигги открыла глаза, положила бубен на пол, взяла с блюда кольцо и выпустила его из рук, так что кольцо упало на бубен. Затем женщина издала странный горловой звук и снова запела, ударяя в бубен поленом, – но на этот раз медленнее. Она ударяла по самому центру бубна – туда, где был нарисован квадрат на длинной палке. По трем сторонам от квадрата виднелись фигурки человечков с раскинутыми в стороны волосатыми руками, похожими на еловые ветки. От ударов кольцо на бубне подпрыгивало, и бубен отзывался резким звоном. Этот звон, казалось, проникал мне прямо в голову, отчего мои мысли бросились врассыпную, словно разлетелись на тысячи бесполезных осколков, – и тут на меня нашло паническое оцепенение. Но немного погодя испуг отступил, и я принялся машинально подмечать все, что происходило передо мной. Кольцо подпрыгивало в самом центре шаманского бубна, а Бигги, не переставая бить в него, перешла на речитатив. Словно услышав эти новые звуки, кольцо сдвинулось вправо, к нарисованному полукругу с черточками и темными окружностями. Время от времени Бигги понижала голос – тогда слова звучали быстрее, а кольцо начинало выпрыгивать из круга.

Наконец звон бубна стих, Бигги умолкла и замерла. Затем она взяла кольцо и положила его на ладонь, немного посмотрела, как оно поблескивает в тусклом свете коптилки, и перевернула ладонь, так что кольцо опять упало на бубен. Она вновь, как и прежде, запела и начала бить в бубен, и кольцо – совсем как раньше – сдвинулось к центру круга и запрыгало. Что-то чарующее слышалось в позвякивании бубна, а вид подпрыгивающего кольца совсем заворожил меня, околдовал и отдалил от Господа.

Отдалил от Господа! Мысль эта прорвалась сквозь шум и ввергла меня в пучину отчаяния.

Я лихорадочно забормотал про себя слова апостольского Символа Веры:

– Верую в Тебя, Господь Всемогущий, Создатель неба и земли…

Я вновь и вновь повторял эти строки, пытаясь заглушить бренчание бубна и звон подпрыгивающего кольца, я почти сложил из них собственную песню, но продолжал зорко следить за ведьмой, стараясь не упустить из виду ни единого ее движения.

Внезапно ее голос смолк, и я облегченно вздохнул, чувствуя бешеные удары собственного сердца, которое, казалось, хотело пробиться наружу. Не зная, что еще мне предстоит испытать, я на всякий случай продолжал повторять про себя молитву. Бигги положила кольцо на блюдо, взяла зажженную лучину, подула на нее и помахала ею из стороны в сторону, так что запах можжевельника усилился, а затем отложила лучину в сторону. Она несколько раз стукнула деревянными чурочками, поворачиваясь к четырем сторонам света и прислушиваясь, будто ждала ответа, и приговаривая что-то на своем странном резком языке. И вновь затихла.

Она долго сидела, отвернувшись, и молчала, но потом наконец повернулась и спокойно посмотрела на меня. В ее взгляде не было ни жалости, ни сомнения, ни ликования.

Я смотрел ей в глаза, а в голове у меня звучала молитва, однако вскоре мне пришлось отвести глаза, не выдержав силы ее взгляда. Молитва смолкла, и ко мне вернулся страх. Очевидно, заметив это, Бигги покачала головой и робко улыбнулась:

– Мне не хотелось тебя пугать, Петтер. Я заметила, как ты вошел, и просто хотела, чтобы ты сел поближе к огню – ты, похоже, совсем закоченел.

Я посмотрел на бубен, блюдо, обточенные чурочки… Альберт вновь подрезал фитиль в коптилке, и пламя разгорелось ярче. И тут я вдруг вспомнил, зачем пришел.

– То… – я откашлялся, – Томас велел предупредить, чтобы ты никуда не выходила одна – только вместе с Альбертом, когда он поправится, или с нами. Иначе можешь попасть в беду.

– Вон оно что… Это в какую же? – деланно удивилась она.

– Все остальные здесь… они думают… ну… что ты ведьма…

– Ты и сам, похоже, так думаешь, – сказала она как нечто, само собой разумеющееся, ничуть не обвиняя меня. Я покраснел. – А Томас, значит, считает, что они могут обидеть меня?

Я молча кивнул. Бигги посмотрела на Альберта, и тот уверенно произнес:

– Никто ее и пальцем не тронет – я об этом позабочусь.

Я взглянул на его сцепленные пальцы и подумал, что он запросто может забить гвоздь голыми руками. Похоже, он пошел на поправку – тело его вновь налилось силой, а лихорадочный блеск в глазах исчез.

Взяв меня за руку, Бигги осторожно потянула меня к выходу.

– Возвращайся к Томасу и скажи, что со мной ничего не случится. Пока Альберт рядом, я в безопасности, – она опять сделалась серьезной, взяла с блюда кольцо и положила его на

ладонь, – но кто-то еще в опасности. Передай Томасу, чтобы пришел сюда сегодня вечером. Если сможет. Я должна рассказать ему кое-что важное.

Альберт слез с лежанки и проводил меня до двери.

– Я подопру дверь изнутри, – сказал он, – когда придете, постучитесь в окно и подайте знак – махните фонарем из стороны в сторону.

Он выпустил меня на улицу и запер дверь.

Глава 29

Натягивая на уши шапку, я услышал, как Альберт подпирает изнутри дверь. Дул ветер. Он разогнал туман, и теперь меж летящих по небу облаков видны были звезды. Я обрадовался, что тумана больше нет, – теперь хотя бы видно тропинку, но было по-прежнему ужасно холодно, мороз пробирал насквозь, от холода стучали зубы. Обогнув каретный сарай, я плотнее запахнул плащ и заметил слабый отсвет в окне прачечной. Мария… Она сейчас там, стирает белье… Думая о ее теле и теплой прачечной, я совершил над собой усилие, вспомнил о Томасе и повернул к трактиру.

В лицо мне ударил ветер, я зажмурился и так добрался до задней двери трактира с подветренной стороны, подняв голову лишь у самого крыльца. Возможно, тот, кто направлялся к двери с противоположной стороны, сделал то же самое, во всяком случае, я заметил вдруг темную фигуру, которая резко развернулась и бросилась назад, в сторону хлева. Человек взмахнул фонарем и скрылся за углом. На плече у него лежало что-то наподобие толстой трости. Я бросился следом и крикнул:

– Эй, подожди! – Но беглец уже скрылся. И если он пошел по тропинке, то сможет прийти лишь в одно место…

Дверь в хлев была закрыта, но когда я вошел внутрь, то заметил, что животные взволнованы, а значит, что-то растревожило их. Они волновались, переступали с ноги на ногу, одна из коров даже замычала. Куры в курятнике отчаянно махали крыльями, но вскоре успокоились. Я медленно зашагал по проходу, останавливаясь, заглядывая в каждое стойло, прислушиваясь и крепко держа перед собой фонарь, чтобы опередить того, кто может броситься на меня из темноты. Меня обуял страх. Я в одиночку погнался за убийцей – крепким взрослым мужчиной! Какой же я дурак! Но я чувствовал, что отступать было некуда: я усомнился в Боге и теперь должен искупить вину перед Ним.

“Если я переживу это, значит, Всевышний простил меня”, – решил я.

В последнем стойле я обнаружил лишь двух телят, смотревших на меня большими влажными глазами. В хлеву никого не оказалось.

Дойдя до двери сеновала, я осторожно толкнул ее. Под сеновал была отведена часть хлева, в которой я прежде не бывал. В нос мне ударил сильный аромат сена, а глаза наткнулись на угрожающую темноту. Я остановился на пороге. Сердце мое бешено колотилось, дыхание сперло, и я заколебался. Голос разума говорил мне, что пора прекратить преследование, – у беглеца все преимущества, и я вдруг осознал, что у меня нет никаких оснований преследовать его. Честно говоря, заходить по вечерам в хлев или на сеновал не запрещается, и даже если бежишь так, будто тебе есть что скрывать, то, возможно, это просто игра воображения…

Я прикрыл дверь, вышел из хлева и направился к трактиру.

Зайдя в харчевню, я оставил дверь в коридор открытой и поймал на себе недовольный взгляд Томаса. Похоже, профессор сердился, оттого что меня так долго не было. Слишком долго. Трактирщик сидел, сгорбившись и повернувшись ко мне спиной, усталый и измученный.

Я кивнул в сторону кухни, но Томас что-то тихо сказал фон Хамборку – тот встал и, не глядя на меня, пошел к двери. Томас подозвал меня к столу, я подошел и сел. Мы оба

смотрели на дверь, и я рассказал о Бигги и о том, что видел на конюшне, стараясь, чтобы слова звучали спокойно, пытаясь скрыть мой собственный страх. Профессор выслушал рассказ не перебивая, а когда я закончил, спросил:

– Она не объяснила, зачем проделывала все это с бубном и кольцом?

Я покачал головой.

– Нет, она выставила меня за дверь безо всяких извинений, но… – Я задумался. Томас терпеливо выжидал. – Она будто не считала это… колдовством… вела себя так, словно не должна оправдываться… словно совершала нечто естественное, нечто такое, чего не требуется объяснять.

Под тяжестью профессорского взгляда я опустил голову.

– Ты подумал, что она колдует?

– Вы бы только видели… и слышали… – отвечал я, – она издавала такие странные звуки! Била в бубен и стучала деревянными чурками! А на блюде у нее столько всего странного лежало! Она меня не видела, но знала, что я там, подошла ко мне, прямо как медведь, и потащила за собой. Откуда она узнала, что я пришел? Я же стоял там совсем тихо!

– Она не сказала, кто из нас в опасности?

– Нет, она сказала лишь, что хочет поговорить с вами.

Томас умолк и задумался, явно встревоженный моим рассказом. Затем он сердито махнул рукой в сторону двери, видимо, недовольный тем, что я не прикрыл ее, но в этот самый момент входная дверь открылась и на пороге появился плотник Густаф – он направился к лестнице. Увидев открытую дверь в харчевню и заметив, что мы смотрим на него, он замер с таким потешным видом, что я едва не рассмеялся, а в животе у меня приятно потеплело.

Поднявшись, Томас довольно хлопнул меня по спине и пошел к двери.

– Прекрасно, что смогли уделить нам время, – насмешливо сказал он и махнул рукой, приглашая плотника за стол, – мы как раз вас ждали. Окажите любезность – проходите, присаживайтесь.

Плотник ненадолго остановился возле камина, пытаясь согреться, а затем с явной неохотой уселся за стол.

– Где вы были? – спросил Томас.

Плотник сердито посмотрел на профессора:

– Что за черт! Неужели каждый раз, когда идешь куда-то, надо спрашивать профессорского разрешения? Я что, сопляк какой-нибудь?

Ничего не ответив, Томас быстро посмотрел на меня, и я понял, что настал мой черед задавать вопросы.

– Что ты делал на сеновале посреди ночи?

Ответа не последовало. Плотник даже взглядом меня не удостоил.

– Почему ты убежал, едва завидев меня? И что такое ты нес на плече?

Он наконец посмотрел на меня и прищурился. Мне стало не по себе. Глаза у него были красными и злобными. Он не ответил.

Томас вновь заговорил:

– Густаф Тённесен, у меня складывается впечатление, что вы не осознаете всей серьезности происходящего. Здесь, на постоялом дворе, совершено убийство, и я возложил на себя ответственность за поимку убийцы. На данный момент вы отказываетесь отвечать на вопросы и тем самым подводите себя под подозрение. К вам у меня имеется множество вопросов, однако, если вы не станете на них отвечать, мне придется попросить Альберта, чтобы тот запер вас на ночь в каком-нибудь надежном месте.

Мне вдруг подумалось, что никогда прежде столешницу не удостаивали такого пристального внимания. Плотник поднял голову и кивнул профессору:

– Ладно уж, вы спрашивайте, а вот мальчишка пусть помалкивает. – И он многозначительно мотнул головой в мою сторону, однако на меня так и не посмотрел.

Меня охватила ярость, и у меня руки зачесались расквасить ему физиономию. Томас похлопал меня под столом по колену.

– Никаких мальчишек… – начал он, – я здесь не вижу. Но зато передо мной взрослый мужчина, который ведет себя как мальчишка, и сидит он на вашем стуле, Тённесен. И кстати, почему ты называешь себя плотником? – Томас вдруг резко покончил с вежливым обращением.

– Потому что я и есть плотник, – буркнул Густаф.

– Ты такой же плотник, как я. А может, даже и похуже, – сухо парировал Томас, – и вчера вечером ты совсем опростоволосился, пытаясь доказать, что ты плотник. Помнишь про старую древесину? Я все это выдумал. А ты угодил в ловушку и показал, что в древесине ничего не смыслишь.

Промолчав, Густаф Тённесен посмотрел в сторону кухни: видимо, сейчас его могла утешить только кружка пива. Томас вздохнул.

– Вчера ты сказал, что за день до этого, ночью, видел в каретном сарае свет?.. Погоди-ка… – Томас взял меня за локоть, – Петтер, поднимись в нашу комнату и принеси мне книгу Виллума Ворма, которая называется *Rationes Politica*[19]. Она нужна мне срочно.

Удивленный, я поднялся, зажег сальную свечку и пошел наверх, оставив Томаса допрашивать плотника.

От входной двери тянуло холодом, и свечка едва не погасла. Ветер на улице совсем разбушевался и отзывался воем в каждой щели. Поднявшись в комнату, я зажег восковую свечу и просмотрел сперва стопку книг на письменном столе. Название большинства из них было написано не на обложке, а на первых страницах, поэтому поиски затянулись. Я перерыл всю стопку, но тщетно, – распаковал сумки и принялся искать в одежде. Одежду Томас укладывал как бог на душу положит и запросто мог сунуть томик Аристотеля или Фомы Аквинского в сумку вместе с носками и кальсонами. Под кучей грязных носков, которые я позабыл отдать Марии, я обнаружил небольшую книжечку под названием *Lettern et Mundus Novus*[20], написанную человеком по имени Америго Веспуччи. Несмотря на спешку, я припомнил, как Томас однажды назвал его лжецом и рассказал, что тот дал название Америке, – новому миру по другую сторону Атлантического океана. Это вновь навело меня на мысли о Бигги: ведь сначала я подумал, что она родом из Америки, и почувствовал себя полным невеждой. Мне вдруг захотелось отправиться в путешествие, побывать не только в Дании, но и в дальних странах, таких как Америка и Африка. Я продолжал поиски, отыскал еще пару книг, но не нашел ни одной, написанной Виллумом Вормом. Обычно профессор знал, какие книги у него при себе, поэтому я опять проверил те, что просмотрел первыми, – все безрезультатно.

Тогда я уселся на стул и задумался: если Томасу было известно, что этой книги здесь нет, то зачем отправлять меня за ней? На ум приходила лишь одна причина – профессор решил как-то обхитрить Густафа Тённесена, но как – я не понимал. Возможно, ему все равно, какую книгу я принесу? Главное, чтобы на обложке не было названия.

Еще раз оглядев книги, я взял *De Aureo Cornu*[21] Оле Ворма – хотя бы фамилия та же… Да и какая разница, если это нужно для отвода глаз.

Когда я спустился в харчевню, Томас встал и прошел на кухню, где нацедил кружку пива и протянул ее нашему ненастоящему плотнику. Поддельный граф, ненастоящий плотник… Что нас еще ожидает? Я положил книгу перед Томасом, но тот, не глядя, отодвинул ее в

сторону. Тённесен жадно осушил кружку, со стуком поставил ее на стол, рыгнул и, утерев рукавом губы, ухмыльнулся и благодарно кивнул профессору.

– Давай припомним тот день, когда убили графа, – сказал Томас, – где ты находился с того момента, как граф вышел из харчевни, и до того времени, когда сюда вошли мы?

– Я был у себя в комнате. Вздремнул ненадолго, а проснулся оттого, что на улице кто-то кричал и ругался.

– Ты разобрал, что именно они говорили? И кто это был?

– Черт, да нет, конечно! Ветер выл, как ведьма на кост… То есть как недорезанный поросенок… – Густаф Тённесен на миг смешался, но тут же взял себя в руки и продолжал: – Толком я ничего не разобрал. Но голоса были мужские… хотя… бес их знает… – он задумался, почесывая живот, – наверное, один из них был трактирщик, потому что голос у него был немного писклявый… Может, это он и был… А потом они замолчали, я опять задремал, но они вновь разорались. Тогда я плюнул и решил встать.

– Ты сразу спустился вниз?

– Хм… нет… кажется, не сразу. Наверное, я еще немного полежал и только потом спустился выпить пива. Мне Мария налила, хе-хе. – И он взглянул на меня, но я и бровью не повел.

– Где ты сел? – уточнил Томас.

– Что за черт? Это вы, профессор, и сами видели – возле камина!

Томас глубокомысленно кивнул.

– Я также видел, – проговорил он тихо, но строго, наклонившись к Густафу, – что с твоих сапог натекла лужа воды. Значит, перед этим ты побывал на дворе.

– Ну уж нет! Я никуда не выходил! – Тённесен даже подскочил. – Это уж как пить дать! Не был я на дворе! Какая, к дьяволам, вода?! Бог свидетель, что ничего с моих сапог не натекало! – Похоже, он не на шутку разозлился, услышав подобное обвинение.

– Почему я должен тебе верить, когда ты врешь на каждом шагу? Врешь по поводу ремесла и о том, где находился в тот момент, когда видел свет у каретного сарая… Скрываешь, зачем ходил сегодня вечером на сеновал и о чем вчера разговаривал со священником… И не признаешься, почему так хорошо знаешь законы. Почему я должен тебе верить?

Густаф Тённесен поджал губы, так что рот превратился в тонкую прямую линию на грубом лице. Он явно не собирался больше ничего рассказывать.

Томас повернулся ко мне:

– Что именно Тённесен нес на плече сегодня вечером? На что это было похоже?

– Точно сказать нельзя, но похоже на толстую трость, – ответил я, пытаясь воскресить это в памяти.

"Плотник" медленно поднял голову и злобно посмотрел на меня. Томас это заметил и счел мою догадку верной.

– Почему ты разгуливал вечером с тростью, а, Тённесен?

Лицо его стало вовсе непроницаемым, хотя, казалось, это уже невозможно. Тем не менее в его злобных глазках мне почудился торжествующий блеск. Томас легонько хлопнул ладонями по столу и поднялся.

– Итак, мне придется попросить Альберта запереть тебя на ночь в каретном сарае. Возможно, там будет прохладно, но не исключено, что холод заставит тебя задуматься. Ты, Густаф Тённесен, и сам наверняка понимаешь, что я не могу отпустить тебя, учитывая, сколько против тебя улик.

– Это каких же?! – взвился Тённесен. – И если этого треклятого графа убил я, то где доказательства?! Да я, к дьяволу… – он вдруг осекся, взял себя в руки и шумно опустился на стул, – я… завтра… завтра я обо всем расскажу профессору. Но сперва я… мне нужно кое с кем поговорить, – тихо сказал он, не поднимая глаз. Я почти не расслышал его. – Вы, профессор, знаете с кем…

Томас долго теребил пуговицу на жилетке, а затем поднялся, подошел к окну и начал вглядываться в разыгравшуюся за окном ночную бурю.

– Да, – отозвался он наконец, – завтра ты мне обо всем расскажешь.

Глава 30

На улице началась метель. Снежинки больно впивались в лицо. Томас не спешил поведать мне, о чем ему успел рассказать Тённесен, когда я ходил за книгой. Пока мы, ссутулившись, шагали к конюшне, профессор не ответил ни на один из мучивших меня вопросов и не объяснил, зачем ему понадобилась та книга. Я даже не знал, сравнил ли он расписку и письмо.

Томас уже потянулся к двери, как я вдруг вспомнил предупреждение Альберта и тронул профессора за руку. Я подошел к окну, под которым стояла лежанка Альберта, громко постучал, пытаясь заглушить завывание бури, и вернулся к двери. Конюх быстро впустил нас внутрь, мы стряхнули со шляп и плащей снег, и я тут же уселся на лежанку, поближе к огню.

Профессор поинтересовался самочувствием Альберта, и тот ответил, что здоров как бык, хотя темные круги у него под глазами не говорили об этом. Кивнув, Томас посмотрел на Бигги – та соорудила себе лежанку из сена, взяв вместо простыни мешок из-под муки, а вместо одеяла – грязное темное пальто, которое надевала, когда играла роль нищенки. Она, видимо, спала, но сейчас проснулась и села.

– Ты хотела со мной поговорить, – сказал Томас.

– Да, – ответила Бигги. Прикрыв рот ладонью, она зевнула и потянулась, так что суставы затрещали, – да, мне нужно кое-что сказать вам.

Она встала и вышла на улицу, но вскоре вернулась. На лицо ее налип снег.

– Ох, как же хорошо! – Она провела руками по лицу, стряхнула с пальцев капли воды и вновь опустилась на сено. – Петтер, наверное, испугался, когда пришел сюда сегодня вечером. – Она улыбнулась мне, но в ее улыбке не было злобы или насмешки.

Я робко кивнул. Она и впрямь напугала меня – я не мог решить, как к ней следует относиться и что же я видел на самом деле. Она перевела взгляд на Томаса. Тот сидел на табуретке, а Альберт пристроился рядом со мной на лежанке. Вытащив фидибус, он зажег коптилку возле очага, и я задул фонарь.

– Возможно, профессора это тоже немного испугает, – нерешительно проговорила Бигги, склонив голову. Откуда-то из-за матраса она вытащила большой полотняный мешок, открыла его и достала тот самый бубен, который я видел до этого. – Этот бубен, – начала она, подняв его так, чтобы мы разглядели рисунки на коже, – нужен мне, чтобы вызывать человеческих и звериных богов и духов.

Профессор молча ждал продолжения.

– Я задаю вопросы, а они помогают мне отыскать на них ответ. Я всегда так поступаю, если нужно принять важное решение. Тогда мою судьбу определяет этот бубен.

Мне стало любопытно, какой вопрос она задала духам сегодня вечером, но спросить я не осмелился.

– Сегодня я получила ясный и четкий ответ, – она радостно улыбнулась, а потом вновь стала серьезной, – но бубен будто хотел мне сообщить что-то еще. То есть духи-помощники хотели. Мне нужно было лишь правильно задать им вопрос. И я задала его. – Ликование в голосе сменилось глубокой печалью.

Она провела пальцем по коже бубна, погладила нарисованные фигурки – я подумал вдруг, что она – точь-в-точь пастор Якоб со своей Библией… Она подняла взгляд, и я заметил, что она напугана.

– Я узнала, что произойдет завтра.

Томас громко вздохнул, и наши взгляды обратились к нему.

– Только не надо предсказаний о Судном дне! – пробормотал он, обращаясь, скорее, к самому себе. Недоверчиво посмотрев на Бигги, он спросил: – Почему ты веришь, что эти твои духи-помощники говорят правду?

Помолчав, Бигги ответила вопросом на вопрос.

– Профессору известно, кто такие нойды? – неторопливо проговорила она. Томас медленно покачал головой. – Неизвестно… ну… – она задумчиво потерла кончик носа и уставилась в огонь. Альберт поворошил угли и подбросил пару поленьев. – А знаете ли вы что-нибудь о моем народе, саамах?

– Очень немногое, – Томас пожал плечами, – так мало, что можно считать – ничего не знаю.

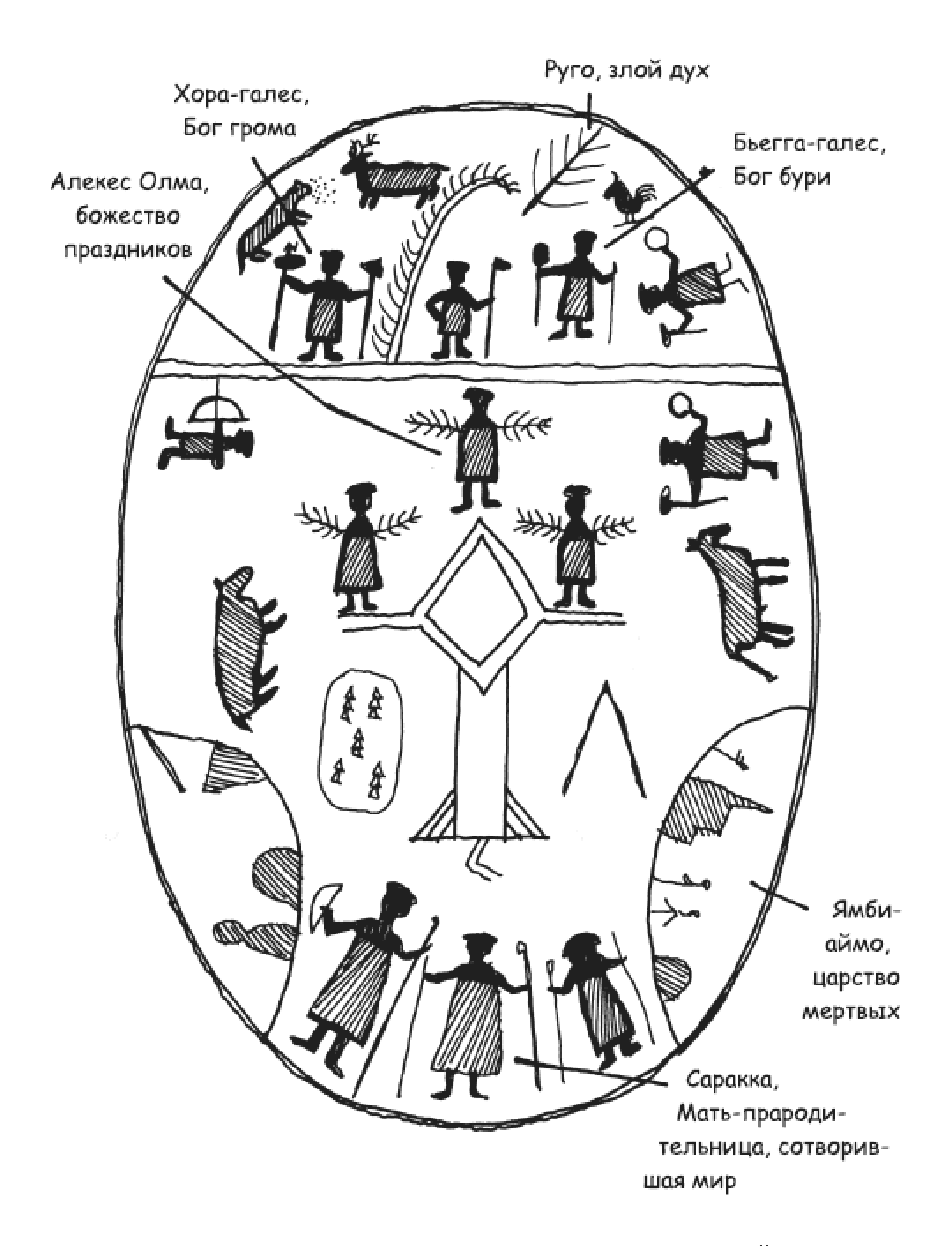
– Хм… – Бигги кивнула и прикрыла глаза. Она долго сидела молча, спокойно и безмятежно, хотя мы трое с нетерпением ждали ее рассказа. Ее умиротворение передалось мне, и я тоже успокоился. – Прислушайтесь к ветру, – тихо сказала она, не открывая глаз, – в такую же ночь на землю пришла буря. Старики говорят, что подобной бури не бывало ни прежде, ни с той поры. В ту ночь я появилась на свет. Дул такой сильный ветер, что большую гору неподалеку от нашего дома сдвинуло ближе к дому. Так сказал мой дед, – она открыла глаза, – мой дед, отец моей матери, был великим нойдом. Наверное, вы назвали бы его колдуном, хотя он не умел колдовать. Вы могли бы назвать его и священником, однако за всю свою жизнь он не прочел ни одной проповеди. Он исцелял людей, спасал умирающих от ямби аймо… – Она умолкла, подбирая слова, и нетерпеливо махнула рукой. – Датский язык бедный! – сердито воскликнула она. – Он выводил людей из… другого места… места мертвых… царства мертвых? Ну да, пусть будет царство мертвых… – Она постучала пальцем по очерченному сбоку на коже полукругу.

Я вспомнил, что именно на этот полукруг прежде падало кольцо.

– Это ямби аймо, царство мертвых, – пояснила Бигги.

Я постарался запомнить рисунок на бубне, а позже зарисовал его на бумаге и подписал по памяти названия.

– Дед был целителем, вроде доктора, почти как профессор. Он был великим нойдом – все боялись и уважали его. Дед дал мне имя Дан Тья Бьеккай ну-Ахте Ваарри Сирдасуваи, что означает "ночь, когда ветер сдвинул гору". Дед сказал, что та буря была знамением от нойдегадзе, духов, которые выбирают среди людей тех, кому суждено стать нойдом. Это был знак, что меня нужно обучить умениям нойд. Среди саамов нечасто встретишь женщину-нойду, однако в нашем роду такие рождались с перерывом в несколько поколений. Мне сказали, что в нас есть особый дар нойд. С детства меня учили премудростям нойд, я узнала о целебной силе трав, научилась говорить с божествами и нойдесвоеньи – то есть животными-помощниками… – Бигги взглянула на Томаса, но тот бесстрастно слушал ее рассказ. – Когда я подросла, то узнала, как спрашивать у этих богов совета, научилась видеть вещие сны и стала бывать в… ином мире, – на лице у нее мелькнуло сердитое выражение, но тут же исчезло, словно она отогнала гнев. Спокойно вздохнув, она по очереди оглядела нас. – Не буду утомлять вас подробностями, вы все равно не поймете…

Я кивнул и краем глаза заметил, что Альберт тоже мотнул головой, а вот Томас даже не шелохнулся.

– Приходской священник у нас в деревне никогда в жизни не согласился бы крестить меня под тем именем, что придумал дед, поэтому меня назвали Биргит, а по-саамски Бьеггат, что означает "ветер" или "буря". Обычно меня называли Бигги. Я все это рассказываю, потому что имя мое в какой-то степени определило и судьбу. Сначала мое предназначение, ремесло нойды, а затем и мой характер, особенности моей души… – Она быстро, но многозначительно посмотрела на меня и продолжила, словно обращаясь ко мне. – У вас для этого есть особое слово – "темперамент". У меня был темперамент. Бывало… – она развела руками, – я будто… пшшшш! – вспыхивала, как сухие еловые ветки на костре. Как кошка, которой наступили на хвост… или словно гром и молния посреди ясного неба, или

нежданный шторм на море. Я и сама не всегда знала, почему так – просто внезапно душа вскипала, и в меня вселялись хора-галес и бьегга-галес. – И Бигги показала на две фигурки с какими-то продолговатыми инструментами в руках. Под этими фигурками была проведена двойная черта. – Это Хора и Бьегга-галес, боги грома и бури. Вот это место – верхний мир. Саамы терпеливо мирились с моим нравом: во-первых, среди моего народа такое случается, а во-вторых, я готовилась стать нойдой и имела связь с духами. А вот норвежцы меня боялись и не любили. Ребенком я приводила норвежских детей в ужас, а когда стала постарше, меня стали избегать взрослые – они сторонились меня, если только не нуждались в лекарской помощи, когда болезнь не оставляла им иного выбора. Совсем как моего деда – великого и могущественного нойда, – меня знали и боялись, когда мне едва исполнилось пятнадцать. Лишь приходской священник Андреас Поулсен не боялся меня. – И задумчиво, но бесстрастно Бигги добавила: – Он меня ненавидел. Он был из тех, кто истово верит в Бога. Он вздумал крестить нас, саамов. Мы ходили в церковь и причащались телом Христовым и его кровью. Нам это казалось чудовищным, и мы молились Саракке, – она показала на фигурку внизу, – Матери-прародительнице – вымаливали прощение за все поступки, к которым вынуждал нас священник. А в церкви мы просили прощения у Бога за то, что молились Саракке… – Она достала деревянную кружку. – Жизнь превратилась в безумный хоровод, – сказала она и торопливо отхлебнула воды, – ох, может, еще кому-то хочется пить?

Бигги оглядела нас, но мы покачали головой. Женщина отставила кружку и вернулась к своему рассказу:

– Приходской священник потребовал, чтобы я бросила ремесло нойды. Он даже начал учить саамский, чтобы подслушивать нас и понимать, когда мы разговариваем не только с его Богом. Я оставалась нойдой: откажись я – и нойдегадзе растерли бы меня в порошок. Той весной, когда мне исполнилось шестнадцать, заболела дочь священника, Сигне. Кто только ее не лечил! К больной даже привозили цирюльника из Вадсё. Не знаю, что он с ней делал, но здоровее она от этого не стала. В Лулео жил один шведский лекарь, но он отказался ехать в Варддус, поэтому пастор повез дочь в Лулео – они отправились в долгое тяжелое путешествие в самый разгар весеннего половодья. Я тогда подумала, что он, должно быть, души в дочери не чает… Они вернулись через месяц – священник совсем исхудал, а Сигне больше напоминала тень, а не живого человека. Лекарь пустил ей кровь, и, когда меня наконец пригласили к ней, Сигне была похожа на вареную треску. Поэтому кровопускание тоже стало вызывать у меня сомнение.

Я заметил, как в недоверчивом взгляде Томаса блеснула искра сочувствия и понимания.

– Но не думайте – меня вызвал вовсе не священник! Он в тот день был в отъезде, и Сигне послала за мной служанку. Мы выросли вместе с Сигне, и, хотя моя сила, как она говорила, пугала ее, девушка верила, что лишь я смогу ей помочь. Мой дед, который в ту пору был уже совсем стариком, способным только дожидаться собственной смерти, помог мне: он отправил меня в путешествие "ямике" – я побывала в царстве мертвых, где уговаривала духов сохранить Сигне жизнь.

По спине у меня побежали мурашки: Бигги рассказывала об этом так, будто проделывала подобное каждый день.

– Духи потребовали, чтобы взамен им принесли в жертву лошадь, и, получив этот ответ, я вернулась в человеческий мир. Сигне согласилась на жертвоприношение, но в тот момент вернулся ее отец, Андреас Поулсен, – он прогнал меня, и жертву принести мы не успели. Он проклинал меня и обещал сообщить ленсману и обвинить меня в ворожбе и в том, что называется малефициум, – Бигги умолкла и посмотрела на Томаса, – профессор наверняка объяснит эти слова лучше, чем я.

Ответ прозвучал медленно и сухо:

– Под ворожбой в данном случае имеется в виду использование колдовских слов, чтобы причинить другому вред или… исцелить кого-то. *Maleficium* – от латинского *maleficie* – наводить порчу, подразумевается убийство с помощью магии. – Томас замолчал и вновь замер, словно соляной столп. Мне вдруг стало неловко за него, но Бигги, похоже, ничего не заметила и вновь заговорила:

– Той же ночью к нашему дому подкатили сани, которыми правила пасторская служанка. В санях лежала Сигне. Мы убили лошадь, и я отправилась в царство мертвых, где передала жертву Руту, чтобы этот злой дух оставил дочь священника в покое. Вернувшись, я поняла, что Сигне чувствует себя намного лучше, а к утру она уже смогла сама забраться в повозку. Мой брат отвез ее домой. Через день за мной явился ленсман. Меня посадили в тюрьму, обвинив в ворожбе. Еще через неделю пастор привез из Порсангера одного человека, чью жену мне не удалось вылечить и она умерла. Рассказ этого человека лег в основу обвинения о наведении порчи… – Лицо Бигги превратилось в непроницаемую маску. Мы втроем затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово. – Я не сознавалась, и меня подвергли неприятным допросам, на которых присутствовали ленсман и священник. В мою защиту выступили двенадцать человек, которых я исцелила. Среди них была и Сигне Поулсен, дочь священника, которую я вывела из царства мертвых. Однако ее отец не снял с меня обвинение. – Она взглянула на нас из темноты, будто поведение священника до сих пор оставалось для нее загадкой.

Альберт толкнул меня в бок и показал на коптилку. Я поправил фитиль, совсем было утонувший в рыбьем жире. Тьма отступила.

– Показания десятерых не стали даже рассматривать, ведь они были саамами, и ленсман счел, что они пристрастны. Обвинение ужесточили – теперь меня обвиняли в связи с дьяволом. Я призналась, что ездила на олене в ямби аймо, чтобы забрать оттуда умирающую женщину, и ленсман назвал это путешествием в Преисподнюю, куда я отправилась поговорить с дьяволом. Чтобы вырвать у меня признание, они допрашивали меня все свирепее и свирепее.

– Под допросом ты подразумеваешь пытку? – спросил Томас, прищурившись.

– Да.

– Значит, тебя подвергли пытке до вынесения приговора? – в голосе Томаса зазвучали металлические нотки.

– Да.

– Ты можешь это доказать?

Бигги мрачно испытующе посмотрела на Томаса и медленно расстегнула пуговицы на платье. Стянув вниз лиф, она осталась в сорочке без рукавов, подняла правую руку и показала нам круглое пятно, которое прежде заметил пастор Якоб.

– Пастор Якоб был прав – это ведьмино пятно, только появилось оно по другой причине, – с ее губ сорвался хриплый смешок, больше похожий на плач, и Бигги показала нам левую руку. Нашим взорам открылись несколько бледно-розовых пятен. Такие раны появляются от ожогов, нанесенных каленым железом. Затем Бигги оголила вдруг левую грудь. Смутившись, я было отвернулся, но взял себя в руки и посмотрел на женщину. От гнева кровь прилила к моим щекам: на месте соска я увидел изуродованный бесформенный комок кожи. Никогда эта грудь не накормит ни одно дитя… Раскаленные щипцы навсегда лишили ее молока.

Молча одевшись, Бигги встала и вышла на улицу. Мы сидели не шелохнувшись и не глядя друг на друга. Немного погодя Бигги вернулась и протянула руки к огню. Затем она выпила воды и проговорила:

– Но судья усомнился в достоверности моего признания и с недоверием отнесся к доказательствам. Он приговорил меня к высылке из страны – сущая безделица по сравнению со смертью на костре. Меня освободили и дали три дня на сборы. В следующее воскресенье Андреас Поулсен прилюдно проклял меня в церкви и пообещал Господу, что меня настигнет справедливая кара, – она удивленно огляделась, – и почему вера для него значила больше, чем собственная дочь? Этого я так и не поняла…

Похоже, от нас она ответа не ждала, поэтому мы, как и прежде, молчали.

– Моя семья помогла мне добраться до родственников в Швеции, в местечко Китхёефуи, где я и прожила почти пять лет. А потом дедушка умер, и я решила съездить домой – проводить деда в последний путь в ямби аймо и повидаться с семьей. Я надеялась, что гнев пастора утих и что я смогу насовсем остаться в родной деревне. Однако надеялась я зря. Люди ленсмана выгнали меня, и на этот раз я решила отправиться в Данию. Тем самым я нарушала приговор о высылке, но в южных землях никто не знал о приговоре, а сама я старалась не высовываться. Я добралась до острова Лэсо возле ютландского побережья и прожила там лет десять – двенадцать. Там я повстречала ту, которую называла Модьи мни лиггии беайваака – Улыбка, согревающая солнце. Модьи была живой и доброй, она… она научила меня… – Бигги запнулась, в глазах блеснули слезы. – Эта женщина научила меня всему, – прошептала она, – жизни, ремеслу нойды, научила улыбаться и укрощать мой вспыльчивый нрав. От нее я научилась искусству травников – я узнала намного больше, чем прежде. А еще она объяснила мне, кто я такая. Она стала для меня второй матерью и нойдой-наставницей, хотя Модьи ничего не знала о нойдах… – И Бигги быстро смахнула скатившиеся по ее высоким скулам слезинки. – Этим летом Модьи умерла, и я вновь отправилась в путь. Так я оказалась здесь.

От ветра огонь в очаге совсем угас, и Альберт помахал дощечкой, раздувая пламя, и подбросил дров. Мы надолго замолчали.

– Значит, ты веришь в духов, – проговорил наконец Томас.

– Нет, – возразила Бигги, и мы изумленно посмотрели на нее, – я знаю, что они существуют. Приходской священник велел нам говорить в церкви, что мы “веруем” в его бога, и мы не возражали, потому что у нас не было повода сомневаться. Возможно, его бог действительно существует, пусть даже мы и не видели его. Верхний мир огромен, и ни одному из нойдов не под силу увидеть всех богов. Но все саамы знают, что духи существуют, что Руту, Хора-галес, Саракка и другие боги и духи наблюдают и следуют за нами. Они живут в горах, в животных, в деревьях, в природе. Они все время рядом.

Томас медленно покачал головой и посмотрел на Бигги из-под полуприкрытых век.

– Ты в состоянии доказать это? Можешь показать мне этих твоих духов? Согласно научным изысканиям, наш мир в высшей степени рационален, и в нашем современном мире подобные предрассудки, не имея обоснований, исчезают. Боги не живут на вершине Олимпа или Валхаллы, гром гремит не оттого, что по небу проезжает Тор в своей колеснице, а солнечное затмение – вовсе не проявление божьего гнева. Сейчас наука может предсказывать подобные явления, рассчитывать движение звезд и планет. Случайностей не существует, а природные явления не есть дело рук добрых или злых божеств, ведь их можно объяснить при помощи цифр.

Бигги, не мигая, смотрела на Томаса. Тот насмешливо улыбнулся:

– Да и существование нашего, христианского, бога сейчас подвергают сомнению. И один из величайших философов современности даже вывел доказательство этого, над которым он трудился целый год. Завтра я покажу тебе его книгу и сама прочтешь.

Профессор говорил с таким высокомерием, что я отвернулся. Разговор принял совсем неприятный оборот, и мне захотелось встать и уйти. Нет, я не верил в духов, о которых рассказала Бигги, но надменность Томаса…

– Вон оно что… – прошипела Бигги, поворачиваясь к профессору, – Валхалла! Рационален! Ты произносишь неизвестные мне слова и хочешь, чтобы я прочла твои доказательства. Я не умею читать твоих книг и твоих знаков, и тебе это известно! Но мои доказательства я читать умею! Вот они, на бубне, – мои предки нарисовали их много поколений назад. И мои предки умели читать их задолго до того, как твои научились складывать буквы! – Не спуская с Томаса взгляда, она подняла бубен и заговорила тише: – Вот это я могу прочитать. А ты, профессор, – прочтешь? – Последние слова она будто выплюнула в лицо Томасу. Затем вскочила и выбежала за дверь. Альберт был встревожен – он встал и, сердито посмотрев на Томаса, последовал за ней.

Пока их не было, я попросил профессора сменить тон, но Томас в ответ лишь приказал мне закрыть рот. Вернувшись, Бигги стерла с лица снег. Она по-прежнему казалась рассерженной. Альберт притащил дрова и принялся обстоятельно и аккуратно укладывать их в поленницу за очагом. Затем с грохотом достал котел и поставил кипятиться воду, а потом открыл заслонку и начал кидать в огонь дрова. Все это он проделывал так громко и шумно, что в конце концов Томас и Бигги заулыбались, а Томас смущенно махнул рукой.

– Мы поняли, Альберт, – сказала Бигги, потрепав конюха по кудрявой голове.

– Прости, Бигги. Петтер тоже меня ругал… – И профессор протянул ей руку, Бигги взглянула на нее, но не пожала.

– Профессору следует понять, что ему известно далеко не все. Иначе он лишится возможности узнать что-то новое.

Томас кивнул:

– Ты права. – И он указал на бубен: – Расскажи, что именно сказали тебе духи. Что произойдет завтра?

Бигги долго смотрела на него, будто хотела убедиться, готов ли он ее выслушать.

– Они сказали, что душа одного из тех, кто сейчас находится здесь, на постоялом дворе, уйдет в ямби аймо, царство мертвых.

Томас нахмурился:

– Чья?

– Этого я не знаю. Духи к вам не привыкли, вы для них чужие. В моей деревне они наверняка сказали бы – если б захотели.

– А когда именно?

Бигги, похоже, немного рассердилась:

– Когда этому суждено случиться! Предотвратить это профессору не под силу. Духи не говорят когда. Сегодня ночью, завтра или завтрашней ночью.

Томасу не удалось скрыть недоверие, а в голосе его вновь зазвучал сарказм:

– Но если принести им жертву, то духов можно остановить, верно?

Не обратив внимания на язвительный тон, Бигги спокойно проговорила:

– Отсюда я не смогу добраться до ямби аймо. Здесь слишком далеко от дома, и дороги я не знаю. Даже если я попаду туда, то обратно мне не вернуться. И кто из вас тогда выведет меня? Кто споет йойк и станет бить в бубен? Нет. Сожалею, но не смогу помочь.

– Но… ты можешь помочь… другим способом? – впервые за весь вечер заговорил Альберт.

– Да. Если я задам этот вопрос Бирн и другим моим помощникам, то, возможно, во сне получу ответ. За годы странствий моя связь с помощниками стала очень тесной.

– Бирн? Кто это? – поинтересовался Томас.

– Бирн означает "медведь". Это животное-помощник. Все эти годы он преданно следовал за мной.

Я посмотрел на Томаса. "Чушь и бессмыслица", – было написано у того на лице, но я надеялся, что этого никто не заметил. Бигги обладала даром убеждения и интересно рассказывала, но наша вера тоже имела границы.

Поднявшись, Томас потянулся и потер поясницу.

– Тогда у меня есть предложение. Ложись спать, выясни, кто убийца, и сообщи мне. Тогда мы схватим этого мерзавца и закуем его или ее в кандалы. – Профессор всплеснул руками. – Боже ты мой! Как же все, оказывается, просто! Я уже голову сломал, размышляя и придумывая, а всего-то и требуется, что спросить духов. Скажи, а ты не могла бы у них узнать заодно и о мотивах убийства: почему его убили? – Он стряхнул с брюк солому и посмотрел сверху вниз на Бигги. – Наверняка твоим помощникам не составит труда ответить и на этот вопрос. Что скажешь?

Поджав губы, Бигги вскочила и выпалила:

– Профессор может катиться ко всем чертям – плотник Густаф наверняка отправил бы его туда! А пастор посоветовал бы отправляться в преисподнюю. Выбирайте, что вам больше по душе – мне плевать, главное, чтобы я вас больше не видела! – Она резко отвернулась, тряхнув длинной косой, и принялась расстилать мешок из-под муки, явно намереваясь лечь спать.

Альберт встал и, запинаясь от негодования, заявил:

– Я благодарен вам за то, что вы признали меня невиновным в убийстве капитана Риго, но сегодня вечером вы повели себя недостойно. Прошу вас удалиться – иначе мне придется выставить вас за дверь.

На лице у Томаса выступили желваки. Профессор окинул взглядом огромную фигуру конюха. Я был уверен, что Томас наверняка померился бы с Альбертом силой, будь он уверен в собственной правоте. Однако он действительно повел себя низко и прекрасно это осознавал. Развернувшись, он зашагал к выходу, но возле двери остановился и посмотрел назад. Он провел рукой по лицу и потер глаза:

– Приношу свои извинения… – тихо, но отчетливо проговорил профессор. Он порядком устал. – Я действительно сожалею. Не знаю, какая муха меня укусила… – Он выпрямился и виновато посмотрел на Бигги. – Все эти вопросы… я только… может, твои духи действительно подскажут, кто и зачем убил графа?

Бигги кивнула.

– Спросишь их об этом?

Она снова кивнула.

– Спасибо.

Томас замер в нерешительности, вопросительно глядя на меня. Подумав, что профессор ждет меня, я встал и взял шляпу, готовый последовать за ним. Но он лишь положил руку мне на плечо и сказал:

– Петтер, ты мне не поможешь? Мы собирались спросить Бигги о чем-то, но я забыл, о чем именно… – Он растерянно умолк.

Я вдруг заметил, что под глазами у него набухли темные мешки, а возле носа и рта пролегли глубокие складки. Прежде я никогда не видел его настолько усталым, и мне стало стыдно, что я не заметил этого прежде и не помог ему.

– Да, конечно, сейчас обо всем спрошу! – И я вновь опустился на лежанку.

Бигги выжидающе смотрела на меня. Я вспомнил, что мы хотели задать ей два вопроса, но никак не мог решить, какой из них важнее, поэтому задал тот, который сильнее тревожил меня самого.

– Густаф Тённесен, которого мы привыкли называть плотником, рассказал, что видел, как ты танцуешь на сеновале перед самим дьяволом, – тихо проговорил я. От нетерпения и волнения голос у меня немного дрожал. – Он говорит, что это произошло в среду вечером. И что дьявол подпевал тебе… – Не в силах выговорить вопрос, я замолчал.

– Я знаю, что он меня видел, – спокойно сказала Бигги, – я пела йойк и звала помощников. Приходя на новое место, я каждый раз такое проделываю. Так им проще найти меня. Я стараюсь, чтобы меня никто не видел и не слышал, – она пожала плечами, – и думала, что на сеновале никого нет. Было уже поздно, и я не сомневалась, что все улеглись спать. И вдруг, откуда ни возьмись, там появился этот человек с вытаращенными глазами.

– Ты видела его? – не удержался Томас.

– Я его учуяла, – Бигги посмотрела на меня, словно полагая, что я пойму ее лучше, чем профессор, – или, точнее говоря, Бири его учуял.

Я догадался, о чем она говорила – Бири и меня учуял. Когда я зашел туда вечером, Бигги напоминала медведя, прислушивалась и переваливалась с ноги на ногу. Она сама была Бири.

– Бири почуял, что плотник зачем-то рылся в сене, а потом выскользнул из хлева и направился обратно в трактир.

– Значит, ты… то есть Бири почувствовал, что Тённесен видел, как вы… то есть ты… поешь и пляшешь? – уточнил я.

– Да, – улыбнулась Бигги, забавляясь моей неуверенностью.

– То, что тебе подпевал дьявол… что… что это было?

Бигги рассмеялась и, взяв бубен, ударила по нему деревяшкой. Звук получился чистым и гулким.

– Сегодня бубен весь день пролежал возле очага – он просох, и кожа на нем натянулась, – она нажала пальцем кожу, но та едва поддавалась, – а на сеновале холодно, и кожа мало-помалу обмякла, – объясняла саамка, – и вместо звука тогда получается странное дребезжанье, довольно неприятное для слуха. Вот тебе и дьявольские песни. – Посмеиваясь, она снова ударила в бубен и положила его рядом. Мне пора было переходить к вопросу о дне убийства, но тут вмешался Томас:

– А ты… или Бирн… ты… – Томас так и не смог смириться с Бирн, – не поняла, что понадобилось плотнику на сеновале?

– Нет. Он только порылся в сене и почти сразу же ушел.

– Где именно в сене? – не отступал профессор. К чему он клонит, я не понимал.

Саамка задумалась, не сводя глаз со стены за моей стеной:

– Неподалеку от двери в хлев, в паре шагов от входа. Кажется, слева.

Томас довольно посмотрел на меня, ожидая моего следующего вопроса.

– В тот вечер, когда графа убили, ты все время просидела возле дровяного короба?

– Все время… Ты о чем это?

По примеру Томаса я попытался задать вопрос иначе, точнее:

– Графа убили в четверг, незадолго до нашего приезда на постоялый двор. Вспомни: когда мы еще не приехали, ты сидела на кухне?

– Ну да… наверное, – она задумалась, – кажется, в тот день я впервые приготовила для Марии вытяжку из салатных листьев. А когда зубы у нее перестали болеть, она в награду накормила меня ужином. Я взяла хлеб с сыром и пошла в хлев, чтобы спокойно поесть. Но потом вернулась в харчевню – мне хотелось подольше посидеть возле огня. – Она с довольным видом оглядела лежанку и очаг.

– А кто еще был в харчевне? Ну, то есть пока мы не приехали, – спросил я, – иначе говоря, кто из них мог выйти на улицу и убить графа?

Бигги ответила не сразу, мой взгляд наткнулся на Альберта – откинувшись на ворох сена, конюх прислушивался к нашему разговору. Странно, что он, похоже, не возражал против всех тех богомерзких штучек, которые вытворяла Бигги. Может, пережитые тяготы сломили его и он потерял веру в Господа?

– Да все там были… – сказала наконец Бигги, – а потом граф начал хамить.

– Кому?

– Сначала Марии, а потом, когда я попыталась вступиться, и мне тоже.

– Ты пыталась остановить его? – изумленно переспросил я.

Она растерянно кивнула, не понимая, что меня так удивило.

– Ну да, но я едва рот успела открыть, как вмешался хозяин и приказал мне замолчать, а иначе, мол, выставит меня со двора. Зато графу можно было разговаривать вволю! Он схватил шпагу и принялся колоть меня в бок, обзывая ведьмой, дьяволицей и еще похуже. – И Бигги показала проколотую в черном пальто дыру, прямо под рукавом. – Спасла меня хозяйка. Она попросила графа угомониться, но тот начал с ней флиртовать, довольно нагло, прямо на глазах у хозяина. Я видела, как трактирщик, прикинувшись слепым и глухим, прошел на кухню, схватил здоровенный топор для разделки мяса, покрутил его в руках и убрал в ящик. Хозяйка удалилась в спальню, а граф стал задирать плотника, пока тот тоже не сбежал.

– А пастор? Ему граф ничего не говорил?

– Нет, но и пастор там недолго просидел. Когда хозяин с графом ушли, мы с Марией остались там вдвоем, а немного погодя и Мария закрылась в своей комнатке. Она так расстроилась, что даже по неосторожности пролила на себя воду.

– А ты оставалась в харчевне?

– А куда мне было идти? – Она многозначительно пожала плечами. – Некуда.

Вопросы у меня иссякли, и я взглянул на прикрывшего глаза Томаса, но тот молчал и, похоже, не собирался вмешиваться в беседу.

– Э-хм… а… кто из них первым вернулся в харчевню?

– Кажется, Мария.

– А потом?

Бигги задумалась.

– По-моему, явился пастор со своей Библией. Он уселся возле камина. А за ним – плотник. А потом вы приехали.

– Значит, трактирщика ты больше не видела? И трактирщицу – тоже?

Она поняла, к чему я веду, и хорошенько обдумала ответ.

– Нет, трактирщик вернулся в харчевню, лишь когда прибежал звать на помощь. Он кричал, что графу стало плохо.

– Ладно, остальное нам известно, – резюмировал я, обращаясь, скорее, к себе самому.

Бигги кивнула, давая понять, что разговор окончен. Я тоже чувствовал себя опустошенным – вопросов больше не осталось, да и сил тоже. Я с надеждой посмотрел на Томаса и увидел, что голова у профессора повисла.

– Профессор, у вас еще остались вопросы?

В ответ я услышал лишь ровное посапывание.

– Профессор, – окликнул я, – у вас есть вопросы?!

Он не отзывался, и тогда я встал и тронул его за плечо.

– Профессор, нам пора возвращаться в комнату…

Томас открыл глаза и, растерянно оглядевшись, смутился.

– Ох… я, похоже, уснул… – пробормотал он, проводя руками по лицу, – простите!

Он уперся кулаками в колени и встал. Ноги у него затекли, и, чтобы поддержать его, я взял Томаса под руку, но он сердито оттолкнул меня.

– Спасибо, я уж как-нибудь сам.

Я подхватил шляпы и плащи, запалил фонарь и пожелал Альберту с Бигги доброй ночи, напомнив, чтобы заперли дверь. В ответ Альберт заявил, что никто посторонний даже и до лошади не посмеет дотронуться.

Томас повернулся к двери, когда что-то пришло ему в голову, и он обратился к Бигги:

– Можно поговорить с тобой наедине?

Саамка поднялась и отошла к стойлам, и Томас последовал за ней. Глядя, как эти двое перешептываются, Альберт легонько пихнул меня в бок, усмехнулся и сказал:

– Кошка с собакой.

Совещались они долго, и, похоже, беседа их проходила бурно, но затем они вернулись, перешептываясь, и я услышал, как Бигги упомянула какую-то “траву”. Томас согласно кивнул. Разговаривали они с таким видом, будто были лучшими друзьями. Альберт проводил нас до двери и уже потянулся к ручке, когда Томас проговорил:

– Ты на меня, возможно, рассердишься, но ты по-прежнему единственный, кого я смело исключаю из списка подозреваемых.

Конюх насупился.

– Положи у порога маленький камешек. И проверь потом, выходила ли она ночью, пока ты спал. Или можешь притвориться спящим – поступай, как тебе заблагорассудится, но мы должны знать, выходила ли она. Ладно?

Альберт с безграничным отвращением посмотрел на профессора, но промолчал. Томас вздохнул:

– Ты ее не знаешь. Впрочем, и я тоже. Возможно, сегодня вечером она рассказала чистую правду. Но могла и солгать. А точно не знаем ни ты, ни я. Для народа тут соврать – все равно что для моей лошади заржать, а это нередко случается…

Томас немного помолчал.

– Вы с ней спите бок о бок… И кто знает…

Альберт исподлобья посмотрел на Томаса.

– Возможно, проведете рядом еще не одну ночь. Не лучше ли сразу удостовериться, что эта женщина – не убийца?

Альберт молча ковырял носком сапога оттаявшую грязь возле двери.

– А удостовериться лучше всего лично. Убедись, что это не она. – Замолчав, профессор потер лоб. От усталости глаза его казались пустыми. – Если… назовем это пророчеством… так вот – если оно сбудется, то нужно быть уверенными, что не она сама воплотила его в жизнь.

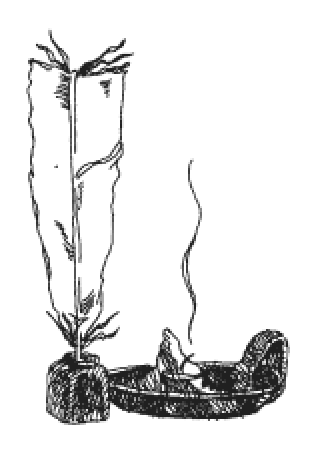
Кивнув на прощанье, Томас скрылся за дверью, и в ту же секунду возле меня возникла фигура Бигги.

– Береги его, – прошептала она мне, глядя вслед профессору, – он слишком много думает о других и забывает, что опасность нависла и над ним тоже.

Я кивнул и пошел за Томасом. Вскоре мы уже пробирались через сугробы к харчевне. Где-то позади Альберт опять подпер дверь поленом.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 ДЕКАБРЯ

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1699

Глава 31

Пока мы сидели в конюшне, нападало много снега, и мы брели по колено в снегу, хоть и по тропинке. Ветер задувал снежинки под плащ, и они таяли на коже. Вскоре мы промокли и продрогли, а мокрая одежда на ледяном ветру превратилась в жесткие доспехи. Томас потянул меня за собой к каретному сараю, хотя и там от ветра было не укрыться, и прокричал, что заметил в окошке прачечной свет. И, мол, если Мария там, то мне нужно сходить к ней и предупредить о грозящей опасности. И вдобавок профессор попросил меня передать ей, чтобы она возвращалась к себе в комнату и заперла дверь. Я согласно кивнул, и мы разошлись. Очень скоро я тоже увидел в окне прачечной свет, едва различимый сквозь метель. Я пошел на огонек, добрался до прачечной и без стука ввалился внутрь, думая лишь о том, как бы поскорее отогреться. Раздался вскрик Марии, и она быстро завернулась в простыню. Она стояла у чана и длинной деревянной палкой перемешивала кипящее в мыльной воде белье. Я увидел ее не прикрытые простыней обнаженные плечи и подумал, что до моего прихода Мария была по пояс раздета. В тесной прачечной от горячего воздуха перехватывало дыхание, а влажный пар каплями оседал на стенах.

– Прости, – пробормотал я, отворачиваясь. Лицо у меня еще не согрелось.

– Петтер, это ты?

Я снял шляпу и кивнул.

– Ох, милый мой… Как же я испугалась… Разве можно вот так врываться – у меня чуть душа в пятки не ушла!

Девушка подошла ко мне и помогла снять плащ.

– Все, можешь повернуться! – сказала Мария, взяв меня за плечи. Она уже оделась, но лиф застегивать не стала, а я не в силах был отвести взгляд от белой полоски кожи у нее на груди. – Я думала, ты не придешь, – ласково проговорила она, заглядывая мне в глаза.

– Я… мне… мне уже пора. Мне надо идти. – Я пытался не встречаться с ней взглядом, но не мог оторвать глаз от ее расстегнутой блузы. Как бы мне хотелось… Однако меня ждал Томас. – Я хотел только предупредить тебя, Мария. Убийца графа может вновь совершить злодеяние. Заканчивай работу, возвращайся к себе в комнату и запри дверь. И никому не открывай.

Мария покачала головой:

– Неужели ты не вернешься? Я и место нам приготовила… – Она запнулась и посмотрела на стопку белья, аккуратно разложенного на полу возле очага. Белье было прикрыто простыней, и это самодельное ложе так и манило меня. И я кое-что придумал.

– А дверь прачечной запирается?

– Да, на крючок. – И она указала на большой крючок, прибитый к косяку.

– Тогда я сбегаю к профессору и скажу, что буду тебя охранять, пока ты все не перестираешь, а ты запрись и жди – я скоро вернусь, обещаю!

Девушка улыбнулась, не разжимая рта, поднялась на цыпочки и прикоснулась губами к моей щеке, потом развернулась и вновь принялась медленно помешивать белье в чане. Ее собранные в пучок волосы покачивались в такт движениям, а шея ее, блестящая от пота и такая желанная, светилась белизной. Мне нестерпимо захотелось прикоснуться к ней, и я шагнул вперед, но в полумраке споткнулся обо что-то тяжелое и едва не упал.

– Ой, осторожнее! – испуганно воскликнула Мария, схватившись за пошатнувшийся бочонок. Тот стоял на трех деревянных подставках, а под ними я разглядел большой железный таз, почти до краев залитый какой-то густой жижей. – Я варю собственное мыло, – объяснила девушка, постучав по бочонку, – в лавке такого не купишь. Но со щелоком надо быть поосторожнее, – и она тихонько качнула ногой железный таз, – я еще не разводила его, он такой крепкий, что ты и перекреститься не успеешь, как щелок прожжет тебе сапог и дотла сожжет ногу, – она хихикнула и повела меня к двери, – иди и побыстрее возвращайся. Я буду ждать тебя.

Я улыбнулся и сказал, что воспользуюсь изобретением Альберта, – прочерчу в окне крест фонарем, и ты будешь знать, что это я. И вышел на мороз, но теперь по телу у меня уже разливалось такое тепло, что никакая стужа была мне не страшна. Я быстро добрался до каретного сарая, а оттуда направился к харчевне, как вдруг вспомнил: фонарь я забрал с собой, так что Томас шел тут один в кромешной тьме. Укоряя себя, я дошел до заднего крыльца, на самой нижней ступеньке которого свет фонаря выхватил из мрака большой сугроб. Прежде там его не было… Я наклонился, и вдруг сугроб зашевелился.

– Пе… Петтер… это ты… хорр-рошо… – Зубы у профессора стучали, и он еле выговаривал слова. Я подхватил его под руки и помог приподняться. Он охнул и пожаловался на боль в ноге.

Как я понял, Томас, поднимаясь по ступенькам, поскользнулся, ударился головой об лед и запросто мог бы замерзнуть насмерть. Довести его до нашей комнаты оказалось делом непростым: он совсем ослаб, и тяжесть его грузного тела прижала меня к перилам. К счастью, заслышав шум, к нам вышел хозяин и помог затащить Томаса наверх. Мы уложили его в постель, я сбегал в харчевню за углями и дровами, а трактирщик подогрел кружку молока – и мы напоили Томаса. Тогда он уснул.

Хозяин пошел к выходу, у двери обернулся, молча посмотрел на нас и исчез в коридоре. Его взгляд мне не понравился: в нем светилось злорадство. Он словно думал: "Ну вот, теперь и профессора можно вычеркнуть". Я взглянул на кружку из-под молока. Возможно, там было не только молоко? Я притронулся к щеке Томаса: теплая, но не горячая. В ядах я не разбирался, поэтому, даже если трактирщику и вздумалось бы отравить профессора, я бы ничем не помог. К тому же вряд ли фон Хамборк решился бы в открытую отравить Томаса. А следующей жертвой стал бы я.

Нет, хватит, мне уже на каждом углу мерещатся убийцы!

Я с трудом стащил с профессора одежду и укрыл его одеялом. Дышал профессор тяжело и несколько раз закашлялся во сне, однако мне этот кашель показался совершенно обычным.

Я присел на кушетку, но тут же вскочил и принялся расхаживать по комнате. Втаскивая Томаса по лестнице, я едва не надорвался, однако мысли мои оставались ясными, как никогда. Вспомнив о Марии, я направился к двери, однако в этот момент Томас шевельнулся, я вернулся на кушетку и попытался подумать о чем-нибудь другом. Разговор с Бигги. Обо всем ли я успел спросить? Не упустил ли чего важного? Наверняка упустил, но в голову ничего не приходило. Я воскрешал в памяти подробности нашего с Бигги разговора, и меня

не покидало ощущение, будто Бигги сказала что-то важное… Или сделала? Ну да, что-то она говорила… И это помогло бы нам разоблачить убийцу? Нет, вспомнить не получалось…

Томас, похоже, крепко заснул, и я, успокоив свою совесть, решил, что он так проспит всю оставшуюся ночь, а Марии моя защита нужна больше.

Перед уходом я, последовав старому совету Томаса, положил перед дверью камешек, чтобы потом проверить, не поднимался ли кто-нибудь в нашу комнату.

Глава 32

Мария открыла дверь и быстро втянула меня внутрь. У меня перехватило дыхание. Я хотел было отвернуться, но девушка держала меня крепко. Она проговорила:

– Я же для тебя стараюсь, дуралей.

В тусклом свете очага ее тело светилось невыразимо прекрасной белизной. Я попытался прикоснуться к Марии, но она рассмеялась и отступила назад, оказавшись возле сложенного в кучу белья. Она стянула с меня мокрую одежду и повесила сушиться у огня. В самом дальнем конце прачечной от стены к стене были протянуты веревки, на которых висело выстиранное белье – в основном простыни и пододеяльники. Они почти касались пола, так что получалась еще одна стена. В щелях – под потолком и в стенах – гулял холодный ветер, и в отблесках огня казалось, будто эта белая стена оживает.

Мария принесла теплое полотенце и насухо вытерла мне спину, а затем заставила меня опуститься на колени и вытерла волосы. Я чувствовал ее руки и жар ее бедер, прижимавшихся к моим плечам и спине. Мое естество налилось кровью и ожило, и я не отваживался посмотреть вниз.

Прильнув к моим губам, Мария слегка подтолкнула меня на лежанку, а сама опустилась рядом. На лицо девушки падала тень, и в отблесках огня я видел лишь округлые формы ее тела. Я провел рукой по ее бедрам, поднимаясь все выше, будто в страхе, что от моего прикосновения она исчезнет. Мои пальцы сдавили ее мягкую кожу, Мария вздохнула, и я испуганно отдернул руку, но она опять положила мою руку себе на бедро, вновь вздохнула и поцеловала меня.

За окном снежная буря укрывала землю снегом, а в прачечной тем временем Мария открывала передо мной новый мир, мир тепла, о котором я доселе не грезил даже в самых смелых мечтах. Она управляла мною и направляла меня, но так бережно и мягко, что лишь много позже я осознал, что той ночью Мария сыграла роль творца, превратив меня из юноши в мужчину. Тогда мне казалось, что небо вот-вот упадет на землю, звезды остановят свой ход по небосклону, а смерть уже пришла навсегда, неожиданно простая и благословенная, но прикосновения девушки возродили во мне жизнь и силу, воскресили надежду: нет, планеты, как ни в чем не бывало, вертятся вокруг солнца, да и само солнце еще не раз взойдет для нас…

Именно тогда, в тот самый момент, я словно начал жить. Начало. Жизнь. Неведомые прежде радость и страсть кипели у меня в груди, руках, губах, чреслах…

Наконец меня сморила легкая сладостная усталость, я задремал, но даже во сне чутко прислушивался к малейшему движению. Пробормотав что-то, Мария заворочалась, я открыл глаза и посмотрел на нее. Она лежала на спине, и отблески пламени кружились на ее лице, – она казалась мне такой мягкой и прекрасной. Мария приоткрыла рот, и между ее розовыми губами, блестящими и слегка припухлыми, я заметил темные гнилые зубы. Мне хотелось поцеловать ее, но это зрелище остановило меня: я словно увидел дьявола, выглядывающего из-за плеча самого Христа! Я никак не мог отогнать это видение и даже протер глаза. Мария проснулась и сонно посмотрела на меня. Видимо, она что-то заподозрила, потому что тотчас сомкнула губы и прикрыла рот рукой.

– Что это ты так смотришь?

– Я только… на твое лицо, Мария – ты такая красивая… – И я наклонился поцеловать ее, стараясь спрятать от нее глаза.

С силой оттолкнув меня, девушка повернулась ко мне спиной. Я нерешительно притронулся к ее бедру, но она сердито стряхнула мою руку и отодвинулась еще дальше.

Я совсем растерялся.

Внезапно Мария легла ко мне вполоборота, прикрывая лицо простыней.

– Значит, наш молодой господин явился сюда защищать меня, – с насмешкой бросила она, – да ведь он и сам не знает от кого! – И фыркнула: —Ха! Наш великий профессор и его маленький помощник, – она похлопала по моим вялым чреслам, и я быстро натянул до пояса простыню, – хотят найти убийцу! Ищут, и рыщут, и задают хитроумные вопросы! Уж они-то лучше знают, как Мария должна относиться к ведьме и ко всем остальным! – Она хрипло рассмеялась. – Но известно ли кому-нибудь, кто убийца? – Ответа она не ждала. – Конечно! Маленькой Марии все известно! Маленькая глупенькая Мария все знает!

Я схватил ее за плечо и попытался развернуть:

– Тебе известно, кто убийца?!

Она яростно отбросила мою руку:

– Отстань! Я спать хочу… – в голосе ее зазвучала усталость, и я решил дождаться, когда девушка сама проснется.

Я стряхнул с себя сон, встал и пошел проверить, не высохла ли одежда. Она оказалась жесткой, но сухой – даже толстый плащ. Только сапоги изнутри были влажноватыми. Засмущавшись, я надел рубаху и штаны. От колких замечаний Марии у меня горели щеки: я все еще чувствовал себя мужчиной, но распиравшая меня ранее гордость в мгновение ока превратилась в тягостную неуверенность.

Внезапно позади меня мелькнула какая-то тень. Я повернулся и увидел прижатое к окну лицо с расплющенным носом и губами и вытаращенными глазами. Незнакомец оглядел комнату, и взгляд его остановился на спящей Марии. Вскрикнув, я метнулся за сапогами – и лицо исчезло. Я с трудом натянул сапоги и набросил на плечи плащ. Мария проснулась, привстала и озадаченно посмотрела на меня. Я откинул крючок на двери, а девушка вновь легла на бок и заснула. Хлопнув дверью, я выбежал и стал пробираться сквозь сугробы. Фонарь я в спешке позабыл, но возвращаться за ним и терять время не хотелось – тогда незнакомца мне уж точно не догнать! Впереди вдруг мелькнул огонек – значит, у беглеца есть фонарь! Я хотел кинуться ему наперерез, но вынужден был отказаться от мысли вернуться на протоптанную дорожку. Пытаясь не сбиться с пути, я шарил рукой по краям сугробов и, выбиваясь из сил, шел по следам, оставленным беглецом. Я даже не задумывался, что буду делать, если догоню его, а в голове моей крутился лишь один вопрос: кого же я увидел? Я пытался найти сходство с кем-то из подозреваемых и других постояльцев, но сплющенное лицо могло быть чье угодно, однако оно не было похоже ни на одно из тех, кого я знал. А в висках у меня стучала единственная мысль: убийца! Это убийца! И скоро я схвачу этого мерзавца!

Вновь блеснул свет фонаря, на этот раз совсем близко, и я, как бык, рванулся через сугробы, задыхаясь от ледяного воздуха, обжигавшего легкие. Он не должен ускользнуть от меня! Фонарь вновь погас, я немного сбавил ход и опять стал искать тропинку. Внезапно плечо пронзила резкая боль: в темноте я наткнулся на угол харчевни. Когда боль немного утихла, я, отдышавшись, пошел вдоль стены, нащупывая ее рукой.

Однако вскоре уперся в очень высокие сугробы, а выбравшись из них, оказался неподалеку от крыльца, на которое поднялся из последних сил.

Оказавшись внутри, я сразу заметил, что кто-то погасил свет, а ведь, когда я выходил, в коридоре было светло. Закрыв дверь, я ждал, пока глаза привыкнут к темноте, и не сразу

увидел, а скорее почувствовал, будто слева что-то шевельнулось. Не успел я обернуться, как на голову мне обрушился тяжелый удар, – ноги мои подкосились, я попытался опереться на стену, но стена ускользнула от меня, и я провалился в темную бездну.

В темноте возятся мыши – я слышу, как они перебирают лапками по усыпанному песком полу, попискивают и грызут хлебные крошки. Иногда они смелеют – порой мышь даже запрыгивает ко мне на одеяло, – правда, к моему лицу они никогда не приближаются.

Князь Реджинальд предлагал поставить мышеловку или разложить тут мышиный мор, чтобы избавить меня от этой напасти. Но я отказался. Мыши – мои друзья. У меня остались лишь они и мороз. Бессонные зимние ночи все равно не приносят мне ни отдыха, ни покоя, и мыши тут ни при чем. Их возня подстегивает мои мысли, заставляет вспомнить, что жизнь на земле не ограничивается людьми и нашим человеческим злом.

Мороз же напоминает мне о смерти.

Сейчас князь Реджинальд навещает меня каждый вечер. Говорит, что печется о моем самочувствии. Но я-то вижу его насквозь – подобная забота ему не свойственна. Истинная причина его визитов – моя история. Он присаживается на стул, рассказывает, как прошел день, и спрашивает: "Вы сегодня что-нибудь написали?" Но я только качаю головой.

Вот уже неделю я ничего не писал. Голова моя не желает… Или пальцы.

Я боюсь. Боюсь того, чем продолжится мое повествование, но еще больше боюсь неведомого или, скорее, забытого. Пока я пишу, в моем воображении всплывают обрывки воспоминаний, будто мелкие осколки большой картины. Удивительно: я давно выбросил их из головы, а сейчас они против моей воли рвутся на бумагу. Я знаю, что без них история не будет правдой, но они пугают меня все сильнее и сильнее. В последние дни меня особенно поразили два воспоминания. Притаившись, будто два маленьких демона, они ждали своего часа, чтобы внезапно выскочить и совсем сбить старика с толку.

Первый демон показал свою уродливую физиономию в конюшне, когда Томас по-хамски обошелся с Бигги, заставив меня краснеть за него. Я вдруг увидел профессора совсем иным, непохожим на того Томаса, который жил в моих воспоминаниях все эти годы.

Второй демон был тем самым дьяволом, что выглянул из-за плеча Христа, когда Мария оттолкнула меня. Это произошло в ту ночь, когда я увидел в окне чье-то лицо и ринулся следом за незнакомцем, прочь от тепла девичьего тела, оставляя позади желание погасить нашу ссору.

Эти демоны пугают меня.

Князю я об этом не рассказывал, да он бы и не понял. Князь Реджинальд ничего не боится. Для него победить страх – это дело чести.

Такие философствования наверняка рассмешили бы и Томаса.

"Те, кто ничего не боится, и любить ничего не могут. Пока не перенесешь болезни, не поймешь, что такое радость. Не познав холода, не ощутишь тепла. Жизнь такой и должна быть, Петтер, иначе это не настоящая жизнь". – Так он сказал мне однажды.

Возможно, когда я закончу повествование, князь испугается. Не за этим ли я и рассказываю?..

Ладно, утро вечера мудренее. И мыши нашептывают мне, что сон уже близок…

Глава 33

Сначала появились звуки. Далекие и приглушенные. Похожие на урчание в животе. Словно подземное шипение, когда лопаются пузырьки расплавленной магмы. Чистый и резкий звук, будто порожденный звездами. Далекими, одинокими и пустынными звездами. Мне хотелось плакать.

Затем возникли картины. Расплывчатые, меняющиеся и нечеткие. Бесцветные бессмысленные формы. Безголовые люди? Безногие звери? Бессмысленные и уродливые создания… В горле застрял стон. Эти видения пугали меня.

А потом появился Томас. Его голос.

– Наконец-то ты ожил, Петтер. Как раз вовремя.

Я почувствовал прикосновение влажной тряпки ко лбу, вискам, подбородку, а затем тряпка переместилась на другую щеку, стирая бессмысленные видения. Я попытался открыть глаза, но тщетно. Я повторил попытку, приложил все усилия, словно объясняя векам, что им делать – сначала одному веку, а потом – другому. Но послушалось только правое.

В узкую щелку ворвался свет свечи на столе перед белым мертвым квадратом окна. После этого передо мной возникла фигура Томаса – он уселся на стул и склонился надо мной.

– Ты как? Неплохо ты прогулялся. Мне пришлось подлатать тебе шею. – Он опять обтер меня полотенцем. – Везунчик – тебя быстро обнаружили. Пастор услышал на лестнице какой-то шум, выглянул и увидел, что ты лежишь внизу в луже крови. Он попытался затащить тебя вверх по ступенькам, но оказался слабоват, поэтому растолкал меня, и мы вместе донесли тебя до кровати.

Он поднес к моим губам кружку с теплой водой, и я жадно напился, заметив, как ко мне возвращаются силы. Теперь их хватило, чтобы открыть и второй глаз. Томас радостно рассмеялся:

– Ты идешь на поправку, Петтер. Отлично! Но сегодня тебе вставать нельзя, и еще несколько дней передвигаться будешь с величайшей осторожностью. Больше мы тебе не дадим упасть с лестницы.

Я устало прикрыл глаза. Что-то в его словах звучало неправильно… Что-то о лестнице… Я с нее не падал. Нужно сказать профессору, что это не так. Что на самом деле… Мысли замерли, я не знал, что произошло на самом деле. Я открыл рот, но слова не выговаривались. Я их не слышал. Они даже в голове не складывались. С усилием открыв глаза, я посмотрел на Томаса.

– Сейчас дам еще воды, Петтер. Вот, смотри-ка…

Я вновь напился, чувствуя, как вода стекает по шее и заливается под одеяло. Веки отяжелели и опустились – с глухим стуком, словно дубовые ставни. Видения начали уменьшаться, пока совсем не исчезли, и все стихло. Воцарилась тишина.

И темнота. Надолго.

Звуки. Мычанье коров. Вой ветра на улице. Потрескивание дров в камине и шипенье воды на раскаленной сковороде. Скрежет пилы и свист флейты. Под закрытыми веками у меня что-то болезненно стучало. Мне захотелось обратно, в тишину и темноту.

Пятнышки света покалывали мои веки, танцевали и бешено кружились – так быстро, что меня затошнило, желудок сжался, и, отчаянно всхлипнув, я попытался привстать. В левое ухо мне словно воткнули железный прут, пронзивший голову насквозь. Скрежет внезапно умолк, Томас с криком вскочил с кровати, так что жалобно скрипнули пружины.

– Петтер, ты что?!

Я услышал топот. Томас подхватил меня и, поддерживая, поднес ко мне таз для умывания – его холодный край уперся в мою шею. Я открыл глаза и уставился на воду в тазу, сквозь которую просвечивало желтое дно. Содержимое моего желудка начало выходить наружу – медленно и болезненно, по комнате пополз отвратительный запах, казалось, это никогда не прекратится, но под конец осталась лишь зеленоватая слизь, а потом и она закончилась.

Наконец рвота унялась, и я, насквозь пропотевший, откинулся на спину. Отставив в сторону таз, Томас вытер мне лицо и губы мокрым полотенцем. Он поднялся и нерешительно замер с полотенцем в руке.

– Попрошу Марию сменить воду, – сказал он, направляясь к двери.

– Минн… – Я протянул руку ему вслед.

– Что?

– Я… я… – во рту пересохло, и язык отказывался ворочаться. Томас поднес к моим губам кружку, и я смочил рот, – я не… не падал… – выговорил я. Однако Томас не понял и, растерянно глядя на меня, наклонился ближе:

– Что ты сказал?

– Я не… не падал с лест… лестницы… – И я устало опустил голову на подушку.

– Не падал с лестницы? То есть сегодня ночью?.. А что же с тобой случилось? Ты едва не разбил голову в лепешку… – Томас запнулся: он догадался о том, чего я не мог выразить словами.

– Ты… на тебя напали?

Ну да! Конечно же! На меня напал тот незнакомец, что заглядывал в окно! После того, как мы с Марией… Мысли смешались в клубок, перед глазами закружились картинки: вот алые губы Марии, ее восхитительное тело на белых простынях, танцующие тени… По телу разлилось блаженное оцепенение. Я словно обрел бескрайний мир, отнять который у меня не под силу никому, и в этом мире со мной разговаривали звезды. Мария… – пело мое тело, – Мария…

Я вновь провалился в сон без сновидений, черный и целительный.

Громкие голоса. Я открыл глаза. Томас поднялся из-за стола – там он, видимо, делал заметки и сейчас что-то тихо бормотал себе под нос. Сначала голоса доносились снизу, потом переместились на лестницу, приближаясь к нашей двери.

Раздался громкий стук.

– Войдите! – отозвался Томас. Дверь распахнулась, на пороге появился Альберт, а за спиной у него маячила фигура Бигги. Они замерли и переводили изумленные взгляды то на меня, то на профессора.

– Что с тобой стряслось? – Альберт осторожно потрогал мою голову, и я, к своему удивлению, понял, что голова у меня перевязана.

– Сегодня ночью на него напали, – ответил Томас, откладывая в сторону пистолет.

Заметив у него в руках оружие, я удивился еще сильнее. Да, мы повсюду возили с собой пистолет – завернутый в тряпицу, он обычно лежал в шкатулке розового дерева, как правило, на дне одной из сумок. В мои обязанности входило доставать его оттуда раз в месяц, чистить и смазывать. Но возили мы его, скорее, просто для вида и собственного спокойствия ради. Прежде я никогда не видел, чтобы пистолет заряжали и уж тем более – Томаса с оружием в руках.

Глядя на профессора, я вдруг понял, что Томас даже не поинтересовался, где меня носило этой ночью. И зачем я бродил по коридору… Томас меня знал и порой прежде меня самого догадывался о моих истинных намерениях. Поэтому спрашивать ему не требовалось.

Усевшись на кушетку, Бигги попросила меня высунуть язык, заглянула мне в глаза, потрогала лоб и проверила пульс.

– Вы не видели сегодня утром Марию? – спросил Альберт профессора.

Томас повернулся к нему:

– Я ее звал недавно – нам нужно было сменить воду, а я не хотел оставлять Петтера одного. Но Мария так и не появилась… – он удивленно раскрыл глаза, – ты что, не можешь ее найти? Думаешь, что…

– Не знаю. Но коров сегодня никто не доил, и они с ума сходят. Я попросил хозяина подоить их – пусть и от него будет хоть какая-то польза…

– А в комнату к ней заглядывали? – перебил его Томас.

– Заглядывали… – Альберт и Бигги нерешительно переглянулись. Конюх встал и, направившись к двери, сказал Томасу: – Пойдемте – и сами все увидите!

Я попытался подняться, но Бигги остановила меня:

– Не надо, Петтер, на тебе лица нет. Они и без тебя справятся.

Но я отвел ее руки и с опаской встал, ни на секунду не забывая о раскаленном железном пруте, готовом впиться мне в голову при малейшем неловком движении. Я медленно оделся. Одежда висела возле камина, а рядом стояли сапоги, и телу приятно было их сухое тепло. Зато камзола я не нашел.

Бигги помогла мне спуститься с лестницы.

Томас с Альбертом стояли посреди комнаты Марии и серьезно смотрели на кровать. Сердце мое сжалось, но я подошел ближе. Поперек кровати, свесив ноги и уткнувшись лицом в ковер, лежал Густаф Тённесен. Пивная кружка выпала у него из рук и валялась рядом, а постельное белье было покрыто темными пивными разводами. В другой руке плотник сжимал полупустую бутылку из-под водки. В комнате пахло потом и рвотой.

– Он что… – Я не смог выговорить “мертвый”, опасаясь, что не смогу скрыть радость. Склонившись над плотником, Томас приподнял ему одно веко и покачал головой:

– Нет, просто вусмерть напился. Гели мы хотим привести его в чувство, то придется хорошенько постараться и вылить на него пару ведер холодной воды.

– Это не к спеху, – подала голос стоявшая позади Бигги, – надо найти Марию. Мы искали повсюду, где только можно – в хлеву, на сеновале, в амбаре и прачечной, и в кузнице тоже смотрели, и даже в каретном сарае.

– А еще, – добавил Альберт, – мы спрашивали у хозяина с хозяйкой, но и те ее не видали. Они вообще не выходили из комнат, только пару раз крикнули, чтобы она подала им завтрак. И когда она не пришла, они лишь удивились немного, но делать ничего не стали… – в его словах зазвучали сердитые нотки.

Томас развернулся и направился на кухню, спросив на ходу:

– Вы не проверили, нет ли на снегу ее следов?

– Там вообще нет никаких следов, – ответил Альберт, – но это и неудивительно – ночью все запорошило снегом. Дорожки я расчистил, но следов девушки не обнаружил. Хотя… – он беспомощно махнул рукой в сторону окна, – если она лежит в сугробе, то найти ее будет непросто.

Я смотрел на спящего плотника, а внутри у меня все похолодело. От вида долговязого Тённесена, развалившегося на кровати Марии, мысли мои сперва остановились, но затем родилось недоумение: что он тут делает? Неужели он и прежде сюда приходил?

– Вы заглядывали в комнату на втором этаже? К священнику, Тённесену и ко всем остальным? – спросил Томас, но, догадавшись по выражению их лиц, быстро направился к двери. – Значит, нужно проверить и там. – И он решительно зашагал по лестнице, а Бигги с Альбертом поспешили следом. Я замер, глядя им в спину, бессильно опустив руки. Мне хотелось крикнуть: “Я знаю!..” – но смелости не хватало.

На негнущихся ногах я вышел в коридор и приоткрыл дверь. В порыве ветра я выпустил ручку двери, и дверь стукнулась о стену. Я вышел наружу, спустился по лестнице и

направился к прачечной. Дверь за собой я закрывать не стал. Мария, я иду тебя искать! Раз-два-три-четыре-пять! Я знаю, где ты прячешься, крошка Мария с розовыми губами. Выходи, выходи! Я знаю, где ты…

Слезы застывали ледяными комочками на щеках, слепили глаза, и когда я подошел к прачечной, то дверь мне пришлось искать на ощупь.

Сначала мне в глаза бросился камзол: его темная ткань на белой простыне будто выкрикивала мне обвинения. На этой простыне мы лежали. Это мой камзол. Сегодня ночью в спешке я забыл его здесь. Мария, почему ты не убрала его? Мария, где ты? Я не вижу тебя. Здесь побывал кто-то еще – и я знал это. Я не вижу тебя, Мария. Выходи! Я иду тебя искать! Где ты? Опустившись на колени, я пошарил в белье, перебрал каждый лоскут. Но Марии не нашел.

Я огляделся. Бочонок с золой для щелока был перевернут, а таз со щелоком исчез… Может, его не видно за бочонком?.. Из открытой двери сквозило, и ветер играл с вывешенными на просушку простынями. Я встал и посмотрел на стену. Стену из простыней. Она шевелилась… Медленно и загадочно, будто знала… знала что-то!.. И я… я тоже знал!

Надежды разлетелись вдребезги.

Словно во сне я откинул в сторону белую простыню, за которой скрывалась еще одна. Вскоре я оказался в удивительном мире чистого, белоснежного белья – оно окружало меня со всех сторон и казалось живым. Мне снился сон. Я разговаривал с ней. Но она не отвечала. Страшный сон. Я разговаривал с ней, звал ее. И нашел ее. Она по-прежнему не отвечала. Она лежала там, на животе, подогнув колено. Совсем голая. Как и ночью, когда я ушел от нее. Прижавшись боком к стене. Уткнувшись лицом в таз. Сон безумца. Ночной кошмар. Я перевернул ее. На спину. Нет, лица я не увидел. На его месте появилась дьявольская ухмылка. Черная. Гнилая. Что сталось с алыми губами? С носом? Со щеками? Я закричал. Я кричал и кричал, будто больше мне ничего не оставалось. Все остальные звуки пропали. Дьявол усмехался мне. Христос покинул меня. Ушел навсегда. Я закричал.

Кто-то обнял меня за плечи и вывел на улицу. Я кричал. Кричал, чтобы исчезнуть. Подальше от этого дьявольского злого мира.

Глава 34

Где ты, желанная?

Смерть, я зову тебя! Где же ты?

День бесконечного отдыха,

День мой последний, приди!

Пусть не увижу я Солнца вовек![22]

В моем сознании всплывает эта мольба, которую Софокл вложил в уста царя Креонта, когда тот узнал, что потерял всех своих близких. Фиванский царь хочет умереть и не видеть больше рассвета. В молодости, когда мы с Томасом странствовали, я не знал греческих трагедий и не мог подобрать слова, чтобы описать охватившие меня скорбь и отчаяние. Грудь сдавило, там словно поселились змеи, грызущие мне сердце. Земля ушла из-под ног, а зло будто проникло в каждый уголок белоснежного мира. Лишь сейчас, в старости, я могу подобрать слова.

Нет.

Не слова… – образы, облаченные в слова.

Князь Реджинальд недавно ушел.

До Рождества осталось шесть дней. И я вновь начал записывать. Но не настояния князя тому причиной – чем сильнее он настаивает, тем глубже я погружаюсь в размышления. Князь

надо мной не властен. Этот мир тяготит меня. Нельзя заставить того, кто не боится смерти, кто ждет ее, как доброго друга.

Писать мне сложно, слова не идут на ум, слова, которыми можно было бы описать все это, – приходят лишь образы. Наконец я решил записать образы. Облечь их в слова. Избавление. Всю жизнь я жил с этими образами. Они застывали в крике на моих губах по утрам, выступали холодным потом, приходили мрачными тенями по ночам. Они, как и Томас, как жизнь на хуторе в Хорттене, – часть моей жизни. То… что случилось на постоялом дворе в Ютландии, открыло ворота в новый мир – мир сомнений. Да, я труслив и никогда не осмеливался сомневаться вслух, однако они жили во мне, как часть меня самого, подобно вопросу, на который я так и не смог найти ответа. Я всю жизнь сомневался.

Томас осмеливался задавать вопросы. Он не просто задавал их – он выкрикивал их, приходя в ярость и сжимая кулаки:

– Господи, почему ты допускаешь такое?! Где ты, Господи?! Существуешь ли ты?!

Он в ярости мерил шагами нашу тесную комнатку, метался от письменного стола к открытой двери – где-то там хозяева как раз рассказывали пастору о случившемся. Бигги сидела на кровати и серьезно наблюдала за ним, а Альберт ушел в кузницу сколачивать еще один гроб. Я лежал на кушетке, в полубреду. Бигги напоила меня молочным отваром валерианового корня.

– Как Господь мог допустить подобное? Юная девушка – ее же совсем изувечили! Почему?! – выкрикнул Томас, показав пальцем на священника. – Почему ваш Бог допускает подобное?!

Пастор печально посмотрел на Томаса:

– Бог не допускает зла. Он лишь дает свободу, которую человек направляет в дурное русло.

Томас развернулся и вошел в комнату.

– Добро и зло – это выбор человека.

Когда священник проговорил это, Томас уже стоял возле окна. Он повернулся и гневно огляделся:

– А разве он не всемогущий?! Почему тогда он не в силах искоренить зло?! – Профессор вышел на середину комнаты. – Да существует ли Он?! Есть ли вообще в этом мире Бог?! – Вопросы повисли в воздухе, как кусочки чумной плоти, к которой никто не решался притронуться. Фон Хамборк отвернулся и исчез на лестнице, а за ним последовала и супруга. Пастор молчал. Не отвечая, он лишь печально смотрел на профессора, а по его худощавым шероховатым щекам катились слезы.

Наконец Бигги проговорила:

– Вчера вы сказали, что существование вашего Бога доказано. И что имеется научное доказательство этого.

Испытующе посмотрев на женщину, Томас кивнул:

– Верно. Я даже обещал себе показать письменное доказательство. – Он порылся в книгах на письменном столе и вытащил небольшой томик в коричневом переплете. Перелистав несколько страниц, он поднял глаза. – В "Размышлениях о первой философии" Декарт пишет, что разумные существа не могут сомневаться в существовании своей души, а следовательно – и в собственном существовании. Далее он говорит, что у нас, людей, есть представление о безупречном существе, то есть о Боге, и что эта идея не возникла из пустоты и должна иметь причину. Причина эта, по его мнению, не может быть порождением существа несовершенного, коим является сам человек, а исходит извне, от совершенного существа. Он говорит: "Идея о совершенном существе имеет совершенную причину". Исходя

из этого, он приходит к выводу, что совершенство, то есть Бог, существует, иначе и идея о Нем не появилась бы.

Бигги смотрела на профессора так, будто тот сказал ей, что у него есть крылья и он умеет летать. Томас вдруг отшвырнул книгу:

– Что за вздор! Это ничего не доказывает! Все это лишь слова! Причина… – Тяжело дыша, он схватился за бороду. – Какова причина зла?! Почему у нас есть идея зла?! И если у меня нет идеи о совершенстве, значит, я могу доказать, что Бога не существует?!

Тобиас, старый слуга, принес горячей воды для ног и крапивной вытяжки, мое вечернее снадобье от ревматизма. Почему он прислуживает мне, а не наоборот? Случайность? Судьба?

Спроси я у князя Реджинальда, он наверняка ответил бы: “Божья воля!”

И тем не менее.

В последнее время он сам не свой. Князь не распространяется о том, что прочел, как бывало прежде. Он погружен в собственные мысли. Сегодня вечером он долго сидел, глядя в пустоту, – казалось, он забыл обо всем на свете, а затем вдруг вскочил и вышел. На него это не похоже.

В дверях он повернулся и хотел было что-то сказать, но не стал и просто молча ушел. Что-то мелькнуло в его взгляде. Неужели моя история открыла в его душе новый мир?

Воля Божья!

Я бы и сам так ответил, спроси меня кто.

– Всегда сомневайся! – часто говорил мне Томас. – И в моих словах тоже. Задавай вопросы и требуй ответа, ищи его, добивайся. Не принимай на веру того, что не имеет доказательств.

Томас Буберг всю жизнь следовал этому правилу и меня хотел научить тому же. По-моему, он настолько истово пытался ему следовать, что сомневался даже в самом правиле, сомневался, что оно без изъяна.

Помню, как в последний день года Господня 1699 лежал я на кушетке и чувствовал, как гневные слова профессора подогревают во мне сомнения, что мой мир рухнул, и неопределенность все сильнее сжимает испуганное сердце. Гели уж Томас порой сомневался в существовании Господа… А ведь профессор обладал мудростью и опытом, какие редко встречаются, и всегда старался найти обоснование собственному мнению… Что же остается мне? Как после всего случившегося сохранить веру, к которой с детства привык?

Я вспомнил, как Томас сказал трактирщику за день до этого: “Я настолько же уверен, что конец света не наступит, насколько убежден в существовании Господа”. В глазах у меня помутилось, образы обступили меня, вынырнули из белоснежного ада: граф, его кровавые внутренности, изуродованное лицо Марии, дьявольская ухмылка, *Судный день*! Они кружились передо мной, все быстрее и быстрее, – я прижал ладони к ушам и закричал.

Глава 35

– Почему? – Томас переводил взгляд с меня на Бигги. В руках у него была деревянная миска с едой.

Гнев его давно остыл, сменившись каким-то упрямым беспокойством. Я принял успокоительного и выспался, а Бигги тем временем прибралась в комнате и приготовила всем еду. Трактирщик с тревогой в голосе сообщил, что хозяйка слегла с тошнотой и головокружением, и попросил у Бигги помощи. Томас побывал в кузнице – осматривал тело Марии и разговаривал с Альбертом. Тот заверил, что ночью глаз не сомкнул, поэтому готов поклясться собственной жизнью, что Бигги ночью никуда из конюшни не отлучалась. Потом

профессор с Бигги привели в чувство Густафа Тённесена. Они уложили лжеплотника в лохань и поливали холодной водой, пока тот не опомнился настолько, что смог самостоятельно одеться и доползти до собственной кровати. Однако окончательно он не протрезвел, поэтому ни о каком допросе и речи быть не могло. Как мрачно сказал Томас, тот и двух слов связать не мог.

Сейчас же профессора волновал вопрос "почему".

– Нужно спросить – почему. Почему Марию убили? Почему убили графа? Я исхожу из того, что их убил один и тот же человек, – Томас задумчиво похлопал ложкой по губам, – но полной уверенности у меня нет.

Мы вяло ковырялись в приготовленной Бигги еде. На вид она казалась вкусной, но у нас не было аппетита. Перед обедом Бигги обтерла меня до пояса и дала свежую рубаху. Сейчас я чувствовал себя намного лучше, принимая во внимание обстоятельства. Но больше всего на свете мне хотелось услышать ответ на мучивший меня вопрос.

– Томас… – чуть слышно проговорил я.

Томас тут же посмотрел на меня.

– Что?

Я откашлялся и выпалил то, о чем сам он наверняка уже и думать забыл, – напомнил фразу, сказанную им фон Хамборку: …конец света не наступит… сегодня. Я слышал, как от страха дрожит мой голос… Сегодня! Он вот-вот наступит! Ведь профессор отрекся от своего Бога! Теперь даже Томасу не остановить Судный день! Я сорвался на полуобморочный крик: ведь в прачечной мы нашли еще одно доказательство Судного дня! Марию!.. Я сглотнул слюну, тело мое безудержно сотрясалось, в голове пульсировала боль – ее волны окатывали шею и спину, – а из желудка поднималась тошнота. Бигги быстро поставила передо мной таз, но у меня выходила только желчь и слизь.

Бигги отерла мне рот и положила меня на подушку. Я вытер слезящиеся глаза. Едкая желчь разъедала горло.

Томас с тревогой смотрел на меня – он казался смущенным и растерянным.

– Я… Петтер, я произношу слова… Разбрасываюсь ими. В них – мои мысли, но… не все они одинаково важны для меня. Какие важны, знаю я сам, но тем, кто меня слушает, это не всегда понятно, – он немного помолчал, – то, что я сказал фон Хамборку, – это крючкотворство, я называю это принципом *"nonposse",* невозможной гарантией, потому что… я… – Он беспомощно осмотрелся, и взгляд его упал на стопку книг на письменном столе. Он словно просил у них о помощи. – Читая курс юридической риторики студентам-философам, я говорю, что мы всегда можем давать гарантию или обещание *in aeternum fieri non posse*, то есть такое, которое невозможно выполнить – ни сейчас, ни в будущем… Потому что на самом деле предмета вашей гарантии просто не существует. Понимаете? Гарантия действует вечно, но в то же время она… как бы это объяснить… она никогда не вступит в силу. Это… и есть невозможная гарантия.

Увидев, что мы с Бигги его не понимаем, Томас растерянно махнул ложкой, встал, вышел на середину комнаты и попытался объяснить по-другому.

– Я сказал фон Хамборку, что настолько же уверен, что конец света не наступит, насколько я убежден в существовании Господа. И это правда. Здесь нет клятвопреступления… то есть я не лгу. Однако когда я говорю, что Бога не существует, это не означает, что наступит Судный день, потому что возможность наступления Судного дня зависит от существования Бога! Иначе говоря: нет Бога – нет и Судного дня.

Профессор понял, что до меня смысл сказанного начал постепенно доходить, а так как Бигги, похоже, все это не очень интересовало, Томас продолжал:

– Сказав это, я не кривил душой, но в действительности этой гарантии грош цена. Мне просто хотелось придать больше веса словам, чтобы трактирщик успокоился.

Я не смог сдержать улыбку. Профессора мне никогда не постичь. Мы знакомы не так уж долго, и я не сомневался, что он вечно будет удивлять меня. Заметив, что я улыбаюсь, Томас успокоился.

– Прости, Петтер. Мне конечно же следовало объяснить тебе… Но я об этом не подумал. Другим был занят. – Он с сожалением пожал плечами и посмотрел на Бигги.

Передразнивая его, та тоже пожала плечами.

– Надо же, всеведущий профессор говорит пустые слова и думает, что все остальные делают то же самое. – В ее голосе послышалась издевка, но тут же исчезла. Воцарилась тишина, и Томас переменил тему.

– Нужно двигаться дальше. Время не ждет, и нам неизвестно, как поступит убийца или убийцы: возможно, пойдет на новое преступление или улизнет. Поэтому вновь зададим себе вопрос: почему? – Он помолчал, задумчиво глядя на противоположную стену, затем уселся за стол и зачерпнул ложкой еду. – Второй вопрос: почему Марию? – Профессор прожевал и снова опустил ложку. – Так вот: почему Марию так изуродовали? Я провел вскрытие и выяснил, что она умерла от сильного удара по голове. Ее стукнули каким-то крупным тяжелым предметом – возможно, плоским. И рана ее похожа на твою, Петтер, но серьезнее. Иначе говоря, когда девушку окунули в таз со щелоком, она была без сознания. Может, уже мертва. К счастью, – добавил Томас, посмотрев в окно. С его ложки упал кусочек моркови, но профессор этого не заметил.

– У меня есть ответ, – тихо отозвалась Бигги.

Томас медленно повернул голову и растерянно посмотрел на саамку.

– Ответ на твое “почему”. Ты – профессор, поэтому сам истолкуешь мой ответ.

– Вон оно что. Значит, сегодня ночью тебе приснилось что-то связанное с убийством графа? – Томасу не удалось скрыть сомнение. Я тоже вспомнил, как Бигги утверждала, будто во сне она может получить ответ, если задаст вопрос этим своим… кажется, духам…

Бигги кивнула – похоже, наше равнодушие ничуть не смутило ее.

– Во сне я шла по дороге, – начала она, – была весна или начало лета. Светило солнце, в небе пели жаворонки, поля уже колосились, отчего земля казалась золотистой. На деревьях и кустах зеленела молодая листва. Прямо передо мной по дороге шла девушка – на одной руке у нее висела корзинка, а другой она сжимала руку мальчика. Своего брата, лет десяти. Оба высокие и худощавые. У обоих – одинаковые прямые каштановые волосы. Девушка была, что называется, на выданье, с округлыми бедрами и пышной грудью, – Бигги прикрыла глаза, – лет шестнадцать… или, возможно, пятнадцать – вот сколько ей было. – Тихий, проникновенный голос Бигги завораживал не только меня, но и Томаса. – Навстречу им по дороге двигалось облако пыли, за ним показались пятеро солдат – четверо маршировали, а пятый гарцевал на лошади. Жаворонки умолкли. И остальные звуки тоже исчезли. Я видела, как солдаты остановили девушку, заговорили с ней, засмеялись. Она испугалась и хотела убежать, но грубые мужские руки держали ее. Солдаты принялись лапать девушку, и мальчик кинулся на них с кулаками. Один из солдат ударил его прикладом. Солдаты сорвали с девушки одежду, повалили в траву и надругались над ней. Мальчуган кидался в них камнями, пинал их и бил изо всех сил, пока наконец его не оттолкнули, – он упал и разбил голову о камень. Девушка тихо лежала, открыв рот и глаза. Солдаты подходили к ней по очереди. А потом собрались и пошли дальше. – Бигги немного помолчала. – Девушка еще долго лежала там. Пыль улеглась, и солнце перестало печь. И лишь тогда она с трудом поднялась. На ее ногах были пятна засохшей крови. Она взяла на руки тело брата и унесла его с собой.

Воцарилась тишина, и только бревна поскрипывали от порывов ветра. Я не мог дождаться, когда же уляжется буря Ведь ветер так и не стихал за все это время…

– И это все? – недовольно спросил Томас.

Глядя ему в глаза, Бигги кивнула.

– Значит, этот сон приснился тебе как ответ на вопрос, который я тебе задал?

Бигги молча посмотрела на него. Томас со вздохом повернулся ко мне, но я сделал вид, что поглощен трапезой.

– Откуда ты знаешь, что ответ кроется именно в этом сне? Ведь сегодня ночью тебе наверняка приснилось множество разных снов.

Женщина сердито тряхнула головой:

– Я не вчера родилась! Нойды чувствуют, когда духи хотят им что-то сказать! Это и есть ответ – я знаю!

Томас скривился, но не стал возражать и спросил:

– И кто эта девушка? И мальчик?

– Этого сон мне не раскрыл. Больше я ничего не знаю.

– Что за чертовщина, – Томас осекся и, стараясь успокоиться, с досадой махнул рукой, – и что мне делать с твоей историей? Летним днем молодую девушку насилует группа солдат… – Он вдруг умолк и, поглаживая бороду, прищурился. – А какое у этих солдат было обмундирование?

Бигги запомнила лишь отдельные детали: зеленый мундир с желтой отделкой на рукавах, желтые гетры, желтая вышитая монограмма на шляпах, мушкеты и шпаги[23]. Услышав это, Томас будто онемел. Мне стало нехорошо, я опустил тарелку на пол и укрылся одеялом. Голова раскалывалась, свет слепил глаза, но, когда я прикрывал их, в сознание пробирались ужасные воспоминания о мертвой Марии, сводившие меня с ума. А сейчас к ним добавились и образы из сна саамки.

Я попытался вспомнить ту Марию, какой она предстала передо мной ночью – обнаженную, нежную и ласковую… Вспомнил прикосновения ее мягких губ… Но эти губы не озаряла улыбка – они вдруг скривились – с них слетали оскорбления и отвратительные злобные слова. Слова, поразившие меня, слова, которые… Я открыл глаза и в ужасе уставился в потолок. Я вспомнил ее последние слова!

Я выпрямился – чересчур быстро, отчего мою голову пронзила такая боль, что я вскрикнул. Томас, который до этого задумчиво теребил многострадальную пуговицу на жилете, посмотрел на меня встревоженно.

– Петтер, ты что?

Бигги тут же подскочила к кушетке и уложила меня на подушку.

– Ма… Мария… – пробормотал я, – она сказала, что знает… кто убийца… – Эти слова высосали из меня последние силы.

Томас склонился надо мной:

– И кто это?

– Нет… Она не… не сказала…

– А-а… – Томас постарался скрыть разочарование, – не сказала… – Он задумчиво посмотрел на меня. Казалось, он смотрит куда-то сквозь меня. А затем профессор вдруг снова опомнился. – А почему не сказала?

– Она… – я растерялся, не зная, что сказать, – она хотела меня подразнить. Рассердилась… Нет… не знаю… Может, она и не собиралась этого рассказывать… – От напряжения подмышки у меня вспотели, на лбу тоже выступил пот, и под повязкой зачесалось.

– Может статься, – сказал Томас, – что ты дал нам ответ на наше “почему”, а именно – почему ее убили. Если девушка каким-то образом разузнала, кто убил графа, и если убийца понял, что ей об этом известно, то для убийцы это было единственным способом заткнуть Марии рот.

Снизу, из хозяйских комнат, послышались громкие крики и шум, который потом немного стих, превратившись в беседу на повышенных тонах, хотя сами слова тонули в завываниях бури.

– … Мария могла увидеть или услышать что-то, – продолжал Томас, – вот только когда?

– В день убийства, когда она пошла переодеться, – перебила его Бигги, – помните, я рассказывала, что она случайно облилась водой, пошла переодеться и долго не возвращалась. Из окна ее комнаты хорошо просматривается задний двор. Возможно, она видела, как произошло убийство, и разглядела убийцу? Томас с уважением смотрел на саамку:

– Это похоже на правду. Кого здесь не было, пока Мария переодевалась у себя в комнате? Это помогло бы нам сузить круг подозреваемых.

– Кроме меня, тут никого не было. Затем вернулась Мария, потом Тённесен с пастором, а следом и вы явились. Дальше вам все известно.

Что-то здесь было не так… Я точно знал… Что-то изменилось, ведь вчерашним вечером ее рассказ звучал иначе… Я вдруг вспомнил, как тем вечером отметил про себя что-то важное в рассказе Бигги… Ход моих мыслей прервал тихий стук в дверь – такой тихий, что мы втроем сперва переглянулись, сомневаясь, что слышали стук. Затем Томас поднялся и сказал:

– Войдите!

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась бледная госпожа фон Хамборк. Она неуверенно оглядела нас по очереди, пока ее взгляд не остановился на Томасе.

– Профессор сейчас очень занят? – Она запнулась и посмотрела на Бигги.

Томас понимающе кивнул и, обращаясь к Бигги, попросил:

– Будь любезна, принеси нам чего-нибудь попить. Саамка молча встала и вышла.

Дождавшись, когда Бигги поравнялась с ней, трактирщица кивнула на повязку на моей голове, будто хотела похвалить ее. Она села на стул и принялась нервно теребить массивное золотое кольцо. Свое обручальное кольцо.

– Чем могу служить? – спросил Томас.

– Я неважно… как профессор, наверное, заметил, в последнее время я неважно себя чувствую. Желудок беспокоит… Не принимает пищу… Мой супруг считает, что это началось с появлением здесь колдуньи, – она хихикнула и посмотрела на дверь, – но я с ним не согласна… И еще я стала необычайно раздражительной, вспыльчивой… – Она умолкла и, похоже, продолжать не собиралась.

– Хотите, чтобы я вас обследовал и выяснил, какой недуг вас беспокоит?

Трактирщица едва заметно кивнула. Разглядывая ее профиль на фоне окна, за которым начали сгущаться сумерки, я видел, что, несмотря на страх и тревогу, черты ее лица сохранили присущую им решительность. Сбоку ее крупный нос казался почти мужским. Однако в облике женщины чувствовался какой-то надлом, будто печаль окутывала всю ее серой мрачной пеленой. Томас поднялся и подошел к двери.

– Мне известен ваш недуг – в нем нет ничего необычного, – спокойно сказал он, повернувшись к двери спиной и положив руку на дверную ручку, – но о его сути догадался вовсе не я, госпожа фон Хамборк. – Профессор приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

Через минуту в комнату вернулась Бигги – она принесла кувшин с пивом и четыре кружки. Разлив пиво по кружкам, саамка протянула одну трактирщице.

– Первой о причине вашего недомогания догадалась Бигги. Помните тот вечер, когда она помогала уложить вас в постель? Потом, когда ее начали обвинять в колдовстве, Бигги рассказала мне обо всем. И с первых ее слов я ни секунды не сомневался в ее правоте. – Томас взглянул на Бигги: она наклонилась и взяла хозяйку за руку. Госпожа фон Хамборк смотрела на саамку так, будто ожидала смертного приговора.

– Госпожа, – тихо проговорила Бигги, – ваш недуг – не следствие болезни. Вы беременны. В вашей утробе зреет младенец, и именно поэтому вас тошнит и настроение то и дело меняется. Вы также едите то, чего прежде не ели.

Госпожа фон Хамборк не ответила, но недоверие на ее лице сменилось облегчением, облегчение – радостью, радость – беспокойством и снова недоверием. А потом из глаз ее брызнули слезы, и трактирщица, всхлипывая, закрыла лицо руками и выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

Глава 36

Томас о чем-то тихо посовещался с Бигги, после чего саамка удалилась.

В камине горел огонь, и в комнате потеплело, так что царство холода отступило, и стужа властвовала лишь за окном. Я осторожно повернулся под одеялом – раскаленный железный прут в моей голове ежесекундно напоминал о себе и ограничивал движения. Но не шевелиться я не мог. Чтобы я не замерз, Томас набросил на меня свое одеяло, однако в комнате нашлись и другие любители понежиться в тепле: в кушетке моей кишмя кишели блохи, только и дожидавшиеся, когда я улягусь, чтобы напиться моей крови. Больше всего блохи любят, когда их жертва спит и не двигается, а моя левая нога как раз затекла…

Я шевельнулся, – перед глазами заплясали красные круги, и я со стоном опустился на подушку.

Ну конечно же, сон!..

Я вытаращил глаза – кажется, я вспомнил то, о чем чуть не забыл!

– Профессор, вчера вечером, когда я разговаривал с Бигги, вы заснули, верно?

Томас хмыкнул и нехотя пробормотал:

– Ну-у… Возможно, я на пару минут задремал. А почему ты спрашиваешь?

Мне вдруг стало совестно. Я ведь совершенно позабыл о нем самом.

– А как вы себя чувствуете? Вчера ночью вы ушиблись и, когда я вас нашел, совсем замерзли!

Томас с удивлением воззрился на меня, а потом рассмеялся:

– Так ты об этом! Да все со мной в порядке! – И он похлопал себя по животу. – Я неплохо подготовлен, и какому-то легкому морозцу так просто меня не победить! А почему ты спросил, заснул ли я вчера в конюшне?

– Потому что Бигги, кажется, сказала нечто важное, но я никак не могу вспомнить, что именно…

– Хм… Вон оно что! – Томас пододвинул стул ближе к моей кушетке. – А можешь дословно пересказать, что ты услышал от Бигги? Всё, что вспомнишь?

Я дословно пересказал историю Бигги, а Томас, не перебивая, выслушал меня. Когда я закончил, профессор молча потеребил бороду, а затем попросил повторить одну услышанную мной фразу.

– Бигги сказала: по-моему, первым явился пастор со своей Библией. Он уселся возле камина. А за ним – плотник. А потом вы приехали.

В эту секунду раздался стук в дверь, и на пороге появились Альберт и Бигги.

– Будьте любезны – затворите дверь, – попросил Томас и, жестом пригласив присесть на кровать, повернулся к Бигги: – В тот вечер, когда графа убили, ты на некоторое время оставалась в харчевне одна. Кто вернулся туда первым?

– Но я же вчера обо всем рассказала!

– Мы хотели бы услышать это еще раз, – настаивал Томас.

Бигги задумалась:

– Ну да, сначала пришел пастор… Хотя не уверена – может, и Мария… – Бигги перевела растерянный взгляд с профессора на меня.

– Нет, – сказал Томас, – мне нужно точно знать, – он наклонился вперед, – куда сел священник?

– К камину, я же говорила, – ответила Бигги, – а потом пришел Тённесен, и священник пересел на свое обычное место, в угол.

– А Тённесен сел к камину?

– Да.

– То есть туда, где перед этим сидел пастор?

Бигги задумалась:

– Ну да… Да, так оно и было. Когда возвращаешься с улицы, всегда тянет поближе к теплу.

– А священник вернулся с улицы?

– Не помню. Но, усевшись там, он протянул руки к огню и вроде пытался согреться.

Томас хлопнул в ладоши и расплылся в довольной улыбке:

– Отлично!

Альберт встал:

– Я обещал хозяину подоить коров, поэтому если понадоблюсь, то я в хлеву.

На лестнице послышался стук его башмаков. Бигги тоже поднялась и, положив на стол кожаный мешочек, направилась к двери:

– А я пообещала хозяйке приготовить нам роскошный ужин. Хозяин собирается напоследок накормить всех нас досыта, в обстановке торжественной и достойной. Вот только что он имел в виду, когда сказал "напоследок"?

Томас поднялся:

– По-моему, хозяин расщедрился, потому что верит в Судный день.

– Судный день? Это о нем вы разговаривали с хозяином вчера вечером?

– Да. – Бигги задумчиво кивнула и вышла из комнаты.

– Ну, будем надеяться, что он именно это подразумевал… – добавил Томас, глубокомысленно глядя на дверь. Затем пробурчал: "Подожди-ка секундочку" – и исчез в коридоре, а чуть погодя послышался стук в дверь и приглушенное бормотание. Профессор вернулся, и я, к своему удивлению, за спиной у него разглядел пастора.

– Присаживайтесь, окажите любезность, господин Фриш. – Пододвинув священнику стул, Томас опустился на кровать. – Петтеру после ночного происшествия по-прежнему нездоровится, и, если вы не против, побеседуем прямо здесь, чтобы Петтер тоже присутствовал при нашем разговоре. Пастор положил Библию на колени:

– Но я же все рассказал – не понимаю…

– Я бы хотел прояснить пару совсем мелких деталей, – благожелательно объяснил Томас, – и надеюсь, что вы, пастор, мне поможете.

Священник вопросительно посмотрел на Томаса.

– В тот вечер, когда графа убили, – начал профессор, – вы рассказали нам, что слышали, как граф с трактирщиком ссорятся. По вашим словам, после этого вы поднялись к себе в комнату и легли спать…

– Я стал молиться! – поправил его Якоб Фриш.

– Прошу меня извинить! Вы помолились и через некоторое время вновь спустились вниз, верно?

Пастор кивнул.

– А позже вы вышли во двор, вернулись и сели возле камина?.. – Томас умолк, так что эта фраза прозвучала вопросительно, и священнику пришлось отвечать.

– Да, я сидел у камина.

– Но перед этим вы выходили на улицу?

– Это я не припомню, – коротко возразил пастор.

– Снег на ваших ботинках растаял, и натекла лужица – значит, вы выходили на улицу.

Накрывшись одеялом, я улыбнулся напористости профессора.

Пастор изумленно воззрился на свои ботинки, словно силился разглядеть тающий снег. А потом задумчиво сказал:

– Теперь, когда профессор напомнил, я и сам понимаю, что выходил – совсем ненадолго, как говорится, следуя зову природы. Ветер тогда разбушевался не на шутку – вы же наверняка помните, – поэтому я постарался быстрее вернуться в харчевню.

– И где вы сели?

– Где обычно – в углу… – Пастор осекся и поправился: – Хотя нет, сначала я сел у камина, погреться, а потом пересел в угол.

Томас довольно кивнул, – похоже, картинка мало-помалу начала складываться.

– Вы никого не видели во дворе, когда выходили?

Пастор помолчал – пожалуй, молчал он чересчур долго, после чего решительно покачал головой.

– Вы знакомы с герцогом Фредериком Кристианом Готторпским?

Мы с пастором удивленно посмотрели на Томаса.

– С герцогом? Я, простой священник? – переспросил пастор. – Профессор, видимо, шутит… и это скверная шутка, – поднимаясь, добавил он оскорбленно.

Чтобы помочь пастору встать, Томас потянулся к Библии, но священник резко прижал Библию к груди и отошел к двери. Профессор пошел следом, протянув Якобу Фришу руку:

– Вновь благодарю вас за помощь, пастор Фриш. Думаю, на этот раз вопросов достаточно, и надеюсь, если мне потребуется прояснить еще что-нибудь, то могу опять на вас рассчитывать.

Взгляд пастора на секунду задержался на профессоре, после чего Якоб Фриш молча развернулся и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Томас вновь уселся возле меня.

– Видел, как он вцепился в Библию, стоило мне лишь упомянуть имя герцога? – взволнованно спросил Томас. – Вопрос ему явно не понравился…

– Нет, – извинился я, – на мой взгляд, вопрос лишь показался священнику неуместным, не более того.

Рассеянно посмотрев на меня, профессор поднялся и пододвинул стул к письменному столу. Чем профессор занят, разглядеть я не мог, так как видел лишь его широкую спину. Но, чтобы удовлетворить свое любопытство, мне не хватало сил: в горле застрял комок тошноты, а в голове словно прыгала резвая весенняя лягушка. Я откинулся на подушки и уставился в

потолок. За окном завывал ветер, напоминая о том, что непогода минувших дней была лишь предупреждением, легким намеком на мощь, которую таили в себе боги погоды. И теперь они разошлись в полную силу, словно распевая торжественную песнь во славу самим себе. Снизу, с лужайки, на дом налетали порывы злобного ветра, который бился о юго-западную стену и, казалось, добирался до самого фундамента.

Вид поперечных балок на потолке успокаивал меня. Они представлялись мне невозмутимыми спящими силачами с сучками вместо глаз и рта. Непоколебимые и спокойные, балки не сдвинулись даже под самыми безудержными порывами ветра. От их спокойствия лягушка в голове затихла, веки мои отяжелели, мышцы расслабились, и я задремал.

Где-то совсем рядом зашуршала бумага, и я ошалело распахнул глаза.

Томас виновато посмотрел на меня:

– Прости, но мне нужна твоя помощь.

Я пробормотал, что хочу пить, и профессор поднес к моим губам кружку. Напившись, я вновь улегся.

– Я по твоей просьбе изучил поддельное письмо и расписку, – начал он.

Разве я просил его об этом? Нет, вспомнить я не мог, да и пытаться не стал. Пусть просто говорит…

– Я сравнил буквы в обоих документах, и у меня не осталось ни малейших сомнений: их написал один и тот же человек. Только посмотри на эти большие *"S"*… – он поднес бумагу к моим глазам, – одинаковый изгиб, то же начало буквы, и вот еще – *"B"* и *"h"*.

Я перевел взгляд с документов на профессора и улыбнулся.

– Ты гений! – воскликнул он, осторожно хлопнув меня по плечу. – Теперь мы знаем, что все это дело рук одного и того же человека, который не только придумал фокус с переодеванием в графа, но и дал Риго деньги и написал расписку. Фон Бергхольц. Вернер фон Бергхольц – если это именно тот, о ком пишет брат нашего трактирщика. Не знаю пока, каким образом это поможет нам отыскать убийцу, но… – Он умолк и окинул меня взглядом, который красноречиво говорил о том, что профессору требуется моя помощь.

Я криво улыбнулся:

– Гений к вашим услугам.

Томас расхохотался.

– Нужно вспомнить все то, что случилось с Марией за последние дни – что она делала и с кем разговаривала. Осилим?

Я согласился: хотя тело мое молило об отдыхе, меня вновь охватило желание помочь.

Томас разложил передо мной на кушетке мои записи – больше всего его занимали беседы с пастором Якобом. Возможно, в убийстве Марии и графа Томас подозревает пастора? – спросил я, на что профессор ответил, что священник, который лжет, не может не вызывать подозрений.

Мы начали вспоминать: сначала тот день, когда мы приехали сюда, – разговоры, события, всё, что мне запомнилось. Затем следующий день. Голова трещала, и вспоминать оказалось делом непростым. Томаса особенно заинтересовал тот момент, когда Мария обсуждала с пастором стоимость Библии. Я пересказал их разговор, но профессор попросил меня пересказать его еще раз, дословно. Ему хотелось, чтобы я вспомнил жесты Марии, ее руки.

Я упомянул, как девушка сказала вслед хозяйке: "Когда кот уйдет, мыши еще попляшут", Томас остановил меня и пробормотал: "Вот так присказка… Ну да!" Потом он поднялся и с отсутствующим видом взглянул в окно. Немного погодя мы вспомнили рассказ трактирщицы о

том, как вел себя граф, что он говорил ей, и ее собственные соображения. Я изо всех сил старался не прерывать хода мыслей профессора, хотя меня распирало любопытство: какие же выводы ему удалось сделать из всего этого?.. Еще профессор пожелал, чтобы я в мельчайших подробностях вспомнил наш вчерашний разговор с пастором Якобом. Я дошел до того момента, когда священник упомянул, как невежливо граф вел себя с окружающими, – кроме самого пастора, потому что тот был человеком Божьим, – как вдруг снизу послышался дикий вопль. А еще через секунду на лестнице раздался топот, и дверь распахнулась.

– Маленький ЗАСРАНЕЦ! Что ты сделал с Марией? – заорал на меня Густаф Тённесен, и я не успел даже глазом моргнуть, как он схватил меня за шиворот и принялся так яростно трясти, что в глазах у меня потемнело, а в голове засверкали красные молнии. – Ты УБИЛ ее?! Где она? Что ты с ней сделал? – Его лицо оказалось вдруг совсем близко, глаза бешено сверкали, а от его зловонного дыхания мой желудок сжался.

Внезапно он отпустил меня, и я, словно тряпичная кукла, со стоном шмякнулся на кушетку.

Тённесен не сводил с меня злобного взгляда своих красноватых глазок, хотя в его шею упиралось дуло пистолета.

– Отойди к двери! – И профессор ткнул пистолетом так, что на грубой коже Густафа появилась вмятина.

Медленно, не спуская с меня глаз, Тённесен отошел.

– Петтер ничего не сделал Марии, – тихо проговорил профессор. Лицо его напряглось, а в голосе сквозила настороженность.

– Они говорят, что Мария мертва… – хрипло отозвался Тённесен, – что кто-то убил ее. Где она? Я хочу ее видеть!

– Кто это сказал?

– Трактирщик. А ведьма готовила еду и ничего не хотела говорить про Марию, и тогда я потащил ее к трактирщику.

Томас приблизился к Тённесену и ткнул его пистолетом в живот:

– Ты ударил ее? – Голос его звучал так тихо, что из-за ветра я едва разобрал слова. Но плотник, похоже, сильнее испугался не пистолета, а профессорского взгляда.

– Дьявол, да нет же! Это она меня ударила – прямо промеж ног! – Глаза его забегали. – Чертова ведьмачка!

Отступив назад, Томас опустил пистолет.

– Мария… Гроб с ее телом стоит в кузнице. Но подожди! – Тённесен направился было к двери, но остановился. – Зрелище это не из приятных. Не следует тебе на нее смотреть…

Воспаленные глазки плотника наполнились слезами, рот скривился в полную боли гримасу, он выскочил в коридор и побежал вниз.

Томас глубоко вздохнул и посмотрел на меня.

– Ты неважно выглядишь, Петтер. Он тебя здорово встряхнул. Наверное, тебе лучше поспать. Мне все равно надо немного поразмыслить. – И, усевшись на жесткий стул, он сжал губы и уставился в темноту за окном. Рук его я не видел, но пальцы наверняка вцепились в жилетную пуговицу. А на коленях лежал пистолет. В голове у меня буйствовало полчище гномиков – изо всех сил они колотили молоточками, но я, не обращая на них внимания, осторожно натянул на себя одеяло и провалился в беспокойную дрему. Сны меня больше не мучили.

Глава 37

Не знаю, сколько я спал. Порой, пробуждаясь от сна, я видел, что Томаса в комнате нет, а затем он вновь появлялся, но в тот момент, когда тишину разорвал полный ужаса крик, я не понимал, вечер сейчас, ночь или день.

Не проснувшись окончательно, я испуганно приподнялся и со стоном схватился за отозвавшуюся болью голову. Томас тотчас вскочил с кровати, взял лампу и бросился в коридор. Как оказалось, он уснул не раздеваясь.

Кричали снизу. Я поковылял следом за профессором, но глаза меня не слушались, и мне пришлось схватиться за перила. Возле лестницы внизу мы столкнулись с фон Хамборком – он тоже выскочил из своих покоев. Томас молча указал на стену, по которой стекала кровь. Он открыл дверь в харчевню, и там, прямо возле порога, мы увидели какое-то темное тело с торчащим в спине ножом – ручейки крови медленно текли к двери. Возле кухонных котлов стояла госпожа фон Хамборк с прижатыми к груди руками, на ее губах застыл крик. Трактирщик тут же бросился к супруге и обнял ее – теперь крик перешел в испуганное всхлипывание.

Томас наклонился над телом священника:

– Петтер, принеси мою сумку.

Ему нужна была сумка с медицинскими принадлежностями – квадратная кожаная сумка, в которой хранилось бесчисленное множество флакончиков, ножниц, ножей и разных инструментов. Сумка оказалась под кроватью. Я с трудом выволок эту тяжеленную сумку в коридор и подтащил ее к лестнице. Ступеньки пугали меня, и к тому же я порядком замерз – кроме ночной рубашки, на мне ничего не было. В эту секунду входная дверь открылась, и на пороге, в вихре снежинок, появился Тённесен. Стирая с лица снег и выдергивая из бороды льдинки, он поставил ногу на нижнюю ступеньку, но вдруг заметил меня. Тённесен резко развернулся и направился в харчевню, где увидел лежащего пастора, а около него Томаса.

– Ч-что за чёрр?.. – только и выдавил он.

Я стал медленно, ступенька за ступенькой, спускать сумку вниз по лестнице. Дверь позади плотника вновь распахнулась – на этот раз на пороге появилась Бигги. Она, видимо, ходила в амбар, потому что в плетеной корзинке у нее лежала замороженная баранина. Саамка быстро сообразила, что происходит: подскочив ко мне, выхватила сумку и, оттолкнув Тённесена, подбежала к Томасу и присела рядом с ним. Совсем обессилевший, я опустился на ступеньки.

Пастора Якоба уложили на стол, и Томас велел хозяйке вскипятить воды, а хозяина отправил за тряпками, чтобы перевязать раны. Бигги с профессором работали слаженно – похоже, они понимали друг друга без слов. Священник потерял сознание и даже не шевельнулся, пока они промывали его раны. После этого Томас разорвал на бинты простыню и туго перетянул узкую пасторскую грудь. На столе лежал окровавленный короткий нож. Профессор приподнял его:

– Кто-нибудь видел его прежде?

Госпожа фон Хамборк испуганно кивнула.

– Это нож из кухни… Он лежал в ящике… – Она рассеянно махнула рукой в ту сторону.

Томас кивнул.

– Кто-нибудь видел, как это произошло?

Никто не отозвался. Томас обвел глазами собравшихся, и взгляд его остановился на трактирщице. Она нервно сглотнула слюну.

– Я была здесь… На кухне… Когда он закричал. Из коридора… Потом он ввалился сюда и споткнулся о порог. Я… – Но трактирщица больше не смогла выговорить ни слова. Прижав ко рту платок, она выскочила в коридор и устремилась в свои покои.

Профессор подошел ко мне и шепотом попросил кое-что сделать.

Я поднялся в нашу комнату, запустил руку под подушку и вытащил оттуда пистолет. Так велел мне Томас. Затем, укутавшись в плед, я вернулся в харчевню.

– Пастора ударили ножом. Кто и зачем это сделал – неизвестно, и я вынужден принять надлежащие меры. – Проговорив это, профессор взял у меня пистолет и показал его собравшимся. – Тённесен, вы здесь сильнее всех, поэтому поможете мне перенести пастора в кровать. И не вздумайте уронить его или выкинуть какую-нибудь глупость – иначе я прикажу Петтеру стрелять. Ясно?

– Что за дьявольщина! Это же не я его… – Тённесен умолк и, расстроенно пожав плечами, приподнял священника за ноги. Томас осторожно подхватил пастора под мышки, а Бигги поддерживала снизу его обмякшее тело. Медленно, ступенька за ступенькой, они начали подниматься по лестнице. Я шел следом, держа плотника под прицелом.

Они донесли священника до его комнаты и уложили на кровать. Бигги осталась присматривать за ним, а Тённесен вернулся в харчевню. Я поднялся в нашу комнату и улегся на кушетку, Томас пошел за мной. Войдя, он даже дверь не прикрыл – таким усталым и растерянным он выглядел.

– Не понимаю… – несколько раз пробормотал он, меряя шагами комнату.

Меня тошнило, и на размышления не осталось сил, поэтому я свернулся в клубок под одеялом в надежде, что сон унесет меня подальше от всего этого.

– Неужели кто-то считал пастора опасным? И его заставили замолчать… Но почему? Неужели мы что-то упустили? – Томас вопросительно смотрел на меня.

Я молча закрыл глаза.

– А я-то думал… – пробормотал профессор, вновь принимаясь беспокойно расхаживать по комнате. Я понял, что он хочет сказать: Томас собирал информацию, выстраивал логические цепочки и постепенно убедил себя самого и меня заодно в том, что именно пастор убил графа и Марию. Оставалось отыскать еще пару недостающих кирпичиков, а ответ на последнее “почему?” уже маячил на горизонте, как вдруг вся его теория рухнула прямо на глазах. И теперь придется начинать заново, практически с чистого листа.

Томас замер, и я поднял глаза.

– Нож торчал вот отсюда… – погруженный в собственные мысли, профессор взмахнул рукой, – с левой стороны, возле лопатки. С левой стороны… – его рука описала дугу, – на такой высоте… Здесь… Вот так! – он схватился за спину с левой стороны, стараясь дотянуться как можно дальше. – Нет, не понимаю… А нож… Лезвие у него длиной всего два дюйма. Зачем брать такой короткий нож, когда рядом в ящике лежат другие – длиннее и опаснее? Возможно, это просто попытка напугать?

– А пастор не умрет? Это опасная рана?

От рассеянности Томаса не осталось и следа:

– Нет. Не опасная – именно это мне и кажется странным. Его будто ударили вполсилы, словно старались не очень изувечить.

Меня вдруг осенило:

– А что, если пастор сам себя пырнул ножом? Чтобы отвести подозрения?

Томас расстроенно покачал головой:

– Нет, Петтер, это физически неосуществимо. Никто не сможет воткнуть нож себе в спину с такой силой. У людей для этого слишком короткие руки. Придется еще поразмышлять, начать сначала, учесть все возможные детали. Во-первых, кто был рядом, когда это произошло? – И Томас как-то странно взмахнул левой рукой. – Во-вторых, кому придет в голову держать нож левой рукой? Кто из присутствующих левша? Потому что, по-моему, здесь действовал именно левша.

Я задремал, а Томас продолжал монолог, пытаясь отыскать ответы на собственные вопросы. Прошло довольно много времени, когда он вдруг остановился возле меня и откуда-то издалека до меня донеслись его слова: “Петтер, у меня появилась идея! Знаешь какая?” Но никакие силы не могли вырвать меня из крепких объятий сна, и я ничего не ответил. А немного погодя обнаружил, что Томаса в комнате нет.

Глава 38

Когда я выбрался наконец из туманного мира дремы, то первое, что почувствовал, был восхитительный запах съестного. А затем кто-то сказал:

– Петтер, просыпайся!

Я растерянно открыл глаза и увидел улыбающиеся губы трактирщицы:

– Неплохо ты выспался.

Пытаясь отогнать сон, я заморгал и неожиданно громко зевнул, тут же стыдливо прикрыв рот и извинившись.

– Ничего страшного. Ужин наконец-то готов, и профессор попросил принести тебе.

Взяв у нее тарелку, я жадно набросился на еду, вспомнив вдруг, что не ел весь день. В этот момент в комнату вошел Томас. Госпожа фон Хамборк озадаченно посмотрела на него, и тот, заметив это, улыбнулся:

– Я попросил вас подняться, чтобы поговорить с глазу на глаз. Будьте любезны, подойдите сюда! – И, махнув рукой в сторону письменного стола, он развязал мешочек, который я прежде видел у Бигги.

Я продолжал трапезу, но время от времени мог слышать, что говорит Томас:

– Растолочь корень ятрышника, *orchis morio*, который… и припустить его в горячей воде… Давать по три ложки в день… А также настоять в горячей воде семена черной белены, *hyoscyamus niger*, пока они не превратятся в кашицу. Смешать с чесноком и растительным маслом и помазать тайное…

Тарелка моя опустела, я жадно выпил принесенное хозяйкой пиво и, умиротворенно вздохнув, вновь накрылся одеялом. Чувствовал я себя лучше – головная боль почти совсем прошла, и лишь за ухом немного пульсировала кровь. Я отдохнул и теперь соображал быстрее, чем раньше.

Меня вдруг молнией пронзил стыд: я вспомнил об ужасной судьбе Марии. Как я мог позабыть о ней?! Как смог хотя бы на миг выкинуть девушку из головы? И как у меня хватило наглости чувствовать себя таким умиротворенным?! Я вжал голову в подушку и попытался отогнать от себя ее изувеченный лик. В горле застрял крик. Кто-то положил мне на плечо руку и вытащил меня из-под одеяла. Я открыл глаза и увидел лицо профессора. Трактирщицы в комнате не было.

– Что с тобой? – спросил Томас. Но он и сам без труда прочел ответ на моем лице. Присев на краешек кровати, Томас вздохнул: – Петтер, обманывать тебя не стану: тебе никогда не забыть того, что здесь произошло. Никогда. Но… – Он умолк и беспомощно махнул рукой, видимо, так и не найдя, что сказать. Мы оба сидели молча, пока Томас вдруг не воскликнул: – Ладно! Я попросил всех собраться в харчевне сегодня вечером, в одиннадцать часов. Это уже скоро, и тебе, пожалуй, пора встать и одеться.

Сам же профессор достал свой парадный камзол и начал переодеваться.

– Это еще зачем, – растерялся я, – зачем нам всем собираться?

Томас продолжал одеваться и вдруг замер – он серьезно осмотрел свои руки, а потом, застегнув камзол, наконец ответил:

– Пришло время попытаться положить этому конец. Иначе, боюсь, трупов здесь станет больше.

Он аккуратно почистил плечи камзола маленькой щеточкой из куньего меха и пробормотал:

– *Ad turpe…* – и еще что-то на латыни.

Меня вдруг охватил ужас: на мгновение профессор вдруг превратился в испуганного слабого мальчишку… Но он быстро взял себя в руки:

– Я сказал: *ad turpe nemo ohligatur*, что значит "нельзя унижать". Так гласит одно из положений римского права. А для меня это означает, что у нас есть свидетель, которого мы, к сожалению, не можем использовать, ведь в этом случае мы, разоблачив убийцу, подвергнем свидетеля унижению и испортим ему жизнь. – И профессор устало потер лоб.

– То есть вы знаете, кто убийца?! – Я не верил своим ушам.

Томас выпрямился, надел камзол, достал ящичек, из которого аккуратно вытащил парик и натянул его на болванку. Присыпал локоны мукой, осторожно дуя на нее, пока мука белоснежной пеленой не покрыла причудливые завитки парика. Профессор уверенной рукой, не спеша, водрузил парик на голову, сунул в рукав носовой платок, гордо выпрямился и с достоинством зашагал к двери.

– А господину Петтеру Хорттену следует пошевеливаться, если, конечно, он желает посмотреть последний великий спектакль нашего столетия! – гнусаво и высокомерно проговорил Томас, потом рассмеялся и подмигнул мне: – Да, Петтер, мне известно, чьих рук это дело. И сейчас моя задача – доказать это.

– И кто же убийца?

Томас на миг стал серьезным, затем загадочно улыбнулся:

– *Cave ab homine unius lihri*[24].

Вечно он навязывал мне свою латынь!

Прежде чем дверь за профессором затворилась, я спросил:

– А что такое "одиннадцать часов"?

И, встав с кушетки, я сбрызнул голову водой и начал одеваться.

Томас засмеялся:

– Пора бы тебе научиться определять время, Петтер. Это совсем несложно. "Одиннадцать часов" означает, что до полуночи остался один час. Иначе говоря, за час до конца света, если мы верим во все эти глупые россказни о Судном дне. – И он скрылся за дверью.

Глава 39

Поддерживая пастора Якоба, Бигги проводила его в харчевню и подвела к стулу. Я вошел вслед за ними и затворил дверь. Все уже были в сборе.

Пастор стоял, зажав под мышкой увесистую Библию, и меня вдруг осенило: ведь когда его ударили ножом, то Библии у него с собой не было! Возможно, кто-то позвал его, заманив на лестницу, в ловушку?

Внушительная фигура профессора в парике горделиво возвышалась посреди комнаты: он ждал, когда все усядутся. Я заметил, как он вопросительно взглянул на Альберта и как конюх едва заметно кивнул в ответ. Почувствовав себя оскорбленным оттого, что оказался не у дел, я сердито посмотрел на конюха, который сидел у самой двери в коридор, прислонившись к стене.

В комнате воцарилась грозная тишина. Никто не вымолвил ни слова, даже когда из кухни показалась трактирщица с кружкой пива. Оглядев присутствующих, она подняла кружку, и Густаф Тённесен с облегчением кивнул, однако для остальных ее жест остался незамеченным: взгляды присутствующих обратились к Томасу.

Томас осмотрелся: по его просьбе мы расселись вокруг большого стола, так чтобы он мог говорить, не надрывая горло и не пытаясь перекричать завывания ветра за окном. Когда взгляд Томаса остановился на мне, профессор нахмурился и вышел в коридор, а вскоре вернулся с пледом в руках. Плед он бросил мне на колени и расправил складки. Я улыбнулся, смущенно и благодарно, и вдруг почувствовал у бедра что-то холодное. Пистолет!

Томас серьезно кивнул и, выйдя на середину комнаты, посмотрел на часы.

Шестьдесят. Большая стрелка уже прошла эту цифру. Даже, пожалуй, приблизилась к цифре пять. Немного раньше, когда я вышел из комнаты и спускался по лестнице, часы начали бить. Я никак не мог взять в толк, о чем говорил Томас, объясняя про одиннадцать часов! И почему только профессор так восхищается этой странной конструкцией со стрелками?! Я не отрываясь смотрел на короткую стрелку, которая как раз остановилась на цифре одиннадцать. Может, в этом и есть весь смысл? Один час до полуночи – так он сказал… И я решил приглядываться к этой тикающей коробке на стене.

Госпожа фон Хамборк поставила перед Тённесеном большую кружку пива и села возле мужа.

Все приготовились слушать. Томас кашлянул.

– Немецкая пословица гласит, – проговорил он, – *dass man den Wald vor lauter Bäumen nicht sieht*[25].

Госпожа фон Хамборк согласно кивнула и улыбнулась. Я с удивлением заметил, что серьезность момента ее ничуть не трогала – совсем наоборот: трактирщица просто лучилась добродушием, почти радостью, чего прежде я за ней не замечал. Куда же подевалась ее трагическая мина?

– Возможно, сначала я вел себя именно так – сразу после того, как мы нашли тело графа. Но дело обстояло даже хуже, – Томас заговорил громче и нахмурился, – на этот лес опустился такой густой туман, что я не только не замечал леса за деревьями, но и самих деревьев не видел… – Умолкнув, он пристально оглядел каждого. Кроме нас с Бигги. А потом медленно проговорил: – Вы все мне лгали! А если не лгали, то чего-то недоговаривали, скрывали от меня нечто важное. Я отвлекся на эпизоды, которые не имели никакого значения. Делал неправильные выводы. Выстраивал рассуждения *a-posteriori:* передо мной был результат, то есть тело графа. Какова же причина? Я будто брел в тумане, не разбирая дороги.

Я сидел возле очага и, пока Томас говорил, исподтишка разглядывал каждого из присутствующих. Трактирщик с супругой сидели у окна, в углу: он даже бледнее и серьезнее, чем обычно, а у нее разрумянились щеки, и казалось, словно ее распирала радость, которой она сама стыдилась. Прямо напротив меня, с другой стороны очага, отвернувшись от хозяев, уселся священник. Черная пасторская ряса лишь сильнее оттеняла его мертвенную бледность, из-за впалых щек подбородок заострился, а под глазами виднелись темные круги. На лице явственно проступили коричневые пятна. При каждом неловком движении лицо пастора кривилось гримасой боли. Бигги, оказавшись рядом, заботливо следила за ним. По другую руку Бигги сидел Густаф Тённесен. Лжеплотник вытянул ноги и притворился, будто происходящее его ничуть не волнует, однако его выдавали руки, нервно вцепившиеся в пивную кружку. Заметив, что я смотрю в его сторону, он бросил на меня взгляд, пышущий такой ненавистью, что у меня душа в пятки ушла.

– Так давайте же развеем этот туман – хотя бы немного, – продолжал Томас, машинально взглянув в окно, в сторону каретного сарая. – Первым напустил туману сам убитый, граф Филипп д’Анжели. Он называл себя графом и вел себя, как подобает графу, по вашим рассказам, графом высокомерным. Но… – и Томас кивком указал на меня, – когда мы с Петтером осмотрели его вещи, то поняли, что если он и был графом, то обедневшим и поизносившимся, во всяком случае, по вещам его не скажешь, что их владелец дворянского

рода, – профессор махнул рукой, – не стану утомлять вас подробностями. Скажу лишь одно: в конце концов мы выяснили, что наш граф вовсе не граф, а французский капитан Жюль Риго. Зачем ему понадобился этот маскарад, я объясню позже.

Трактирщик изумленно воззрился на профессора, но остальные, похоже, ничуть не удивились, что граф – ненастоящий.

Томас кивнул пастору и улыбнулся:

– Следующим, кто нагнал туману, был пастор Фриш, когда он рассуждал о Судном дне. Прибегнув к сложным теологическим расчетам, пастор пришел к выводу, что Судный день должен наступить… – Томас вновь посмотрел на часы, – через пятьдесят минут. Расчеты пастора Фриша дали в итоге число 1699. И, как нам, безусловно, известно, именно этот год сейчас на дворе и вот-вот закончится. – Профессор серьезно кивнул. – Я знаю, что многие из присутствующих с тревогой следят за временем и ждут конца света. Вот только правы ли мы, утверждая, что сейчас именно 1699 год? – Он замолчал, словно ожидая ответа.

Все смотрели на него с недоверием, и в глазах многих читался немой вопрос: неужели профессор повредился рассудком? Даже я, лучше всех знавший Томаса, начал выискивать в его поведении признаки помешательства.

А Томас, по всей видимости, наслаждался произведенным эффектом.

– Тысячу лет назад сирийский монах Дионисий Малый предложил считать годы, начиная с Рождения Христа. Так зародилось наше современное христианское летоисчисление. Год Рождения Христова он назвал *Anno Domini* I, то есть первым годом Господним. По старому летоисчислению год, выбранный Дионисием, соответствовал семьсот пятьдесят четвертому – то есть был семьсот пятьдесят четвертым, начиная с момента основания Древнего Рима. Однако… – и Томас поднял руку с двумя растопыренными пальцами, – положив этот год в начало летоисчисления, Дионисий допустил две ошибки. Одного факта он просто не мог знать, а вот про другой ему знать следовало, – профессор ухватился за один из поднятых пальцев, – итак, тысячу лет назад Дионисий назвал определенный год Годом Первым, однако в той системе исчисления не существовало числа “ноль”. Его начали использовать позже. То есть мы полагаем, что в Году Первом Христу был год от роду, однако на самом деле он лишь родился в этом году. Иначе говоря, Сын Божий родился 1698 лет назад, а не 1699, – Томас загнул второй палец, – позволю себе заметить, что вторую ошибку монаху допускать не следовало бы. Неужто он не читал Библию? Ведь в Евангелии от Матфея указано, что Христос родился, когда в Иудее правил царь Ирод. Довольно точно установлено, что, согласно прежнему летоисчислению, Ирод умер в семьсот пятидесятом году, то есть за четыре года до того момента, который Дионисий выбрал Годом Рождества Христова.

– Умолкнув, Томас набрал в легкие воздуха и выдохнул.

– Не будем переливать из пустого в порожнее – вывод один: нет для предсказаний ничего более неподходящего, чем даты. Не Господь придумывает даты и не природа – их выдумывают люди, поэтому натура их настолько несовершенна, что любое предсказание будет ошибочным. – Томас повернулся к чете фон Хамборк. – Тот же аргумент можно применить и к вашему предсказанию. Или назовем его предсказанием Нострадамуса. Помимо этого, я нахожу его предсказание противоречащим всякому здравому смыслу: ведь если конец света наступит с “предательством готического времени” – а именно это пишет ваш Нострадамус, – Томас повернулся к трактирщику, – то почему Судный день не наступил сто восемнадцать лет назад, когда католики немного изменили наш календарь? Возможно, причина в том, что наш великий предсказатель Нострадамус сам был католиком и имел зуб на протестантов? Получается, что он пристрастен в предсказаниях? Когда я это понял, то заметил еще одну деталь, которая, возможно, проливает свет на наши загадки: пророчество о Судном дне записано в седьмом катрене одиннадцатой центурии – вы, господин фон Хамборк, утверждаете, что именно здесь обнаружили эти сроки. Однако, насколько мне

известно, одиннадцатой центурии не существует. По какой-то неведомой нам причине Нострадамус пропустил это число… Нет-нет, – Томас предостерегающим жестом остановил фон Хамборка, который уже вскочил было со стула и собирался что-то сказать, – это совершенно не важно. Просто все это меня удивило. Это еще одна пелена тумана, но о ней даже и думать не стоит. Побеседуем об этом как-нибудь в другой раз. А мое доказательство, – он расплылся в зловещей улыбке, – вы увидите через… сорок четыре минуты.

Все мы – и я в том числе – посмотрели на часы, и я увидел, что длинная стрелка как раз миновала римскую цифру "пятнадцать". Присутствующие заерзали на стульях и что-то тихо забормотали, а профессор продолжал говорить:

– Как видите, ждать осталось недолго, – он на миг умолк, дождавшись, пока все успокоятся, – следующая пелена тумана, которую мне требовалось рассеять, – это вранье. Например, когда кое-кто выдавал себя за плотника, таковым не являясь, – Томас посмотрел на Тённесена. Тот со стуком отставил кружку и собирался что-то сказать, но внезапно обмяк, будто уже ничто не имело значения. – Так что же этот самый лжеплотник делает на постоялом дворе и зачем он ночью пробирается на сеновал? И почему он настолько сведущ в законах – ведь по всему видно, что от премудростей ученья он далек? – Размеренно шагая, Томас подошел к Альберту и остановился, повернувшись спиной к двери. А потом медленно и отчетливо проговорил: – Потому что он лишал людей жизни. Потому что он убивал.

Взгляды всех устремились на Тённесена, но ни в одном я не заметил удивления. Убийцу разоблачили – но никто не ахнул и не поразился, скорее, все с легким облегчением вздохнули. Сам же Тённесен не поднимал глаз.

"Я почти с самого начала его подозревал…" – с долей злорадства подумал я.

– Неправда. Ты ничего не докажешь… – Слова сорвались с его губ вяло и безжизненно.

– Конечно, докажу. Вчера вечером ты сознался в этом священнику. Ты так испугался Судного дня, что спросил у пастора, какая кара ожидает тебя – того, кто совершил убийство.

Услышав это, Тённесен повернулся к пастору и выпалил:

– Ты… ты… Иуда!! – в голосе его звенели ярость и отвращение.

– Я узнал это не от пастора Якоба, – спокойно проговорил Томас, открывая дверь. Он на мгновение скрылся в коридоре, но тотчас вернулся, держа в руках продолговатый черный сверток с налипшими желтоватыми соломинками. Профессор стряхнул соломинки и посмотрел на Тённесена:

– Вот доказательство – я нашел его сегодня вечером на сеновале, прямо в сене.

Тённесен вяло потянулся за кружкой. Сил возражать у него не осталось.

Томас принялся разворачивать сверток, и все мы вытянули шеи, сгорая от любопытства.

В руках профессора оказался топор на коротком топорище – такого удивительного топора мне еще не доводилось видеть. Я совсем растерялся. Неужели это – орудие убийства?! Лезвие топора было удивительно широким, с локоть шириной, но возле топорища сужалось. Начищенная сталь блестела, а на лезвии и топорище виднелись изящные узоры, особенно выделявшиеся на потемневшем дереве.

– Густаф Тённесен, – пустился в объяснения Томас, – по воле Господней кормится ремеслом палача и по королевскому приказу казнит осужденных. Поэтому он помнит тексты законов, ведь он не раз слышал, как их зачитывают перед казнью, – и профессор уже с меньшей уверенностью добавил: – Об остальном я скорее догадался, поэтому, если ошибусь, пусть заплечных дел мастер Тённесен меня поправит.

Альберт взял топор и, положив его в мешок, поставил у себя за спиной, у стены. Томас вышел вперед.

– Как вам всем известно, крошка Мария была девушкой приветливой и работящей. В такую несложно влюбиться. Полагаю, что Тённесен нередко – пару раз в год, а может, и чаще – останавливался здесь по дороге в Рибе, Колдинг или Хадеслев, куда призывало его ремесло. Палачи одиноки. У палача мало друзей, если они вообще есть. И палачу непросто найти себе жену.

Тённесен уставился в кружку, словно пытаясь разглядеть на ее дне смысл жизни.

– Мария пришлась Тённесену по вкусу, к тому же она ничего не знала о том, чем он зарабатывает на хлеб. Как и все остальные здесь, она полагала, что он плотник. Между тем Густаф Тённесен уже считал ее прекрасной партией, но решил до брачной ночи не рассказывать о своем ремесле. Однако такой огромный топор в комнате не спрячешь – прибираясь, Мария непременно обнаружила бы его. Поэтому он спрятал топор на сеновале, где я его и нашел.

Смысл сказанного доходил до меня медленно и все сильнее сбивал с толку. Что-то прояснилось, но зато остальное… До разгадки по-прежнему далеко. А убийца тем временем… У меня заболела голова. За ухом, под повязкой, пульсировала кровь. Томас бросил на меня какой-то странный взгляд – он казался расстроенным, и, когда я посмотрел на него, профессор отвел глаза, взглянув сначала на потолок, а потом в окно. Что с ним такое?

– Однако Мария была из тех женщин, что… – он запнулся, подбирая слова, – она не настолько… скажем так: она была не настолько простой, какой казалась. По ночам она… в общем, старалась подзаработать, навещая мужчин, которые останавливались здесь на ночлег, – Томас тяжело вздохнул, – или надеялась найти жениха, который обеспечил бы ей безбедное существование.

Его слова впивались в меня крошечными иголками и раздирали на клочки. В голове стучало так, что я едва не закричал. Да что же он такое говорит?! О чем он?! В ушах у меня шумело, а перед глазами все поплыло. По спине ручьями стекал пот, и стул подо мной вдруг покачнулся.

– Воды! Быстрее! – послышался крик Томаса.

Почему же он кричит?.. Я почувствовал на плече его руку, а к губам моим кто-то поднес стакан воды. Я жадно выпил, и мало-помалу шум в ушах стих, а в голове прояснилось. Я вернул стакан Бигги, выпрямился и, бросив смущенный взгляд на окружающих, кивнул профессору. Он вышел вперед и быстро посмотрел на меня, а потом на Тённесена – тот с отсутствующим видом изучал содержимое кружки. Однако он так налегал на пиво, что вряд ли в кружке что-нибудь осталось.

– Когда я догадался, чем Мария промышляла, все стало на свои места, и я понял, почему граф ругал девушку: вероятно, она и его пыталась очаровать. И по той же причине Мария не ладила с хозяйкой…

Краем глаза я заметил, как трактирщица кивнула.

– Вот почему сегодня утром мы обнаружили Тённесена в комнате Марии. – Томас посмотрел на Тённесена, но тот сидел, уставившись в пол и положив руки на колени. На одном пальце висела кружка. Пустая. – Тённесен полагал, что заранее провел с девушкой их первую брачную ночь, однако для нее он был всего лишь одним из многих. Мария не считала себя его нареченной – наоборот, его назойливость раздражала ее, и она старалась его избегать, а это повергало Тённесена в уныние и только сильнее подогревало его чувства. – Томас развел руками. – Итак, я нашел того, на чьей совести были убийства, однако действовал он законно. Получается, что Тённесен – не тот, кто нам нужен.

Часы тикали. Быстро взглянув на часы, профессор поспешил продолжить рассказ. Длинная стрелка, направленная вниз, стояла почти вертикально. У меня засосало под ложечкой… Время, спрятанное в часах, уходило чересчур быстро… Стрелка вскоре поднимется, и тогда…

– …Мария, – рассказывал Томас, – постоянно сбивала меня с толку. Иногда ее слова что-то проясняли, но, безусловно, она о многом умалчивала. Мария рассказала, что граф и прежде останавливался на этом постоялом дворе и что он как-то странно вел себя: например, следил за другими постояльцами. Она как-то спросила графа, кого он ищет, и тот ответил: “Следуй за носом” – и постучал себя по носу.

Что-то было не так. Неужели память меня подводит? Или это Томас все напутал? Разве не госпожа фон Хамборк об этом рассказала? Я посмотрел на трактирщицу – та побледнела и напряглась, словно струна. Жадно ловя каждое слово, она не сводила взгляда с губ Томаса. Внезапно я вспомнил о ее положении… О диагнозе, поставленном Томасом… Перед тем как спуститься сюда, он произнес: “Нельзя унижать”, и теперь смысл этого латинского изречения начал понемногу доходить до меня. Профессор хотел скрыть интрижку трактирщицы с графом от ее мужа и всех остальных. А вдруг из-за этого убийца улизнет? К чему тогда скрывать? Ведь о ее положении рано или поздно узнают!

– Я тогда не понял, к чему граф это сказал, – продолжал Томас, – пока сегодня мне не вспомнилась вдруг пословица: “Следуй за носом, даже если нос кривой”. Предположим, граф намекал на что-то? Или кого-то. Может статься, граф выслеживал некоего кривоносого человека? Тогда зачем?

Томас обвел рукой собравшихся:

– На этом постоялом дворе есть лишь один постоялец, нос которого можно считать кривым, и поэтому я задумался именно о вас, пастор Фриш.

Пастор Якоб смотрел на Томаса спокойно, но от моего взгляда не укрылось, что он с такой силой стиснул Библию, что костяшки пальцев побелели. Семь пар глаз обратились на пастора, отчего кончик его носа тоже стал белым.

– Если граф намекал на вас, то я понял вдруг, почему вы так внезапно поменяли отношение к предсказанию о Судном дне. А тем вечером вы даже придумали ему обоснование, более достойное шарлатана, нежели служителя церкви. Если графа убили вы, то непременно попытались бы вселить в окружающих страх перед неизведанным, чтобы таким образом отвлечь их от поисков убийцы. Я также понял истинный смысл вашего с Марией разговора за ужином в пятницу. Девушка тогда рассматривала вашу прекрасную Библию и выпытывала, сколько могут стоить подобные книги. И чем выше она называла сумму, тем больше ее, казалось, это радовало. Странно, если учесть, что она, похоже, серьезно прицениваласьк книге.

Томас повернулся к присутствующим, и пудра с его парика осыпалась на камзол. Мне захотелось вскочить и отряхнуть дорогую ткань, перебить его, заставить замолчать, чтобы он отвлекся и не упоминал больше о Марии. Но, как и все остальные, я продолжал сидеть не шелохнувшись, завороженный его словами… Его ужасными словами.

– Неужели все мы тогда оказались свидетелями шантажа? А ведь я об этом даже не подозревал… И я предположил, что Мария из окна своей комнаты видела, как пастор убил графа, и теперь, обсуждая стоимость Библии, намекала ему на это. И давала таким странным образом понять, что ее молчание можно купить.

Не поднимая взгляда, Тённесен сжал кружку так, что ее деревянные стенки затрещали.

– Однако вместо того, чтобы платить за молчание, пастор решил убить девушку и заставить ее замолчать навсегда. Так я предполагал. – Последние слова профессор произнес, когда оскорбленный священник вскочил, готовый что-то возразить.

Пастор вновь опустился на стул и, мучительно скривившись, схватился за плечо. Томас обвел взглядом харчевню и вновь посмотрел на священника.

– Я был так уверен в собственной правоте, что едва не приказал заковать пастора в цепи и готов был возложить на себя ответственность за это, как вдруг вся моя теория разлетелась вдребезги, будто стакан о каменный пол.

Он вздохнул и махнул рукой туда, где мы обнаружили раненого пастора.

– Как вам всем известно, сегодня вечером пастора Фриша ударили ножом, причем в спину, куда он сам никак не смог бы воткнуть нож…

– Но позвольте!.. – послышался оскорбленный голос пастора. – Неужто вы допускали мысль, что я сам?.. – Он осекся и, обиженно поджав губы, откинулся на спинку стула.

– Да, – признался Томас, – сначала я полагал, что ваша рана – дело ваших же рук и что таким образом вы хотели отвести от себя подозрения, убедить меня, что графа и Марию убили не вы. Однако вскоре я понял, что подобное невозможно.

Я взглянул на Томаса и, сам того не желая, задумался: а кто же тогда убийца? Ведь теперь мы исключили из списка подозреваемых и Тённесена, и пастора… Я посмотрел на трактирщика, который все время сидел рядом с женой, бледный и напряженный, как и все остальные, но с каким-то отстраненным видом, словно происходящее не очень-то его и тревожит. Казалось, тиканье часов занимает его куда больше, чем рассказ Томаса. Но если убийца – не священник и не Тённесен, то кто же? Я сильно сомневался, что это – дело рук трактирщицы. Даже моей фантазии не хватало, чтобы представить, будто именно за этой женщиной я сегодня ночью гнался по сугробам и что именно она едва не оглушила меня насмерть. И в окне я видел вовсе не ее лицо.

Фон Хамборк перехватил мой взгляд и словно прочел мои мысли. Заметив ужас и мольбу в его глазах, я решил, что моя догадка подтвердилась, и сжал под пледом рукоятку пистолета.

– Пасьянс никак не складывался, словно мне недоставало карт, чтобы сложить картинку, и я понял, что некоторые карты разложил неправильно. – Похоже, профессор утомился. Он вытащил из рукава платок и отер со лба и шеи пот. – Прежде чем продолжить рассказ, вернусь к личности нашего лжеграфа, – и профессор достал из кармана расписку, – в ворот своей лучшей рубашки он зашил вот эту расписку, согласно которой граф получил от некоего фон Бергхольца крупную сумму. Мы обнаружили эти деньги в комнате графа, а помимо них нашли ружье и пузырек с ядом, из чего следует, что в каретном сарае лежит тело так называемого ассасина, иначе говоря – наемного убийцы. Самым логичным будет сделать вывод, что графа убил тот, кому суждено было стать его жертвой. Значит, он догадался о замысле графа и опередил его, то есть убил. Получается, нам требовалось отыскать того, с кем этот фон Бергхольц хотел свести счеты.

Взгляд Томаса на секунду остановился на хозяине, но потом профессор отвел глаза и посмотрел на всех остальных.

– Я все яснее осознавал, что для поимки убийцы необходимо отыскать взаимосвязь между людьми и событиями из того, большого мира за оградой и нашим маленьким заснеженным мирком.

Томас вышел на кухню, выпил стакан воды и вернулся. За это время никто не шелохнулся и не проронил ни слова.

– Позволю себе добавить, что граф, по всей видимости, знал герцога Готторпского… – профессор испытующе оглядел собравшихся, чтобы не упустить, как те отреагируют на эти слова, – и знал неплохо.

Не знаю, что именно заметил профессор, но сам я ничего примечательного не увидел.

– Однако вернемся к нападению на Якоба Фриша. Кому убийство пастора было выгодно? Я попытался ответить на этот вопрос как можно быстрее. Возможно, пастор Якоб располагал сведениями, опасными для убийцы? Например, он лично видел, как тот умертвил графа или

Марию… Или же убийца лишь опасался, что пастор что-то видел, но уверенности у него не было? Возможно, Мария вымогала деньги еще у кого-то? Версий было множество. И тогда я вспомнил вдруг, что нападение на пастора показалось мне каким-то несмелым. Среди больших и опасных ножей нападавший выбрал самый маленький. К тому же нож он воткнул возле плеча, где практически нет жизненно важных артерий.

Пока Томас рассказывал, я наблюдал за Альбертом: тот крутил в грубых пальцах левой руки монетку, так что монетка то исчезала, то вдруг вновь появлялась, будто живая. И так снова и снова, почесывая правой рукой бороду. Он подмигнул мне, и я беззвучно рассмеялся в ответ, довольный, что могу хоть на миг отвлечься от грустных размышлений. Странно – почему только Альберт мне сперва так не понравился? Как же охотно мы осуждаем других…

Я вновь прислушался к словам Томаса.

– … и напавший на пастора, очевидно, держал нож в левой руке.

Внезапно меня бросило в дрожь: я не отрываясь смотрел на Томаса, стараясь не глядеть на Альберта и его руки и пытаясь поймать взгляд профессора. Томас! Ну посмотри же на меня! Мне нужно рассказать тебе кое-что – неужели ты не видишь?! Я осторожно направил дуло пистолета в другую сторону – на Альберта. Как же он провел нас! Обвел вокруг пальца! Да, он сознался в убийстве графа, но так, что Томас подумал, будто на самом деле Альберт не виновен. И рассказал нам *такую* историю про свое детство во Франции… Что ж, возможно, так оно все и было… Но он все равно обманул нас… Мария раскусила его, она знала, что произошло на самом деле, и он убил ее! Альберт говорил Томасу, что ночью, когда девушку убили, он не спал и следил за Бигги. Поэтому Бигги вне подозрений. Однако сама Бигги спала, поэтому не видела, чем занимался Альберт! Мне захотелось крикнуть, перебить Томаса, чтобы он умолк, закончил весь этот балаган и увел отсюда Альберта, стер с его лица эту ухмылку. Внезапно меня охватила ненависть к этому бородатому великану, и я положил палец на курок. Пусть только шелохнется – и я, не раздумывая…

– … Меня также удивило, – донесся до меня голос Томаса, – что стена была залита кровью. Не пол – а именно стена. Движимый определенными соображениями, я тщательно осмотрел и стену в коридоре, и рукоятку ножа. И внезапно мой пасьянс начал складываться – даже с теми картами, которые прежде казались мне лишними.

Подобно всем остальным, я, затаив дыхание, слушал Томаса, не убирая пальца с курка и крепко сжимая рукоять пистолета.

Профессор умолк и нерешительно огляделся. Он показался мне расстроенным. Или просто неуверенным? А потом он вновь заговорил:

– Позвольте мне рассказать вам одну давнюю историю. Это произошло в мае тысяча шестьсот девяносто седьмого года, то есть почти три года назад, когда правивший тогда король Христиан Пятый решил проучить герцога Готторпского и сровнять с землей укрепления, которые тот настроил возле границы. Король воспринял это как угрозу Дании и полагал, что союзники Датского королевства с пониманием отнесутся к его военному походу. Однако Англия, Голландия и германские княжества однозначно заявили: руки прочь он готторпских укреплений! Разворачивайтесь – и марш домой, в Данию! Снедаемые недовольством и возмущением, датские солдаты повернули назад: среди них было множество наемников, которые надеялись неплохо поживиться, и теперь они брели назад, готовые выместить недовольство на первом же попавшемся на их пути.

Томас задумчиво посмотрел на Бигги, будто пытаясь понять, насколько правдивым окажется ее предсказание. Затем профессор быстро взглянул на священника и остановил свой взгляд на мне, после чего вновь отвел глаза. Забыв про Альберта, я весь обратился в слух.

– Как-то солнечным вечером группа солдат встретила на дороге молодую девушку и мальчика – ее младшего брата. Они схватили девушку и надругались над ней. Мальчика же,

который бросился защищать сестру, отшвырнули, так что тот ударился головой о камень и умер. Эта девушка и мальчик… – Томас умолк. Пастор привстал со стула и замер. Глаза его наполнились тоской. Руки его задрожали, и он ухватился за спинку стула. Профессор вздохнул: – Они были единственными детьми приходского пастора Якоба Магнуса Фриша из Хиндрупа и его супруги.

Священник опустился на сиденье, пожирая Томаса взглядом, который я никак не мог понять. Меня охватила почти такая же тоска, но я по-прежнему не понимал, что все это означает и к чему может привести. Пастор с трудом сглотнул слюну.

– Откуда… вы… узнали? – прошептал он. – Вы там бывали? – и в глазах его сверкнула ненависть.

– Нет, – ответил Томас, – не бывал. Но давайте вернемся к моим выводам о том, что именно произошло сегодня вечером в коридоре. – Профессор подошел к Альберту, и тот протянул ему маленький кухонный ножик, который мы вытащили из пасторской спины.

Вспомнив о своей догадке, я нерешительно посмотрел на Томаса. Возможно, нужно ему прямо сейчас сказать, что Альберт – левша? И что он вполне может оказаться убийцей? Пока я собирался с мыслями, Томас заговорил:

– Рукоять ножа была вымазана в крови, но непохоже, чтобы за нее держались. Как же такое получилось? Нож могли метнуть в спину пастора, но почему тогда кровью забрызгало и стену в коридоре? Так метнуть нож можно, только стоя на лестнице или дальше в коридоре. И тогда самым естественным для вас, пастор Фриш, было бы развернуться к тому, кто на вас напал. Но в этом случае кровь была бы размазана по всей стене, а я нашел лишь несколько пятен. И я посмотрел на случившееся с другой стороны. Отмывая нож, я обнаружил, что самый конец рукоятки аккуратно обточен – вот, посмотрите, здесь ее явно подпилили.

Профессор поднял нож, чтобы все увидели рукоятку. И действительно – это место немного отличалось по цвету.

– В стене, над самым большим кровавым пятном, я наткнулся на отверстие от выпавшего сучка. – Томас соединил указательный и большой пальцы, так что получилась окружность. – Это отверстие будто специально создано для того, чтобы воткнуть в него рукоятку ножа, – и профессор вставил рукоять ножа в отверстие, – так что нож прекрасно в нем держится, – с грустью во взгляде Томас повернулся к пастору Якобу, – и тогда я понял, что вы воткнули нож в стену и сами нанесли себе рану. Все мои прежние предположения тоже оказались верными. Именно вы сначала убили графа, а впоследствии заткнули рот крошке Марии, лишив ее жизни. – Томас протянул руку: – Будьте любезны отдать мне Библию.

Краем глаза я заметил, как Альберт поднялся и подошел ближе. Сначала пастор нервно теребил книгу, но затем вдруг бросил ее Томасу и, подскочив сзади к Бигги, прижал к ее горлу небольшой нож. Мы и глазом моргнуть не успели. Бигги стояла, запрокинув голову, так что видна была лишь бледная кожа на ее шее. И тогда пастор заговорил – и его тихий, обстоятельный голос испугал меня сильнее, чем любые вопли и крики:

– Для вас, профессор, больше не существует Бога, поэтому вам не понять, но мой Бог сказал мне: "Да не пощадит его глаз твой: глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку и ногу за ногу"[26]. Возмездие станет последним моим деянием, и меня никому не остановить.

Альберт как вкопанный замер посредине комнаты. Пастор сильнее прижал лезвие ножа к нежной коже Бигги и кивком указал конюху на стул возле двери. Все это произошло так быстро, что в голове у меня крутилась лишь одна мысль: откуда взялся этот проклятый нож?!

Томас поднял с пола Библию и, беспокойно поглядывая на Бигги, будто бы с отсутствующим видом начал прощупывать книжный переплет. Судя по всему, профессор пытался отыскать там какой-то механизм.

– И кому же вы, пастор, собрались отомстить? В чем вина графа? И что вам сделала Мария? – печально спросил Томас, с любопытством, но без осуждения. В этот момент переплет под его пальцами продавился со стороны корешка, и под деревянной пластиной я увидел углубление в полпальца шириной, откуда Томас вытащил тонкий металлический стилет. Посмотрев на рукоятку ножа в руках священника, я догадался, что нож он тоже достал из-под переплета.

Пастор зорко наблюдал за профессором, однако его, видимо, не смутило, что орудие убийства найдено.

– Профессор сам сказал – именно люди короля убили моих детей. Горе, причиненное ими, свело в могилу мою супругу. По королевскому приказу солдаты двинулись через Хиндруп. И король должен заплатить за их злодеяния.

Томас медленно покачал головой:

– В Библии написано также: "Сердце царя – в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его"[27]. Значит, даже самый могущественный правитель действует по велению Божьему, и все мы лишь исполняем Его приказы, – и, веско проговаривая каждое свое слово, Томас закончил речь так: – Нет, пастор, не воля Господа толкает вас к мести, а ваша собственная скорбь. – Томас на секунду задумался и добавил: – К тому же король Христиан Пятый уже умер.

Пастор на миг отвел глаза, будто взглянув куда-то внутрь себя. Я вдруг испугался: мои руки так крепко стиснули рукоять пистолета, что удивительно, как он не выстрелил. Осторожно разжав пальцы, я задумался, смогу ли я выстрелить в пастора, но отбросил эту мысль: из-за Бигги выглядывала лишь его голова и плечо, к тому же стрелять я толком не умел, поэтому, скорее всего, попал бы в Бигги или в кого-то из четы фон Хамборк, замерших за спиной пастора, по другую сторону стола. Трактирщик вскочил и сейчас беспомощно потирал руки. "Только бы он не натворил глупостей!" – подумалось мне. Хозяйка побледнела и вцепилась в столешницу.

Пастор медленно открыл рот, собираясь с ответом. Его серые глаза потемнели и походили теперь на глубокий колодец.

– Господь сказал Моисею: "Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода"[28]. – Его голос окреп и зазвучал увереннее. Видимо, пастор вновь обрел внутреннее равновесие. Он слегка ослабил хватку и, стараясь унять боль в спине, переступил с ноги на ногу.

Но Томас не сдавался.

– Господь сказал Моисею: "Не убий", а в Евангелии от Матфея написано: "Кто же убьет, подлежит суду"[29], – убедительно проговорил Томас, – исполните же волю Божью, Якоб Фриш, и предстаньте пред судом.

– Только пред Страшным судом в последний для этого мира день, – машинально подняв голову, пастор посмотрел на часы, а за ним – и все остальные. Трактирщик испуганно ахнул: длинная стрелка только что миновала цифру "сорок пять". – В последний день перед Страшным судом, который вот-вот наступит… – повторил священник, при этом губы его скривились в некоем подобии улыбки, но в глазах горел гнев, поэтому улыбка эта скорее испугала меня, – у меня не будет других судей, кроме Всевышнего! – Выкрикнув это, он дернул рукой, в которой сжимал нож.

На шее Бигги выступила красная капля, но женщина не шелохнулась. Она посмотрела на Томаса, и тот спокойно кивнул, хотя лицо его блестело от пота.

– Я отпущу вас на все четыре стороны, пастор Фриш, – сказал профессор и поднял вверх стилет, – но перед этим прошу вас: расскажите, зачем герцог Готторпский дал вам эту Библию?

– Это орудие Всевышнего, который испытывал меня, как Он испытывал Иова. – Черные глаза священника сверкали, как две закопченные лампы. – Господь отнял у меня детей… отнял всю семью, чтобы испытать мою веру. Он…

– Как умерли ваша дочь и жена? – перебил его Томас.

Священник негромко, но визгливо рассмеялся: – Они умерли… умерли… – лицо его исказилось в жуткой гримасе, будто что-то раздирало его изнутри, – умерли… Бедная моя Лисбет, доченька моя… После… – он предостерегающе махнул рукой, – после всего разум у нее помутился. Она сделалась замкнутой, говорила лишь сама с собой… А когда мы приближались, сразу умолкала… – Он вновь скривился. В уголке рта пузырилась слюна, губы скривила отвратительная усмешка, а лицо вдруг обмякло, и ласково засияли глаза. Он будто увидел кого-то, кого не мог видеть никто из нас. – Ты ушла, маленькая моя Лисбет… Вода приняла тебя и унесла к Господу! Он забрал тебя, Всевышний взял тебя к себе, и ты должна была лечь в освященную землю, верно? Ведь это Господь тебя забрал, – он слегка повернул голову, – да, и тебя, любимая моя, ты тоже ушла к Богу, ты не вынесла горя, поэтому Всевышний накинул тебе на шею веревку… Это Он сделал, а не ты, ведь Он хотел забрать тебя к себе, но епископ… – в голосе зазвенела ненависть, – епископ сказал: "Не может лежать в освященной земле! НЕ МОЖЕТ ЛЕЖАТЬ В ОСВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛЕ!" – Крик перешел в глухие рыдания, и пастор прижался лбом к волосам Бигги. Рука с ножом дернулась и опустилась, но саамка опять посмотрела на Томаса и не сдвинулась с места. Пастор успокоился, поднял голову и злобно проговорил: – Господь указал мне, куда идти, чтобы утолить жажду мести. Там, в библиотеке у королевского недруга, я нашел книгу Всевышнего, книгу Возмездия! И я получил книгу, но… – пастор хитро посмотрел на Томаса, – я пообещал никому не называть его имени, даже под самыми страшными пытками. Ни о чем не говорить! – И он торжественно, словно ребенок, поднял руку. – Я поклялся именем Всевышнего!

– Как вы узнали, что граф следит за вами? Возможно, он не…

– Он повсюду следовал за мной, – пастор резко перебил Томаса, – в Рибе он наблюдал за мной из окна, а на рынке не отставал ни на шаг. А когда я оборачивался, он тут же прятался. И здесь он вновь объявился…

– И тогда вы обыскали его комнату, верно? – осторожно уточнил Томас.

Пастор замолчал и, крепче вцепившись в Бигги, быстро посмотрел на дверь, а после перевел взгляд на Томаса. "Он решил сбежать, а ее забрать с собой как заложницу! – осенило меня. – Томас должен что-то предпринять!" Я стиснул пистолет. Профессор молчал, понуро опустив голову. Парик сполз, отчего Томас выглядел разбитым, побежденным.

– Зачем… почему священ… почему вы поступили так с Марией? Зачем заставили ее страдать? – услышал я будто вдалеке свой собственный дрожащий голос. Я старался побороть рыдания, преодолеть отвращение и бессилие, – зачем вы… изуродовали ее лицо?

Пастор посмотрел на меня, словно удивившись моему присутствию. Лицо его исказилось гримасой отвращения.

– Она всуе упоминала имя Господне! Блудница, она погрязла в грехе и пороках! Господь сказал: "Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну"[30]. Я помог этой блуднице обрести спасение.

Кто-то тихо застонал, но стон этот тут же потонул в завывании ветра, так что никто его не услышал, пока стон не перерос в дикий рёв, и Тённесен с силой, которой позавидовал бы взбесившийся бык, запустил в пастора пивной кружкой.

– ТЫ УБИЛ МАРИЮ!

Кружка угодила пастору прямо в висок, священник отшатнулся и, ударившись израненной спиной о стол, закричал от боли.

– ТЫ УБИЛ МОЮ МАРИЮ! ДЬЯВОЛОВО ОТРОДЬЕ! ПРОКЛЯТЫЙ САТАНА! ДА Я СЕЙЧАС!.. – И Тённесен рванулся к священнику, но споткнулся о стул. Пастор почти повалился на колени трактирщицы. Фон Хамборк с силой оттолкнул его и поспешил увести супругу подальше в угол, а сам встал, прикрывая ее. Наконец Якоб Фриш поднялся на ноги и доковылял до двери, явно намереваясь сбежать. Альберт рванулся было к нему, но Томас запротестовал:

– Не надо, Альберт! У него при себе нож! – и устало добавил: – Уже достаточно пролито здесь крови невинных. Пусть уходит.

Пастор открыл дверь, и ворвавшийся в харчевню ледяной ветер задул несколько свечей у порога. От ветра ряса за спиной Якоба Фриша раздулась, словно парус, а лицо залепили снежинки. Он повернулся и открыл рот, словно собирался что-то сказать. На миг мне показалось, будто его темные глаза молили о… понимании. Или о прощении? А затем священника поглотила мгла. Он так ничего и не сказал.

Глава 40

Томас прикрыл дверь, прижался лбом к окну и долго вглядывался в темноту – пристально, словно желая убедиться, что пастор ушел навсегда. Затем повернулся и, грустно оглядев нас, стянул с головы парик.

– *Acta est fabula*![31] – устало проговорил он и растерянно опустил взгляд.

Мы молчали.

Томас сел на стул и закрыл лицо руками. Альберт упал на колени подле Бигги и, приобняв ее, осторожно провел рукой по шее, проверяя, не ранена ли она. Тённесен тяжело дышал, опираясь одновременно на опрокинутый стул и стол, и не отводил глаз от двери.

Внезапно мне подумалось, что священник захочет украсть лошадь – возможно, того здоровенного ютландского жеребца, – и улизнет. Томас должен действовать!

– Две минуты! – послышался вдруг негромкий вскрик, и я в ужасе взглянул на трактирщика. Тот по-прежнему стоял в углу, обняв супругу и испуганно глядя на часы.

Я обернулся. Длинная стрелка миновала цифру “пятьдесят пять” и приближалась к шестидесяти. А маленькая стрелка практически достигла двенадцати. Мое сердце почти остановилось, и у меня перехватило дыхание. Судный день – он наступил!

Томас поднял голову и огляделся. Тённесен с грохотом поставил свой стул и шумно уселся на него, от ужаса широко раскрыв глаза и разинув рот. С его губ сорвался жалобный стон. Трактирщица подвела своего супруга к ближайшему стулу и заботливо встала рядом, а фон Хамборк опустился на стул, не сводя глаз с циферблата. Мы все смотрели на часы, даже Альберт, но, судя по его взгляду, он и сам толком не понимал зачем.

Неугомонное тиканье будто стало настойчивее, и, пока стрелки переползали последнюю белую полоску, мы все затаили дыхание. Медленно, едва заметными рывками, стрелка передвинулась к краю большой цифры “шестьдесят”, приближаясь к самому верху. Казалось, даже ветер, ни разу не смолкавший весь вечер, стих и прислушивался.

Голова моя опустела. Ровное тиканье заполнило собой всё – голову, тело, комнату. Всё. Кроме часов, в мире ничего больше не существовало. Лишь часы и предрешенность, страх перед концом времени.

Я смотрел на стрелку, а передо мной мелькали картинки: вот ветер тихонько колышет простыни, и те зовут меня: “Иди сюда! Иди! И увидишь, что мы скрываем!” Одна за другой простыни начали отодвигаться, и меня поглотила белая живая колышущаяся масса, она липла ко мне и кричала: “Смотри же! Пойдем – и ты всё увидишь!” Она толкала меня вперед, к последней простыне, за которой вырисовывалась темная фигура. Я медлил, мне не

хотелось туда, но она надвигалась, я уже мог разглядеть светлые волосы… Поднять… Надо поднять…

Я закричал, но мой крик потонул в звучном бое часов, и видение растаяло.

Бом! Бом! Бом! Бом! Бом!

Не в силах шевельнуться, каждый из нас пересчитывал удары: Семь! Восемь! Девять! Десять! Одиннадцать! ДВЕНАДЦАТЬ! Последний удар заполнил мою голову и эхом отразился от стены, а я, боясь вздохнуть, смотрел в окно.

Ничего не происходило. Ничего. Ни огня. Ни херувимов. Та же кромешная тьма, прежние морозные цветы на окнах – прекрасные и холодные. Тот же завывающий ветер. Ничего не изменилось. Все мы медленно вздохнули.

Не знаю, кто начал первым, но все вдруг разразились радостными криками, посылая в окно свои торжествующие взгляды. Мы больше не боялись. Буря – это только буря. Ей нас не сломать. Ее мы выдержим. Мы ВСЁ выдержим!

От нашей радости, улыбок и смеха в харчевне словно стало светлее. Вскочив, я совсем позабыл про пистолет, и тот со стуком упал на пол. Я испуганно ждал выстрела, но его не последовало, и я подбежал к Томасу и восхищенно хлопнул его по плечу. Профессор слегка улыбнулся. Я схватил его руку и попытался что-то сказать, но слова застряли в горле, и я с глупой улыбкой опять уселся на стул. К профессору подошел фон Хамборк – он тоже крепко пожал ему руку и, растерянно улыбнувшись, сдавленно пробормотал: "Спасибо", – после чего вернулся к супруге и безжизненной тряпичной куклой опустился на стул рядом с ней. Трактирщица погладила мужа по голове и, широко улыбаясь, прошла на кухню, где поставила на огонь большой котел. Дожидаясь, пока вода закипит, хозяйка разлила всем пива и по рюмке водки, непрестанно поглядывая на супруга, чтобы убедиться, что с ним ничего не случилось. В ответ фон Хамборк улыбался ей – такая всепоглощающая забота явно смущала его.

Бигги встала и тоже удалилась на кухню помочь хозяйке. Они тихо переговаривались, и трактирщица хихикала, совсем как юная девушка.

Из кухни госпожа фон Хамборк вынесла чашку горячего дымящегося чая и поставила перед супругом.

– Что это?! – изумленно спросил фон Хамборк, недоверчиво принюхиваясь.

– Это чай, он придаст тебе силы… чтобы успешно пережить наступивший год. – И, усевшись на колени к супругу, госпожа фон Хамборк поцеловала его в лоб. – Ради меня! Выпей его ради меня!

Трактирщик, подув, осторожно отпил из чашки. Видимо, на вкус чай оказался вполне сносным, и он сделал еще несколько глотков.

Томас тихо усмехнулся и подмигнул Бигги.

– А что, если священник взял лошадь и добрался до жилья? – такой исход не давал мне покоя.

Томас посмотрел на меня, потом перевел взгляд на дверь и ответил:

– Альберт навесил на дверь конюшни замок. Всё заперто. Если пастор и сможет куда-нибудь зайти, то только сюда. – И профессор кивнул на дверь в коридоре: – Я, видишь ли, вовсе не был уверен, что заставлю его сознаться в убийстве. И если бы мне это не удалось, то отпустил бы его на все четыре стороны и передал его жизнь в руки Божьи. Поэтому я попросил Альберта всё запереть… – Томас с сожалением посмотрел в сторону кухни, где трактирщица с Бигги шутили и смеялись. – Я и не предполагал, что он примется кому-нибудь угрожать… В его возрасте, раненный…

Мы взглянули на Тённесена – повалившись на стол и не выпуская из рук кружки с пивом, тот спал, широко разинув рот и обнажив черные гнилые зубы. С теплом в голосе Томас проговорил:

– И вот кто оказался нашим спасителем! Правда, с благодарностью придется подождать до завтра. – Он засмеялся и отхлебнул пива.

Сзади послышались шаги, Альберт с шумом уселся на скамью и положил на стол пасторскую Библию.

– Так мы и не узнаем, где он раздобыл эту мерзость, – проговорил конюх, подвинув книгу к профессору.

Томас погладил немецкие буквы на переплете.

– Нам это уже известно. Пастор столько рассказал, что обо всем остальном нетрудно догадаться.

Он полистал книгу, а затем открыл на последней странице.

– Это старая католическая Библия, но не на латыни, а на немецком. Роскошная вещь. Она могла принадлежать монастырю или передаваться по наследству в каком-нибудь княжеском роде. Вот здесь написаны цифры MDLIX[32] и слова “Михельсбергский монастырь”. Если мне не изменяет память, именно так называется доминиканский монастырь неподалеку от Гейдельберга. В свое время этот монастырь прославился рукописными книгами, и некоторые из них перевели на немецкий, что для того времени было в новинку. Эти тома нередко украшали удивительной красоты…

Я сильно закашлялся, Томас озадаченно посмотрел на меня. Потом уныло потер подбородок.

– Итак, видимо, я не ошибусь, если скажу, что книга принадлежала нашему юному соседу герцогу Готторпскому. Когда я высказал такое предположение, пастор не стал отрицать. К тому же если выстраивать логическую связь, то лучшего объяснения не придумаешь.

Трактирщик встал и подошел поближе.

– Думаю, – задумчиво продолжал Томас, – события развивались следующим образом: пастор Фриш, потеряв семью, осиротел, и лишь ненависть поддерживала в нем жизнь. Во всех постигших его семью несчастьях он обвинял короля, которому и решил отомстить. Однако в одиночку такой замысел не осуществить, и пастору понадобилась помощь. Итак, кто же мог поддержать такое отчаянное и противозаконное дело? Ответ напрашивается сам собой: даже здесь, в южной Ютландии, всем и каждому известно, как люто и неистово ненавидели датскую королевскую семью герцоги Готторпские, на протяжении поколений подогревавшие свою ненависть. Рассказав герцогу о своих замыслах, пастор Фриш заручился полной поддержкой готторпского правителя. Нам и самим довелось понять, насколько красноречивыми бывают пасторы, а герцога едва ли пришлось долго убеждать. Руками пастора герцог хотел поднять в Дании смуту, причем без особой опасности для себя. Герцог Фредерик Кристиан прекрасно понимал, что, если молодого короля убьют, новый наследник престола отыщется не сразу. Начнется борьба за корону, и страна на долгие месяцы останется без правителя – такова уж слабая сторона единовластного правления. И в этом случае герцогу с его шведским свекром – королем Карлом – проще будет воевать против датской армии. – Томас аккуратно закрыл Библию. – Полагаю, что все закончилось бы нападением.

– Но зачем, – поинтересовался трактирщик, отхлебнув чаю, – этому графу д’Анжели, который, по вашим словам, вовсе не был графом, зачем ему понадобилось убивать пастора?

– Это и есть самый сложный вопрос, на который я не нахожу однозначного ответа и который не нарушал бы логических умозаключений. Здесь мне остается лишь

догадываться, – глубокомысленно ответил Томас и потянулся к жилетной пуговице, – очевидно, граф и герцог были знакомы, и, тем не менее, граф намеревался разрушить герцогский замысел. Как он сам сказал… э-хм… Марии, он хотел "отрубить одну из длинных рук герцога", – профессор мельком взглянул в сторону кухни, мимо трактирщицы, – граф даже не скрывал своей симпатии к герцогу, и, насколько я успел узнать графа, герцога это характеризует не с самой лучшей стороны. И тогда тем более удивительно, что д'Анжели действовал против герцога.

Томас отхлебнул пива и пустился в дальнейшие рассуждения:

– Смею предположить, что граф получил деньги от некоего фон Бергхольца, герцогского врага, которому стало известно о кознях герцога. Возможно, это купец из Любека или Гамбурга – судя по тому, что вы, фон Хамборк, нам рассказали. Кто-то, кто собирался извлечь выгоду, разрушив герцогский замысел. Таково мое первое предположение, которое мне самому кажется наиболее вероятным. Другое – более надуманное предположение, но не будем исключать и его… – Томас огляделся, словно засомневавшись вдруг, что подобные мысли уместно высказывать при собравшихся. – Мне известно, что короли – как новый, так и прежний – всегда пытались внедрить в герцогскую свиту осведомителей или, если угодно, шпионов, – чтобы предотвратить поползновения герцога. Однако дело это непростое: герцог по натуре своей подозрителен и окружает себя в основном немцами и шведами. Но, несмотря на это, не стоит исключать, что сейчас в его ближайшее окружение затесался осведомитель, который что-то разнюхал о кознях пастора и герцога и отправил весточку в Данию. Ведь кто-то здесь поручил графу убить пастора и сорвать герцогские планы… Независимо от того, какое из этих двух предположений верное, мне не дает покоя один вопрос. А именно… – он на миг умолк, а по лбу у него пролегла глубокая морщина, – как в вещах графа оказалось шведское ружье? Этот факт наголову разбивает все мои теории. Хотя с другой стороны, – профессор сконфуженно улыбнулся, – ученым порой приходится довольствоваться недоказанными теориями. И это вовсе не означает, что они неверные.

Он умолк. Мы тоже молчали – версии лучше ни у кого из нас не имелось.

– И зачем только граф хранил при себе расписку, – спросил я наконец, – ведь она могла бы его выдать?

– Да, – согласился Томас, – возможно. Думаю, из осторожности. Капитан Риго понимал, что его заказчик, этот фон Бергхольц, впоследствии сможет обвинить его в краже и попытается вернуть деньги. И в этом случае лучше иметь при себе доказательство, что деньги получены законно. Возможно также, капитан сохранил расписку, чтобы позже потребовать еще денег. А откажись фон Бергхольц платить, Риго пошел бы на шантаж и принялся бы угрожать, что покажет расписку, например, герцогу и донесет тому, почему сорвался план нападения на короля. Возможно, фон Бергхольц не желал огласки и не хотел, чтобы кто-то узнал, что за убийством пастора стоит именно он. По этой причине Риго потребовал расписку, с которой потом не расставался. Однако здесь нам, конечно, остается лишь догадываться, – Томас пожал плечами, словно извиняясь, – но вряд ли мы когда-нибудь докопаемся до истины. Естественно, когда мы доберемся до Рибе, я постараюсь выяснить, кто такой этот фон Бергхольц, но едва ли мы получим ответ на все вопросы.

Мы надолго замолчали, вдыхая доносящийся из кухни запах горячего супа.

Тишина прячется в стенах, давящая, всепоглощающая. Даже моя одышка становится частью этой тишины, мое дыхание тонет в тишине. Хорошо, что я лежу в постели – уж слишком велико желание встать и пройтись по комнате, нарушить молчание, привлечь внимание князя, заставить его говорить. А так я могу тихо лежать и наблюдать за ним. Прочитав последнюю страницу рукописи, князь Реджинальд долго молчал, устремив в пространство невидящий взгляд. А затем ухватился было за пуговицу, но тут же выпустил ее

из рук, словно обжегшись. Я улыбнулся. Даже спустя много лет после собственной смерти Томас Буберг продолжает совершенно удивительным образом завоевывать человеческие души. Он никогда не умрет, – думаю я, плотнее прижимая к ногам грелку.

Внезапно князь вскочил и направился к двери, но у порога остановился и, наградив меня недоумевающим взглядом, кивнул и махнул рукой, очевидно, желая сказать, что скоро вернется.

Да что с ним такое?

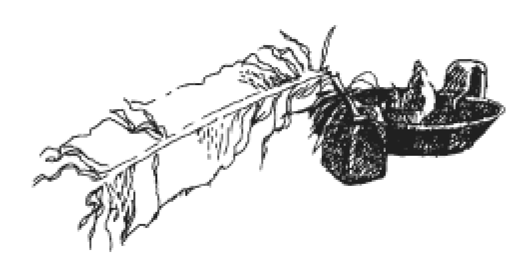
Мне хочется спать. В последнее время я работал дни напролет и сейчас, закончив повествование, чувствую притаившуюся в суставах усталость. Я, как говорится, устал до мозга костей.

И, тем не менее, я ощущаю облегчение. Укладываясь спать, я иду навстречу ночи с открытым сердцем. Воспоминания о том, что я увидел в прачечной, уже давно не тревожили меня.

Однако зима еще не закончилась, и душа моя ищет успокоения. Думаю, мне уже не дождаться весны. Но меня это не волнует. В моей жизни было немало вёсен. Я устал.

Я вспоминаю последние исписанные страницы.

ЯНУАРИУС, ПЕРВОЕ ЧИСЛО, ПОНЕДЕЛЬНИК. И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДНИ
ГОД ГОСПОДЕНЬ 1700

Глава 41

На следующее утро, в первый день нового столетия, нас разбудили лучи яркого солнца – они буквально слепили нас, а их жар проникал до самого сердца. Погода словно извинялась за ужасное ненастье минувших дней.

Целое утро Томас вел себя как-то торжественно – улыбался и держался отстраненно. За завтраком он попросил налить всем водки и важно поднял бокал:

– Я желаю произнести тост!

Мы прекратили жевать и понимающе улыбнулись, ожидая, что же он скажет.

– В этот самый день, ровно шестьдесят два года назад, родился один из величайших датских ученых.

Я подметил, как остальные растерянно переглянулись, и рассмеялся про себя. Видимо, Томас становился для меня предсказуемым, потому что сам я ничуть не удивился.

– Давайте выпьем за Нильса Стенсена, который, к сожалению, уже покинул наш мир, но успел немало совершить за отведенную ему жизнь. За Нильса Стенсена!

Мы выпили, отставили рюмки и с возросшим аппетитом вернулись к трапезе.

Немного погодя тем же утром мне велели оставаться в доме, а Томас с Альбертом запрягли в сани большого ютландского жеребца и выехали за ворота. Однако вскоре вернулись, обнаружив священника всего в двадцати локтях от ворот. По словам Томаса, закоченевшее тело пастора запорошило снегом, он лежал, открыв глаза и устремив невидящий взгляд в синее небо. В руке он сжимал нож.

В его кармане Томас нашел письмо, написанное Хансом Нильсеном Сёрбю, епископом Рибе, и адресованное Его Королевскому Величеству. Томас сказал, что само письмо интереса не представляло, но вот епископская печать его заинтересовала.

Прошло еще два дня, в лучах солнца снег подтаял, так что мы смогли двинуться дальше на запад. Мы долго и бурно прощались с хозяйской четой, Альбертом и Бигги и наконец тронулись в путь. Палач Густаф Тённесен покинул постоялый двор тем же утром, но на рассвете, когда все еще спали, и я подумал, что так оно вышло даже лучше.

В Рибе мы заехали к епископу и показали тому найденное при пасторе письмо. Конечно же, печать оказалась поддельной, – епископ подобных писем не писал, хотя пастор навещал его незадолго до Рождества. Якоб Фриш отказался от прихода в Хиндрупе и собирался переехать в Шелланд, к сестре, – рассказал епископ, с прискорбием сложив пухлые белые руки, – о да, такая печальная судьба.

Томас поинтересовался, где похоронены тела пасторской дочери и его супруги, и изъявил желание посетить их могилы. Епископ подозрительно посмотрел на профессора. Нет, где похоронены тела, он не знает, но точно не в освященной земле, потому что обе женщины умерли, наложив на себя руки.

– Но разве пастор Фриш не просил разрешения похоронить дочь и жену в освященной земле? Ведь они перенесли страшные муки и вряд ли покончили с жизнью, сохраняя трезвость рассудка.

Лицо епископа превратилось в суровую маску: да, он получал подобные прошения, но не видел причин поощрять тех, кто отвергает законы Бога или короля. Ведь король в своем обращении к служителям церкви ясно сказал: “Не хороните и не читайте заупокойную над тем, кто намеренно лишил себя жизни”.

Я заметил, как Томас поджал губы и пробормотал – достаточно громко, чтобы услышал епископ, – что и епископам не воспрещается прислушиваться к своему сердцу и думать головой. Полные щеки епископа заалели. Нас почти выставили за дверь, а епископ кричал нам вслед, что никто, НИКТО не смеет попирать ногами дар Божий, никому не дозволено отнимать жизнь – ни свою, ни чужую…

Мы стояли на улице, а крики по-прежнему не умолкали.

Позже мы зашли на постоялый двор, где жил капитан Риго, а потом – в пансионат напротив, где снимал комнаты пастор Фриш. Хозяин пансионата рассказал, что капитан подолгу не покидал своей комнаты, – туда ему подавали еду и вино. И что он вечно сидел у окошка и смотрел на улицу.

Томас покивал, после чего мы спустились в трактир и заказали лучшее вино, какое только нашлось в погребке, а хозяйская дочь подала нам горячую – с пылу с жару – куриную похлебку, и мы подняли бокалы за разгадку, которую, похоже, наконец отыскали. Судя по письму с поддельной епископской печатью, пастор собирался проникнуть во дворец, добившись королевской аудиенции, и убить короля спрятанным в Библии ножом.

– Планам безумца, – резюмировал Томас, – не суждено сбываться.

А накануне вечером Томасу Бубергу пришлось пустить в ход все свое красноречие и обходительность, чтобы задобрить ландграфа Ханса Шака из Шакенборга: тот никак не мог взять в толк, почему вдруг небольшая вьюга и какая-то снежная буря нарушили все его планы и помешали нам встретить Новый год у него в Корсбрёдрегордене.

И Томас вновь подробно рассказал о том, что произошло на постоялом дворе, – на этот раз ландграфу и его гостям. Повествование получилось таким живым, что позже тем же вечером ландграф, приняв немного на грудь, заявил, что предложит королю представить Томаса к награде за его благодетельные поступки. Но, похоже, уже на следующий день

забыл о собственных намерениях. И хорошо, что о подобных глупостях никто не вспомнил. Так сказал сам Томас. Тем же вечером профессор поинтересовался у ландграфа, не слышал ли тот о Вернере фон Бергхольце. Нет, для Ханса Шака это имя оказалось незнакомым, зато один из гостей, некий барон, тут же сообщил, что о фон Бергхольце он слышал, и, по его словам, этот авантюрист довольно выгодно приторговывал землями, принадлежащими Гольштейн-Готторпскому княжеству.

Все присутствующие единодушно решили, что история это скверная и что не к лицу истинному дворянину, даже если у того туго с деньгами, продавать княжеские земли кому ни попадя.

Этим мы и ограничились: ответ был если и не ясным, то довольно очевидным.

А вот мысли об убийстве, пусть и раскрытом, постоянно тревожили меня, я никак не мог выбросить их из головы, хотя профессора они, похоже, нимало не тревожили. На протяжении последних дней я несколько раз порывался спросить его, но не знал, как задать вопрос. И сейчас, дожидаясь, когда нам принесут еду, я отважился:

– Трактирщица… то есть госпожа фон Хамборк… Она… в таком положении…

Профессор выжидающе посмотрел на меня.

– Как же она… ну… то есть, когда трактирщик, ее муж, обо всем догадается, он же не… она сама сказала, что они уже много лет не… – я беспомощно замолчал, – трактирщик же поймет, что это не его ребенок! – выпалил я, сердито глядя на Томаса. Мог бы и сам сообразить и не мучить меня.

Профессор расхохотался и поднял бокал:

– Давай, дорогой мой Петтер, выпьем за пополнение в семействе фон Хамборк, а уж после я развею все твои тревоги!

Мы чокнулись и пригубили красного вина – мне оно показалось кисловатым, но Томас одобрительно кивнул и допил до дна. Отставив бокал, профессор собрался с духом и пустился в объяснения:

– Как ты помнишь, Бигги довела трактирщицу до комнаты и уложила в кровать – тогда она и заподозрила неладное. И мы с Бигги договорились помочь госпоже фон Хамборк в этой непростой ситуации. Сперва ее супруг отведал особого чаю. Ты и сам видел, как в новогодний вечер трактирщица принесла ему чашку. Для восстановления мужской мощи следует трижды в день принимать настой растолченного корня ятрышника. Листья же ятрышника нужно размять в вязкую кашицу, которой смазывают мошонку, чтобы пробудить к жизни дремлющие в ней силы. И, наконец, нужно замочить в воде семена черной белены и подождать, пока они не набухнут, а потом смешать с чесноком и маслом и смазать получившейся смесью тайную мужскую мышцу, когда женщине – то есть трактирщице – захочется, чтобы… мышца ожила… – Томас добродушно улыбнулся. – По-моему, Бигги на славу удалось это ведьминское зелье. Ты же заметил, как супруги фон Хамборг лучились от счастья на следующее утро.

Томас умолк – у стола появилась дочка трактирщика с куриной похлебкой. Мы благодарно кивнули девушке, и профессор продолжал рассказывать:

– Когда месяцев через восемь Герта фон Хамборк родит трактирщику сына или дочь, он будет вне себя от счастья. Ему и в голову не придет подсчитывать дни, и он ни на секунду не усомнится, что ребенок – от него. Он доживет до конца своих дней в уверенности, что это дитя – плоть от плоти его, и что они с супругой зачали ребенка в канун нового года, ставший для них первой брачной ночью. – Томас подцепил ложкой кусочек курятины и положил в рот. – М-мм, – довольно промычал он, с благодарностью кивнув девушке, и вдруг озабоченно нахмурился. – А вот судьба Бигги меня тревожит. Что станется с ней?

И тут наконец настал мой черед рассказать о том, что ускользнуло от профессорских глаз:

– С ней все будет хорошо. Альберт ее никуда не отпустит, да и хозяйке, похоже, хотелось, чтобы Бигги осталась. А трактирщику, видимо, придется смириться с ведьмой в доме.

– Да уж, нашему маленькому трактирщику это пойдет на пользу, – рассмеялся Томас.

– Помните, как Бигги ходила к духам? Когда она задала им вопрос и узнала, что… – у меня сдавило горло, – что Мария умрет? – Томас кивнул. – Перед отъездом я спросил у нее, какой вопрос она задала духам, – я улыбнулся, – Бигги спрашивала у них, останется ли она на постоялом дворе, вместе с Альбертом. И духи ответили "да".

Томас усмехнулся и долил в бокалы вина. Я осторожно пригубил – по-прежнему кислое.

– А теперь можно вас опять называть профессором?

Томас недоуменно воззрился на меня:

– Ты о чем? – но вспомнил вдруг внезапный приступ ярости, охватившей его в тот вечер, когда Альберт сознался в убийстве, которого не совершал, и широко улыбнулся: – Да, теперь меня вновь можно называть профессором.

Мы надолго умолкли, с наслаждением поедая курицу. Народу в харчевне прибавилось, многие пили пиво и трапезничали, стараясь хорошенько согреться, прежде чем вновь выйти на улицу, где хозяйничал колючий западный ветер. За наш стол уселись двое шкиперов с баркаса – перекидываясь в кости, они громко ругались: к западу, примерно в миле отсюда, причалило большое торговое судно, которое пора разгружать, а лед на реке такой толстый, что баркас не пройдет… Меня переполняла радость оттого, что я вновь в городе, среди людей.

– Как странно, – проговорил Томас, не отрывая взгляда от костей на столешнице, – что две противоположности вдруг становятся единым целым.

Я кивнул: и правда, странно, что судьба свела вместе Бигги и Альберта. Они родились в разных концах Земли, а судьбы у них оказались удивительно схожими.

Отодвинув пустую тарелку, Томас продолжал:

– Хотя нет, явление одно и то же… Просто проявляется по-разному и выражается разными формулами… Хм…

Я изумленно смотрел на профессора. Похоже, мы думаем не об одном и том же… Перехватив мой взгляд, Томас выпрямился:

– Видишь ли, я думаю о продолжительности календарного года и расчетах. В последнее время об этом так много говорили, что я никак не могу выкинуть это из головы.

Я улыбнулся. Если память мне не изменяла, "так много" говорил лишь он один.

– Календарный год бывает двух видов, или, скорее, есть два способа высчитать его продолжительность. Первый основывается на смене времен года, дне зимнего солнцестояния и других подобных моментах. Сторонники второго берут за основу движение определенной звезды вокруг Солнца. Однако продолжительность года в этих двух случаях получается разной – первый год длиннее второго на целых двадцать минут.

Все эти временные расчеты никак не укладывались у меня в голове, и я не понимал, к чему поднимать столько шума из-за каких-то двадцати минут.

– Странно вот что, – сердито объяснил Томас, которому определенно казалось, будто я не проявляю должного уважения к его суждениям, – основой расчетов в обоих случаях являются Земля и Солнце. Но результаты разные. Вот и выходит, что перед нами не одна истина, а две! Понял теперь?

Я неуверенно кивнул, хотя понимал лишь одно: все намного сложнее, чем кажется. Впрочем, это осознал я вскоре после знакомства с Томасом. Для него простых объяснений не существовало.

– Я веду к тому, что причиной подобного должен быть некий фактор случайности или математическая неточность. Можно ли представить, что Господь, создавший бабочку – существо совершенное, – допустил такую грубую неточность в масштабах вселенной?

Нить его рассуждений вновь начала ускользать от меня, но профессор пришел мне на помощь:

– Вспомни о Папе Григории Тринадцатом, придумавшем календарь, который со следующего месяца начнет действовать и у нас. Этот здравомыслящий и разумный человек… – Томас покачал в бокале остатки вина и вдохнул его запах, – велел отслужить восхваляющий Господа молебен *Te Deurn*, когда узнал, что в Париже католическая солдатня и прихвостни жестоко умертвили тысячи гугенотов – таких же, как родители Альберта, помнишь? – Смочив палец в вине, профессор что-то написал на столешнице, пробормотав: – Почему этот же человек повел себя хуже варвара?

Он вновь и вновь выводил одни и те же буквы, бормоча и задумчиво дергая себя за усы. Но написанные вверх ногами буквы я так и не разобрал. Я подумал про Альберта и его ужасную судьбу. Интересно, как ему сейчас, когда он обрел наконец покой и крышу над головой, а рядом волею судьбы оказалась женщина, способная понять его?

Немного погодя Томас допил вино, поднялся и расплатился с хозяином. Пора было отправляться в путь.

Натягивая плащ, я обошел стол и вгляделся в красноватые, уже подсохшие буквы на пыльной столешнице. Они гласили:

“В начале было Число, и Число было Ноль”.

Глава 42

Мышей пока нет. И князь не вернулся. Вокруг лишь тишина.

Я лежу в своей каморке, в одиночестве, и вспоминаю, как 27 июля лета Господня 1700 Томас Буберг переслал на уже знакомый нам маленький постоялый двор в Ютландии один документ. Согласно этому документу, финка Биргит Клементсдаттер из провинции Вардёхус, также называющая себя Биеггат или Бигги, более не считается приговоренной к высылке из страны. Приговор от 16 августа 1681 года теряет силу, а обвинения в колдовстве снимаются.

Томас изучил основание приговора и обнаружил в нем грубейшие ошибки: например, применение пыток до того, как обвиняемая созналась, – поэтому судьи Высокого суда, где рассматривались дела Норвегии, раздумывали недолго и приняли решение оправдать осужденную. Впоследствии Томас объяснил мне, что закон разрешает прибегать к пыткам только в тех случаях, когда виновный сознался в преступлении.

Именно поэтому Бигги можно было считать свободной.

Я вспоминаю, как, вернувшись в Копенгаген, Томас Буберг начал расследовать обстоятельства, при которых убили сына и надругались над дочерью пастора Якоба Фриша. Профессор хотел отыскать виновных в этом чудовищном злодеянии, которое спустя несколько лет повлекло за собой новую череду страшных событий.

И еще я вспоминаю письмо, что прислал мне недавно мой старый друг Иозеф Пондс, профессор теологии кафедры Святого Петра в Риме. Письмо это я прочел, улыбаясь, но с легким недовольством. Когда полжизни выслушиваешь поучения и наставления человека, которого считаешь необычайно образованным, человека, живо интересующегося новейшими исследованиями, странно признавать, что профессор Томас Буберг допустил в свое время ошибку. В письме говорится:

Мой дорогой друг,

Касательно Вашего вопроса о том, было ли число Ноль учтено при создании григорианского календаря и существует ли в нем нулевой год, могу с уверенностью ответить, что такового не существует. Каким бы естественным ни казалось подобное умозаключение, полагаю, что Григория XIII и ученых, создававших новый календарь, остановило нежелание переписывать множество дат в книгах. По моему мнению, в ближайшее время подобных изменений также не предвидится.

С почтением, Ваш верный друг Йозеф Пондс

Дверь открылась, и на пороге появился князь Реджинальд с бокалом и кувшином вина. Под мышкой у него я разглядел какие-то бумаги. Я ждал, что он подойдет и усядется возле моей кровати, но князь налил вина, положил мою рукопись поближе к свечке и пододвинул стул. Похоже, он собрался вновь перечитывать ее!

Да что с ним такое? Он, кажется, не в себе… Что-то здесь не так…

Князь подошел ко мне и с многозначительной миной на грубо вылепленном лице положил на одеяло стопку потрепанных документов, а затем, вернувшись к столу, склонился над рукописью, более не удостоив меня даже взглядом.

Я не люблю читать в постели. В постели глаза должны отдыхать, а мысли – стремиться прочь. Постель – это место для того, чтобы лежать в тепле и прислушиваться к ночным звукам и мышиному шороху. Мне не хочется трогать эти бумаги. Пусть они упадут на пол, а если этот… лоботряс желает, чтобы я ознакомился с их содержанием, пусть зачитает их вслух.

Но, судя по всему, князь Реджинальд ни на миг не может оторваться от рукописи. Значит, почитает мне завтра.

Я закрыл глаза.

И вновь открыл их. Поверх одеяла я увидел загнутый уголок документа. Бумага серая, дешевая, беднота покупает такую бумагу с лотка у коробейников. Что же князь хочет мне рассказать? Почему считает, что мне нужно прочесть это? И что это такое?

На такой грубой бумаге?

Я перевернулся на бок, и бумаги сползли с одеяла, но застряли в перильце кровати, и я увидел текст. Слов мне разобрать не удается, но вот почерк… Какой-то знакомый…

Приподнявшись, я подложил под спину подушку и схватил бумаги, заметив краем глаза, что князь ухмыльнулся. Вот лоботряс!

Я посмотрел на обложку – она оказалась грязной и заляпанной, будто побывала свидетелем многочисленных трапез. Переплетом служили четыре кожаных ремешка, похоже, отрезанных от старой рубахи.

На обложке почерком, который я узнал даже спустя десятилетия, было выведено:

Die täglichen Notizen über das Leben eines verratenen Abenteurers und Glücksritters, von Oberstleutnant Werner von Bergholz geschrieben[33].

Авантюрист и искатель приключений, которого подло предали! История жизни фон Бергхольца! Заметки – что-то похожее на дневник!

“Книга несет нам слово, повествование, мудрость, – сказал как-то Томас, – она – величайшее изобретение после огня”.

Мы сидим в моей крохотной каморке, двое взрослых мужчин, вдали от суеты замка. Мы поглощены прошлым, отброшены на поколение назад, одурманены силой слова, и разрушить его чары способно разве что землетрясение. Мы читаем так долго, что свечи съеживаются до огарков, которые вот-вот утонут в восковых лужицах.

Князь Реджинальд принес новые свечи и, стараясь не тревожить меня, заменил огарок возле моей головы. Осторожно опустился на стул и выжидающе смотрел на меня, отхлебывая вино. Наконец я перевернул последнюю страницу и растерянно поднял взгляд.

– Это всё, что есть, – сказал он.

Я перечел последние строки:

17 ноября 1705. Ночь выдалась бессонная. Кашель, подобно множеству ножей, вонзается в легкие. Попрошу хозяина прислать ко мне цирюльника. И отправить во дворец гонца. Перья мои совсем истерлись, а руки так дрожат, что перо часто ломается. Думаю, князь оценит мою историю – особенно, если я напишу ее новыми перьями…

Внизу страницы виднелась большая клякса.

– Он больше ничего не написал? – спросил я Реджинальда.

– Он умер.

Князь пододвинул стул поближе к моей кровати и принялся рассказывать.

Однажды осенью года Господня 1705 во дворец явился гонец от хозяина одного из городских постоялых дворов. Тот сообщал, что князю Вильгельму, отцу Реджинальда, возможно, небезынтересно будет послушать историю одного из постояльцев. Гонец – мальчик-слуга – рассказал, что постоялец порядком поистратился, и его вот-вот выставят за дверь. Мальчик также принес князю письмо от постояльца. Ознакомившись с письмом, князь Вильгельм отправился в город и встретился с этим незнакомцем.

– О чем было письмо? – перебил я Реджинальда.

– Не знаю. В библиотеке я его не нашел.

Однако старый князь и обнищавший фон Бергхольц – а это конечно же был он – договорились, что князь расплатится за его проживание на постоялом дворе в обмен на дневник фон Бергхольца.

– Но почему? Зачем вашему батюшке понадобился этот дневник?

– Я и сам точно не знаю. Отец никогда об этом не рассказывал. Но я порасспросил старого Тобиаса, который тогда прислуживал батюшке, и Тобиас вспомнил эту историю. По его словам, отец решил облагодетельствовать фон Бергхольца, потому что тот полагал, будто власти герцогства его преследуют. Возможно, батюшка надеялся что-нибудь узнать об украденных книгах. Не знаю. А может статься, простое любопытство – ведь этот авантюрист и правда прожил бурную жизнь скитальца.

Князь Реджинальд отхлебнул вина и посмотрел на меня поверх бокала.

– Возможно, ему просто хотелось подразнить новых правителей – это очень в отцовском духе. К тому же он понимал, что фон Бергхольц болен и ему недолго оставалось на этом свете. Во всяком случае, фон Бергхольц тут же начал работать над заметками, стараясь сделать их более или менее связными.

Меня осенило:

– Библия с оружием внутри, Книга мести, как называл ее пастор Фриш, – не была ли и она среди тех книг, что украли из вашей дворцовой библиотеки?

– Нет, – улыбнулся князь Реджинальд, – но такая мысль приходила мне в голову, поэтому я тщательно изучил письма и записки прадеда, относящиеся к этому делу. О Библии он ни слова не упоминает.

– Ваш батюшка читал рукопись фон Бергхольца?

– Это мне неизвестно. Как я сказал, отец никогда о ней не вспоминал. Я обнаружил ее много лет назад, когда юнцом как-то раз пробрался в библиотеку ночью, втайне от отца.

– Что-что?! Но зачем? Ведь мы изо всех сил старались засадить вас за книги и заставляли слезть с лошади!

– Вот именно, – с улыбкой согласился князь, – поэтому я и скрывал это от вас. Это было моей тайной. Читать тайком намного занятнее. А днем чтение нагоняло скуку. С наступлением ночи, когда все вы засыпали, библиотека и книги словно оживали, превращались в другой мир.

Я вздохнул. Сколько же волос у меня поседело совершенно напрасно?!

– В одном из шкафов я отыскал эту потрепанную, незаконченную рукопись и прочел ее за одну ночь. Этот человек и его идеи привели меня в восхищение, но я быстро забыл о нем. И вспомнил вновь, лишь прочитав вашу историю.

Я долго испытующе смотрел на этого лоботряса – так долго, что он смущенно отвел глаза. Я кашлянул и кивнул в сторону письменного стола:

– В ящике лежат последние страницы рукописи и письмо от Пондса.

– Как! Там еще что-то есть?!

– Совсем немного.

Он вытаскивает бумаги и погружается в чтение, а я просматриваю отдельные листы рукописи фон Бергхольца – те, которые показались мне самыми интересными, где упомянуты события, связанные с моей собственной историей.

Во-первых, конец лета Господнего года 1698:

…Герцог постоянно вынашивает военные планы по расширению владений: он затеял грандиозное строительство во дворце – приказал снести старую башню и хочет надстроить над южным флигелем еще два яруса и увенчать его огромным куполом. Под конец длина здания увеличится до 212 локтей. Поэтому ссуды князя растут. Для меня это выгодно – я предпочитаю пускать средства в оборот, а не держать их мертвым грузом в банке. Постепенно я получил право арендатора на большей части герцогства, благодаря чему взял бразды правления в свои руки. Цель достигнута. Герцог по-прежнему мой господин по статусу, однако в управлении страной он настолько недальновиден и пуст, что я без зазрения совести разрабатываю собственные планы о будущем государства, вводя его в курс дела только в исключительных случаях, когда закон требует герцогского согласия и подтверждения. Разумеется, из-за этого я нажил себе врагов. Самый непримиримый из них – Георг Генрих фон Гёртц, герцогский советник по международным делам. Впрочем, думаю, что мой подчиненный Кристиан Август, на которого герцог возлагает такие большие надежды, тоже с радостью увидит мое падение.

В том же году фон Бергхольц пишет:

…Я обратился к властям голландских и французских городов и рассказал им о своих планах постройки новых портовых городов на западном побережье. Эти идеи показались им заслуживающими внимания, как и планы строительства дорог в герцогстве, постройки канала через шлезвигские земли и плотины до Нордстранта и Сюльта. Все это радует меня и наполняет воодушевлением. Колонистам следует дать возможность застроить пустынные территории на материке и островах. Надеюсь, это отпугнет секту фанатиков, заселивших Нордстрант. Герцог запретил мне выгонять их.

В ноябре года Господня 1699 он пишет:

…священник, который хочет убить датского короля. Герцог без моего ведома дал ему старую Библию, в которой спрятано оружие, и снабдил деньгами на дорогу до Копенгагена. Герцог также дал этому пастору поддельное письмо датскому королю якобы от епископа в Рибе. По-моему, это безумный план, который обречен на провал и, когда священника разоблачат и король выяснит, что за покушением стоит герцог, наши отношения с Датским

королевством значительно ухудшатся. Все мои усилия, направленные на укрепление мира с соседями, пойдут прахом, как и мечты о герцогстве. Этот план приведет к войнам и опустошению, а мои идеи так и останутся увековеченными лишь в черновиках, и мне никогда не воплотить их в жизнь. А этого я допустить не могу! Герцога я достаточно хорошо изучил: он не пожелает остановить пастора. И хотя я доказал ему всю дикость этого плана, гордость и упрямство мешают ему пойти дальше. Я должен что-то придумать, втайне от других, и довериться лишь тому, на кого возложу миссию остановить пастора.

…Капитан наёмных кавалеристов, француз Жюль Риго – особа неприятная, но он необычайно проворен, и для осуществления моего замысла я вовсе не должен его любить.

Круг замкнулся. Теперь, спустя четыре десятилетия после того, как Томас пытался распутать последние ниточки в этом клубке, все стало ясно. Жаль только, что профессору об этом не узнать. Хотя все его догадки относительно личности фон Бергхольца оказались неверными, я не сомневаюсь, что он бы дорого дал, чтобы узнать последние подробности.

Сейчас я даже понимаю, откуда взялось шведское оружие: именно Швеция была для герцогства поставщиком оружия и солдат. Нам и в голову не приходило, что графа послал один из верных придворных и ближайших соратников герцога.

…Я заплатил круглую сумму, чтобы он отыскал пастора по пути в Копенгаген. Капитан должен убить его, стереть с лица земли. Когда пастор умрет, то Риго привезет мне Библию, и я заплачу ему еще столько же. А Библия вернется в библиотеку, словно ее никто оттуда не брал.

Я поднял глаза. Князь дочитал рукопись и потерянно озирался в отблесках свечи. Я пролистал вперед, до 1702 года.

…Мы получили известие, что герцог Фредерик Кристиан пал в битве при Клиссове…

Это событие в корне изменило жизнь фон Бергхольца, который к тому моменту почти полностью прибрал к рукам власть. Вскоре ему предстояло познать горечь падения. Вдова герцога, шведская принцесса Хедевиг София, стала регентом при его двухлетнем сыне. Переехав в Стокгольм, она возложила финансы герцогства на Георга Генриха фон Гёрца, а бразды правления передала Кристиану Августу. Фон Бергхольц остался ни с чем, но принялся бороться: ему хотелось вернуть если не власть, то хотя бы деньги. Однако ни первого, ни второго он не получил. Спустя два года он покинул Голынтейн-Готторпское герцогство, а по пятам за ним следовал взвод солдат, которые имели право заколоть или пристрелить фон Бергхольца, если тому вздумается оказать сопротивление. Он обеднел, и из всех богатств у него осталась лишь гордость. И кашель.

Фон Бергхольц бежал на юг, в княжество, где, как он знал, до него не доберутся гольштейн-готторпские солдаты, – то есть к князю Вильгельму.

Поселившись на постоялом дворе неподалеку от княжеского замка, он начал писать воспоминания…

…чтобы люди прочли и узнали, какая несправедливость выпала на мою долю и какие бесчестные и бесстыдные правители прибрали к рукам власть в Гольштейн-Готторпском герцогстве.

Однако вскоре на его голову обрушились новые невзгоды:

…каждые три дня приступы болотной лихорадки приковывают меня к постели, я отдал последний шиллинг цирюльнику, который только и сказал, что долго мне не протянуть. Подобные известия можно сообщить и бесплатно.

Долго он не протянул. Судя по записям, Вернер фон Бергхольц прожил здесь около двух месяцев и умер в болезни, нищете и одиночестве, оставив лишь стопку потрепанных бумаг, которые вскоре затолкали в шкаф и позабыли.

До сегодняшнего дня.

Меня отвлек какой-то шорох.

Это князь Реджинальд – он вытянул сначала ногу, потом руку, а затем другую ногу. Высвобождаясь из плена мыслей, его тело ожило. Он кашлянул и повернул голову. Кустистые брови придают его грубому лицу такое выражение, будто он вечно чем-то недоволен. Перехватив мой взгляд, князь проговорил:

– Любезный профессор Хорттен! Летом, когда солнце наберет силу, мы с вами отправимся в Датское королевство, – и, глубокомысленно кивнув, добавил: – По-моему, в тех землях вы найдете, что показать мне.

Сердечно благодарю

Элизабет Арненг Варси за перевод на саамский,

Яна Энгедала за редактирование и переводы текстов на латыни и немецком,

Эву Мак-Дональд за редактирование французских текстов,

библиотеку Хорттена за ответы даже на самые безумные вопросы.

Также благодарю Туре Хагена за добрую и терпеливую критику и обогащение моего норвежского.

Конечно же, спасибо Кин – за подсказки, долгие увлекательные беседы и неугасающую веру в книгу и ее автора. Без Кин ни одно предложение в этом романе не выглядело бы так, как сейчас. И спасибо Касперу, который рассмешит даже камень.

Примечания

1

Dies irae (*лат.*) – День гнева, ветхозаветное название Судного дня – секвенция в составе католического реквиема. (*Пер. на норв. В. Вогт.*)

2

“О твердом, естественно содержащемся в твердом” (*лат.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)

3

“Введение в анатомию” (*лат.*).

4

“О христианском учении” (*лат.*).

5

“Правила для руководства ума” (*лат.*).

6

Научное общество, основанное в 1672 году профессором математики и естественных наук И. К. Струмом (университет Алторфа, Франкония).

7

Клипеус – изображение на круглом щите.

8

“Книги Священного Писания” (*нем.*).

9

Откровение, 20:12

10

Епископский канон.

11

Гигантское тело (*лат.*).

12

Почему вы не едите? (*фр.*)

13

Агнец Божий (*лат.*).

14

Змей зла предаст готическое время,
Пселлус д’Амант навеет великий холод,
До марта все умрут после дикой паники,
Спроси у чёток точный код (*фр.*).

15

Ошибки старого стиля (*лат.*).

16

Бирк – судебный округ в Дании и кое-где в Норвегии в период унии с Данией.

17

Признание – лекарство для согрешившего (*лат.*).

18

Гнома – цитата, сентенция. В сборниках Иоанна Стобея “Эклоги” и “Антологии” собраны цитаты из произведений более чем 500 античных философов, писателей, историков и ораторов.

19

Политические причины (*лат.*).

20

Письма о Новом Свете (*лат.*).

21

Золотой рог (*лат.*).

22

Софокл, “Антигона”, пер. Ф. Зелинского.

23

Форма солдат датской королевской армии.

24

Опасайся человека одной книги (*лат.*).

25

…что за деревьями бывает не видно леса (*нем.*).

26

Втор. 19:21.

27

Книга Притчей Соломоновых 21:1.

28

Исх. 20:4

29

От Матфея 5:21

30

От Матфея 5:12.

31

Пьеса сыграна! (*лат.*)

32

1559.

33

Заметки о жизни подполковника Вернера фон Бергхольца, авантюриста и искателя приключений, подло преданного. Написано им самим (*нем.*).
